

**ОПИСАННЫЕ В КНИГЕ ПЕРСОНАЖИ И СОБЫТИЯ
ВЫМЫШЛЕНЫ, ВСЕ СОВПАДЕНИЯ СЛУЧАЙНЫ**

**ГОРОДУ ПЗ
ПОСВЯЩАЕТСЯ**

**Данная книга ищет издателя
и/или
чтеца для создания аудиокниги
(с непосредственным участием автора)**

по всем вопросам обращаться:

vk.com/tashendal

kommuniaka@mail.ru

АНДРЕЙ ТАШЕНДАЛЪ

ЧАСТЬ II

ОРЁН — 2019

УДК 82-31
ББК Ш5(2=Р)64-644.5
Т 25

Андрей Ташендаль

Т 25 Катаклизм. Часть I / Фантастика, ужасы – Орёл: Издательство «Картуш», 2019. – 444 с. с илл.

ISBN 978-5-9708-0722-4

Катаклизм – загадочное явление, которое исчезло так же внезапно, как и появилось. Куда пропали те, кто так и не смог покинуть карантинное оцепление? Что за создания скрываются в заброшенном мегаполисе? Какую цену заплатили счастливики, выжившие в тех страшных событиях?

В книгу «Катаклизм. Часть I» вошли две истории: «Другой город» и «Другой лес». Первая повествует о рядовом Иване Селезнёве, преследуемом призраками прошлого даже вдали от периметра, на котором он проходил срочную службу. Вторая рассказывает о злоключениях Густава Штиля, запутавшегося в себе парня, волей судьбы угодившего в секту «Фениксы».

Удастся ли им выжить там, где погибли куда более сильные и подготовленные люди? Какие последствия Катаклизма страшнее: внешние или внутренние?... Ответы на некоторые из этих вопросов уже ждут Вас.

Добро пожаловать в Город.

**УДК 82-31
ББК Ш5(2=Р)64-644.5**

ISBN 978-5-9708-0721-7
ISBN 978-5-9708-0722-4

© А.В. Ташендаль, 2019
© А.В. Грудников, 2019

Тот, кто выигрывает войну,
никогда не перестает воевать.
Эрнест Хемингуэй. Прощай оружие!

ПРОЛОГ

уч света прожектора, словно потерявший след старый пес, медленно ползет по земле. Утратившие былую силу лапы осторожно ступают по промёрзшей земле, пусть и лениво, но внимательно исследуя каждый метр окружающего пространства. Время от времени натываясь на препятствия, зверь замирает и втягивает ноздрями стывший воздух, и неясно, ищет он отлучившегося куда-то хозяина или блуждает в поисках пропитания.

Полоса выжженной земли выровнена, вытоптана, обстреляна беспорядочным минометным огнем, и даже густая тьма декабрьской ночи не способна скрыть всё это от стороннего наблюдателя, но круг света не доверяет поверхностным ощущениям и упорно продолжает исследовать вверенный под охрану участок. Не выдержав напора света, тени недовольно расступаются — появляются здешние немногочисленные обыватели. Словно выброшенные на берег рыбы, жадно хватают воздух беззубыми ртами воронки взрывов. Камни стыдливо прячут во мрак выщербленные туши. Яростно топорщатся обрывки колючей проволоки, тщетно пытаясь отогнать от себя освещение, а

стреляные гильзы, подробно затонувшим сокровищам, интригующе поблескивают латунными боками-самоцветами, заманивая случайных путников на щедро рассаженные по всей окрестности противопехотные мины. Однако, спустя секунды, всё возвращается во мрак, тени плотнее запахивают плащи, а луч света продолжает своё безмолвное патрулирование. Ночь остаётся безмолвной.

Так продолжается целую вечность, пока круг света не натывается на нечто чужое. Прожектор тут же замирает, пораженный находкой.

– Андрюх! Андрюх, смотри! Там! На два часа!..

– Стой, кто идёт?! – эхо голосов проносится сквозь ночь, исчезая где-то вдалеке, среди многоэтажных зданий мегаполиса.

Скрюченная фигура попадает в круг света. Человеческие очертания могут ввести в заблуждение, но уже через мгновение проявляются детали: серая бугристая кожа, длинные конечности и неподдающаяся описанию моторика, свойственная скорее куклам, чем представителям расы людей. Слышится нечленораздельный стон, существо поднимает ладони к лицу, закрываясь от слепящего света прожектора, но движения не прекращает, с самоубийственным упорством направляясь к минной полосе.

– Это... человек?..

– Не знаю... Стреляем?..

Замерший на станке крупнокалиберный монстр оживает, замечая непрошеного гостя. Раструб указующим перстом смотрит на чудовище, ожидая, когда палец испуганного караульного нажмёт на гашетку.

– Что ты предлагаешь?..

Тишину ночи разрывает оглушительная пулемётная очередь. Пули с вольфрамовыми сердечниками уносятся во тьму, попутно отрывая конечности и дробя кости неизвестного безумца, решившего пересечь карантинный периметр города М.

– Пусть всё будет не напрасно... пусть всё будет... пусть...

Будильник наручных часов пищит едва слышно, напоминая попавшего в ловушку мышонка, но этого слабого звука вполне достаточно, чтобы я моментально вырвался из объятий кошмарного сновидения. Рефлексы, не разбираясь в ситуации, подбрасывают тело вверх, заставляют руки шарить в поисках формы. Кажется, до носа всё еще долетает запах сгоревшего пороха, а на краю слышимости продолжает грохотать ДШК¹. Глаза щиплет от пота, а живот сводит протяжной судорогой. Нестерпимо хочется отыскать гашетки пулемёта, цевьё автомата или ещё что-нибудь, хоть что-нибудь!.. Лишь бы было чем отмахнуться от надвигающейся из темноты твари, лишь бы заставить её замолчать, вбить в глотку эти слова, назойливо повторяющиеся в голове: «Пусть всё будет не напрасно...»

В ту ночь мы стояли в карауле на периметре. Вполне обычная смена, один из самых спокойных участков. Казалось бы, ничего не предвещало беды, но из темноты, прямо на свет прожектора, вышло одно из многочисленных порождений Города, от которых мы, собственно, и прятались за минными полосами и из-за которых торчали денно и ночью на треклятых вышках.

Образина передвигалась на двух ногах и вполне разборчиво бормотала несколько фраз, как, мать его, чертов человек!.. Но оно нихрена не было человеком... Оно родилось там, среди мрачных многоэтажек. Город слепил её из человеческой плоти, дал кусочек свежего мяса и отправил сюда, убивать людей в зелёном камуфляже, прорываться сквозь преграды на свободу, искать новые ореолы обитания, нести проказу Города дальше, к другим населённым пунктам. Мы все, даже туповатый ефрейтор Остапенко, твёрдо верили в эти постулаты. Да, брали на себя грех... Да, чёрт возьми, мы расстреливали мутировавших гражданских, тянущих к нам руки с той стороны баррикад! Засыпали землёй ямы с трупами людей и чудовищ, лишь бы они

¹ ДШК – крупнокалиберный пулемёт Дегтярёва-Шпагина образца 1938 года. Использует боеприпасы 12,7×108 мм (здесь и далее – прим. автора).

не пришли к вам в ночных кошмарах! Костями ложились у ограждений, собственными телами пытаясь замедлить распространение Катаклизма. Мы умирали и возрождались в воспоминаниях родных, пробегали ровными чернильными дорожками по бумаге: «Проявив героизм и мужество в бою, погиб...» Все! Каждый из нас, от зелёного новобранца и до высокопоставленного офицера генерального штаба, свято верили в важность возложенной на нас миссии, ну а я... Я верил во всё это ровно до той злополучной ночи.

«С чего вдруг?» – спросил бы сторонний наблюдатель. Незначительное ведь, по своей сути, событие. Наш брат был свидетелем вещам и покруче этой: в десятки раз фантастичней, экстремальней и, зачастую, фатальней. Я и сам многое видел, хоть и отслужил на тот момент всего ничего! Я видел истинное лицо Города, Богом клянусь! Смотрел в его глаза сквозь прицельную сетку! Не отводил взгляда, не поворачивался спиной, не сгибался и не показывал своего ужаса. До той ночи я был тверд, как камень... Но потом что-то изменилось... Мне стало казаться, что бредущая по выжженной земле тварь – единственное реальное существо, а все прочие окружающие создания – лишь порождения расшатанного воображения. В минуты тихого одиночества, после отбоя, лежа в окружении боевых товарищей, ко мне стали приходить недобрые мысли, что я так же однажды выйду на пулеметы... Так же буду закрывать рукой глаза, пытаюсь рассмотреть что-то за светом прожекторов и дульными вспышками... И там, во тьме своей смерти, меня ожидает встреча со старым знакомым. Он подойдет ко мне вплотную, так близко, что я смогу различить доносящийся из разорванного горла хрип... Скорее даже не хрип, а свист воздуха у горлышка бутылки, но в свисте этом я легко узнаю однажды услышанную фразу, и тогда до меня дойдёт её тайный смысл...

Порой мне кажется, что во мне что-то сломалось в ту ночь. Что-то наподобие коренного зуба, что-то... неспособное к восстановлению... Эта поврежденная часть сознания теперь всегда будет

грохотать об стенки черепа во время ходьбы, словно отломавшееся крепление внутри пластиковой машинки, дребезжащее каждый раз, когда ребенок начинает с ней играть. Только вот я не машинка... а Бог – не ребёнок...

– Опять тот сон? – доносится откуда-то со стороны тумбочки дневального.

В ответ я лишь неопределённо качаю головой.

Заметил ли этот сердобольный салага пот на моём лбу? Видал ли, как я вздрогнул от его громкого шёпота? Знает ли он, что жизнь – это ослепительный свет, бьющий в глаза, а смерть – латунь гильз под сапогами?.. Ради чего я буду существовать на гражданке без четко сформулированных приказов командиров?.. Как буду спастись от тяжелых мыслей без распорядка дня?.. И заполнит ли что-нибудь пустоту в моей груди, когда отпадёт надобность заучивать уставы?.. Эти вопросы, словно монеты, со звоном улетают в колодезь моего сознания, так и не рождая плеска воды на финише.

Прошло уже полгода с тех пор, как в городе М. смягчили карантин. Никто так и не понял, что произошло. Позавчера ты просыпаешься в доме, жители частично исчезли, частично превратились в уродливых чудовищ. На следующий день тебя, вместе с прочими напуганными обывателями, вывозят из города, толком даже не дав собрать вещи. Потом, трясаясь от холода и недоедания, ты сидишь перед телевизором и смотришь, как авиация сбрасывает на твой родной город тонны химии и взрывчатки. Кольца оцепления трещат от давящего с той стороны проволоки ужаса, сюрреализм увиденного сводит солдат с ума и превращает прожженных атеистов в фанатичных верующих, и каждый из телеведущих, журналистов и политиков отвечает на вопрос «Что происходит?» не так, как прочие. Группы иностранных наблюдателей, коллегии ученых, партии демократов и либералов, корпоративные айсберги, религиозные секты и духовные общины – все они рвут друг другу глотки, плачут, крестятся, машут кипами мелко исписанной бумаги и бьют в

колокола! А потом «щёлк»! Словно кто-то незримый, может быть, даже сам Бог, щёлкает пальцами, и город М. моментально становится обычным. Всё необъяснимое становится объяснимым, чудовища пропадают, и даже небо, на протяжении всего Катаклизма тонувшее в густом покрове туч, проясняется. Что это было? Куда подевались те люди, чьи фотографии до сих пор висят на стендах под надписью: «Пропали без вести»? Почему Катаклизм схлынул, и кому стоит сказать за это спасибо? Эти вопросы, скорее всего, навсегда останутся без ответа.

Ещё вчера лавинообразно разрастающийся Катаклизм растворился так же внезапно, как и возник. Беда ушла, но события, участником которых я стал, до сих пор являются мне во сне.

Отключаю всё ещё плавающие наручные часы, беру мыльно-рыльные принадлежности² и направляюсь в туалет. В темноте мирно посапывают спящие солдаты... ну а я... Ну а я, рядовой Иван Селезнев, готовлюсь к утреннему осмотру³...

² Мыльно-рыльные принадлежности (воен. жарг.) – туалетные принадлежности военнослужащего: зубная щетка, тюбик пасты, крем для бритья, бритва, мыло.

³ На утренних осмотрах проверяются наличие людей, их внешний вид и соблюдение ими правил личной гигиены (Устав внутренней службы ВС РФ).

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

ород. Огромный монстр, притворившийся мёртвым. Подпускает нас поближе, на расстояние молниеносного броска. Так близко, чтобы без шансов. Так близко, чтобы наверняка. Мы медленно заползаем в его глотку, переваливаемся через ряды зубов. С интересом рассматриваем неподвижный язык. Смеёмся, фотографируем друг друга на его фоне, беспардонно тычем раскалёнными автоматными стволами в серую плоть, оставляя на ней выжженные отметины. Жгучая боль покрывает асфальт трещинами, затопляет подвалы, бессильно скребётся в окна, но Город не поддаётся на её провокации и остаётся неподвижным, лишь бы мы сделали еще несколько шагов по направлению к распахнутой глотке.

Город. Покинутый, но не брошенный. Выцветший, но не забытый. Не живой, но и не мёртвый. Серые многоэтажки, проглатывая горизонт, простилаются на многие километры вперёд. Создают иллюзию бесконечности. Бесконечный серый бетон, бесконечный полумрак переулков, бесконечное одиночество. Бесконечная звенящая тишина. Многозначительная, как ритуал молчания на похоронах, нарушаемая лишь шелестом промозглого ветра, гоняющего по асфальту оранжевые листовки. Бесконечная эйфория ребёнка, предоставленного на выходные самому себе, со всеми вытекающими развлечениями. Распахнув небеса, Город с интересом рассматривает памятники, некогда возведённые своими создателями, но видит в них лишь напоминание о вытравленных паразитах.

Город, как проказа. Город, как всесильная панацея. Он отучил нас от праздного любопытства, повседневной скуки и ощущения вседозволенности. Он дал нам звонкую пощёчину. Таковую, что чуть шеи не сломались.

Мы уже внутри, Город. Мы уже достаточно глубоко.

Автобус ползёт по проезжей части, так медленно, словно преступник, осуждённый на казнь. Машины сопровождения, то ли из сочувствия, то ли из садистского удовольствия, не торопят его, подстраиваясь под темп смертника. Впереди скрежещет гусеницами тяжёлый бульдозер, его задача расчищать нам путь, если по дороге попадутся автомобильные пробки или обрушенные здания, а в случае чего – прикрыть спешившуюся пехоту своей неповоротливой, но крепкой тушей. Позади БТР-60⁴ хищно вращает усиленной башней, способной потягаться мощностью с танком. Замыкает немногочисленную колонну, набитый солдатами грузовик. Директива проста – сопровождение вверенной под охрану группы гражданских лиц, если быть точнее, то иностранных журналистов-добровольцев, что в огромных количествах кружили вокруг карантинной зоны. Ведению фотосъёмки не препятствовать, оказывать посильное содействие, на вопросы не отвечать и в задушевные беседы не вступать. Попутно произвести разведку, а в случае опасности – отступить на обозначенные позиции. В автобусе десять солдат срочной службы, командир взвода старший лейтенант Протасов, военный переводчик Козлов в звании лейтенанта и журналисты, среди которых представители Польши, Соединённых Штатов, Англии, Франции, Германии, Испании, Бразилии, Японии, Китая и Австралии.

Осеннее солнце щедро поливает безлюдные улочки светом, золотом отражается от витрин и брошенных на проезжей части автомобилей, рикошетит, заставляя щуриться и прикрывать глаза рукой. Но, не смотря на ясную погоду и чистое небо,

⁴ БТР-60 – советский бронетранспортёр, разработанный в 1956-1959 годах для оснащения мотострелковых подразделений.

в воздухе витает близость зимы. Её поступь уже заметна на окнах и заледеневших с утра лужах.

Город молчит. Город наблюдает.

На многие километры вокруг ни души. Полная и необратимая пустота, начиная от брошенных на проезжей части автомобилей и заканчивая номерами в отелях высокого класса. Маршрут пролегает по более-менее проходимым улицам, однако несколько раз водителям приходится объезжать обрушенные здания и вспаханные артиллерийским огнём кварталы. Разруха уступает место аккуратным проспектам и разомлевшим на солнышке улочкам. За окном проплывают многоэтажные колоссы, словно в их изумрудных утробах до сих пор бурлит офисная жизнь, маленькие уютные кафе, как и прежде, зазывают посетителей щитами-меню, а кинотеатры продолжают торговать билетами на премьеры годичной выдержки. Кажется, что ничего не произошло, и единственная причина безлюдности улиц – чересчур ранний час, однако нетронутые части города остаются позади, и взору предстают перемолотые в мелкое крошево спальные районы, покрытые копотью престижные бутики и скалящиеся разбитыми окнами школы. Так выглядит мир, познавший ужасы войны, но с кем мы вели бой?.. Кто смог испугать нас до такой степени, что мы начали бомбить собственные дома? Ответ скрывается совсем близко... В изувеченных и покорёженных стволах деревьев... В перевернутых вверх ногами зданиях... В сросшихся между собой, словно сиамские близнецы, автомобилях... Определённо, человек приложил руку к разрушению мегаполиса, но действовал он не один. Какая-то неподвластная людям, чуждая этому миру сила прошла по улицам, в лучшем случае отобразив привычный уклад жизни, а в худшем – саму жизнь.

Мы спешно обматывали мегаполис тоннами колючей проволоки, щедро засаживали минами, окружали блокпостами, пулеметными вышками, ДОТами, ДЗОТами, стенами и прочим, на что только хватало средств. Мы терпеливо наблюдали, стоя на

безопасном расстоянии. Ждали, что будет происходить дальше, не в силах повлиять на происходящее. Не бомбить же город ядерными боеголовками, в конце концов. Это же только в отчетах население вывезли в полном составе, на деле эвакуировать удалось в лучшем случае половину, не говоря уже о брошенных культурных ценностях и запертых сейфах. Так что, бомбить было никак нельзя, разве что точно, порой с долгим согласованием, а порой – импульсивно, «под мою ответственность». Газами закидывали, поливали напалмом, даже крупные силы десанта, кажется, однажды высадили, да и все, собственно.

Зато на периметре... На периметре был настоящий ад, пропитанный ужасом беболаг-срочников, умудрившихся попасть под призыв в столь неблагоприятное время. Если бы спросили меня, то мобилизацию надо было проводить полную, а не частичную⁵, однако начальство бросило на амбразуру молодняк, даже курс молодого бойца⁶ не прошедший. Кстати, как оно было и в моём случае... Знакомство с периметром оказалось незабываемым. Сразу после прибытия в расположение роты на вверенном нашему подразделению секторе произошёл прорыв. Всех тут же поставили под ружьё, погрузили в транспорт и повезли на место, хотя половина из нас впервые держала в руках оружие. Приехали, а там двенадцать трупов, разорванных на куски вместе со всеми комплектующими: бронешилетами, касками, ОЗК⁷ и автоматами. Рядом вкопан в землю огнемётный танк какой-то старой модели. Поливает

⁵ Общая мобилизация проводится в масштабе всего государства. Частичная мобилизация может проводиться на отдельной территории, для выполнения какой-либо задачи, либо с целью повышения боевой готовности Вооружённых Сил, отдельных её формирований, соединений, объединений и так далее. Призываются лица, находящиеся в запасе и годные по состоянию здоровья.

⁶ Курс молодого бойца (КМБ) – начальный период прохождения службы, первый подготовительный период военнослужащего в армии.

⁷ Общеевойсковой защитный комплект (ОЗК) – средство индивидуальной защиты (СИЗ), предназначенное для защиты человека от отравляющих веществ, биологических средств и радиоактивной пыли.

горючей смесью несущее тело, судя по всему, атаковавшей твари, а экипаж сидит внутри и орёт безостановочно. Никто не рискнул лезть под горячую руку, дождались, пока баки опустеют, и только после этого вытащили из машины обезумевших солдат. Глаза выпучены, вопят что-то неразборчивое, вырываются, умоляют вернуть их в танк... Но самое странное, как выяснилось позже – ограждения и минное поле оказались невредимы.

Я как увидел тех танкистов, так сразу понял – выжить будет тяжело, а если и выживу, то надо еще умудриться в своём уме остаться. Последнее всегда пугало меня больше всего – свихнуться и отправиться домой с «жёлтым»⁸ билетом, посмотреть в глаза родных и сказать: «Я не смог», – но этот страх не шёл ни в какое сравнение со страхом обернуться очередным порождением Города. Стать одним из омерзительных чудовищ и пойти против своих же товарищей... Отстать от основной группы и выйти к периметру уже не Иваном Селезнёвым, а кем-то другим...

С момента поступления на службу прошло немало времени. Было много караулов, много смертей и ещё больше пробуждений в холодном поту. Были кислотные дожди и землетрясения. Были случаи массовых галлюцинаций и приступы психоза, накрывающие одновременно целые батальоны. Бесследно пропадали солдаты с соседних позиций, пропадали отделения, пропадали танковые колонны и роты, пару раз даже пропали целые сектора оцепления, вместе с минами, проволокой, палатками и солдатами. Из моего призыва парней осталось всего ничего. Кто-то дезертировал, кто-то отправился домой трёхсотым⁹ на всю голубу, а кто-то – в цинке, грузом двести¹⁰. Монстров я повидал

⁸ Жёлтый билет (жарг.) – освобождение от военной службы по инвалидности.

⁹ Трёхсотый, груз 300 (воен. терм.) – раненый солдат, вывозимый из мест боевых действий.

¹⁰ Двухсотый, груз 200 (воен. терм.) – погибший солдат, вывозимый из мест боевых действий в специальном герметичном контейнере (запаянном цинковым

разных, был свидетелем таких вещей, о которых запрещает болтать третий уровень допуска¹¹. Однако же, судьба уберегла, не дала сгинуть. Страх со временем не исчез, наоборот, он стал ещё сильнее, но я научился перезаряжать автомат трясущимися руками и проглатывать бурлящий внутри ужас. Каждый удар Города, каждое его испытание оставили на мне глубокие незаживающие раны, и каждую ночь на запах сочащейся из них крови выползали увиденные когда-то чудовища и обезумевшие товарищи.

Всё это позади... Позади!.. Семь месяцев, как Город замолчал!

С той памятной ночи, когда я и ефрейтор Остапенко встретились с незнакомцем, активность Города оборвалась. За одну ночь все монстры куда-то испарились, загадочные явления развеялись по ветру, и даже непробиваемая завеса туч как-то неожиданно расплзлась, освобождая от своих оков солнце. Быть может, тот изуродованный человек был последним из виденных кем-либо порождений Города.

Разведка, иногда отправляемая в мегаполис, перестала нести потери, и отныне возвращалась, не сделав ни единого выстрела. Если раньше многочисленные мародёры и полоумные искатели приключений практически в полном составе записывались в списки пропавших без вести, то теперь они всё чаще попадались патрулям или подрывались на минах. Власти тоже успокоились, за ядерные кнопки никто больше не хватался, информационная блокада вокруг карантинной зоны более-менее спала, и теперь ответы на вопросы «Что делать?» и «Как дальше жить?» с каждым разом звучали всё уверенней. Порой по телевидению даже слышались серьёзные размышления о сроках восстановления города и возможности вернуться домой. Не всем конечно, а кому было куда возвращаться...

Заметили положительную тенденцию сразу, но вот торопиться с выводами никто не стал. И правильно. Спешка, она

гробу). Сложить сотни – умереть. Данные обозначения вошли в обиход после войны в Афганистане.

¹¹ III уровень допуска (C) – низшая степень допуска к секретной информации.

ведь только при ловле блох хороша. Поддержали в карантине еще с полгода, изучили издалека обстановку, спутниками все осмотрели. Бережёного Бог бережёт, а небережёного – дьявол стережёт. А сейчас и вовсе вспомнили о существовании прессы и её роли в современном обществе. Выбрали из числа добровольно вызвавшихся журналистов с десятков наиболее лояльных России, посадили в бронированный автобус, дали какую-никакую охрану, и запустили внутрь периметра – посмотреть, как там поживает Катаклизм и осталось ли от него что-то, кроме скрюченных деревьев.

Сказать, что я испугался, услышав своё имя среди назначенных в охрану прессы – ничего не сказать. Если бы не страх перед комиссованием, обязательно наглотался бы хлорки или попробовал вскрыть вены... А так... Ничего не оставалось, кроме как отвести: «Есть!», – и вернуться в строй.

– Долбанный автобус, чего он еле ползёт? – ворчит сидящий рядом солдат, кажется, Сергей Иванов.

– Ага, конечно... Эти цыпочки с бейджиками пару фоток сделали и успокоились? Хрен там плавал, смотри как фигачат фотиками своими, похлеще пулемёта! – отвечает ему громким шёпотом Артёмов, ответственный за пулемётную башенку на крыше автобуса.

– Они за это бабки получают, вот и строчат, – поддакивает ему кто-то с задних сидений.

– Ну а мы-то тут причём? Пусть себе получают, а мне здесь не по себе! – никак не унимается Сергей. Солдат, как и все мы, нервничает, однако, в силу срока службы, справляется со страхом хуже прочих.

– Скажи спасибо, что не в газиках¹² сидим...

– Рты позакрывали¹³, – рывкает старший сержант Штыков. – По сторонам смотреть! Не отвлекаться!

¹² Газик (воен. жарг.) – противогаз.

¹³ В среде Вооружённых Сил является нормой общаться, используя огромное количество ненормативной лексики. Здесь и далее она или не используется,

Разговаривавшие тут же замолкают и обращают всё внимание на улицы за окнами автобуса. Приказ, как бы так помягче сказать, отбитый. Даже если мы и заметим что-то, с высокой долей вероятности это будет последнее, что мы вообще заметим в своей жизни. Никто не знал, до конца ли безопасен Город, и как долго людям в нём можно находиться. Что уж там говорить, никто понятия не имел о природе Катаклизма и причинах его возникновения, а если сверху кто и подозревал, то доводить до рядового состава не спешил.

Мы нервничали, и ни автоматы, зажатые меж колен, ни защитные костюмы, ни свинцовые нагрудники не способны были унять дрожь в руках. Даже совсем зелёный Иванов, которого Катаклизм толком и не зацепил, и тот понимал, что все эти меры предосторожности были не более чем попыткой защититься от пули раскрытой ладонью. Если что-то пойдет не так – нам ничего не поможет.

Автобус движется дальше. Настороженные взгляды мечутся по окнам и переулкам, высматривая возможную опасность. С крыши одного из зданий срывается стая птиц, и мы, как один, испуганно вздрагиваем.

Мимо проплывает тёмный переулок, судя по всему, что-то вроде служебного въезда для транспорта. Проход почти полностью завален каким-то хламом, среди которого угадываются обломки металлической арматуры, деревянные поддоны и рваные куски плёнки. Я отвожжу взгляд в сторону, но боковым зрением замечаю движение среди мусора. На лбу моментально выступает испарина.

«Пусть всё будет не напрасно...»

Один из металлических обломков оживает, превращаясь в скрюченную фигуру. Существо делает пару шагов и протягивает длинные руки по направлению к машине. Из-под глухого

или заменена на более цензурные аналоги. Это сделано в угоду «литературности» текста, хотя и убирала львиную долю «нужной» атмосферы.

капюшона, словно катафоты, поблескивают зелёные глаза, смотрящие прямо на меня. До слуха доносится бормотание, повторяющее одну и ту же фразу:

– Пусть всё будет, пусть всё будет, пусть всё будет...

– Тарищ сержант! – я не узнаю собственного голоса, ставшего каким-то тонким и жалким.

– Что там?

Штыков тут же оказывается рядом, внимательно выискивая причину моего беспокойства, но за окном ничего нет. Фигура пропала так же неожиданно, как и появилась.

– Там что-то было... – автобус уже проехал мимо злополучного переулочка, но ощущение чужого взгляда никуда не исчезает. Наоборот, внутри нарастает смутное беспокойство. – Нехорошие у меня предчувствия, Лёнь.

– Отставить панические настроения, – недовольно морщится заместитель командира взвода, возвращаясь на своё место, и уже тише добавляет, – а у кого они, блин, хорошие...

Как же меня угораздило оказаться здесь?

Тяжелое ощущение незащищённости и давящее одиночество сжимают горло. Дыхание учащается, я судорожно вдыхаю воздух в попытке отдышаться. Сердце барабанным боем отдаёт в уши, норовит пробить свинцовый нагрудник. Невелика будет потеря, какой смысл от всей этой радиационной защиты? Нет здесь никакой радиации, и никогда не было. Броня так же бесполезна, как и норовящий выскользнуть из вспотевших ладоней автомат Калашникова. Единственное, что нас сможет спасти на таком расстоянии от периметра – авиационный удар по собственным позициям, чтобы долго не мучились... Не о том думаю, не о том...

«Пусть всё, пусть всё, пусть всё...»

Закрываю глаза и бесшумно шевелю губами в только что сочинённой молитве.

Боже, помоги мне вынести всё это, проведи через Город и верни домой живым. Прошу тебя, Господи. Защити меня от тьмы, не дай стать её частью. Отведи взгляды обитающих в них

тварей, умоляю, Господи. Спаси и сохрани, Господи. Не дай согнуть здесь, сохрани тело моё и разум, укрепи руки мой и заостри взгляд мой. Позволь быть твоим воином, разреши с честью пройти этой дорогой, без страха и трепета встретить врагов своих и устоять пред ними. Не позволяй пасть духом, не позволяй мне бояться, заberi мой страх, заberi мой страх...

Открываю глаза, всё ещё бормоча неумелые призывы к Господу, однако ужас никуда не пропадает, и с каждой секундой нарастает всё больше. Слышу какой-то шёпот неподалёку, поворачиваюсь налево и вижу Иванова, который, судя по всему, тоже молится. Чуть дальше Артёмов нервно мнёт сигарету, то и дело приносясь к ней. Штыков сжимает цевьё так сильно, что я отсюда вижу его побелевшие пальцы. У сидящего позади бойца громко стучат зубы. Неожиданно я ловлю на себе взгляд одной из журналисток. Белокурая красивая девушка, смотрящаяся комично в растёгнутой светло-синей каске, направляет на меня объектив фотоаппарата и делает несколько снимков. Смущенный, я улыбаюсь, и незнакомка, представитель Польши, судя по бело-красной нашивке, отвечает тем же. Страх растворяется в её улыбке, вместе с давящим чувством одиночества и безнадежностью.

Прочие журналисты, в отличие от заснявшей меня блондинки, выглядят куда серьёзней и деловитей. Жужжа объективами, они фотографируют чуть ли не каждый квадратный метр проплывающего за окнами опустевшего города, бормочут что-то в диктофоны и яростно засыпают вопросами военного переводчика и старшего лейтенанта Протасова. То и дело кто-то из прессы порывается вскочить со своего сиденья и захватить ракурс получше, но каждого такого строптивца старший лейтенант быстренько возвращает обратно, приговаривая нечто вроде: «Для вашей же безопасности, вернитесь на своё место...», – или: «У вас ещё будет возможность сделать отличные снимки, сядьте назад, это небезопасно...»

Небезопасно... Небезопасно лезть в проклятый Город, вот что небезопасно. Пусть хоть в полном составе повыскакивают из автобуса и разбегутся по округе, мне этих уродов галдящих ни черта не жалко. Сейчас они милые и пушистые, а приедут назад – опишут нас, как солдат СС, тысячами сжигающих мирное население и не дающих людям вернуться домой. Кто-то, наверняка, заявит, что Катаклизм – не более чем выдумка хитрых русских, решивших обратить на себя внимание мирового сообщества, однако каждый здравомыслящий человек в полной мере осознаёт фантастичность и невозможность бла, бла, бла...

Даже жалко немного нашего командира, пусть он и тварь редкостная. Шакала¹⁴ аж перекосило, мало того, что операция рискованная, требующая тщательной координации, так ещё эта орава иностранцев, словно толпа детей, без умолку верещит на все лады. Дёрганный, нервный, рука то и дело поглаживает растёгнутую кобурку с массивным пистолетом. Его можно понять... Почему сил охранения так мало? Какого лешего сюда отправили срочников? Не проще было бы провести экскурсию на воздушном транспорте? С чего вдруг руководство операцией доверили старшему лейтенанту, не имеющему за плечами ни одной боевой операции?

– Домой хочу, – шепчет сзади один из солдат.

– Сперва покурить, а потом домой, – в тон товарищу бормочет Артёмов, продолжая мять сигарету. – Скорей бы всё это закончилось...

– Эй, парень. Просыпайся, – кто-то довольно беспардонно потряс меня за плечо.

Секунду назад я сидел в «экскурсионном» автобусе, среди товарищей и журналистов, но стоило открыть глаза, как сновидение растворилось в монотонном стуке колёс, растеклось по

¹⁴ Шакалы (воен. жарг.) – неуважительное обращение к офицерам и прапорщикам.

вагонам плацкарта вместе с запахами нестиранных носков, перегара и залитой кипятком лапши быстрого приготовления.

– Где я? – перед глазами всё еще стояли искаженные страхом лица солдат. В сознании никак не умещалась мысль, что всё увиденное было лишь воспоминанием о некогда произошедших событиях, свидетелем которым я невольно стал.

Разбуживший меня хмыкнул, возвращаясь на свою полку:

– Известно где, гэта самае, в поезде.

Обычный мужик, ничем особенно не выделяющийся: слегка полноват, слегка лысоват, слегка небрит. Из-под белой майки заметна обильная растительность, как на груди, так и подмышками. Видавшие виды спортивные штаны местами неаккуратно заштопаны, а местами измазаны чем-то неподдающимся стирке, судя по всему, битумом.

Водрузившись на своё место, мужчина отхлебнул чай из стакана и, прямо в обуви, вольготно развалился на матрасе.

– Кошмары, боец? – глаза смотрели с усмешкой, краешек губ слегка приподнят.

– Так точно, – слегка помедлив, ответил я.

Сунул ноги в армейские зелёные тапочки с нарисованным на них порядковым номером «8», поднялся и потёр лицо. Всё позади, нет никакой бури, нет автобуса, нет Города, пожирающего одного за другим солдат. Нет, и никогда больше не будет. Армия кончилась – началась гражданская жизнь. Дембель, как-никак.

За окном проносились заснеженные пейзажи. Отглаженные ветром белые скатерти полей окантованы алым закатом, плавным градиентом переходящим в тёмно-синее небо. Если приглядеться, то на снегу можно заметить редкие цепочки звериных следов, старательно маскируемые позёмкой. Поезд мчался дальше, белые просторы сменились укутанными в зимние одежды хвойными лесами. Испачканные сумерками стволы деревьев слегка покачивались на ветру, изредка роняя с плюшевых ветвей снежное крошево. Догорающий закат, не поспевающий за поездом, петлял между деревьев, пропадал из виду, время от времени вспыхивая рубиновым светом, обрамлённым

в паутинки заиндедевших ветвей. Первозданная красота природы, без малейшего намёка на присутствие человека. На десятки километров ни бетонных коробок мегаполисов, ни тесных огненных потоков транспортных магистралей. Никакого Города, никакого Катаклизма. Лишь дрёма залитого полутьмой леса и стук колёс. Зима...

Я открываю шкатулку с вырезанным на крышке порядковым номером, что именуется душой. Несмазанные петли скрипят, норовя привлечь чьё-нибудь внимание. И без того темное дерево выцвело, покрылось выщерблинами и пятнами ожогов, углы сбиты, а у замка неаккуратные следы взлома.

Я открываю шкатулку, имя которой Иван Селезнёв, и заглядываю внутрь, ожидая обнаружить там радость возвращения домой и предвкушение встречи с родными и близкими, но не нахожу ничего, кроме страха, пустоты и въевшейся во внутреннюю обивку пыли.

Захлопываю крышку.

– Тебя, гэта самае... как звать? – из задумчивости меня вырвал голос соседа.

Я отвёл взгляд от окна и с какой-то неуместной растерянностью уставился на протянутую руку. Не то чтобы этот мужик мне чем-то не нравился или раздражал, но отвечать на приветствие не особо хотелось.

– Ваня, – пересилив себя, я всё же пожал ладонь.

– А меня Игорь, – улыбнулся в ответ мужик. – Игорь Белов, ага.

Рукопожатие у соседа уверенное, крепкое, но без свойственной некоторым людям грубости, когда пальцы сжимаются, словно тисками. Не знаю зачем, но тряся мою кисть, Белов попытался развернуть её ладонью вверх, но я, вежливо улыбнувшись, высвободился и вновь отвернулся к окну, всем своим видом показывая, что знакомство окончено. Однако Игорь и не думал успокаиваться:

– Где служил, Ванёк? В Городе?

– Так заметно?

О том, что я демобилизовавшийся солдат, догадаться немудрено – форма всё ещё на мне. Не разукрашенная «дембелька», нет. У личного состава охранения периметра, по неизвестным мне причинам, было не принято обвешиваться аксельбантами и разноцветным бархатом. Те немногие счастливчики, что умудрились дожить до увольнения в запас, уезжали домой в соответствии с правилами ношения военной формы одежды. Была ли это новая армейская традиция, наподобие «безмасленных» ста дней до приказа¹⁵ или забрасывания мочалки на дерево возле бани, либо какое-то мимолётное веянье, но мои причины отказа от «дембельки» были куда прозаичнее. Нарушение формы одежды могли повлечь за собой проблемы с военными патрулями, в большом количестве шерстившими железнодорожные станции в поисках дезертиров, а уставшему от солдатской лямки бойцу меньше всего хотелось задерживаться где-то по пути домой. Именно поэтому единственными украшениями на моей «флоре»¹⁶ были общевойсковые звёздочки на воротнике, шеврон принадлежности к сухопутным войскам и нагрудная нашивка с группой крови.

– Заметно – не то слово, ага, – перестав улыбаться, сказал Игорь, – гэта самае, я служил еще в шестидесятых, в ГСВГ¹⁷... Ты ведаешь, вроде и не война, вроде и не мир, хрен разберёшь, ага? Начебто и стреляют иногда по нарушителям, и американцы совсем рядом, но вокруг дофига гражданских, все ходят, гэта самае, по делам своим, чысцяня и порядок – жизнь. Советские немцы, гэта самае, дружелюбные такие, хотя мы с ними совсем недавно воевали... А потом нас пригнали к «Чарли»¹⁸, а там американские

¹⁵ Армейская традиция, символизирующая своеобразную финишную прямую до дембеля. Отсчитывается сто дней до подписания Министром обороны приказа об увольнении в запас отслуживших положенный срок. На протяжении этого время производятся определённые «мероприятия», среди которых значится жертвование своего масла «молодым» военнослужащим. Стоит отметить, что масло играет в рационе военнослужащих роль десерта и высоко ценится.

¹⁶ ВСП-98 «Флора» – с 1998 года распространённая расцветка камуфляжа российских военных.

¹⁷ ГСВГ – группа советских войск в Германии, 10 июня 1945 – 31 августа 1994.

¹⁸ Имеется ввиду один из самых напряжённых моментов Холодной войны – танковое противостояние США и СССР у КПП «Чарли».

танки стоят, да бульдозеры, стену, гэта самае, сносить. А нам, гэта самае, приказ, якшо стрелять начнут – отвечать. Сидели в танке, ага, даже нос не высовывали, понимали, что ещё чуть-чуть и всё, война опять будет, только на этот раз атомная. До хаты, гэта самае, вся Яуропа, якшо Штаты нападут, то мы окажемся на передовой, и тогда трындец всем ... Разумеешь, ага? Но пронесло, разъехались. Напружено было, и отслуживших там легко было отличить от служивших на витчизне. Тренировки другие, окружение. Я потом ещё всякого видел: парней с Овечьей¹⁹, погромы в Армении... Но зараз... Когда начался Катаклизм, ага... Я подумав, что всё это были гульни в песочнице. Что Холодная война, что Перестройка. Ковыряние в носу. Вас, военных и беженцев, коли бачишь на улице – ночь потом не спишь. Вочы выпцветшие, смотрите куда-то хрен знает куда, дергаются от любого шума, ага. Часам, гэта самае, будто сами не знаете куда идёте и навошта. То ли под наркотой, то ли контуженные через одного, кто вас поймёт. Години, не прав я, что ли?

Был у Игоря чётко выраженный акцент, то ли белорусский, то ли украинский, но без карикатурных передёргиваний, которыми обычно изъясняются юмористы по телевизору. Не упоминай он периодически нерусские словечки, заметить это было бы куда сложнее, однако к какому именно языку относятся употребляемые им обороты, я определить не мог. Скорее всего, Белов родился в деревне на западных границах России, а после переехал в большой город, сохранив при этом некоторые особенности родного разговорного языка. Я где-то слышал, что некоторые тамошние жители изъясняются на, так называемой, «трасянке»²⁰, правда, в случае с Игорем, она звучала как-то неправдоподобно. Огромное количество непонятных слов слегка раздражало, а неуместные вопросительные интонации, с которыми Игорь рассказывал мне о своей службе, изрядно утомляли. У меня не было ни малейшего желания поддерживать беседу с этим недалёким человеком, а если

¹⁹ Война в Афганистане.

²⁰ Трасянка – форма смешанной речи, в которой часто чередуются белорусские и русские элементы и структуры.

бы такое и возникло, то вряд ли удалось вставить хоть одну фразу в его затянувшийся монолог. Тем не менее, обижать болтливого соседа не хотелось, так что я лишь многозначительно покивал головой и натянуто улыбнулся.

– Хреново там было, да? – заговорщицки прошептал Белов, наклоняясь вперёд.

Я поймал его взгляд, неожиданно чуткий и внимательный. Взгляд не деревенского жителя, а опытного следователя.

Не разбираюсь я в людях, совсем не разбираюсь. Услышал пару фраз и тут же навесил ярлык. Не тут-то было. Мужичок не так прост, как кажется.

– Терпимо, – опасливо ответил я.

Если раньше я сидел к собеседнику в пол-оборота, то теперь повернулся всем корпусом. Стоило быть осторожней, мало ли, кто это. Всякие люди в поездах ошиваются, начиная от мелких жуликов и заканчивая оперативниками контрразведки.

– Ну-ну... – хмыкнул Игорь, в мгновение ока превращаясь в незатейливого мужичка, после чего пнул полку над собой и громко спросил. – Эй, сына! Ты спишь там? Как на окренте служилось?

Я поднял взгляд наверх и увидел копошившегося в полутьме верхнего яруса человека, завернутого с ног до головы в простыню и одеяло. Ткань зашевелилась, из её недр высунулась часть лица.

– Отвали, – голос был не особо дружелюбным.

Я перевёл вопросительный взгляд на своего собеседника.

– Ды гета мой сынок, Витя, ага. Тоже, гэта самое, нещодавно дембельнулся. Адже ведь нормальным парнем: весёлый, драчливый, за девками бегал... А теперь что? – морщась, словно от зубной боли, посетовал Белов. – А теперь альбо спит целыми днями, альбо в окно дивится. Работу, гэта самое, шукати не хоче, дивчину свою бросил! Ничего от жизни не трэба, разумеешь? Вот, мать яго растак, такой хлопец был...

В сердцах махнув рукой, Игорь полез куда-то под столик. Зашуршали целлофановые пакеты, источая аппетитный запах копчёностей. Спустя минуту мой собеседник извлёк стакан, бутылку «Столичной», колечко краковской колбасы и копчёное сало:

– Ну, ты-то нормальный хлопец, а? Складзеш компанию?

При виде съестного в животе громко заурчало. С прошлого вечера во рту не было ни крошки. Ещё бы, а откуда ей там взяться, когда карманы девственно пусты. Больше чем есть мне хотелось, разве что, курить, но курево, к сожалению, тоже отсутствовало. Пить не особо тянуло, однако и отказываться причин не было. Путь далёкий – остановку не пропущу.

– С удовольствием, – на этот раз улыбка вышла куда приветливей.

– Тогда давай к проводнице за склянкою, а я пакуль закуски порежу, – предвкушая выпивку, Белов потёр руки и принялся рыться в сумке в поисках ножа.

Алкоголик, наверное. Вон как оживился, глаза чуть ли не светятся в темноте. Да и хрен с ним, на халяву-то. Судя по разговору, человек он хоть и простецкий, но и не откровенный валенок. Пусть себе чешет языком, с меня не убудет послушать. Постарюсь сидеть тихонько, поддакивать, да смеяться над шутками.

Час уже был довольно поздний, но освещение ещё не отключили. Маневрируя между торчащими в проходе ногами и снующими туда-сюда детьми, я прошёл по вагону и постучал в дверь проводницы. За переборкой послышалась возня, что-то грохнулось на пол, после чего ко мне выглянула растрёпанная брюнетка в форме сотрудника РЖД. Волосы аккуратно собраны в пучок, из-под пилотки на лоб падает несколько прядей, кончиками прилипших к ярко-алым губам. Приятные черты лица слегка портили чересчур выраженные скулы и очки в толстой оправе, но и то, и другое быстро забывалось, стоило опустить взгляд ниже, на точёную фигуру девушки, которую идеально подчёркивали облегающая блузка и тёмно-синяя юбка. Судя по рассерженному выражению лица, с которым проводница выскочила из купе, я отвлёк девушку от чего-то важного. Задвинув за собой дверь, брюнетка проткнула меня острым, как копьё, взглядом, который тут же со звоном разбился об военную форму. Удивительно, но завидев армейский камуфляж, девушка молниеносно сменила гнев на милость, рот её расплылся в улыбке, обнажившей желтоватые зубы заядлой курильщицы:

– Чем могу помочь?

– Мне бы стакан, – выдавил я, сбитый толку резкой сменой настроения девушки.

– Подстаканник нужен? – приветливо поинтересовалась проводница, улыбаясь всё шире. – Или вы не чай собрались пить?

– Да я, как бы...

– Вы не переживайте, я никому не скажу, – подмигнула мне девушка, переходя на заговорщицкий шепот. – А может вам чего-то эдакого дать, с символикой?

– Например? – не понимая, о чём идёт речь, и что вообще происходит, спросил я.

– Ну-у-у, там... пакетик чайный, сахар... Для дембельского альбома.

– Ах, это! Нет, спасибо.

Брюнетка развернулась, словно бы ненароком задев меня бедром, и исчезла в своём купе, а когда вернулась, в руке её поблёскивал гранёный стакан:

– Если передумаете – возвращайтесь, но в следующий раз стучите вот так, – с этими словами девушка сделала три лёгких удара по стенке, а после небольшой паузы добавила к ним ещё два.

– Большое спасибо, всенепременно! – щёки полыхнули от смущения, я торопливо отвёл взгляд от обтягивающей форменной блузки небесного цвета и постарался поскорее ретироваться.

Стука задвигаемой двери слышно не было, блондинка всё ещё стояла в проходе, я физически ощущал её пристальный взгляд. Пройдя примерно половину вагона, обернулся. Так и есть, продолжает стоять на том же месте...

У меня перехватило дыхание...

Распущенные светлые волосы спадали на плечи, а на груди висел фотоаппарат. Девушка улыбнулась мне, подняла руку и коснулась пальцами округлой окровавленной раны на переносице, один в один похожей на выходное пулевое отверстие. Длинные ногти скользнули внутрь продырявленного черепа, по лицу блондинки побежали дорожки тёмно-красной крови, пачкая светлые волосы. Не переставая улыбаться, девушка вытянула пальцы из раны, внимательно осмотрела, а потом подняла

к лицу фотоаппарат. Сверкнула вспышка, моментально прогнавшая сковавшее меня оцепенение. Перед глазами заплясали тёмные пятна, голова закружилась. Тело повело в сторону, я поспешно схватился за край боковой полки, не замечая на себе пристальные взгляды с близлежащих шконок.

– Не может быть, не может быть, не может быть... – еле слышно повторял я, не отрывая взгляда от девушки.

Раздался звонкий смех, по окнам вагона пробежала рябь, и на какое-то мгновение мне почудилось, что зимние пейзажи, проносящиеся снаружи, сменились городским ландшафтом. Блондинка сделала ещё пару снимков, отодвинула дверь своего купе и исчезла из поля зрения. Я же продолжал стоять в проходе до тех пор, пока кто-то из проходящих по вагону пассажиров не попросил меня посторониться.

– Тебя де черти носят? Чё долго так?

– Поплохело, дух переводил, – соврал я, не отрывая взгляда от прохода.

В ушах всё ещё стоял смех мёртвой журналистки. Казалось, вот-вот из-за угла высунется объектив её камеры, вновь и вновь расцветая ослепительными вспышками.

– Может, гэта самае, проводницу позвать?

– Нет, не надо. У меня бывает такое, всё нормально, – облизнув пересохшие губы, замотал головой я. – Налей лучше.

Игорь плеснул на два пальца, бормоча что-то и одобрительно улыбаясь, однако эта улыбка быстро испарилась, стоило моей трясущейся руке выбить об стол быструю дробь дном стакана. Белов потупил взгляд, покачал головой и громко выдохнул. Мы выпили, молча, не чокаясь и не закусывая.

– И не такое видели, мля, – водка наждаком прошла по горлу, выбив из глаз слёзы. – Долбаный Катаклизм.

– Долбаный Катаклизм, – повторил за мной Белов, разливая вторую порцию.

ГЛАВА ВТОРАЯ ВСТРЕЧА

и ничего мне не ответил. Поверить не могу! Как это произошло? Почему он не улыбнулся своей фирменной улыбкой, почему не притянул к себе? Мог хотя бы помотать головой, выдумать какую-нибудь глупую историю, сослаться на героисповедание, закричать, хлопнуть дверью, ругнуться! Да что угодно, лишь бы не это оглушающее молчание!

Помню, как мы стояли напротив друг друга. Я искала взгляд Яна Мицкевича, своего оператора, но тот старательно отводил его в сторону. Руки парня слегка подрагивали от ежедневного изнуряющего напряжения. Глаза воспалены, за сеткой кровеносных сосудов практически не видно белков. Бессонница началась у него с самого приезда, а те редкие моменты, когда он всё же забывался сном, не приносили ничего, кроме кошмаров. Сколько раз я просыпалась от его криков и дикого скрежета зубов, столько и уговаривала вернуться в Варшаву, но Ян лишь отшучивался, мол, вдруг его ненаглядная Юля найдёт себе оператора посимпатичней. Дурачок, какой же он дурачок...

Со временем Ян стал стыдиться, что девушка оказалась куда выносливей молодого и сильного парня. В *Spółeczna Akademia Nauk*²¹ у него были более высокие оценки, там он был любимчиком преподавателей, активистом общественной деятельности и никогда не терял оптимизма, даже в самых безнадёжных ситуациях. Девушки, все без исключения, таяли под

²¹ *Spółeczna Akademia Nauk* – Общественная Академия Наук, Варшава (пол.).

взглядом его пронзительных голубых глаз, завистливо косились на спортивно сложенную фигуру, шли на всевозможные уловки, пытаясь познакомиться, но этот высокий обворожительный блондин был моим и только моим. Как же называлось то кафе, в котором случилась наша первая встреча?.. Не помню... Да и не важно это уже... Закончив направление журналистики и общественной коммуникации, мы вместе устроились на Program Pierwszy Telewizji Polskiej²². Неразлучные, верные, страстные! Два сапога пара, не разлей вода, всегда без труда находили тему для разговора, спорили о музыке и фильмах, отмечали праздники, встречали рассветы и закаты, лежа лицом к лицу на пахнущей сексом постели... Узнаваемые по всей стране, загруженные работой, счастливые, как никто другой в целом мире.

А потом в России произошёл Катаклизм. Необъяснимое явление, испугавшее не только русских, но и весь мир. Никто не хотел ехать сюда от «единички», все боялись не вернуться назад, даже самые кровожадные акулы журналистики сдрейфили, но я всегда была дурной на голову. Я восприняла всё это, как возможность подняться по карьерной лестнице, прославиться и встать в один ряд с Малгожатой Шейнерт, Тересой Тораньской и Рышардом Капуцинским. Ян тоже вызвался, но в качестве оператора. Его имя значило куда больше моего, но он пошёл на это, потакая капризам своей ненаглядной Юлии Новак, молодой, полной амбиций... и наивной.

Сейчас же мы стояли друг напротив друга, словно два незнакомца, случайно столкнувшиеся на улице. От бывшего лоска не осталось и следа: давно немытые волосы, пропахшая потом одежда и въевшаяся в кожу грязь. Снабжение прессы провиантом и питьевой водой было регулярным, но не блистало особой роскошью, военные относились к нам, как к самоходным бомбам замедленного действия, а работающие с нами напрямую русские, в задачу которых должно было входить оказание всесторонней помощи, лишь кормили обещаниями. Но даже тех

²² Program Pierwszy Telewizji Polskiej – Первая Программа Польского Телевидения (пол.).

крох сведений, что просачивались сквозь информационную блокаду, хватало, чтобы волосы вставали дыбом. За проведённые здесь дни я сильно исхудала, начала сутулиться, шею покрыли красные пятнышки раздражения, а губы потрескались и постоянно кровоточили, но на фоне Мицкевича всё это выглядело, словно треснувший ноготь рядом с закрытым переломом.

Постепенно мы стали отдаляться друг от друга. Точнее, Ян начал отдаляться от меня. В речи появились язвительные нотки, некогда галантный молодой человек стал раздражительным параноиком, но я проглатывала слёзы обиды, прощала то, за что прежде дала бы пощёчину, понимая, что это последствия психоза и переутомления.

Россия стала гладиаторской ареной, на которой мы дрались за правду, и в этих бесконечных схватках, среди пропитанных холодным потом ночей, под невероятные истории солдат и жуткие звуки, доносящиеся из-за ограждения, мы потеряли друг друга. Воздушные замки, некогда возведённые в Варшаве, расшатались в атмосфере упадка и бесшумно рухнули на землю. Туда, где сотни тысяч оставшихся без дома беженцев разъезжались по стране, без каких-либо средств на существование, лишённые тяги к жизни, измученные и обессиленные карантином... Туда, где изучаемые в академии постулаты теряли какой-либо смысл...

Несколько раз я слышала про журналистов, которые тайком пробирались за периметр, но они никогда не возвращались обратно. Однажды я тоже попыталась уговорить Яна на опасную вылазку, но тот мало того, что наотрез отказался, но и пригрозил сдать меня военным. По правде сказать, я была благодарна ему за это.

А потом город умолк.

Стихли выстрелы, не дающие уснуть по ночам...

Лица военных начали разглаживаться, а в безжизненных глазах беженцев появились слабые искорки надежды. Русские объявили набор в экскурсионную группу, специально для прессы отправляемую за периметр. Кто-то отказался, а кто-то, не задумываясь, подписал документы, снимающие с организаторов всю

ответственность за психическое и физическое здоровье участников экспедиции. Я была в числе вторых, а Ян – среди первых.

Помню, как мы стояли напротив друг друга. Я искала взгляд Мицкевича, а тот старательно отводил его в сторону.

– Скажешь что-нибудь на прощание? – спросила я.

Ян наконец-то посмотрел на меня. Блеклые глаза резанули, словно бритва, в них не осталось и намёка на прежнюю небесную синеву. Ноги подкосились, но я не дала воли чувствам. Лишь гордо вскинула голову, подхватила сумку и, не прощаясь, ушла.

Кончились слёзы, а вместе с ними – время до отправления в мегаполис, но теперь во мне не было прежнего азарта. Я надела каску и бронежилет с надписями «ПРЕССА», проверила, на месте ли запасные катушки с плёнкой и батарейки²³, и заняла своё место в транспорте. Автобус тронулся, Ян так и не пришёл проститься. Никто не помахал мне рукой, никто не пожелал удачи... Вокруг раздражительно галдели на разных языках мои коллеги, но среди подозрительных улочек я чувствовала куда большее родство с испуганными солдатами, сидящими на задних рядах, нежели с этими деловитыми олухами. Немного пугало, что нам не выдали такие же свинцовые нагрудники как у военных, но лишь самую малость, достаточно, чтобы я собралась с мыслями. Полаявшие ещё час назад обида и разочарование сгорели вместе с сердцем, оставив после себя безжизненный вакуум. Эмоции остались позади, началась работа.

Записывать видео запретили, так что приходилось фотографировать чуть ли не всё подряд, однако пустынные пейзажи покинутого города быстро приелись. Велика ли цена одинаковым снимкам ничем не примечательных зданий? Да, иногда на маршруте нам попадались перекрученные стволы деревьев и исковерканные неведомой силой автомобили, но не более. Зачем мы вообще надели эти бронежилеты? Автобус пуленепробиваемый, позади сидит целая орава вооружённых парней, а

²³ Имеется ввиду аналоговый вид фотоаппаратов, в простонародье именуемый плёночным.

над головой барражируют боевые вертолётёты. Если в городе и есть кто-то, помимо нас, нападать он вряд ли решится. Поэтому я расстегнула неудобный ремешок каски и ослабила липучки на боках.

Ни тебе опасностей, ни чудовищ, описаниями которых пестрели гуляющие по городку байки. Чего так боится Ян? Зачем я рвалась сюда?

И тогда я перевела объектив с окружающего мегаполиса на пассажиров автобуса. Вот где сокрыты самые потаённые тайны Города, вот где притаилась настоящая сенсация! Озарение опьянило, я мигом забыла обо всём на свете!

– Простите... Простите, я могу фотографировать военных? – запрета на съёмку личного состава экспедиции не было, но, тем не менее, стоило проявить осторожность.

Переводчик передал мой вопрос командующему офицеру, но тот ничего не ответил. Поморщившись, военный легонько похлопал старшего лейтенанта по плечу, и, наконец, тот пришёл в себя:

– Делайте, что хотите, только не лезьте ко мне.

Переводчик, явно удивлённый таким ответом, кивнул, произнося на польском:

– Снимайте.

– А как на счёт прессы?

– Делайте что хотите, только не создавайте проблем.

Получив разрешение, я начала самозабвенно фотографировать напуганных солдат сопровождения, не поспевающего отвечать на вопросы моих коллег переводчика, сурового вида командира и жадно щёлкающих камерами журналистов. Один из солдат, заметив, что я фотографирую его, улыбнулся. Контраст между простым проявлением человеческого дружелюбия и угрюмыми лицами других пассажиров был настолько сильным, что на мгновение я растерялась и опустила фотоаппарат. Вот оно, вот ради чего я приехала сюда. Это фото стоило всех тягот и лишений жизни возле периметра! Один снимок, уместивший в себе невероятно глубокий подтекст торжества жизни над смертью,

добра – над злом, света – над тьмой, и знаменующий конец Катаклизма!

Я улынулась в ответ, чувствуя, как пустота внутри заполняется теплом.

Дальнейшие события сменяли друг друга настолько быстро, что я не успевала реагировать на них. Улыбка исчезает с лица солдата, словно испуганная бабочка. Рация на поясе офицера оживает, все оборачиваются к окну в хвосте автобуса и замечают огромный вал чёрной клубящейся бури, пожирающей город. Журналисты вскакивают со своих мест и, мешая друг другу, пытаются подобраться поближе к стихии. Катушки с отснятым материалом быстро сменяются на новые, каждый старается сделать кадр лучше и красочнее, чем соседи. Поток увлекает меня за собой, хоть я и не хочу этого. Профессиональные журналисты себя так не ведут, был бы отбор членов экспедиции более строгим, и такого, наверняка, не произошло бы! Мечущиеся вокруг лица утрачивают человеческие черты, превращаясь в почуявшие кровь звериные морды, а речь превращается в рычание. Напуганная, я пытаюсь оттолкнуть от себя этих мерзких существ, но все попытки безрезультатны. Стоящий рядом мужчина бьёт оказавшегося на его пути солдата. Реакция не заставляет себя долго ждать, покрасневший от напряжения парень взмахивает автоматом и наносит удар в ответ... А затем достаётся и мне.

Перед глазами вспыхивают ослепительные звёзды, что-то тёплое течёт по лицу, кажется, это кровь... Краем сознания отмечаю, что мне должно быть больно, но боли почему-то нет. Каска отлетает в сторону, я падаю на пол, лицом вниз. Металл соприкасается с кожей, такой же холодный, как взгляд Яна перед расставанием.

Губ касается легкая улыбка, когда я вспоминаю наше знакомство. Как же называлось то кафе?..

Среди шума беснующихся вокруг людей раздаётся громкий щелчок...

Кажется, «То Lubie»... Да, точно!..

По салону проносится оглушительное эхо выстрела, но я его уже не слышу...

Головная боль, словно разъярённое насекомое, впиалась в мозг и разорвала его на мелкие клочки. Любое резкое движение оборачивалось давящей пульсацией, расходящейся от переносицы и захватывающей все без исключения отделы мозга.

Сжимая голову руками, я сидел среди пропитанного потом постельного белья и полутьмы спящего вагона. В сознании ещё мелькали обрывки сновидения. Оглядываясь по сторонам, я никак не мог понять, где нахожусь. В поезде по пути домой? Или в автобусе? Из-за слабого света ночного освещения спальные места выглядели в точности, как пассажирские сиденья, а лежащие на них люди ничем не отличаются от покойников. Морщась от боли, повернулся к окну, за которым проносилась густая чернота полярной ночи. Ужас сжал внутренности, на секунду мне показалось, что поездка домой была всего лишь иллюзией. К горлу подступил комок, вскочив с полки, я побежал в туалет, и, не успев даже закрыть за собой дверь, опорожнил желудок в унитаз.

Отвыкший от алкоголя организм раз за разом сокращался. Живот свело судорогой, рот наполнила разъедающая горечь, а головная боль сдавила череп с удвоенной силой.

Спустя минуту или две спазмы прошли. Тяжело дыша, я сидел возле унитаза, не в силах подняться на ноги. Слава богу, что никто не прибежал на шум. Вид побледневшего солдата, сидящего на полу туалета и пытающегося отплесть от собственной рвоты, говорил о чём угодно, но никак не о доблести армии.

Не стоило мне столько пить...

Попытался встать, но перед глазами всё поплыло, и я безвольно рухнул обратно. Не хватало ещё в обморок упасть, а ещё лучше – разбить голову об металлический ободок. Вот уж достойная смерть будет – пройти всю службу, выжить в сотнях караулов

и боевых тревог, и всё это лишь для того, чтобы раскроить череп в плацкартном туалете. Лучше не придумашь.

Руки зашарили по карманам в поисках сигаретной пачки, но не нашли ничего, кроме зажигалки, расчёски, платка и военного билета. Чёрт, я и забыл. Курево давным-давно кончилось. Боль в черепной коробке, полыхавшая всё это время всепожирающим огнём, пошла на убыль и вскоре совсем исчезла, захватив с собой и головокружение. Прислушавшись к внутренним ощущениям, я не нашёл причин оставаться здесь и хотел было предпринять новую попытку встать на ноги, но неожиданно заметил какое-то движение за приоткрытой туалетной дверью. Несмотря на то, что освещение поддерживалось в поезде круглосуточно, в тамбуре царила крошечная тьма, не позволявшая разглядеть что-либо дальше порога, но чувство чужого взгляда, внимательно следящего за мной, настойчиво твердило, что там кто-то есть.

– Эй, кто здесь, – тихонько позвал я, до рези в глазах всматриваясь в черноту, и чем дольше я это делал, тем страшнее мне становилось.

Ответом была лишь звенящая тишина, в которой потонули все окружающие звуки. Мрак вскипел, зашевелился, его поверхность пошла пузырями, каждый из которых, лопаясь, заставлял меня сильнее вжиматься в подрагивающую стенку вагона. Кажется, в определённый момент я даже начал различать очертания двух фигур, прильнувших лицами к щели между дверью и косяком. Серые лица с безжизненными провалами глазниц, одно с длинными космами светлых волос, второе – обрамлённое капюшоном. В голове промелькнуло смутное узнавание. Я открыл было рот, чтобы закричать на молчаливых существ, но так и не издал ни звука. Лица исчезли из поля зрения, растворяясь во тьме. Донёсся звук отдаляющихся шагов. Змеиные кольца тишины, всё это время сжимающие моё тело, ослабели, рассыпались под проступающим из темноты стуком колёс.

От ледяной воды сводило лицо, но я раз за разом подставлял ладони под бьющую из крана струю и с силой тёр щёки. Страх

постепенно улетучивался, как и плохое самочувствие. Произошедшее начинало казаться не более чем воздействием алкоголя. Воспоминания об увиденном во сне кошмаре тоже рассеялись, стекли вместе с водой в раковину и исчезли в сливном отверстии.

Как следует умывшись, я поднял взгляд к зеркалу и увидел перед собой молодого парня с бледным измождённым лицом. Мокрые кончики волос с преждевременно проступившей седой прилипли ко лбу, капли воды стекали вниз, к воспалённым, глубоко запавшим в череп глазам, и терялись среди трёхдневной щетины...

Я поднял лицо к зеркалу и увидел перед собой молодого парня, в котором с трудом узнал самого себя...

В проходе загорелся свет, дверь со скрипом отошла в сторону, и в туалет заглянула знакомая проводница, в руке её дымилась сигарета. Чёрные волосы, ранее собранные в узел, теперь волнами спадали на плечи, в глазах читались сочувствие и лёгкое разочарование.

– Простите, но мне надо закрыть уборную. Мы подъезжаем к станции, – извиняющимся тоном сказала.

– Какой город?

– Ваш. Стоянка пять минут.

Не произнося более ни слова, я вернулся к своей полке. Места Белова и его сына пустовали, видимо, они сошли раньше. А может быть, их никогда и не существовало. Переобуваясь, я катал на языке эту мысль, параллельно пытаясь припомнить подробности пьянки, но в памяти всплывали лишь обрывки ничего не значащих разговоров. Ремень с приятным щелчком застегнулся поверх бушлата, я подхватил вещевой мешок и направился по слабо освещённому коридору к выходу, где уже дожидалась остановки проводница.

Катаклизм позади, за многие километры отсюда. Убрал с шеи когтистые лапы, позволил уйти, но ощущение чужого взгляда, наблюдающего из сгущающихся теней, никуда не исчезло, словно подаренная мне свобода – всего лишь прогулка на длинном поводке. В голове никак не укладывалось, что моя

война окончена... Не та война, под флагом которой я маршировал, а личное противостояние Катаклизму, как живому существу, ежедневно испытывающему нервы на прочность, а глаз – на точность. Выиграв все без исключения сражения, я умудрился проиграть ему свою душу, свои сны и свой дом. Отгремели батареи артиллерийской поддержки, с бронетехники слито всё топливо, оружие сложено в пирамиды и закрыто под замок. Солдаты, сильные духом и телом парни, разбрелись по домам, которые успели стать им чужими.

Что меня ждёт на перроне? К кому я возвращаюсь? Оправданы ли средства, потраченные на достижение цели? Обыденные вопросы, привычные... Сейчас, спустя месяцы пребывания на периметре, у меня возникла совершенно новая мысль, куда сложнеей всей этой рефлексирующей чепухи... Знай я, на что иду, попытался бы что-нибудь изменить в прошлом?..

Стук рельс замедлился, а потом и вовсе стих. Распахнув дверь, девушка скинула вниз металлическую лесенку. Прежде, чем спуститься, я задержался:

– Сигареткой не угостите?

Брюнетка приветливо улыбнулась и извлекла из кармана пачку Winston-a. Протянула. Я достал одну и, благодарно кивнув, спустился вниз, в ночной город.

Оранжевый свет фонарей расплывался угловатыми кляксами на фоне тёмно-синего безветренного неба, бил по глазам, привыкшим к темноте, отражался от крупных хлопьев снега, мерно спускающихся на город. Скрывшиеся под их слоем скамейки больше напоминали белоснежные диваны, невесть кем оставленные у входа на вокзал, одноэтажное здание которого, ослеплённое проглотившей город зимой, шурилось тёмными окнами.

Позади раздалось легкое постукивание. Три удара, а потом, после небольшой паузы, ещё два. Я обернулся.

– Прощай, солдатик, – затягиваясь сигаретой, засмеялась проводница. – Береги себя.

Поезд вздрогнул и сделал несколько неуверенных шагов, готовый отправиться дальше. Брюнетка закинула обратно в вагон лесенку и закрыла дверь.

Сделав большой глоток свежего морозного воздуха, я достал из кармана зажигалку и закурил. Никотиновый голод, всё это время не дающий покоя, с каждой затяжкой ослабевал, а потом и вовсе улетучился вместе с клубами дыма, исчезающими в глубине ночного неба.

Ненавистный Город остался позади... Но так ли он был ненавистен? Откуда эта мазохистская тяга вновь ощутить сдавливающий душу страх? Почему видения, неотрывно преследующие меня от самого госпиталя, воспринимаются так обыденно и привычно?

Ответ прост – Город хорошенько надрессировал своего верного пса. Моя война никогда не закончится, никогда не стихнут выстрелы, громыхающие где-то на краю сознания. Никогда не обретут покоя шагающие следом за мной призраки. Подобно экзотическому инструменту, изготовленному для одного лишь удара, я буду обречён пылиться на дальней полке, ожидающий, что снова понадобится кому-нибудь, готовый к любой боли, согласный работать на износ, пока рукоятка не сломается, лишь бы не возвращаться в одиночество чулана.

Я так боялся превратиться в чудовище, что не заметил, как стал им... Парадокс... Прав был Штыков... Мы мечтаем выжить и обрести покой, который давно дожидается в темноте смерти...

За то время, что я курил, в пределах видимости не появилось ни одного человека. Немудрено, на часах половина первого, кому придёт в голову бродить по городу в столь поздний час, да ещё и в будний день.

Ёжась от холода и оглядываясь по сторонам, я вышел с территории вокзала и остановился у проезжей части. Внимание сразу же привлекла горящая вывеска местной шашлычной, возле которой почти в любое время суток ошивались любители выпить чего-нибудь высокоградусного, но на этот раз людей в её окрестностях видно не было. Город не блистал размерами и количеством развлечений, так что большинство жителей скрашивали досуг при

помощи алкоголя, зависая в местных немногочисленных питейных заведениях. По большому счёту, вся здешняя экономика строилась вокруг атомной электростанции, поэтому население условно делилось на две категории: тех, кто хорошо зарабатывал на АЭС, и тех, кто зарабатывал гораздо меньше, работая во всём, кроме АЭС. Мои отец с матерью относились к числу первых, занимая на Станции руководящие должности, однако в своё время я не пожелал идти по стопам родителей. Что уж там говорить, образования, кроме среднего, у меня не было. Услышав о Катаклизме, частичной мобилизации и внеочередном воинском призыве, я бросил всё и отправился в ближайший военкомат, не задумываясь о последствиях. Сказать, что родители были рассержены – не сказать ничего. Территориальное нахождение и отдалённость от эпицентра Катаклизма вселяли в местных уверенность, что уж им-то точно ничего не грозит, ну а прочие как-нибудь сами разберутся с проблемами.

Сейчас, глядя на спокойствие многоэтажек и редкие освещённые окна, особо отчётливо заметные на фоне беззвёздного неба, возникало ощущение, что никто из местных вовсе не знал о существовании Катаклизма, и уж тем более – что кто-то проливал кровь ради их спокойствия.

Долгими промозглыми сменами я подбадривал себя мыслью, что однажды вернусь сюда. Буду стоять прямо на этом месте, смотреть на родной город и строить планы на будущее... Плевать на холодный ветер, на душе моей будет тепло и спокойно, потому что я уцелел, вышел живым из той бойни, что язык не повернётся назвать войной. В войне несут потери обе стороны, но на периметре... Там всё было иначе... Ну и пусть, плевать! Я забуду картины ужаса, выжженные на коже кислотными дождями, выброшу ружьё и вернусь домой с чистым сердцем! Обниму мать, пожму руку отцу, и мы сядем все вместе за стол! Прошлое растворится в первом произнесённом тосте, мы будем радоваться жизни, будем уважать смерть, но не более того! Не более того!.. Я расплачусь, понимая, что сумел вернуться, и, впервые за долгое время, не буду стыдиться эмоций...

Так я думал тогда, полгода назад, но теперь, стоя на том самом месте, куда так страстно желал попасть все эти месяцы, я не ощущал ничего, кроме разочарования. На секунду почудилось, что я вышел не на той остановке, слишком уж чужими выглядели пустынные улочки и разноцветные многоэтажки. Хотя, к чему этот эгоизм... Это не они чужие для меня, а я – для них.

Подавленный этой мыслью, я прошёл две автозаправки, расположенные практически вплотную, свернул к зданию рынка, а затем направился во дворы. Хотел было заглянуть в круглосточный магазин за сигаретами, но вспомнил, что покупать их было не на что.

До дома оставалось всего ничего, когда я заметил стоящий на проезжей части милицейский УАЗ и замершего рядом с ним сотрудника патрульно-постовой службы. Возникло желание воспользоваться какой-нибудь другой дорогой и обогнуть неожиданное препятствие, но я подавил в себе эту трусливую мысль. Не для того я помирал со страху на караульных вышках, чтобы прятаться от милиции.

Чем ближе я подходил к патрульной машине, тем сильнее казался знакомым стоящий рядом с ним постовой. Последнего, видимо, распирали те же самые мысли.

– Ванёк! Ты? – расплываясь в довольной улыбке, окликнул меня патрульный, когда я поравнялся с машиной. – Старых друзей не узнаёшь?

– Андрюха? Сколько лет, сколько зим! – наконец признав старинного приятеля, отозвался я.

Подошёл ближе и пожал крепкую руку Степанченко, моего одноклассника. В школе он был крепким парнем, активно занимался спортом, и все думали, что со временем мальчик вырастет в здешнюю хоккейную знаменитость, а оно вон как вышло, подался в милицию. На погонах жирная полоска старшего сержанта, телосложение всё ещё крепкое, но под форменным бушлатом уже угадывались очертания пивного живота.

Погладив аккуратные усы, парень оглядел меня с ног до головы и иронично хмыкнул:

– Что, дембельнулся только?

– Так точно, тарищ старший сержант, – карикатурно отпартовал я. – Домой иду.

В стоящем здесь же УАЗе послышался смешок, я заглянул в окно и увидел ещё одного ППСника. Совсем ещё молодой парень, наверное, только-только закончивший милицейское училище. Согнувшись пополам, он сидел за рулём автомобиля и колдовал над рацией.

– Знакомся, рядовой Сергей Иванов, – кивнул в его сторону Степанченко. – Что там, получается что-нибудь?

– Никак нет, товарищ старший сержант, даже помех не слышно.

– А радио?

– Тоже ничего.

– Значит, плохо стараешься, продолжай дальше.

Сергей Иванов. Под сердцем ощутимо кольнуло, а во рту появился неприятный привкус. Сосредоточив взгляд на старом приятеле, я попытался прогнать наваждение.

Добродушное широкое лицо Андрея, располагающая к себе улыбка и съехавшая на макушку ушанка плохо вязались с образом командира, но я ничего не стал говорить на этот счёт, а вот Степанченко не упустил случая поддеть меня:

– А ты чего с пустыми погонами?

– Чистые погоны...

– Да иди ты в задницу со своей чистой совестью, – не дав мне договорить, шутивно огрызнулся милиционер. – Что, даже ефрейтора не доверили?

– Слышал поговорку про ефрейтора²⁴? – улыбнулся я.

²⁴ «Лучше дочь проститутка, чем сын – ефрейтор». Старая армейская поговорка, имеющая несколько толкований. Первое, более прозаичное – ефрейтор возвышается над рядовым составом и имеет над ним минимальную власть, которую многие стараются максимально использовать. Кроме того, ефрейтор – солдат, который сумел отличиться и заслужить поощрение, но сержантское звание доверять ему не рискнули. Второе объяснение уходит корнями в Великую Отечественную, во время которой ефрейторов часто давали посмертно. В этом случае поговорка переводится следующим образом: «Лучше иметь живую дочь, чем

– Эй, Серёг, слышал? Не успел ещё до дома дойти, а уже своими военными присказками сыпет налево и направо!

– Так точно, товарищ старший сержант.

– А вы чего здесь стоите? – стараясь перевести тему, спросил я.

Не заслужил я званий. Хотели дать, да я отказался...

– Сегодня все как с ума посходили. Сперва собаки напали на ребёнка в районе катка, потом какие-то придурочные подростки подожгли санитарку, а теперь рация сдохла. Дежурство только началось, а голова уже вскипает.

– Ждёте кого?

– Да... Лёва домой забежал, пробует связаться с участком по телефону.

– Понятно, – поёжившись от холода, подытожил я. – Сигареткой не угостишь?

Патрульный достал пачку дешёвых папирос, мы закурили. Вдалеке послышался нарастающий рёв сирены, и вскоре по улице на полном ходу пронеслись два пожарных экипажа.

– Вот, а я о чём говорю. Не ночь, а чёрт знает что, – провожая их взглядом, чертыхнулся Андрей. – Ты, кстати, где служил?

– На периметре, – без особой охоты ответил я.

– Серьёзно? – тон старого приятеля сменился с насмешливого на уважительный. – Мы с парнями ездили туда в командировку. Хреновое место.

– Самое что ни на есть хреновое...

Разговор стих, каждый задумался о своём. Я так глубоко погрузился в воспоминания, что не заметил, как сигарета истлела до самого фильтра. Пальцы обожгло болью, матюгнувшись, отшвырнул окурочек. Степанченко открыл было рот, чтобы изречь очередную подколку, но в этот момент дверь ближайшего к нам подъезда с грохотом распахнулась и из здания выбежал третий милиционер, судя по всему, ранее упомянутый Лёва.

мёртвого сына». Есть ещё одна версия – звание Адольфа Гитлера во время Первой мировой войны было ефрейторским.

– Ну что? – не дожидаясь, пока подчинённый подойдёт ближе, выкрикнул Андрей.

– Голяк, – разочарованно покачал головой тот, на ходу застёгивая пуговицы бушлата. – Телефонной связи тоже нет.

– Надо в участок ехать, – поправляя автомат на плече, задумчиво сказал старший сержант. – Чёрт знает что... Это Иван.

– Салют. Лев Дроздов, – пожимая протянутую руку, поздоровался тот. – Ну что, поехали?..

Милиционеры уже хотели погрузиться в машину, но тут со стороны детского сада, расположенного неподалёку, послышался собачий вой. Мы развернулись по направлению к шуму. Звук был настолько тоскливый и надрывный, что по спине побежали мурашки. Тональность увеличивалась, постепенно переходя в оглушающий рёв, похожий на звуки сирены противоздушной обороны. Морщась от вновь вспыхнувшей в голове боли, я сжал уши ладонями, но завывания с легкостью проникали через щели между пальцами и вгрызались в пульсирующий мозг. Слава богу, долго какофония не продлилась, рёв резко оборвался жалобным скулежом, после чего раздался странный ухающий звук, напоминающий удар по плохо натянутому полотну барабана, его эхо, отражаясь от многоэтажек, пронеслось по улицам и затихло где-то вдалеке.

– Это ещё что за хрень? – обескуражено спросил Дроздов, рука милиционера лежала на расстёгнутой кобуре, но сам он, видимо, не замечал этого.

– Собака? – послышался из машины голос Иванова.

– Собаки так не воют, – покачал головой Степанченко и повернулся ко мне. – Ты это, иди. От греха подальше. Потом увидимся.

Я кивнул, пожал всем по очереди руки и пошёл в направлении дома. Позади послышался шум заведённого двигателя, мимо пронёсся УАЗ, но направлялся он не в участок, а к источнику воя – детскому саду. Подойдя к нужному подъезду, я открыл, как оказалось, незапертую дверь.

– Что за ерунда...

Захлопнул её и открыл вновь. Так и есть, магнит не работает. Что-то ЖКХ совсем отбились от рук, если не поддерживают дома в надлежащем состоянии.

В подъезде тускло горела лампочка. Хорошо хоть не придётся шариться в потёмках, боясь оступиться и кубарем слететь с лестницы. Пройдя мимо почтовых ящиков с торчащими из них во все стороны буклетами, рекламирующими мебельные магазины и творческие вечера в местном ДК, я добрался до лифта и нажал на кнопку вызова. Зашёл в кабину, морщась от чересчур едкого запаха освежителя воздуха, и выбрал нужный этаж.

Раздался сигнальный зуммер, двери раскрылись. Оказавшись на лестничной площадке, не стал торопиться звонить в дверь, а вместо этого подошёл к окну. Возле видневшегося поодаль детского сада неподвижно стояла патрульная машина, милиционеров поблизости видно не было, судя по всему, они либо сидели внутри, либо скрылись в здании.

Сознание назойливо щекотало недоброе предчувствие. Что это была за собака? Единственное место, где я слышал нечто подобное, было... периметром... Но разве такое возможно? До Города полторы тысячи километров, встретить проявление Катаклизма здесь, на таком расстоянии от эпицентра, невозможно. Должно быть другое объяснение.

Из всех сил я попытался отогнать от себя эти мысли, но ничего не получилось.

В очередной раз безрезультатно пошарив по карманам в поисках сигарет, я выругался и направился к двери с номером двадцать один. Приложил палец к кнопке звонка и стал ждать. Тоскливое чувство, что я зря вернулся и никому теперь не нужен в этом доме, чуть было не заставило развернуться и опрометью броситься прочь, но невероятным усилием воли я всё же остался на месте. Некуда и не к кому мне опрометью бросаться... Послышались шаркающие шаги, донёсся истощенный собачий лай, сквозь который с трудом различался заспанный женский голос:

- Да заткнись, Муха! Кто там?
- Это я, Ваня.

Щелкнула отпираемая щеколда, дверь распахнулась. На пороге в ночнушке и розовых тапочках стояла Наташа, моя сестра. Абсолютно такая же, какой я её запомнил, разве что извечное каре сменило цвет с каштанового на бардовый. Слегка полноватая, низкорослая, но не лишённая свойственного только ей самобытного женского обаяния, позволяющего уводить мужей у девушек, куда красивее и выше, чем она.

– Ваня! – взвизгнув, она бросилась мне на шею, на удивление сильно сжимая в объятиях. – Ваня, это ты! Почему не написал, что приедешь? Родители совсем испереживались!

Следом за девушкой из квартиры вылетела немецкая овчарка. Виляя хвостом и радостно лая, она норовила оттолкнуть от меня сестру.

– Привет, Муха! Привет! – садясь на корточки, протянул я.

Собака тут же начала вылизывать мне лицо, ежесекундно поскуливая, словно маленький щенок

– Папа с мамой дома? – кое-как отбившись от овчарки, я прошёл внутрь и запер дверь.

– Нет, уехали в командировку. Муха, да отстань ты от него!.. Обещали вернуться через пару недель... Да что ты встал, как неродной, раздевайся и проходи, а я пока чайник поставлю!.. Как же здорово, что ты вернулся!..

– Что нового в городе произошло? Как родители?

Ароматный чай с долькой лимона приятно согревал ладони. Прихлёбывая из парящей кружки, я периодически наклонялся, чтобы потрепать устроившуюся у ног собаку, и с интересом осматривал кухню, которая, к слову сказать, претерпела некоторые изменения за время моего отсутствия.

– Смотрю, вы ремонт сделали.

– Это всё папа, сидел себе, сидел, а потом взял, да переделал всё. Говорил, Ваня приедет, а мы тут, как погорельцы, со старой мебелью. Они и твою комнату немного изменили, мама была, конечно, против, боялась, что тебе не понравится, но мы с отцом уговорили её. Видел бы ты, как она бережно переносила книги, словно стеклянную посуду. Ты совсем не писал, мы уже начали бояться, как бы чего не случилось.

– Начальство не разрешало, режим полной секретности, – усмехнувшись, соврал я.

На самом деле, мне было стыдно перед родителями. За время службы я понял, что они были правы, когда отговаривали меня, предлагая сперва закончить учёбу, и только потом пойти служить. Раздумывая об этом, я всё больше убеждался, что не смогу заставить себя закончить Академию, а кому нужен человек с посттравматическим синдромом и без образования? Я знал, что отец в тайне от мамы гордился моим выбором, но одновременно с этим я переживал, что не оправдаю его ожиданий, ведь сам он, отслужив в Чехословакии, вернулся в звании старшины. Папа всегда был строгим человеком и всех окружающих мерил по себе, считая, что если он смог что-то сделать, то и остальным это под силу. Многочисленные армейские байки, слышанные в детстве, со временем создали у меня своеобразное представление о службе, но реальность оказалась далека от ванильных грёз. Пожалуй, единственным моим успехом был сам факт того, что я смог выжить и вернуться домой целым и невредимым, однако это было слабым утешением. Ни армейских вёсёлых историй, ни приятных воспоминаний о сослуживцах... Домой я привёз лишь поселившуюся в руках дрожь.

А ведь мог и со званием... мог...

Да совесть не позволила...

– Батюшки, да у тебя седина... – заметив белые волосы на моей голове, ужаснулась Наташа. – Что...

– Давай не будем об этом, – покачал головой я, придумывая на ходу отговорки. – Не было там ничего такого, просто... пару раз в перестрелку попал. Дикие собаки и бандиты, ничего более.

Собаки, ага... ничего более... Конечно, я давал подписку о неразглашении, но в кругу близких эта бумажка не имела никакого смысла. Тут было совсем другое – незачем пугать сестру. Город уснул, и уснул навсегда, подтверждением тому... было...

Песчаный вал катится по мегаполису, подминая под себя многоэтажные здания... Вырвавшиеся из его необъятной туши щупальца считают боевые вертолёты, словно игрушечные...

– Вань? С тобой всё в порядке?

– Да, да, всё хорошо. Просто голова закружилась, – каким-то чудом я успел поставить кружку на стол, не вылив её содержимое на спящую собаку.

– Можешь пойти спать, поговорим утром, – сестра выглядела не на шутку встревоженной.

– Всё нормально. Давай ещё немного посидим. Тебе же не надо на работу утром?

– Нет, что ты! Где я, а где работа! – засмеялась та в ответ. – Я нашла себе кое-кого, пусть он работает!

– Вот как? – шутливо вскидывая бровь, возмутился я. – Захомутила, значит, какого-то бедолагу. Ничего, долго он тебя не сможет терпеть!

– Вообще-то, мы уже живём вместе! А сюда я захожу, чтобы Муху покормить и цветы полить. Сегодня вот решила переночевать, как-то на улице беспокойно, страшно домой возвращаться пешком, а Миша в ночную.

Я кивнул, припоминая слышанный недавно вой. Встал, отодвигая от себя собаку, и заглянул в окно. Машины у детского сада уже не было. Надеюсь, Степанченко и его сослуживцы в порядке.

– Не поверишь, кого я встретил по дороге сюда.

– Кого же?

– Андрея, своего одноклассника. Помнишь, ты была влюблена в него.

Наташа зашлась краской и застенчиво потупилась:

– Было такое, было... Ходила на все матчи, в которых он участвовал, хотя хоккей терпеть не могла. Кем он сейчас работает?

– Старший сержант милиции, представляешь? Ряху отъел на казённых харчах, пузом обзавёлся.

– Хорошо, что он был деревянным дураком. Так и не понял, что мне от него было надо, – рассмеялась сестра.

Мы просидели на кухне еще часа два. Ната поведала, что из-за сильного южного ветра недели две было аномально тепло.

Обычная для этих мест погода установилась всего день или два назад, как раз к моему появлению. Потом сестра плавно перешла к более насущным делам, и в паре слов рассказала, что поменялось в городе за последнее время. Вспоминала общих знакомых и подтвердила мои догадки о том, что Катаклизм практически не затронул здешних жителей. В отличие от других регионов страны, цены в области остались практически на том же уровне, рыболовный промысел не только не потерял актуальность, но и пошёл в гору, так что местные ничего не потеряли с «падением» Города. Станция продолжала вырабатывать энергию, люди учились, работали, сходились и расставались, заводили детей и глушили алкоголь по выходным, словно ничего не произошло.

Единственным мало-мальски крупным событием в местном укладе стало прибытие партии беженцев из Города. Им выделили жильё в недавно отстроенных гостинках²⁵ и пообещали обеспечить работой, которой и для местных-то не всегда хватало. Последние, к слову сказать, встретили неожиданных гостей без особой радости.

Услышав о прибытии беженцев от подруги из администрации, Наташа ожидала увидеть хамоватых, наглых людей, которые начнут качать свои права на каждом углу и требовать уважения к своим, без сомнения, очень важным персонам, но всё это оказалось заблуждением. Поселившиеся в новостройках семьи были полной противоположностью её фантазиям: тихие, подавленные, напуганные люди, вздрагивающие, стоило рядом чихнуть.

– У тебя глаза... практически такие же, как у них. Выцветшие, уставшие. Словно вы там мёртвого бога увидели, да так и не смогли смириться с этим... – в голосе Наташи улавливались опасливые нотки, словно она поняла, что пустила в дом совершенно чужого человека, но я сделал вид, что не заметил этого.

Отец первый месяц безумно злился на меня, пытался звонить куда-то, затем примирился с решением сына, а позже и

²⁵ Гостинка (разг.) – комната гостиничного типа. Жилое помещение, представляющее собой либо малометражную однокомнатную квартиру, либо комнату с кухонной нишей и санузлом. Также гостинкой называют здание, состоящее из таких квартир или комнат – дом гостиничного типа.

вовсе загордился, хвалясь перед друзьями, какой его Ваня смелый и решительный. Кто меня действительно удивил, так это мама, до этого не страдающая религиозностью, но неожиданно для всех ставшая посещать церковь и молиться о моём скором возвращении.

Наконец, глаза у сестры стали слипаться, и мы решили – самое время отправиться на боковую. Наташа сказала, что утром уедет со своим молодым человеком, но обязательно вернётся на следующий день. Я же пообещал, что буду поливать цветы и выгуливать собаку вплоть до возвращения родителей. На этой ноте мы и разошлись по разным комнатам. Я усердно отмахивался от мыслей, что радость сестры выглядела чересчур наигранной, как, собственно, и закрывающиеся сами по себе глаза. Это всего лишь паранойя, ничего более. Если мне не рады здесь, то идти больше некуда...

Плюхнувшись на мягкую, я практически моментально провалился в сон, не успев даже заметить, как Муха тихонько приоткрыла дверь, вскочила на постель и свернулась калачиком в ногах.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

«ВНИМАНИЕ, ВНИМАНИЕ!...»

ронзительно голубое небо салютовало солнечными лучами. Привет, Небо... Я тоже рад тебя видеть. Каждый раз, покидая тебя, я мечтаю вернуться назад. Представляешь, как жена ревнует?.. Оно и понятно, ведь мы с тобой самые настоящие любовники... Я знаю, ты одно на всех, но для меня ты всегда особенное.

Интересно, ты скучало по мне? Хотя нет, не отвечай, я и так всё вижу. Смотрю, подготовилось к моему приходу, разгладив просторы с такой скрупулёзностью, что даже наш командир, майор Цветков, не смог бы придрататься. О-о-о, поверь, Толя тот ещё скряга, умеет найти недочёты там, где их никогда не было. К счастью, тебе это не грозит. Ни одного изъяна, ни одной тучки до самого горизонта. Спасибо, что так расстаралась к моему приходу, но я того не заслуживаю...

Передай, кстати, спасибо ветру. Если бы не его кроткий нрав, то мы не увиделись бы сегодня. Так уж решило командование, единственный, даже самый малозначимый недочёт, и экспедицию перенесли бы. Не знаю, выдержал бы я без тебя ещё день...

– Скала, я Эхо-1, я Эхо-1, как слышите меня, приём... я Эхо-1, я Эхо-1... Чёрт... Эхо-2, Эхо-3, я Эхо-1, попробуйте связаться со Скалой и доложите, я Эхо-1, приём.

– Я Эхо-2, связи нет.

– Эхо-1, я Эхо-3, связь отсутствует.

– Не нравится мне это... Что с радиосвязью?..

Прости, Небо. Я опять не один, так что обойдёмся без интима...

С высоты город казался не более чем нагромождением детских кубиков. Сложно поверить, что совсем недавно в нём разворачивались трагично известные события, потрясшие мир. По правде говоря, сколько мне приходилось летать над ним, так и не увидел хоть одного мало-мальски интересного события. Слышать-то много чего слышал, а вот самому быть свидетелем – Небо убергло.

Экипаж у нас сработавшийся, не раз и не два был на боевых вылетах ещё тогда, полгода назад. Первое время мы участвовали в спасательных операциях, вывозя не успевших эвакуироваться жителей, потом доставляли разведывательные группы. Иногда возвращали их назад, иногда прилетали домой порожняком. За проведённое здесь время наша двойка приобрела статус «заговорённой», а пилотируемый нами Ми-24²⁶ считался самым безопасным местом во всём воздушном пространстве мегаполиса. Солдаты говорили, что нас Бог оберегает, но я точно знал, что это не так. Благодарить стоило Небо.

Привычно окинул взглядом приборную панель. Все системы в норме, оба двигателя работают в штатном режиме. Вертолёт нас никогда «не подводил». Бывало, что из-за мелких неисправностей снимали с задания и отправляли на вылет кого-то другого, а потом выяснялось, что заменившая нас машина либо попала в какую-то гравитационную аномалию, либо экипаж терял сознание в полном составе, а то и ещё что похлеще...

– Я Эхо-3, наблюдаю неопознанную цель в инфракрасном спектре, координаты...

А это ещё что такое?

Далеко внизу, среди поблёскивающих в свете солнца многоэтажек, начинала разрастаться полусфера, чем-то напоминающая опухоль. Система наблюдения послушно увеличила масштаб объекта, оказавшегося до боли знакомым.

²⁶ Первый советский специализированный боевой вертолёт, серийный выпуск начат в 1971 году.

– Это что, песчаная буря?

– Похоже на то... Только какого хрена она чёрная... Скала, я Эхо-1, я Эхо-1, как слышите меня, приём, наблюдаю странное природное явление на расстоянии пяти километров от Туристов. Запрашиваю инструкции, Скала, я Эхо-1, приём... Чёрт...

Тем временем буря увеличивалась в размерах, затопливая бурлящей пылевой массой дороги и оказавшиеся неподалёку здания. Поначалу неторопливый вал постепенно набирал скорость, словно черпая силу из съеденного городского ландшафта.

– Турист-1, это Эхо-1, с северо-востока к вам приближается песчаная буря, скорость около тридцати километров в час, постепенно увеличивается. Рекомендуем ускорить продвижение по маршруту... Никак нет, связь со Скалой отсутствует... Рекомендуем сменить направление движения на... – обычно майор лично пилотирует машину, но в этот раз он почему-то доверил эту задачу мне, а сам занял сферу стрелка-оператора.

Заворожённый, я следил за странным явлением, которое, помимо роста в горизонтальной плоскости, начало увеличиваться и в высоту. Переключив приборы наблюдения в инфракрасный спектр, я не поверил своим глазам. Внутренности растущей полусферы, скрытые под толщей черной пыли, напомнили очертаниями свернувшегося в позе эмбриона человека.

– Командир! Командир, смотрите!..

– Какого... что это такое? – лица Цветкова я не видел, но выражало оно, судя по интонации, крайнюю степень удивления, а ведь майор – опытный боевой офицер.

– Эхо-1, я Эхо-2, наблюдаю... – голос в динамике замешкался, словно подбирая слова. – Наблюдаю схожесть бури с человеком.

Господи, как же бредово это звучало...

Более всего туша пылевого вала походила на растущий живот, с подёргивающимся внутри гигантским детёнышем. Командир молчал, видимо раздумывая над дальнейшими действиями, однако я заранее знал о его решении. Задача была предельно чёткой – воздушное сопровождение и обеспечение безопасности автомобильной колонны. К тому же, давало о себе

знать ощущение неуязвимости, приобретённое за время службы в этом богом забытом месте.

– Внимание всем... Сократить дистанцию до километра...

Три грозных ударных вертолётa развернулись и зависли на отдалении от катящейся по городу живой бури...

Вот где пригодились бы демонтированные в угоду рхб-оборудованию ПТУРы²⁷...

– Огонь, – скомандовал Цветков.

Ожило носовое четырёхствольное орудие, отправляя в цель поток крупнокалиберных пуль. Пульсирующая теплом туша внутри бурового вала затряслась, однако большого вреда выстрелы, судя по всему, ей не причиняли. С направляющих сорвались неуправляемые ракеты. Сверкнув соплами, они унеслись вперёд, исчезая среди пылевых клубов.

Заборожжённый зрелищем, я не сразу заметил очертания проявляющегося из бури отростка. Разум только начинал вращать шестернями, а руки уже давили на рычаг управления, уводя вертолёт вниз. Как оказалось, вовремя. Вырвавшееся из вала колоссальной длины щупальце с неправдоподобной для своих размеров быстротой описало дугу, попутно сменяя оказавшиеся на его пути Эхо-2 и Эхо-3. Смело легко и без видимых усилий, словно заторможенных после зимней спячки мух.

– Эхо-2, Эхо-3 ответьте!.. – кричал в микрофон майор, но и он, и я видели, как бронированные машины рассыпались в труху, оказавшись внутри отростка.

Я видел это настолько отчётливо, насколько это было возможно, видел, как оборачиваются невесомым пеплом строения, видел показания сходящего с ума высотометра, сигнализирующего, что под нами нет ничего, кроме пустоты, видел в

²⁷ Имеется ввиду, что команда пилотирует Ми-24Р, модификацию стандартной модели, рассчитанной для ведения радиационной, химической биологической разведки (рхб-разведки). В данной вариации машины оснащены повышенной системой жизнеобеспечения, а противотанковые управляемые ракеты (ПТУРы) заменены ковшами для забора грунта. Ми-24Р проводили оценку уровня заражения во время аварии на ЧАЭС.

мгновение ока сожжанные бурей боевые машины, но объяснить происходящее не мог.

Сторонние размышления исчезли, освободив дорогу холодному сосредоточенному разуму. Мозг быстро анализировал ситуацию, просчитывая возможные последствия и подбирая наиболее удачные варианты действий.

– Уве... танцию!

Совершив умопомрачительный манёвр среди рассыпающихся высоток, я выровнял машину и на предельной скорости повёл её прочь.

– Опас!.. – связь то и дело пропадала, прерываемая длинными приступами полной тишины. – ...ение!

Выстрелив тепловые ловушки, я резко направил вертолёт вверх, спеша уйти от метнувшейся вслед опасности, но не успел. Пронёсшийся рядом пылевой отросток, заполнивший своей необъятной массой всё поле зрения, слизнул хвостовую часть машины вместе с рулевым винтом. Ми-24 в мгновение ока превратился в неуправляемую грудку железа...

– По...р в... секе...

Заухал зуммер, сигнализирующий о неисправности ряда систем, и я на автомате включил сигнал бедствия. Судя по показаниям приборов, в десантном отсеке вспыхнул пожар. Надеюсь, сидящие там «химики» смогут справиться своими силами²⁸... Хотя, как они это сделают при таком вращении...

Помоги мне, Небо, помоги!..

Но Небо было бессильно, скрытое нависшим над нами щупальцем.

– Саня, уме...!

– Да знаю, знаю! – процедил я, пытаюсь удержать вертолёт в горизонтальном положении.

Окружающий мир с дикой скоростью вращался вокруг кабины, быстро приближаясь.

Так, рычаг управления от себя, уменьшить шаг направляющего винта, попытка выровнять... Чёрт! Ничего не выходит!

²⁸ На Ми-24Р в состав экипажа введены два химика-разведчика.

Инерция удара была слишком сильной, приземлить машину не получится! Да чтоб тебя! Как же так? Всё должно быть совсем по-другому! Кто угодно, но не мы!

— ...ок!

Я расслышал всего один слог из поступившей команды, но сразу понял, о чём говорил майор.

«Прыжок»...

Согласно приказу командира необходимо было экстренно покинуть машину, но куда он приказывал прыгать? В бурлящую внизу бурю? Ну уж нет, если и погибать, то здесь, в родной кабине.

В поле зрения промелькнули три человеческие фигуры, тут же растворившиеся в катящемся по городу песчаном вале. Я прекратил тщетные попытки выровнять вертушку, продолжая стремительно падать куда-то вниз, сквозь дорожное покрытие... Бескрайние небеса уменьшились до размера воздушного шарика, я вытянул руки, пытаясь ухватиться за них, но ладони зачерпнули липкую массу накатывающей со всех сторон черноты... Я попытался закричать, но рот тут же наполнила невыносимая горечь...

Прощай, Небо...

Впервые за последние дни мне удалось нормально выспаться. Не было ни злосчастных подъёмов по тревоге, ни привычных уже утренних криков дневального, даже кошмары, ежедневно являвшиеся мне, на этот раз куда-то запропастились, а если они и были, то не отложились в памяти.

Сладко потянувшись, я провёл рукой по мягкой шерсти посыпающей рядом Мухи. За окном всё ещё было темно, хоть часы и показывали восемь. Удивительно, как я умудрился выспаться за такой короткий промежуток времени. Особо важных дел, вроде бы, не намечалось: можно ещё понежиться в постели. Вот только валяться без дела ни капли не хотелось.

На прикроватной тумбочке лежала аккуратно свёрнутая чистая одежда: майка, трусы, подштанники, тёплый белый свитер и невесть где найденные Наташей строгие брюки, которые я носил ещё в школе. Последние, к слову сказать, я надевать не стал,

предпочтя привычный камуфляж. Среди одежды обнаружили ключи и записка, написанная неряшливым почерком моей сестрёнки: «Вернусь вечером или утром. Телефон на зеркале. Продуктов нет, крутись сам. Посмотри в кармане». Сунув руку в отложенные было брюки, нащупал тысячную купюру.

Деньги у сестры брать не хотелось. Даже не «не хотелось» – этому противилась вся моя натура, однако выбора особо не было. Неизвестно, появится ли другая наличность в ближайшее время, ведь мало устроиться на работу, надо сперва найти её, а потом дожидаться полочки. Поэтому, скрепя сердце и убеждая себя, что обязательно верну долг, я всё же взял деньги.

У двери гавкнула Муха, напоминая, что с собаками по утрам следует гулять, иначе они нечаянно напишут в чью-нибудь обувь.

– Скоро пойдём, малышка, потерпи, – потрепав её по голове, сказал я.

Вчерашние кошмары потерялись где-то на пути к новому дню. Настроение великолепное, хотелось побродить по сонному городу, посмотреть на места былой славы, окунувшись в приятные воспоминания о юности, проведённой среди этих заснеженных улочек. Быстро умывшись, я почистил зубы и, не заглядывая на кухню, принялся одеваться. Позавтракаю позже, в «Блинке».

Выбор уличной одежды невелик. Брезгливо осмотрев обросшие пылью туфли, я решил остаться верным стилю «милитари» и натянул на ноги армейские ботинки, однако заправлять в них штаны не стал. На вешалке обнаружилась студенческая куртка жёлтого цвета, вязаная балаклава и толстый тёплый шарф. Старых кожаных перчаток видно нигде не было, поэтому пришлось захватить с собой трёхпалые, привезённые из армии... Кажется, всё, ничего не забыл. Деньги и ключи на месте, собака здесь, поводок – тоже... Точно, надо ещё взять военный билет – зайти в военкомат и встать на учёт. Всё, теперь можно выдвигаться.

На улице оказалось куда холодней, чем ночью, да и светлее ни капли не стало. Полярная ночь, мать её... Застегнув горловину куртки до упора, огляделся по сторонам. От ночной безлюдности не осталось и следа: где-то неподалёку слышался шум разбегающихся по городу автомобилей, куда-то спешили прохожие, недовольно кричали дети, не желающие идти в детский сад, а по ещё не протоптанным дорожкам вокруг зданий слонялись собачники, выгуливающие питомцев. Чёрт, я уже и забыл, что значит – гулять с Мухой. Дома она была поистине образцовой овчаркой – лаяла мало и только по делу, слушалась хозяев, не лезла на кровать без разрешения, а если и справляла нужду где-нибудь в неположенном месте, то лишь по причине приближающейся старости, однако стоило ей попасть на свежий воздух, как собаку словно подменяли... Вырвавшись на свободу, Муха того и гляди норовила вырвать из рук поводок, устремлялась в неведомом направлении, яростно обругивала других псов и не обделяла вниманием ни одного угла или ствола дерева. Знаю, немецкая овчарка – невероятно послушная и спокойная порода, но так уж вышло, видимо, мне достался брак.

Проходя мимо памятного детского сада, я невольно стал свидетелем перепалки участкового и, судя по разговору, директрисы учреждения, поджарой женщины предпенсионного возраста, вызывающей стойкие ассоциации с гончей. Директриса то и дело перебивала представителя правопорядка, всем своим видом демонстрируя пренебрежение:

– Я вам ещё раз говорю, пришла директива временно прекратить...

– На каких основаниях?

– На основании заключения сотрудника СЭС, ознакомьтесь...

– Хотите сказать, что у нас обнаружили нарушение санитарных норм?

– Нет, я...

– Где сторож, я хочу поговорить с ним!

– Сторож временно задержан, сейчас с ним работают...

Продолжения я не слышал, хотя было бы интересно узнать, что же произошло в детском саду за прошедшую ночь, но у рвущейся с поводка Мухи были свои представления о скорости и направлении утренних прогулок. Незлобно прикрикивая на мечущуюся по сугробам собаку, которая всеми силами старалась обмотать поводок вокруг моих ног, я сделал несколько кругов вокруг дома. На третьем заходе Муха, наконец, соизволила справиться свои дела, и я с чистой совестью отвлёл её обратно в квартиру, а сам отправился в расположенную неподалёку столовую под названием «Блинная». Не факт, конечно, что она уже открылась, но чем чёрт не шутит. По дороге пришлось свернуть к круглосуточному и прикупить сигарет. Хотелось утолять никотиновый голод по мере его возникновения, а не тогда, когда удастся стрельнуть сигарку у какого-нибудь прохожего.

Столовая, к моему счастью, уже работала. Более того, фантазии позавтракать в полупустом зале обернулись крахом – внутри «Блинной» яблоку негде было упасть, а очередь начиналась от самого входа.

«Приезжайте к нам в город, мы вам всё покажем и расскажем, если надо – переведем, перенесем. Через каналы, дороги, ямы и обвалы...»²⁹.

Из скрытых от глаз динамиков где-то под потолком доносились надрывные голоса современных поп-исполнителей, перемежаемые периодически накатывающими на радиоэфир помехами. Наконец, я приблизился к продавщице на расстояние диалога и продиктовал свой заказ. Расплатившись, взял поднос с тарелками и подошёл к столу со свободным местом.

– Разрешите? – спросил у пожилого мужчины в деловом костюме, уже закончившему с основными блюдами и, в данный момент, потягивающему кофе.

– Пожалуйста, – не смотря на разрешение, взгляд у новоявленного соседа был не самым дружелюбным, видимо, виной тому стал мой разномастный наряд.

²⁹ Песня «Обратите внимание» музыкальной группы «Отпетые мошенники».

«Старый хрен», – подумал я про себя, краем глаза отмечая золотую заколку для галстука и явно недешёвые массивные часы незнакомца. Определённо, не под стать моим дешёвым Опах-ам, купленным на рынке за четыреста пятьдесят рублей. Будете смеяться, но из всех часов, что мне довелось носить, лучше нынешних никогда не встречал. Пусть оригинальный резиновый ремешок и лопнул давным-давно, сменившись на металлический браслет, но, как и прежде, электронный механизм работал точно, без перебоев, исправно предоставляя мне информацию о дне недели, дате, будя по утрам противным пищанием и подсвечивая дисплей миниатюрным светодиодом в ночное время... Если и сломаются, то легче и дешевле купить новые. А это что за золотой кирпич? Массивный, неудобный, ремонт, наверняка, дорогостоящий.

«...приезжайте к нам в город, мы покажем вам культуру, что растет не на природе, не в лесу, не в огороде...»

За оценочным сравнением собственного имущества с дорогим обвесом соседа я по-армейски быстро позавтракал, и взялся было за чашку с парящим кофе, когда произошло нечто неожиданное, причём, не только для меня, но и для всех окружающих.

Первым тревожным сигналом послужило тихое попискивание нескольких пейджеров, синхронно прозвучавшее из-за разных столиков столовой. Чопорный мужчина, сидящий напротив, неторопливо сунул руку под пиджак, извлёк на свет приёмник и посмотрел на дисплей. Увиденное чудесным образом излечило его от всех проявлений неспешности. Он залпом допил напиток, подхватил пальто, дипломат и выбежал на улицу, даже не успев застегнуться. Следом за ним со своих мест вскочило ещё человек шесть, все они, без исключения, побросали недоеденные завтраки и устремились к выходу. Проводив недоумённым взглядом последнего из них, я заметил, как с мест встала ещё парочка посетителей: мужчина и женщина. Двигались они подчёркнуто неторопливо, но, судя по содержимому тарелок и целенаправленности движений, это было не более чем показухой.

«...обратите внимание на наше воспитание: пьянки, гулянки, диско и фанки, с нами девчонки-растаманки...»

– Что-то случилось, – до моего слуха донеслись обрывки диалога сидящей позади молодой пары. – Ага... станционные...

– Давай собираться домой, Никита, – с места вскочила толстая женщина и ласточкой метнулась к вешалке с верхней одеждой. – Папочка нас уже заждался...

Маленький Никита, судя по раскрасневшемуся лицу, не был в восторге от решения матери...

«...мокрые, соленые, синие, зеленые...»

На улице оглушительно взревел знакомый всем с детства сигнал противовоздушной тревоги. Под потолком раздался громкий щелчок, обрывая речитатив дурацкой песни. Воцарилась гробовая тишина, вилки зависли на полпути ко рту, посетители, как один, подняли головы вверх.

Наконец, прозвучал ещё один щелчок, и радио-эфир вновь ожил, но на этот раз в нём не было ни голоса молодого парня, поющего об отвязном времяпрепровождении своего поколения, ни каких-либо других исполнителей. На смену им пришёл хорошо поставленный женский голос. Слова произносились чётко и громко, но качество связи оставляло желать лучшего:

– Внимание, внимание! Внимание, внимание! Администрация города сообщает, что в связи с аварией на атомной электростанции в горо... ется неблагоприятная радиационная обстановка. Обслуживающим персоналом и сот... ходимые меры, однако, с целью обеспечения полной безопасности жителей, необходимо провести временную эвакуацию города. Для этого сего... ября... го года в двенадцать часов ноль-ноль минут к каждому жилому дому будет подано транспортное средство, сопровожда... и сот... милиции. Рекомендуется быть готовыми к эвакуации в указанное время, повторяю, двенадцать часов ноль-ноль минут, и ждать... не выходя на открытую местность. Гражданскому населению предписывается иметь при себе удостоверяющие личность документы, запас еды и воды на время нахождения в дороге. Рекомендуется

иметь при себе индивидуальную аптечку, а также средства защиты дыхания: противопыльные тканевые маски, респираторы, противогазы. В случае отсутствия перечисленных средств защиты ды... необходимо са... сроки изготовить ватно-марлевую повязку... кается иметь лишь перечисленные предметы и малогабаритные предметы перв... все прочие предметы будут изыматься сотрудниками милиции и отправляться на времен... чания происшествия. Прежде чем покинуть жильё, перекройте водопровод и газопровод. Администрацией города определён круг работников, которые остаются на месте для обеспечения нормального функционирования города, всем прочим предприятиям и организациям предписывается немедленно прекратить работу. Военнообязанным гражданам, пребывающим в запасе, приказывается немедленно прибыть к милицейскому участку или военкомату, при себе необходимо иметь военный билет. Населению предписывается подчиняться приказам представителей министерства чрезвычайных ситуаций, министерства обороны и министерства внутренних дел. Населению запрещается длительное время находиться на открытой местности, преднамеренно игнорировать приказ об эвакуации, покидать черту города на собственном транспорте, приближаться к действующей военной технике, пронести в эвакуационный транспорт холодное и огнестрельное оружие, распространять и поддерживать непроверенные слухи. Просим соблюдать спокойствие и порядок при проведении временной эвакуации. Внимание, внимание! Внимание, внимание! Администрация города сообщает...

Дослушав сообщение до конца, я с ужасом представил, что сейчас начнётся в кафе. Воображение принялось рисовать поток людей, ринувшийся под действием паники по домам, однако длинный монолог дикторши произвёл совсем другой эффект. Не мешкая, но и без излишней суеты посетители выходили из столовой. Никто не паниковал.

...журналисты вскакивают с мест и устремляются в хвост автобуса...

...Отставить! Отставить!..

– Молодой человек, с вами всё в порядке? – услышал я доносящийся откуда-то издалека женский голос.

С трудом вынырнув из накативших воспоминаний, я растерянно повернулся в сторону кассы. Продавицы спешно покидали рабочее место, однако одна из них продолжала стоять за прилавком, прижимая к груди трубку телефонного аппарата:

– Вам плохо?

– Терпимо, – отмахнулся я и вышел на улицу.

Голова раскалывалась от скрежета, пульсацией распространяющегося от переносицы. Помимо невероятной боли в черепе, пришли головокружение и тошнота. Боясь потерять сознание, я облокотился на стену и запрокинул голову вверх.

Вдох... выдох... Вдох... выдох... Как учил врач...

Вдох... выдох...

В небе над городом летели три Ми-24, едва различимые на фоне мрачного неба. Вертолёты казались игрушечными с такого расстояния, но я в полной мере осознавал огневую мощь этих камуфляжных монстров.

Несущие винты, вращаясь, сливались в диск, разрубающий воздушный поток...

– *Турист-1, это Эхо-1, это Эхо-1, с северо-востока к вам приближается песчаная буря...*

– Машина в населённом пункте, берёза...

Прозвучавшие в голове голоса, слегка искажённые помехами, пропали так же неожиданно, как и возникли, сменяясь назойливым воробьиным щебетанием. Я схватился за голову и сполз по стене, моля о пощаде, но бьющиеся внутри черепа птицы не думали успокаиваться, их ор лишь усиливался, а острые клювы с каждым ударом всё глубже и глубже погружались в мозг, норовя рано или поздно прогрызть его насквозь.

Вдох... выдох... Вдох... выдох...

Кое-как мне удалось взять себя в руки. Выпрямив спину, я продолжал делать элементарное дыхательное упражнение, и

наконец, как и много раз до этого, оно подействовало. Постепенно боль сбавила обороты, а беснующиеся воробьи один за другим стихли.

Чёрт, где я... Что происходит?..

Не сразу, но я всё же вспомнил об услышанном радиосообщении, а также предписанном в нём порядке действий. Мать твою, мало мне своих проблем, так ещё и авария на Станции. Сбежать от Города, чтобы тут же угодить в эпицентр радиационного заражения, как вам такой план?

Осторожно поднявшись на ноги, я прислушался к внутренним ощущениям. Приступ, вроде бы, прошёл. В первую очередь заскочу домой, попытаюсь связаться с сестрой, а уже потом отправлюсь к милицейскому околотку.

Транспорт двигался осторожно, водители, видимо, в полной мере осознавали, насколько легко сбить сейчас кого-нибудь из пешеходов. Из попадающих на пути магазинов в спешке выбегали покупатели и продавцы: кто-то налегке, кто-то с огромными баулами на закорках. Некоторые из них даже успели изготовить ватно-марлевые повязки.

В сторону центра пронеслись две медицинских «буханки», а за ними, с небольшой паузой, пролетел пожарный экипаж. Судя по столбу дыма, поднимающемуся в той части города, не все жители смогли справиться с внутренними демонами и поддались панике...

Обогнув ресторан, чуть не сбил с ног преграждавшего дорогу военного. На солдате был общевойсковой защитный костюм, однако противогаз находился в подсумке, что не могло не радовать. Значит, острой необходимости в защите органов дыхания ещё нет. Это несомненный плюс, а вот прочее снаряжение военного наводило на мысли иного рода... Поверх резинового плаща бронежилет, на голове – каска. Руки в трёхпалых резиновых перчатках сжимали автомат со сложенным прикладом, а пояс оттягивал тяжёлый подсумок, очевидно, набитый снаряжёнными магазинами. Рядом с подсумком две цилиндрических гранаты, явно не осколочных, скорее всего с газом или дымовые.

Но это были не все радости, за спиной военного стояла ещё парочка бойцов и тёмно-зелёная, словно только что сошедшая с конвейера, БРДМ-2³⁰. Нарукавных нашивок под плащами видно не было.

– Стоять, дальше дороги нет, – солдат демонстративно пошевелил автоматом.

– Но я там живу!

– Дальше дороги нет, карантинная зона. До проведения мероприятий по обеззараживанию местности...

– Да какого хрена? Какое обеззараживание?!

– Да вы достали уже все, жить надоело? Нельзя туда, понимаешь?! Вообще нельзя! Совсем нельзя! Даже на пять минут нельзя! Даже посмотреть и назад нельзя! – неожиданно взорвался солдат, но вспышка эмоций быстро прошла, и парень опять надел на лицо маску невозмутимости. – Сказано нет, значит – нет. Военнообязанный?

– Так точно.

– Тогда вали к ментовке, вас там собирают. Документы при себе?

– Да, военный билет...

– Везунчик, а теперь проваливай...

Солдат уже начал отворачиваться от меня, когда я сделал шаг вперёд. Молниеносно развернувшись в сторону возможной опасности, боец приподнял автомат:

– Назад!

– Ещё одно! Пожалуйста! – послушно отступая, взмолился я. – Девушка. Волосы бардовые, рост небольшой, полноватая слегка. Не проходила?

– Мужик, ты русский вообще понимаешь? Никто и никуда тут не проходит, всех, кто был в одиннадцатом и двенадцатом домах вывезли, в оцепленной зоне нет и быть не может твоей ненаглядной!

³⁰ Бронированная Разведывательно-Дозорная Машина-2, производилась с 1963 по 1982 г. Вооружена спаренной установкой, состоящей из 14,5-мм КПВТ и 7,62-мм ПКТ. Экипаж – 4 человека.

– Спасибо! Спасибо большое, – от всей души поблагодарил я.

Уже отворачиваясь, я вдруг понял, что с моей стороны проход во дворы контролирует лишь один солдат. Разведывательная машина и два других бойца направляли оружие внутрь охраняемой территории.

Почему я не записал телефон на какую-нибудь бумажку? Мало того, я даже не посмотрел на него утром, а ведь легко мог запомнить. Ну что же, остаётся надеяться, что новый ухажёр моей сестры сможет эвакуировать её в числе первых. Иначе... никаких иначе, она не маленькая, справится... Чёрт, Муха... Она осталась в квартире. С этим тоже ничего не поделаешь... Главное, чтобы она тихо сидела, и тогда всё обойдётся.

Почему именно сегодня, Господи? Почему не вчера? Почему не завтра, я даже гражданской жизнью пожить не успел, с поезда и сразу в бой... Мать твою... Может ну его, этот приказ? Выбраться как-нибудь из города, а дальше... А что дальше?.. Остаток жизни бегать от властей? «Их разыскивает милиция»? Нет, это не выход. Да и совесть не позволит...

Круговорот мыслей с дикой скоростью вращался в сознании, разбивался о камни здравого смысла, бурлил и пенился лёгкой степенью паники, а посередине этого круговорота на маленьком судёнышке плавал я, изо всех сил стараясь удержать в руках руль. Однако продолжалась борьба со стихией недолго. Ровно до того момента, пока я не осознал простую и отвлекающую мысль.

А ведь я хочу всего этого... Хочу опять стать обычным рядовым, получающим и исполняющим приказы. Хочу отключать мозги и ни о чём не думать, бормоча про себя обязанности караульного. Да, это тяжело было признать, но такова суровая реальность. Пройдут день или два, максимум неделя, и я начну ощущать себя лишним на гражданке. Тосковать по расположению роты, всё глубже с каждым днём погружаясь в пучины воспоминаний, возможно, начну пить... А там одно из двух: либо перманентная депрессия, либо ничем не сдерживаемая ярость, – трудно даже представить, что из этих вариантов меньшее зло. Обратно в войска? Да кому я теперь нужен там. Это в срочники набирают всех без разбора, а контрактники, да ещё с моим послушным... Нет,

определённо нет, без вариантов... А вот во время подобных инцидентов, когда появляется острая нехватка людских ресурсов...

Осознание собственного желания и примирение с ним моментально прогнали из мыслей всё ненужное.

Едва заметная улыбка...

Всё, отдохнул. Пора возвращаться назад.

У здания милиции происходило нечто невообразимое. Огромная толпа прибывших по приказу администрации людей затопила стоянку и практически всю проезжую часть, так что милиции пришлось перекрыть движение на прилегающей улице. Кого тут только не было, на призыв откликнулось чуть ли не всё мужское население города, начиная совсем молодыми студентами, и заканчивая стариками, зачем-то нарядившимися в парадные мундиры советских времён. Эта разношёрстная братия гудела, почище пчелиного улья, на некотором отдалении бдительно следили за порядком сотрудники правоохранительных органов в ОЗК с короткими пистолетами-пулемётами через плечо, а у входа в участок несколько военных офицеров по одному сортировали походивших к ним людей. Большинство направляли к стоящим неподалеку армейским грузовикам, однако некоторых из граждан разворачивали в противоположную сторону, к незамеченным мной ПАЗикам. Возле каждого автобуса стояло по два военнослужащих, укомплектованных так же, как и недавно встреченный солдат, с тем отличием, что у этих бойцов противогазы были надеты, а не болтались в подсумках.

Стоявшая рядом со мной парочка мужиков тоже заметила эту деталь и принялась негромко спорить, по какому принципу ведётся отбраковка. Первый, спокойный и рассудительный дядечка в форме строителя, предполагал, что в автобусы сажают солдат со званием выше ефрейторского. Что ж, мысль здравая, однако я сомневался, что у нас в городе так мало сержантов, ведь в автобусе сидело всего человек десять, не более.

Второй же, худощавый старикан с подрагивающей головой, пучил глаза и заговорщицким голосом твердил, что отдельно повезут исключительно евреев, и повезут не куда-нибудь, а к местному крематорию, где непременно сожгут, прямо как во времена фашистской Германии.

– Я тебе уже давно говорил, что нынешние депутаты ничем не лучше нацистов! Коль попробуют меня сунуть в этот катафалк, хрена я им дамся живым, Володь, попомни моё слово!

– Дед, да кому ты нужен? Какие евреи, какие фашисты?..

– А я тебе говорю, послушай!..

Кто-то в ватно-марлевых повязках, кто-то в устаревших гражданских противогазах, кто-то – как я, без средств защиты, но все без исключения взволнованные, испуганные и недоумевающие, какого чёрта они делают здесь. Поразмыслить действительно было над чем? Уж не в реактор ли лезть с лопатой, как в Чернобыле? Людей, громко высказывающих эту или похожие мысли, аккуратно выуживали из толпы и незаметно уводили куда-то в сторону. Правильно делали – зачем тень на плетень наводить. Тут нечто другое, может быть, организация гражданской обороны или помощь в эвакуации мирных жителей? Народ нервничал, но чересчур резких телодвижений не делал. Может быть, причиной тому была готовность к чему-то подобному, а может – уверенность, что это не более чем максимально приближенные к реальности учения. Катаклизм показал миру, что ядерная энергия – безусловно, ужасающая сила, но её хотя бы можно объяснить, в отличие от событий, опустошивших мегаполис с населением в двенадцать миллионов человек.

Продвигалась очередь чересчур медленно. Неплохо было бы её ускорить, а то некоторые уже всерьёз решили, что попросту тратят время и лучше бы вернуться к семьям. Видимо, эта мысль пришла в голову и военным, организующим отбор личного состава, и после короткого, но яростного спора над толпой разнёсся усиленный громкоговорителем голос:

– Внимание всем прибывшим! В целях экономии времени приказываю! Гражданам, проходившим военную службу или проживающим в городе М. вплоть до Катаклизма, занять места

в автобусах, всем остальным – в грузовиках, для ускорения продвижения очереди подготовить к осмотру второй разворот паспорта и четвёртую страницу военного билета!..

– Какого чёрта? С чего вдруг меня отдельно? – изумился стоящий справа парень.

Мысленно пожав плечами, я двинулся к ПАЗикам. Надо – значит надо, начальству видней. Может быть, нас отбирают для особенного задания, как более опытных и ценных кадров?

Я уже хотел подойти к проверяющим документы солдатам, когда услышал оклик со стороны участка:

– Иван!

Звали, наверняка, кого-то другого, но мало ли чего, уж больно голос знакомый. Точно! Степанченко! Стоит на углу здания, и как он меня только углядел в толпе? Лицо покрасневшее, взволнованное, одной рукой придерживает увесистую спортивную сумку, второй – машет мне, то ли подзывая, то ли приветствуя.

Выбравшись из толчи, я подбежал к старому другу:

– Привет. Можешь ты мне объяснить, что здесь прои...

– Потом, всё потом. Дуй за мной и не отсвечивай! – с этими словам старший сержант развернулся кругом и скорым шагом направился в обход здания милиции. Мне ничего не оставалось, как последовать за ним.

Степанченко постоянно оглядывался по сторонам, словно опасаясь кого-то. Украл что-то под шумок и теперь хочет спрятать? Подойдя к углу здания, Андрей осторожно выглянул, изучая служебную стоянку. Транспорта на ней было раз-два и обчёлся, видимо, львиная часть персонала разъехалась по городу, однако вскоре я заметил стоящий особняком УАЗ со знакомыми номерами.

– Пошли, – скомандовал Степанченко и чуть ли не бегом направился к машине, не прекращая при этом оглядываться по сторонам.

В транспорте, как оказалось, уже сидело два милиционера: Лев Дроздов и толстый милиционер с лейтенантскими погонами, тут же взъерившийся на Андрея:

– Где тебя черти носят? Это кто такой?

– Это Иван Селезнёв, мой школьный друг. Тоже *оттуда*, – произнося последнее слово, старший сержант сделал отчётливое ударение. – Бывший военный, пригодится.

– В чём пригодиться, олень? – офицер явно нервничал, но нервничал он не столько из-за своего подчинённого, а из-за всей ситуации в целом, Степанченко же был скорее громоотводом, неудачно попавшимся под руку.

– Он нам пригодится, парень смыслённый, – процедил Андрей сквозь зубы, тоже вскипая. – Нет времени пререкаться, а свободное место – есть.

Я благоразумно помалкивал, не до конца понимая, что происходит. Лейтенант посмотрел мне в глаза, поморщился, приоткрыл было рот для новой бранной тирады, но тут же закрыл его, махнув рукой на задние сиденья:

– Бумагу взял?

– Взял.

– Обе?

– Что дали, то и взял!

– Сейф?

– Да всё я взял, поехали.

– Андрюх, что... – подал было голос я, но Степанченко не дал мне закончить фразу.

– Залазь!.. Да залазь, мать твою! Сейчас всё объясню!

Не успел я закрыть дверцу, как Лёва уже выехал на дорогу и помчался по улице Ломоносова. На первом же повороте вывернул руль, сворачивая на Нивский проспект³¹, судя по всему, направляясь к юго-западному выезду из города.

– Значит, слушай внимательно и не перебивай... – наклонившись ко мне, зашептал старший сержант. – Нет никакой аварии на Станции...

– Как не...

³¹ В описываемом городе действительно присутствует проспект Нивский, ошибка отсутствует.

– Не перебивай!.. Станцию экстренно дезактивируют, не более... – Степанченко тяжело вздохнул. – Катаклизм.

– ЧТО?

– Помнишь вчерашний звук? Мы же поехали проверять, что к чему. Так вот, молодой... как его там... он, короче, сотни сложил. Тамошний сторож в фиговину какую-то превратился, стоило нам зайти внутрь – тут же набросился. Пока я автомат поднимал, поврал пополам мальчика. Я рожок весь со страху высадил. Глянули, а эта образина вся в волдырях, мясо с костей на глазах сползает. Остался я его караулить, а Лёва в участок метнулся... Думали, нас за алкашей примут, но нет... Оказалось, не первый случай за ночь. Дальше я хрен знает, что в садике происходило, но ближе к утру пришло распоряжение...

– Сержант, чего ты там возишься? – оборачиваясь, закричал лейтенант. – Давай сумку!

– Распоряжение... – не прерываясь, Степанченко извлёк из сумки укороченный автомат Калашникова и два магазина к нему, а оставшееся протянул офицеру. – Провести мобилизацию, принять необходимые меры для эвакуации населения, АЭС дезактивировать. Город в экстренном порядке покинуть. В первую очередь вывезти всех, кто, так или иначе, был свидетелем Катаклизма... Знаешь, куда? Вот и я не знаю. Связи с большой землёй нет, радио работает в небольшом диапазоне, да и то с перебоями. Командуют органы местного самоуправления, ещё ночью всё крупное начальство вывезли и создали где-то за городом штаб по чрезвычайным ситуациям...

УАЗ свернул на улицу Сивко. Лёва водил так себе, машина собирала все встречные колдобины. Лейтенант, чуть ли не с головой залезший в сумку, материл Дроздова на чём свет стоит, но сбавить скорость не приказывал.

– Да это бред! Нафига нас-то?.. То есть...

– Была озвучена крайне правдоподобная теория, что виновники новой вспышки – вернувшиеся из Города. Мол, именно они и разнесли заразу по всей стране, а теперь через одного пре-
вращаются в чудовищ. Но, как по мне, это полный бред...

– И что дальше делать? – ошалело спросил я.

Схлынувший Катаклизм, самое страшное явление современности, проснулся вновь... И не где-нибудь, а в моём родном городе. А я-то думал, что навсегда сбежал ... ага... я сбежал, а они – догнали. Одно хорошо, власти теперь поумнели, не перепроверяли всё по десять раз и действовали максимально быстро. Кто его знает, вдруг обойдётся?.. А может, и нет никакого «возвращения» Катаклизма? Признаки есть, но это могут быть лишь единичные случаи, которые не перерастут ни во что масштабное. Отсидимся где-нибудь в лесах, а потом всё вернётся на свои места...

А если нет?.. Если мой город вскоре тоже окажется сжат блокадой? И не только мой, но и все города области... Страшно представить, сумеем ли мы сдержать удары. Одно дело, сконцентрировать силы на одном, пусть и огромном, мегаполисе, но совершенно другое – разделить войска и постараться быстро рассредоточить их по внушительной территории. О том, что произойдёт в случае провала, даже не хотелось думать... Одно хорошо, благодаря счастливой случайности я не попал в автобус к другим «ветеранам» и в числе первых покину опасную зону.

– А вы-то тут причём?

– А мы тут по самые уши «причём». Нас же в командировку отправляли на периметр. Трех из всего ОВД. Не знаю, почему они не вспомнили про нас, но, знаешь ли, на авось надеяться не особо хотелось. Сдриснули и ищи-свищи... А то посадят к остальным в автобусы и вывезут куда-нибудь в лесок...

На выезде уже успела образоваться пробка. На скорую руку организованное КПП в лице нескольких солдат не выпускало никого из города, терпеливо объясняя самым тугим предписание администрации, а безбашенным – демонстрировало снятые с предохранителей автоматы. Лёва включил мигалку и подъехал к военным по обочине. Выбежав из транспорта, лейтенант показал здешнему командиру какую-то бумажку и, перекинувшись парой фраз, вернулся обратно:

– Всё тип-топ, трогай!

Выехав из города, мы понеслись в сторону небольшого посёлка, расположенного западнее. За окном немного посветлело, хотя «день», в привычном понимании этого слова, ещё не наступил. Так, лёгкие сумерки. Погода спокойная, безветренная – в самый раз для прогулок на свежем воздухе.

Лейтенант сунул во внутренний карман увесистую пачку денег, извлечённую из сумки. Лёва нервно постукивал по рулю пальцем с обручальным кольцом, Андрей же перекинул автоматный ремень через плечо, вставил магазин и закурил. Я последовал его примеру. Накуриться толком не удалось, сигарка истлела в несколько тяжёлых – нервы, блин...

– Андрюх, а дальше-то как? К гадалке не ходи...

– Как раньше, так и...

– Да завалитесь вы! – взревел безымянный лейтенант. – Задолбали!

Степанченко одними губами пробормотал какое-то ругательство, я же решил не бесить офицера лишний раз и замолчал до дальнейших распоряжений.

Неожиданно из-за поворота вынырнул бронетранспортёр. Увидев выкрашенного в белый цвет монстра у меня всё внутри сжалось, однако боевая машина не обратила на нас никакого внимания и пронеслась мимо. Сидевшие на броне солдаты в зимних масках проводили милицейский УАЗ настороженными взглядами, но тормозить машину не стали. Следом за БТРом мимо проехали около восьми грузовиков, несколько машин химической разведки и уже знакомые приземистые БРДМы.

Когда колонна скрылась из виду, все находящиеся в машине облегчённо выдохнули. Пронесло.

– Останови! – неожиданно скомандовал лейтенант спустя десять минут, и УАЗ резко затормозил, раскидывая шинами снег. – Степанченко, разведай незаметно, дальше КПП должно быть.

Андрей распахнул дверцу и, держа укороченный автомат перед собой, скрылся в лесу. Время ожидания показалось вечностью, за которую Катаклизм, наверняка, уже раскатали танками, а население вернули по домам. Наконец, сержант вернулся:

– Метров двести. КПП³². Форма не наша, – тяжело дыша, доложил он лейтенанту. – Один пулемёт, один гранатомёт на станке, бруствер. Насчитал двух собак и десять штыков, но в лесу могут быть ещё. На дороге лента с шипами и колючка.

– Чё?! – воскликнул офицер. – Как это, форма не наша? С ума сошёл? Откуда «не нашей» тут взяться, это территория Российской Федерации!

– А я знаю? Точно говорю, не наша! И оружие не наше!

Толстяк выругался, погружаясь в раздумья. Сержант продолжал топтаться возле двери автомобиля:

– Что делать будем? У нас ведь пропуск только...

– Завали! Думаю я, думаю! – отмахнулся лейтенант.

Но додумать, без сомнения, гениальный план ему не дали. Внезапно со стороны леса послышались крики на ломаном русском:

– Все выходить из машина! Бросать оружие, ложиться на земля лицо вниз!

Развернувшись, я увидел фигуры в белых халатах с автоматами наизготовку. Из тех, кого я заметил, четверо припали на колено за стволами деревьев, ещё один лежал чуть поглубже в лесу, целясь в машину из ручного пулемёта. Обращавшийся к нам медленно приближался к машине в сопровождении двух автоматчиков. И того восемь решительно настроенных бойцов, держащих нас на мушке.

– Приплыли, – выдохнул Лёва, до белизны в суставах сжимаемая руль.

– Что делать будем? – спросил у лейтенанта Андрей, явно не торопясь расставаться с автоматом.

– Сдаваться нельзя, – решительно заявил тот. – И так, и так крышка. По базе пробьют, узнают, кто мы, и всё, абзац... надо прорываться...

– БРОСАТЬ ОРУЖИЕ! НЕМЕДЛЕННО ВЫХОДИТЬ ИЗ МАШИНЫ, ЛОЖИТЬСЯ НА ЗЕМЛЯ ЛИЦО ВНИЗ! – проорал приближающийся к нам солдат, беря на прицел Степанченко.

³² Контрольно-пропускной пункт.

– Значит так, я валю этих, быстро заводи машину и разворачивайся, понял? – беря командирскую инициативу,скомандовал сержант.

Дроздов нервно кивнул:

– Понял.

– Куда хочешь, хоть в лес сворачивай, но как можно быстрее. Петляй побольше, а мы прикроем.

Офицер тоже кивнул, как можно незаметнее расстёгивая поясную кобурку с табельным Макаровым.

– Ваня, пригнись и не отсвечивай! На три... Раз...

– БРОСАТЬ ОРУЖИЕ! БЫСТРО!..

– Два...

– ПОКИДАТЬ МАШИНА!..

– Три...

– ЛОЖИТЬСЯ НА... – договорить солдат не успел.

Степанченко от бедра дал длинную очередь, перечеркнувшую авангардную тройцу, и запрыгнул в машину. На белоснежных халатах расплылись уродливые кровавые точки пулевых попаданий. Крикливый умер на месте, второму выстрел угодил в плечо, третий же вовремя среагировал и упал на снег, вскидывая автомат...

Я пригнулся, и, как оказалось, вовремя. В лесу загрохотали выстрелы, застрекотал пулемёт, тут же покрошивший оконные стёкла. Лейтенант сделал несколько выстрелов из пистолета, но, кажется, ни в кого не попал. УАЗ стартовал с места, быстро набрав скорость, но далеко уехать не успел. Одна из прошивающих милицейский джип пуля угодила Дроздову в висок. Тело упало на руль, выворачивая его влево. Послышался звонкий удар, Степанченко, вскрикнув, выронил оружие, выбитое шальной пулей...

Неужели, это конец?

По минной полосе бредёт одинокая фигура, закрывающая лицо скрюченными ладонями...

– Стой, стрелять буду!..

– Пусть всё будет не напрасно...

– Машина в населённом пункте, берёза, триста сорок два!..

– Не смотри!..

Милицейская машина на полном ходу влетела в придорожный кювет и протаранила дерево. Раздался звон разлетающегося лобового стекла...

– Älkää antako heidän paeta!³³ – выкрикнули неподалёку на незнакомом языке. – He ovat saaneet tartunnan!³⁴

Лейтенант распахнул дверцу и, высунувшись, разрядил обойму в бегущих к машине солдат. Судя по болезненному выкрику, в кого-то из нападающих он всё же попал, но меткая пулемётная очередь тут же набила его толстое неповоротливое тело свинцом, заодно дырявя дымящийся двигатель и колёса.

– Через другую дверь! – прокричал Андрей, отчаянно пытающийся подобрать обезображенной кистью автомат.

Ручка поддалась не сразу. Вывалившись на снег, я вытянул следом товарища.

– Бегом! Я прикрою! – заорал я, вырвав у Степанченко «укорот»³⁵.

Тот устремился вперёд. Высунувшись из-за машины, я дал несколько коротких очередей, стараясь не столько попасть во врага, сколько заставить его залечь. Это сработало, бойцы в масках дружно плюхнулись в снег, нескладно огрызаясь.

Сзади вскрикнул Андрей. Овернувшись, я увидел его растянувшимся на земле. Милицционер сжимал кровоточащую рану на боку, ткань форменной куртки на глазах пропитывалась кровью...

Опустошил остатки рожка и откинул бесполезное оружие. Пригнувшись, подбежал к раненому товарищу:

– Надо идти!

– Не могу, – прохрипел тот.

Скрипя зубами, я приподнял Степанченко и закинул руку на плечо. Чёртов мент, отъел ряху – хрен утащишь...

³³ Не позволяйте им уйти (фин.).

³⁴ Они заражены (фин.).

³⁵ «Укорот», «ксюша», «окурок» – АКС-74У, укороченная версия автомата Калашникова, состоящая на вооружении МВД.

– ШИРЕ ШАГ! – крикнул я ему на ухо, когда в стволы ближайших деревьев начали бить пули.

Слишком медленно, слишком неуклюже!..

Петля между деревьями, я настойчиво тащил за собой постепенно ослабевающее тело товарища. Позади тянулся кровавый след...

Наконец, выбившись из сил, я упал в какую-то канавку. Пули свистели над головой, рассерженные нашим неожиданным манёвром. Перевёл взгляд влево: стекленеющие зрочки Андрея бессмысленно упёрлись в небо, на губах играла едва различимая улыбка.

– Не вздумай умирать! – я ударил его по щеке.

– Ёпт... блин... – Степанченко захрипел что-то неразборчивое, вместе с кашлем на куртку вылетали капли крови.

– Kranaatti!³⁶ – донеслось сзади.

Даже не зная языка этих тварей, по одной лишь интонации стало понятно, что кричали: «Граната!»

Всё, приплыли...

Рефлекторно упал на землю и закрыл голову руками...

– *Четыреста двадцать один, по улитке пять!..*

Простите меня, парни... Простите, черт вас задеру!!!

Город вступил в игру. Город рассержен, что за всей этой пальбой о нём совсем позабыли.

Раздался странный звук... Оглушительный хлопок, напоминающий гулкий удар по барабану, прямо как ночью у детского сада...

– Mitä on tekeillä?³⁷

Земля подо мною резко подпрыгнула. Сумерки леса сменились крошечной тьмой, в которой мгновенно затихли окружающие звуки, включая паническую стрельбу иностранных военных.

Неужели АЭС рванула?

³⁶ Граната (фин.).

³⁷ Что происходит (фин.).

Песчаная буря пожирала один дом за другим, обращая их в хлопья чёрного пепла...

БТР разворачивает оружие и открывает огонь...

Последовал второй хлопок, на этот раз прозвучавший прямо у меня в голове. Череп взорвался на тысячи осколков, каждый из которых вспыхнул сверхновой.

Тело, сжавшись, отключило сознание, и я провалился в блаженное ничто...

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

ДОЛГАЯ СНЕЖНАЯ НОЧЬ

воздух оббивает тело невесомыми волокнами, словно заботливо укутывающий в паутину паук. Я не чувствую беспокойства и не ощущаю страха. По телу разливаются расслабленность и умиротворённость. Воздух – мой лучший и единственный друг, зачем ему причинять мне зло? Разве касался бы он моей кожи так мягко и нежно, задумай недоброе? Стал бы тратить время на бессмысленные игры с таким нелепым существом, как я? Конечно нет. Зачем ему это. Воздух тоже живой, не меньше чем кто-либо, и ему тоже не чужды родительские чувства.

Открываю глаза, отстранённо замечая, что я несусь вниз по широкой колодезной шахте.

– Ах во-о-от оно что, – мысли медлительны, заторможены, словно мне ввели лошадиную дозу успокоительного. – Вот в чём дело... А тут непло-о-охо, мне нра-а-вится...

Вокруг так темно, что я не вижу ни собственных рук, ни проносящихся мимо стен. С трудом оборачиваюсь и вижу где-то далеко позади крошечную пуговку света. Падать куда приятнее во мраке.

Откуда я падаю?.. Что там было, наверху?.. И что ждёт внизу?.. Это всё не важно, главное, чтобы полёт длился подольше, слишком уж приятно чувствовать встречное сопротивление ветра. Хотя, «сопротивление» – не совсем удачное слово...

Я наг и беспомощен. Ослеплён, оглушён и нем. Нет ни Катаклизмов, ни стреляющих в меня солдат, ни глупых милиционеров со всей этой эвакуацией. Не надо копаться в собственных комплексах. К чёрту бессмысленность существования и полнейшее нежелание что-либо менять в своей жизни. Здесь даже лучше, чем в армии... Тишина и отчуждённость. Вот бы это длилось целую вечность... а потом ещё минут пять...

Если бы не лень, то я расплылся бы в глупой улыбке, но зачем тратить силы на такую ерунду?

Волокна струящегося по телу воздуха начинают твердеть, медленно материализуясь во что-то вроде ветвей или, быть может, рук с большим количеством пальцев. Крепко, но бережно они несут меня вниз, навстречу какому-то существу, томящемуся на дне колодца... Спасибо им, сам бы я ни за что не справился, обязательно сдался на половине пути...

Приходит осознание, что вокруг нет никакой темноты, просто многосуставчатые пальцы обвили мне голову. Тёплый ветер, дующий снизу, оборачивается дыханием сидящего на дне существа. Интересно было бы посмотреть, кто это такой, и ради чего он так старается... Интересно, но вовсе не обязательно...

Словно прочитав мои мысли, хватка на голове ослабевает, возвращая зрение. Оказывается, нет никакого колодца, а шахты образуют исполинские стволы многоэтажных зданий, которым нет ни начала, ни конца. Я и не падаю вовсе, а поднимаюсь вверх, и тело моё занимает совсем не ту позу, которая чудилась раньше... Как необычно падать вверх и смотреть в одну сторону, но видеть вещи совсем в другом месте.

Потренировавшись немного в обращении инвертированным зрением, я поднимаю глаза вниз и вижу обволакивающий меня кокон. Это огромная рука, каждый палец которой оканчивается другой рукой, а тот – следующей, и так бесконечное количество раз. Вот бы мне такие конечности, я бы смог устремиться в бесконечный полёт без чьей-либо помощи... Поднял бы своё тело и навеки исчез где-нибудь в глубинах космоса...

Я уже готов раствориться во взгляде Бога-со-Дна, но кто-то посторонний, легко преодолев скорлупу кокона, касается спины. В месте прикосновения тело наполняется всепожирающим пламенем. Я готов закричать от вздувающихся на коже ожогов, но сдерживаю рвущийся на волю вопль, так как кипящее пламя удивительным образом... освобождает меня!.. Кокон теряет плотность и растекается, превращаясь обратно в воздух, а полёт сбавляет обороты...

Чавканье совсем близко, стоит открыть глаза, и тайна развеется, но я не успеваю этого сделать. Жар, плавящий тело, устремляется вверх, к голове, в мгновения ока иссушив глазные яблоки...

– Не смотри...

Сознание покинуло пучины сновидений, но несколько секунд мне всё ещё чудится, что я вишу в пустоте странного колодца. По спине растекался ожог, но не от жара. Вокруг яростно завывала метель, температура воздуха минус двадцать пять – тридцать, не меньше, а я к тому же лежал на голом снегу.

Лежал... на снегу... в какой-то канавке...

Поезд воспоминаний рывком вернулся в депо, и я тут же вспомнил о недавней гонке со временем и неудачной перестрелке.

Степанченко!..

– Андрюх, – негромко позвал я. – Андрюха!

Взгляд наткнулся на бугорок снега в паре шагов от моего лежбища. Я воткнул и без того сведённые холодом пальцы в сугроб и начал копать, раскидывая вокруг рыхлый снег. Наконец, из-под наста появилось лицо, ничем не отличающееся по цвету от окружающей зимней белизны. На миг я впал в ступор, вглядываясь в него, после чего коснулся заледеневшей шеи товарища. Холодная, пульса нет...

– Да как так-то, Андрюх, – с сожалением спросил я у остекленевших глаз покойника, но те ничего не ответили.

Попытался прикрыть их, но веки намертво примёрзли и больше не двигались. Не придумав ничего лучше, вернул разбросанный снег на место, и отполз в сторону, только сейчас заметив, что вокруг не было никаких деревьев, а из мечущегося со всех сторон бурана проступали очертания городских построек.

От канавки, ставшей мне спасением, а Андрею – могилой, к зданиям убегал едва различимый след – извивающаяся дорожка примятого снега, словно по нему полз кто-то тяжёлый. Уж не один ли из оставшихся в живых «иностранцев»?

Хватит воздух нюхать. Надо срочно добраться до какого-нибудь здания и укрыться от пронизывающего ветра. Разведу костёр, осмотрю себя, не отморозил ли чего нужного, валяясь на снегу. Отогреюсь, а потом уже и в детектива можно будет поиграть.

Я опустил балаклаву на лицо и, шаркая окоченевшими ногами, побрёл к ближайшему дому. Как бы плотно я ни запахивал куртку, ветер продувал тело до самых костей, заставляя зубы выстукивать мелкую дробь. На полпути к едва различимым очертаниям здания ботинок зацепился за что-то, торчащее из снежного покрывала... Чёрт, это что?

Судя по белому рукаву маскхалата, один из преследовавших нас солдат. Странно, что меня не постигла похожая судьба. Пальцы мёртвой хваткой сжимали что-то круглое... Чёрт, да ведь это граната. Чека снята, но рычаг всё ещё на месте.

Меня так и подмывало поскорее уйти, но сознание требовало обзавестись каким-нибудь оружием. Автомат где-то глубоко под снегом, руками не доберёшься, а граната – вот она, в пределах досягаемости. Грешно пропускать.

Ходить с взведённым взрывателем ни капли не привлекало, необходимо найти вырванное кольцо или что-нибудь аналогичное. Пошарил в карманах, но ничего подходящего не было... Эх, сейчас бы гвоздик какой-нибудь или проволочку... Стоп, ключи!

Руки с каждой минутой становились всё непослушнее, зубы заходились стуком, но я не собирался отступать. Снял с кольца ключи, отогнул один из концов и осторожно заблокировал им рычаг. Затем максимально осторожно попытался разжать пальцы. Хватка у мертвеца, к счастью, оказалась далеко не железной. Действуя одним из ключей, как рычагом, я разомкнул кисть. Так-то лучше... Модель неизвестная, иностранная, судя по всему. На зелёном боку что-то написано, но вчитываться некогда. Убедившись, что кольцо от ключей надёжно удерживает ударник от столкновения с детонирующим капсюлем, я продолжил путь к многоэтажкам, но на этот раз чувствовал себя куда уверенней.

К тому моменту, когда я всё же доковылял до укрытия, пальцы на руках и ногах практически утратили чувствительность. Надо как можно скорее развести костёр и хорошенько согреться. Как специально, разбился экран наручных часов, и теперь, сквозь трещины и чёрные потёки, различались только две цифры. Практически точное северное время: хрен знает, сколько часов, двадцать две минуты. Сколько прошло времени с момента потери сознания? Каковы шансы, что город ещё не оцепили на карантин? Судя по сумраку – сейчас часа четыре дня, от этого и буду отталкиваться.

...четыреста двадцать один, повторяю, машина в населённом пункте, берёза!..

След привёл к двери подъезда, которая оказалась полностью похоронена под толстым слоем снега, однако не было никаких признаков того, что её кто-то открывал. Странно, как же тогда незнакомец попал внутрь? Не растворился же в воздухе? Хотя, откуда мне знать, что это за существо.

Служба на периметре научила меня нескольким важными правилами. Первое – никогда не списывай увиденное на помешательство или галлюцинации. Да, без них никуда, дело привычное, но всегда лучше перестраховаться. Встретил чудовище – сперва убеги или открой огонь, а потом уже решай, материально оно было или нет.

Второе – если не знаешь, чего ожидать от встреченного существа, то лучше быть настороже и не расслабляться. Лучше переоценить противника, чем недооценить.

Третье – никогда не доверяй увиденному. Помни, что встреченные в Городе люди могут оказаться его изворотливыми порождениями или мороками, поэтому больше доверия должны вызывать незнакомцы.

Кто его знает, что случилось бы, не вмешайся откопавшее меня существо. Вполне вероятно, что замёрз бы насмерть, как Степанченко, но могло оказаться и так, что вышло у неё это случайно. Например, она хотела отобедать подмороженным человеческим мясом, выкопала из сугроба, но чего-то испугалась.

Раздираемый противоречиями, я пошёл в обход дома и вскоре обнаружил табличку с указанием улицы и номера дома... «Партизаны Заполярья, 2»... Не может такого быть!..

На всякий случай помассировав виски, я какое-то время смотрел под ноги, а потом вновь поднял взгляд на табличку. Ничего не изменилось. Чёрт, как я здесь оказался? Это здание расположено неподалёку от милицейского околотка. Тот странный звук откинул нас обратно в город? Вполне вероятно... Чёртова метель, я бы уже давно понял, где очутился, но из-за плотной завесы снега дальше тридцати метров ничего не разобрать. Необходимо переждать непогоду, а потом уже сориентироваться на местности и определить направление движения. Единственное верно направление – это прочь из города. Шансы выбраться чрезвычайно малы, но они всё равно есть.

И зачем я только поехал с ментами? В автобусе шансов выжить было бы куда больше, чем слоняясь по округе, без малейшего представления, сколько прошло времени, и где я нахожусь.

Ноги по колено проваливались в снег. Идти тяжело, но выбор невелик – это ближайшее из возможных укрытий. Наконец, я решил пробраться внутрь через один из балконов. Особых проблем это не вызвало, первый этаж практически на всю высоту замёл буран, достаточно было разгрести часть снега и разбить стекло ногой. Опасаться, что кто-то сторонний услышит звон, смысла не было – белая завеса отлично гасила окружающие звуки, а обитатели дома, если такие присутствуют, в любом случае узнают о моём появлении.

Аккуратно забрался внутрь, замаскировал дыру в окне и огляделся. Среднестатистический балкон, захламлённый разнообразным мусором: от пустых пятилитровых банок и аккуратно сложенных в углу кирпичей до холодильника «Минск» – ничего полезного. В потолке балкона обнаружился люк пожарной лестницы, но пробраться к нему из-за наваленного вокруг хлама было проблематично, так что я отложил это мероприятие на будущее.

Дверь в квартиру оказалась открыта... Странно... Внутри царила крошечная тьма. Заходить боязно, мало ли кто может таиться в засаде. В других условиях я бы развернулся и искал убежище попривлекательней, но, повторюсь, выбора у меня не было. Присев возле приоткрытой двери, я на несколько минут целиком обратился в слух, но так и не услышал ничего, кроме тоскливого свиста сквозняка.

Граната, конечно, дело хорошее, но подорвать себя вместе с вероятным противником меня не прельщало, поэтому пришлось спрятать её до поры, а самому вооружиться найденной здесь же огромной обувной ложкой.

Чиркнул кремёнь зажигалки. Освещая себе дорогу, я двинулся вперёд. Зал особой роскошью не сверкал: средней руки диван, пара кресел, какие-то серванты с подарочной посудой, шкафы с книгами и телевизор. Прихожая тоже оказалась пустой, из совмещённого туалета доносился мерзкий запах животных экскрементов. Так и есть, возле унитаза стоял загаженный по самое не могу кошачий лоток. На кухне обнаружилась и сама кошка, к сожалению, не дожившая до моего появления. Иссохшее тельце, свернувшись калачиком, лежало у холодной батареи. Судя по пустым мискам, животное умерло либо от обезвоживания, либо от голода... Бессмыслица какая-то!.. С момента эвакуации прошло несколько часов... Или я ошибаюсь?

Отлично. Кажется, никого. Без особой надежды на успех пощёлкал выключателем на стене, потом покрутил кран. Пусто... Озарённый догадкой, бросился было к щитку с вентилями, перекрывающими воду, но те оказались открыты. Придётся топить снег.

Из распаханного холодильника несло целым букетом ароматов, источаемых разложившимися продуктами, так что я поскорее захлопнул его. Со шкафчиками дело обстояло лучше, там обнаружилось несколько упаковок риса, соль и приправы. Помимо этого, в одном из выдвижных ящичков дожидались своего часа более-менее острый нож и несколько огрызков хозяйственных свечей, один из которых я тут же зажёл от чересчур нагретейшей за это время зажигалки.

В конечном итоге, закончив с обыском, я стал думать, как развести костёр прямо в квартире и не отравиться при этом угарным газом. Поразмыслив, вернулся на балкон и попробовал приподнять пожарный люк. Удивительно, но тот легко подался вверх, хотя большинство людей, трясясь за своё имущество, в первые же дни заваривали подобные лазы или баррикадировали чем-нибудь тяжёлым. Я рассчитывал пожить съестным по-вкусней крупы, но этим мечтам не суждено было сбыться. Квартира этажом выше оказалась абсолютно пустой, видимо, кто-то совсем недавно съехал оттуда.

Ну и хрен с ним. Открыв одно из окон, вернулся вниз и принялся разгребать хлам, освобождая место под люком. Деревянные вещи оставлял на месте, всё прочее – относил в квартиру. Закончив, отодрал кусок линолеума, на его месте пристроил широкий лист металла и прослойку из кирпичей, а поверх всего этого положил таз, найденный в ванной. По моей идее огонь в тазу должен был нагревать кирпичи, которые неплохо накапливают тепло, а дым, вместо того, чтобы скапливаться, пойдёт через люк в верхнюю квартиру.

Непослушными пальцами накидал в таз импровизированных дров, сунул туда же несколько книг, поджёг свечой. Сухая древесина быстро занялась пламенем. Я зачерпнул в кастрюлю снега и более-менее устойчиво пристроил её в тазу, постепенно наполняя по мере таяния. Растопив достаточное количество, как следует прокипятил и засыпал внутрь крупу.

За окном окончательно стемнело, приближалась тёмная полярная ночь. Думать о сложившейся ситуации совершенно не хотелось, только нездоровое воображение раздраконию. Достаточно лишь факта, что я жив.

Периодически помешивая бурлящую в кастрюле кашу, переобулся в тёплые тапочки, а свои берцы, вместе с курткой, варежками и носками, пристроил возле кирпичей. Поступок не то чтобы осмотрительный – заявись кто ко мне на огонёк, придётся в следочках по сугробам удирать, но и ходить в промёрзшей сырой одежде небезопасно для здоровья.

Закончив с готовкой, снял с огня кастрюлю, а сам отправился в зал. Не смотря на потрескивающее в тазу пламя, на балконе всё равно было прохладно, поэтому я решил притащить какой-нибудь плед или одеяло, а заодно поискать тёплую одежду. Открыв один из шкафов, принялся перебирать его содержимое, когда заметил какое-то движение в прихожей. Тряпки тут же выпали из рук, выхватив из-за пояса нож, я развернулся в сторону опасности...

Пусто...

Минимального беспокойства вполне хватило, чтобы я вспомнил, где именно нахожусь. Беспечность здесь наказывается довольно быстро.

Кто-нибудь непременно пошёл бы проверять, что за существо скользнуло из прихожей на кухню... Кто-нибудь, но, определённо, не я. Похватав, что под руку попало, вернулся на балкон и закрыл на шпингалет дверь. Слава богу, я догадался перенести полезные вещи, так что возвращаться в квартиру не придётся.

Рис вышел отвратно сладко-солёным и отдавал запахом корицы. Странно, неужели перепутал упаковки и насыпал внутрь пряностей? Вроде бы, нет... Тем не менее, я опорожнил кастрюлю наполовину, и, закутавшись в тряпье, уютно устроился у огня. Тело окончательно согрелось, напряжение могло бы схлынуть целиком, если бы не движение, замеченное в прихожей. Мучимый самыми разными догадками, я настороженно вслушивался в вой ветра, боясь разобрать в нём чьи-нибудь шаги.

Время, к слову сказать, я не тратил зря. Сперва обмотал кусок картона изолентой, соорудив кустарные ножны, а затем взялся за некое подобие снегоступов, приделывая к разломанному пополам сиденью стула тряпичные крепления для ног.

В памяти всплыл остекленевший взгляд Степанченко. Неприятно всколыхнулась совесть... Чёрт, а ведь это мой друг детства, да ещё и пытавшийся помочь в критической ситуации. Милиционер вполне мог пройти мимо, никак не продемонстрировать, что заметил меня... Нет, окликнул, уговорил лейтенанта

взять с собой... А что получил взамен? Безымянную снежную могилу? Надо будет откопать его и... и... И что? Сколотить гроб и закопать опять? Что за глупости... Помолиться? Да разве станет ему легче от моих молитв? Нет, поезд ушёл, и Андрею ничем уже не помочь. Время сейчас на вес золота. Время нужно живым, у мёртвых его и так достаточно.

Минута тянулась за минутой, сытый и согретый я задремал. Не знаю, сколько времени прошло, но из полудрёмы меня вырвал чей-то голос:

– Иа-а-ан...

Сон как рукой сняло. Деревянная рукоятка ножа кольнула холодом металлических заклёпок, я затаился, пытаюсь понять, не причудился ли мне тихий голос Степанченко.

– Иа-а-ан, ыхои-и-и... – послышалось вновь, но звук доносился не из квартиры, как мне сперва показалось, а снаружи, напрямиком из бурана.

Не раздумывая и не тратя время на лишние размышления, я быстро оделся в успевшую высохнуть одежду, заправил штаны в тёплые берцы и забрался по пожарной лестнице в квартиру выше, прихватив с собой горящую ножку стула. В воздухе витал терпкий дым, я опустил на лицо шапку и подполз к раскрытому окну. Выглянул, до рези в глазах всматриваясь в пелену кружащегося снега. Метрах в сорока что-то было, кажется, едва заметные очертания стоящей в полный рост фигуры. Метель мешала рассмотреть детали, но существо явно имело человеческое строение тела.

– Ва-а-ая-я-я, ыхои-и-и, нам поа-а-а...

Существо тянуло слова, пытаюсь тем самым компенсировать слабый голос, едва слышимый с такого расстояния.

– А-а-ань...

Чёрт, это Андрей. Голос точно его, разве что часть букв проглатывалась, словно неизвестный говорил с открытым ртом. Фигура тоже подходящая – широкая, массивная... Но это не Андрей. Можешь кого угодно пытаться обмануть, Город, но не меня. Степанченко сейчас лежит глубоко в снегу. Я касался его шеи без малейшего намёка на пульс, видел замороженные насквозь глаза.

Он мёртв, так что иди водить за нос кого-нибудь ещё... Но в мыслях всё равно блуждала фраза: «А что если...»

А что если он жив? Что если тело в снегу было иллюзией?..

– А-а-ан... Усть всё будет не напра-а-асно...

Во тьме вспыхивает прожектор, яркий луч выхватывает меня из тьмы. На глазах моментально наворачиваются слёзы, я вскидываю руки к лицу, пытаюсь спрятаться от ослепительного света. До слуха доносится лязганье затвора и негромкие переговоры караульных.

Нет, нет, чёрт тебя побрал, я не умру здесь! Я не один из них, я человек!

– Не стреляйте! Пожалуйста! – пытаюсь закричать я, но губы произносят совсем иные слова. – Пусть всё будет не напрасно...

Свет пропадает, а затем вспыхивает вновь, но теперь это уже не прожектор. На месте караульной вышки стоит девушка, чьи светлые волосы хаотично развеваются на ветру. Белозубая улыбка видна даже с такой дистанции.

Рот польской журналистки широко раскрывается. Так широко, что челюсть должна выйти из суставов. Из разинутой пасти девушки доносится голос лейтенанта Протасова, прерываемый радиопомехами:

– Стоя-я-ять! К бою!

Я встряхнул головой, отгоняя наваждение, но фигура во тьме осталась на месте, хотя теперь это была не журналистка, а погибший сержант.

– Убирайся отсюда, тварь! – наплевав на осторожность, я встал в полный рост и швырнул в нечёткий силуэт горящей палкой.

Противоестественно вспыхнув, деревяшка унеслась вниз и упала прямоком у ног существа. Увиденного в её свете оказалось достаточно. Даже если это и Степанченко, то выходить к нему себе дороже.

То, что я принял за человеческий силуэт, оказалось светло-розовым куском плоти, вертикально торчащим из снега и раскачивающимся из стороны в сторону, видимо, для

придания схожести с человеком... Чёрт, да ведь это язык! Шершавый розоватый язык, имеющий форму тела! Догадка тотчас нашла подтверждение. До слуха долетело недовольное «кха-а-а-а», а затем сгусток плоти исчез под снегом, но лишь для того, чтобы явить на свет факела своего обладателя.

Из сугроба появилась массивная круглая голова, разделённая пополам широкой полоской рта. В отблесках огня загорелись заплывшие бельмами зелёные глаза. Затем из толщи снега выползло всё тело. Шестиметровая белоснежная туша поблёскивала жиром и напоминала толстую гофрированную трубу. Чудовище сгребло кротовыми лапами-ковшами снег и аккуратно засыпало лежащий перед ним факел. Вновь воцарилась белая мгла, но тварь не спешила прятаться.

– Ива-а-ан... – словно пробуя это слово на вкус, тварь высунуло огромный широкий язык и провело им по телу, доставая чуть ли не до середины туловища. – Иванаива-а-а...

Монстр, проворно двигая головой, ввинтился в снежный наст и целиком исчез под ним, не оставив после даже подобия ямы.

Я кубарем скатился по лестнице, суматошно собирая нехитрые пожитки. Подхватил снегоступы, остатки каши, сунул за пояс нож и хотел было вернуться наверх, но не успел. Костёр практически погас, но его тусклого света хватило, чтобы различить проплывающую за окном тушу. Чудовище плавало в толще снега! Внешне это выглядело, как поход в океанариум: за толстым стеклом барражирует какой-нибудь морской исполин, способный лишь наблюдать за прогуливающимися мимо посетителя-ми... Вот только стекло, в моём случае, ничерта не было толстым.

Заплывший глаз повернулся в мою сторону, когти скрежетнули по балконным окнам, оставляя глубокие царапины. Плюнув на неудобную лестницу, я заскочил в квартиру и закрыл дверь на все задвижки. Отставив в сторону кастрюлю с рисом, начал подтягивать к окнам зала тяжёлые серванты и шкафы:

зазвенела разбивающаяся посуда, посыпались на пол книги, но я не обратил на это внимания. Наконец, закончив баррикадироваться, прислушался. Чудовище и не думало вести преследование... Зато донёсся звук со стороны оставленной на полу кастрюли – чавканье.

Дыхание перехватило, стараясь не делать резких движений, я попятился к стене, попутно доставая зажигалку. Вспыхнул свет, открывая взору остатки моего ужина и... с головой залезшую в него кошку. Довольно урча, животное уплетало рис.

Я облегчённо выдохнул. Вот же, совсем нервы ни к чёрту... кошку испу...

Какую ещё кошку?.. Не ту ли, что мёртвая у батареи лежала?

Животное оторвалось от еды и подняло голову. Облизнуло морду, вместе с остатками еды проглатывая куски отваливающейся шерсти. Коричневые высохшие глаза недовольно смотрели на огонёк зажигалки, словно не замечая меня.

Кошка хрипло зарычала и сделала несколько шагов в моём направлении, и, не смотря на трупные пятна, усеявшие плешистую тушку зверя, двигалась он быстро и молниеносно. Как и подобает представителю своего вида. Следуя интуиции, я потушил пламя и погрузился в крошечную тьму пустой квартиры. Пот крупными каплями стекал по спине, какое-то время царила тишина, но, наконец, вновь раздались довольное урчание и чавканье.

Надо уходить, срочно! Но куда? Дорога через балкон закрыта, там караулит снежное чудовище, остаётся только входная дверь квартиры. Но как я выберусь из подъезда на улицу, наверняка, все двери закрыты... Бес с ним, разберусь, надо только поскорей уйти от этой жуткой кошки, какого-то хрена голодной, не смотря на давность своей кончины.

Зрение немного привыкло к темноте. Подхватив с пола снегоступы, я аккуратно выдвинулся в сторону выхода. Копытающаяся во тьме тварь, судя по звукам, никак на это не отреагировала, так что добрался до двери я без происшествий. Задержав дыхание, щелкнул задвижкой и быстро выскочил в коридор...

Темно... Так темно, что хоть глаз выкалывай, всё равно палец не увидишь. Сколько ни вглядывайся, даже очертаний коридора не разобрать, словно я угодил в беззвёздный космический вакуум. Хотя нет, в вакууме не может быть так сыро и промозгло.

Сделал два шага в черноту, касаясь холодной стены и стараясь ступать как можно тише, дабы не привлечь внимания ещё кого-нибудь из здешних обитателей. Хлюпающая под подошвами вода тут же выдала меня с потрохами. Водопровод где-то прорвало, что ли? Если так, то почему вода издаёт уже знакомый мне концентрированный пряный запах?

Сделал ещё несколько шагов, обратив всё внимание в слух. Пусто, только методичный стук капель обо что-то твёрдое. Чем больше я вслушивался в этот раздражающе спокойный звук, тем отчётливей проступал в нём некий загадочный ритм...

Кап, кап, кап, кап—

Не туда зашёл солдат...

Кап, бульк, бульк, кап—

Будет сам он виноват!

Бульк, кап, бульк, кап—

Удирай скорей назад!

Слышишь, тихо как, солдат?

Слышишь, капельки стучат?

Бульк, кап, бульк, кап!

Знай, нелёзок свой расклад—

Только мёртвые молчат!..

Зачем я сюда только полез? Надо было бежать в квартиру выше, а не ломиться к этой драной кошке...

Кап, кап, бульк, кап...

Город встретить тебя рад!

Бульк, бульк, бульк, кап...

Город «под» и Город «над»...

Кап, кап, кап, кап!!!

Смерть получше тех наград,

Впереди что ждут, солдат,

Поворачивай назад, убегай быстрее назад,

Уноси свой нежный зад!..

К горлу подступил ком, но я неимоверным усилием подавил приступ тошноты. Не для того я корячился с костром, чтобы сейчас выbleвать всё... Пытаясь хоть как-то укрыться от пробирающегося во все поры мерзкого запаха корицы, вытащил две сигареты и засунул их в ноздри... Немного помогло...

Шаг за шагом, капля за каплей, я двигался по коридору, которому не было ни конца, ни края. Ни дверей, ни окон, только прямая, как стрела, стена, да насмехающееся надо мною шлёпанье воды под ногами:

Шлёп, шлёп, шлёп, шлёп...

Не ходи, солдат, вперёд!

Кап, кап, шлёп, шлёп...

Там тебя засада ждёт!

Шлёп, кап, кап, шлёп!

Солнце больше не взойдёт,

Сгинул синий небосвод!

Чернота, людей исход,

Голод, снег и тонкий лёд...

Кап, кап, кап, шлёп...

Жаль, тебя никто не ждёт,

Жаль, что пёс твой пропадёт,

Друг тебя переживёт,

А сестра в земле сгниёт!..

Шлёп, шлёп, шлёп, шлёп,

Подошёл и твой черёд...

Позади раздалось быстрое шлёпанье босых ног, несущихся в моём направлении, но я не поддался панике и не попытался спастись бегством. Вместо этого выхватил из-за пояса нож, развернулся и выставил его перед собой. Шлёпанье было уже близко, ещё немного, и на меня набросится невидимое в темноте существо, которое вполне может быть человеком, как и я, сгинувшим в этой невезучей многоэтажке.

Шлёп, шлёп, шлёп... Я рефлекторно сощурил глаза и сделал широкий взмах ножом, который не встретил ничего, кроме воздуха. Шаги пронесли мимо и быстро затихли вдали...

Коридор многоэтажки не может быть таким длинным, это попросту невозможно!

Шлёпанье растворилось, но на его смену тут же пришли новые шаги. На этот раз незнакомцев было куда больше, и они никуда не торопились...

Шлѐп, шлѐп, шлѐп, шлѐп...

Солдат смерти, видно, ждѐт.

Кто блуждает средь пустот

Эту ночь не проживѐт.

Убегай скорее, скот!

Шлѐп, шлѐп, шлѐп, шлѐп...

А то вскроем твой живот...

Я ускорил шаг, но невидимые существа быстро сократили дистанцию, взяли в кольцо, подстраиваясь под мой темп ходьбы. Я резко остановился, сделал несколько взмахов клинком, но никого не достал, словно скрывающиеся в темноте существа являлись бестелесными призраками.

«Это не более чем игра воображения, паранойя, рождённая шумом воды. Не верь тому, что слышишь! Не верь!» – твердил я самому себе, но успокоиться никак не получается.

Свет, нужен свет! Иначе я никогда не выберусь отсюда, сойду с ума и стану безумным обитателем этого проклятого места, разговаривающим с капаньем воды и дожидаящимся следующих посетителей... Чёрт, где же зажигалка, неужели я её выронил в квартире?! Нет, вот она!..

Щѐлк, щѐлк, щѐлк, щѐлк!

Что же ты, солдатик, смолк?

Щѐлк, шлѐп, шлѐп, щѐлк!

Видно, ты забыл свой долг?..

Так, успокоиться. Вдох, выдох, вдох, выдох...

Я остановился и оторвал руку от стены, прикрывая зажигалку от возможного сквозняка. Палец раз за разом вращал колёсико, но искра никак не желала появляться. Натёртая кожа начала саднить, но я не прекращал попыток...

– *Не смотри...* – донёсся из темноты до боли знакомый голос, но я был слишком напуган, чтобы опознать его.

Шлёпанье ног ни на секунду не умолкало. Существа переминались с ноги на ногу, ходили туда-сюда, с интересом следили за паникующим человеком...

– *Не-е-е смотри-и-и...* – протяжно повторил голос, но опоздал со вторым предупреждением...

Все звуки стихли, разогнанные вспыхнувшим в руках огнём света. Я поднял глаза... И увидел окруживших меня людей... Мёртвых людей... Провалы глазниц больше походили на разрытые могилы. Волосы свалившимися патлами спадали на раздробленные плечи, а зубы, навсегда застывшие в мертвецком оскале, словно пытались сказать что-то очень важное.

Десятки мертвецов окружили меня плотным кольцом, выглядывали из-за друг друга, робко поднимали костлявые руки, но тут же опускали их. Почти все они несли на себе увечья в виде оторванных конечностей, перемолотых рёбер и проломленных черепов. Некогда бывшие одеждой, испачканные в земле прожжённые лохмотья не скрывали, а лишь подчёркивали несовместимые с жизнью повреждения. На большинстве военный камуфляж с массивными свинцовыми нагрудниками, несколько фигур в лётных шлемах и парашютных сбруях, все прочие – в разномастной гражданской одежде с висящими на груди фотоаппаратами...

– НЕТ! – закричал я во всю мощь своих лёгких. – ЭТО НЕВОЗМОЖНО!

Зажигалка выпала из рук и со стуком исчезла в темноте, но скелеты, раскрывающие в немом крике рты и тянущие ко мне переломанные кисти, всё ещё стояли перед глазами.

– УБИРАЙТЕСЬ! ОСТАВЬТЕ МЕНЯ! Я НИ В ЧЕМ НЕ ВИНОВАТ!

Рука шарилась в поисках стены, но ничего не находила. В панике я размахивал конечностями, но лишь зачерпывал ладонями воздух: не было ни мертвецов, ни коридора... Упал на колени, пытаясь нащупать зажигалку, но и она куда-то запропастилась. Судя

по шелесту одежды, мертвецы расступились, давая дорогу кому-то ещё. Кому-то, кто держался позади плотных рядов. Шлёпанье приблизилось вплотную, я ощутил испускаемое незнакомцем тепло. Мягкое и яростное одновременно. Словно загипнотизированный, вытаращился во тьму, ожидая скорой смерти, но ничего не происходило. Вместо этого раздался стук, к моим ногам что-то упало... зажигалка... Я поднял её, но больше не предпринимал попыток зажечь... Лучше не смотреть...

– *Не смотри-и-и,* – согласилось с моими мыслями существо. – *Всё будет... хорошо...*

Последовала неловкая пауза, я раскрыл рот, чтобы сказать что-то глупое и ничего не значащее, но из тьмы прилетела сухая ладонь и отвесила мне звонку пощёчину...

Кап, кап, кап, кап,

Возвращайся к нам, солдат...

Открыв глаза, я обнаружил себя сидящим у стены. Вокруг было всё так же темно, как и прежде, где-то капала вода, но теперь ни в черноте, ни в этом повторяющемся звуке не слышалось никакой угрозы. Голова раскалывалась от боли, щека, оцарапанная об шершавую стену, саднила... Было ли это реально? Не знаю. Главное, что завывание метели снаружи стихло, нужно поскорее убираться отсюда.

Зажигалку я больше не использовал, решив экономить газ на крайние случаи. Прошло несколько минут ползания в потёмках, в течение которых я то и дело натывался на двери квартир. Не питая особой надежды на успех, дёргал каждую из них за ручку, параллельно прислушиваясь, не обитает ли внутри очередное порождение Города. Чаще всего из-за дверей не доносилось ни единого звука, но за одной я услышал отчётливый скрежет, словно кто-то втыкал нож в дерево и с силой чертил им линии. Самое обидное, что квартира, откуда доносился подозрительный шум, оказалась единственной не запертой на этаже.

Осторожно приоткрыв дверь, заглянул внутрь, но тут же отпрянул. Во тьме кухни шевелилось нечто огромное и многолапое, невероятно похожее на паука. Существо вонзало конечности

в пол, силясь подтянуть неуклюжее тело поближе к двери, но у него ничего не получалось. Жирное брюшко чудовища, намного превышающее размер двери, застряло в проёме кухни, обрекая монстра на голодное заточение.

Смотрю, в весёленькое место меня занесло. Что ни встреча – то приятные сюрпризы... Эх, был бы я сейчас в составе отделения, с оружием и в защите! Половина из встреченных опасностей предстала бы в совсем ином, не выгодном для местных жителей, свете. Жаль, что мой «калаш», наверняка, таскает на плече другой срочник, да и самого отделения уже давно не было.

Наконец, я вышел к окну. Пусть снаружи всё ещё темно, но, благодаря снегу, устилающему окрестности толстым слоем, появилось хоть какое-то освещение. Неподальёку от окна располагался лифт, ожидаемо неработающий. Прямо напротив на стене виднелась цифра этажа... «11»...

Одиннадцатый этаж? С чего вдруг одиннадцатый этаж?

Если это действительно он, то можно смело ложиться на пол и вызывать к чуду, потому что шансы выбраться упадут практически до нуля. Обливаясь холодным потом, я подбежал к окну и посмотрел вниз... Нет, всё в порядке, как и следовало ожидать – второй. Снега навалило так много, что достаточно перескочить карниз, и я уже на свободе... Тогда с чего вдруг эта цифра на стене?

Вернувшись назад, принялся ощупывать фигурные номерки на дверях квартир. Двузначные. Не веря тактильным ощущениям, зажёл ненадолго зажигалку: 45, 78, 14 – в этом не было ни логики, ни смысла! Номера шли хаотично, словно дом был слеплен из кусков разных зданий!

Всё, достаточно с меня изучать окрестности. Надо уходить, пока есть возможность. Надеюсь, сугробник уже забыл обо мне и уплыл в более хлебные районы, иначе я рисковал оказаться сожранным в первые же минуты побега... Плевать! Пусть даже и так, главное – я буду разжёванным и переваренным, а не превращусь в очередного жителя Города!

Со звоном разлетелось стекло, разбитое рукояткой ножа. В лицо тут же пахнуло крепким морозцем, заставившим накинуть на лицо маску. Как я входил, так и выхожу, подобно вору-неудачнику, забравшемуся в квартиру к наёмному убийце: едва живой, с пустыми карманами, но радостный, словно обнёс городскую казну.

Местность совершенно не поддавалась определению: ни единого ориентира, лишь безликие улочки, штампованные многоэтажки и выглядывающие из-под снега деревья. Приладив на ноги самодельные снегоступы, которые я умудрился не прое... кхм... умудрился не потерять, блуждая в темноте, спрыгнул вниз, тут же провалившись по колено в снег.

Картина окружающего городского ландшафта пугала и завораживала одновременно. Вместе с непогодой ушли и тучи. Взгляду открывалось чёрно-зелёное небо, усеянное яркими звёздами. Сколько прошло с момента моего пробуждения? Часов шесть? Восемь? Понятия не имею, давно уже утратил ощущение времени. Жаль, я не знаком с астрологией, иначе легко ответил бы на мучающие меня вопросы и сориентировался по звёздам.

Единственных знакомых мне Малой и Большой медведиц нигде не видно, как не было заметно и яркой Полярной звезды. Вполне может стать, что это зеленоватое небо не принадлежит нашему миру и навеяно воздействием Катаклизма. Может быть, оно никогда не видело человека и поэтому попыталось похоронить городок под сугробами, испуганное уродливыми постройками жителей Земли.

Яркий свет звёзд отражался в белоснежном зимнем покрывале, беспардонно укрывшем город. Не знаю, видели ли здешние места метель сильнее: насколько хватало видимости, всё равномерно укрыл белый наст. В центре двора из-под снега торчала верхушка какого-то детского аттракциона, видимо, недавно там находилась игровая площадка. Рядом пристроились какие-то турники, дальше по улице – несколько крыш небольших магазинчиков с заваленными вывесками. А вот это уже какая-никакая, но зацепка. Здесь не огромный мегаполис, лавок

на душу населения мало, так что практически все из них легко узнаваемы. Надо подобраться поближе и постараться откопать вывеску.

На том и порешив, я побрёл вперёд. Местность открытая, и, опасаясь быть замеченным кем-нибудь, я свернул к тянущемуся справа зданию. Осторожно пробираясь в его тени, преодолел три подъезда, а затем перебежал проезжую часть. Замер у дерева. До цели рукой подать, но спешка в Городе неуместна.

Расфокусировав взгляд, принялся наблюдать за окрестностями, готовый среагировать даже на самое незаметное движение. В воздухе висела гробовая тишина, лишь изредка нарушаемая опадающими с крыш пластами снега. Ни души...

*Здесь ни души, лишь мы,
У которых нет душ...*

На секунду я впал в ступор от вспыхнувшей в памяти строчки. Задумался, а что если...

Ну уж нет! У меня есть душа, я живой! Прочь такие мысли, прочь! В топку рефлексии, самокопания и бессмысленные попытки упорядочить происходящие вокруг события. Зачерпываешь лопатой и швыряешь в огонь злости, так, чтобы дверца печи раскалилась докрасна, чтобы волосы на голове плавилась от жара, а потом – в бой! На вышку или отлавливать мародёров! Через автоматный ствол, через приклад выплёскивать на тварей накопленное пламя! На кого угодно, на что угодно, лишь бы самому не сгореть от него...

*Кто-то должен был выстрелить первым,
Так лучше уж я...*

Если не этот жар, выжить на периметре вряд ли не удалось... И всё было бы великолепно, не споткнись я о странного незнакомца в ту ночь...

*В любой из возможных реальностей,
В этой жизни и следующих,
Каждую ночь проклятую
Ты будешь слышать мой вой...³⁸*

³⁸ Дзёси Икита, «Вой».

Какого чёрта мне пришло на ум это стихотворение? Оно ведь вообще на любовную тематику.

Подбежав к торчащей из сугробов крыше магазина, я начал разгребать снег и довольно быстро достиг желаемого. Взору предстала издевательски яркая картинка с простенько нарисованным пляжем и торчащими из песка пальмами. На голубом небе ярко светил яичный желток солнца, а поверх всего этого «райского наслаждения» шла надпись «Лагуна». Ошарашено подняв голову, я вновь огляделся... Не может того быть... Продуковый магазинчик «Лагуна» находится вблизи моего дома, но я нигде не видел ни детского сада, ни хорошо знакомой многоэтажки, в которой провёл детство! Либо Город играл со мной, либо я свихнулся и страдаю от очередных глюков...

Доктор в своё время научил меня паре трюков, помогающих отличить реальность от вымысла. Одно из самых простых – тактильные ощущения. Но, если верить словам эскулапа, самый верный и безопасный – слегка надавить на глазное яблоко. Реальные объекты при этом раздвоятся, а иллюзии – нет. Следуя этому совету, я стянул трёхпалую рукавицу и аккуратно нажал на веко. Пальмы, морские волны и солнце тут же раздвоились... Так, всё в порядке, магазин настоящий. К как на счёт других строений?

Поочерёдно я взглянул на каждое из окрестных зданий и с удивлением обнаружил, что недавно покинутая многоэтажка... нереальна... Встряхнув головой и поморгав, я повторил эксперимент, но нет, не ошибся, дом действительно не раздваивался.

Я же ходил внутри него, разжигал костёр в одной из квартир и даже повстречал несколько жутких существ. Выходит, всё это было лишь иллюзией?

Нет, глупости. Щека до сих пор болела, за поясом нож, на ногах – самодельные снегоступы... Живот полон риса. Кажется, совет доктора не работал, иного разумного объяснения у меня не было.

В любом случае, меня ждал долгий переход до местного «периметра». Катаклизм каким-то образом изменил город, но

где-то он должен начинаться и заканчиваться, так что необходимо обзавестись едой, водой, а в идеале ещё и рюкзаком, в который всё это можно сложить. Движимый этими мыслями, я вгрызся в сухой, похожий на песок, снег, намереваясь любой ценой попасть в «Лагуну». Копая снятым с ноги снегоступом, не забывал об осторожности и периодически выглядывал наружу. Вскоре я добрался до цели и какое-то время потратил на попытки открыть дверь.

Внутри ожидаемо царил мрак, но это ни капли не стесняло меня, слишком уж часто я заходяжил сюда: в детстве за хлебом и сладостями, а повзрослев – за пивом и солёными закусками. Память услужливо подсказывала, где находятся необходимые предметы. Перемахнув через прилавок, присел у кассового аппарата. Чёрт, было наивно ожидать увидеть здесь фонарик или какую-нибудь сумку, а разгуливать с пакетом в руке – такое себе удовольствие. Придётся ограничиться малым.

В первую очередь я отыскал зажигалки, схватил горсть и распахивал по карманам. Затем перешёл к консервам и воде. Отправил вслед за зажигалками несколько банок тушёнки и небольшую бутылку минералки. Поприседал, попрыгал, прислушиваясь к себе. Вроде бы ничего не мешает и не издаёт лишнего шума. На первое время хватит, а появится рюкзак – загляну ещё куда-нибудь.

Всё, пора валить, больше ничего полезного здесь не найти.

Протиснувшись в не до конца откопанную дверь, выглянул из ямы.

– Чёрт... – бессильно выругался я, вжимаясь в снег. – Откуда вы взяли...

Со стороны покинутой многоэтажки цепочкой двигались недавние знакомцы: четверо солдат из числа покровивших милиционеров и чуть не убивших меня. Естественно, это были совершенно другие люди, но как пить дать относящиеся к тому же воинскому формированию. Те же маскировочные халаты, белые балаклавы с широкими защитными очками, незнакомые автоматы, отдалённо напоминающие родной Калашников, но имеющие ряд конструктивных отличий в виде трубчатого приклада, странной

формы пластикового цевья и изменённых прицельных приспособлений. Уж я-то знаю, как выглядит стандартный армейский 74М, и это точно не он, значит, и солдаты не наши.

Нырнув обратно в магазин, заметался в поисках выхода из сложившейся ситуации. Убегать бессмысленно – заметят и откроют огонь. Прятаться – тоже. Совсем скоро эти гады увидят следы на снегу и захотят закинуть в яму гранату-другую.

Дверь в подсобном помещении, так же исполняющем функции склада, не поддавалась, а если бы нерадивый персонал и позабыл её закрыть, толку-то, снаружи снега метра на три. Ни единой спасительной зацепки...

«Пейн, я выхода не чувствую!

Ванёк, у тебя его нет!»

Не смешно. Варианта два: спрятаться в надежде, что меня никто не найдёт, или принять бой и попытаться завладеть автоматом, а там уже наши шансы уравниются.

– Onko täällä ketään? Tulkaa ulos!³⁹ – донёсся с улицы тихий голос, но я не понял ни слова. – Me emme halua vahingoittaa sinua.⁴⁰

– Olavi, he ovat kaikki hulluja.⁴¹ – одёрнул своего товарища другой солдат, судя по интонациям, командир группы. – Vain heitä kranaatti!⁴²

– Matti, he ovat samanlaisia ihmisiä kuin me. Jotkut heistä voivat pelastua.⁴³

Знать бы, о чём говорят эти сволочи. Что это вообще за язык? Эстонский? Похоже на то, но что эстонцам делать так далеко на севере, да ещё и в такое беспокойное время?.. Хотя нет, приходилось мне слышать эстонский язык на периметре, и это точно не он. Что-то прибалтийское – к гадалке не ходи.

³⁹ Здесь есть кто-нибудь? Выходите (фин.).

⁴⁰ Мы не хотим сделать тебе больно (фин.).

⁴¹ Олави, они все сумасшедшие (фин.).

⁴² Просто брось гранату (фин.).

⁴³ Матти, они такие же люди, как и мы. Некоторые из них могут быть спасены (фин.).

– Minä laskeudun alas ja tarkistan!⁴⁴ – голос первого солдата звучал взволновано, однако, судя по всему, прочие члены группы его чувств не разделяли.

Вполне вероятно, что наиболее разговорчивый собирался выкурить меня отсюда, а командир всячески отговаривал его, но могло быть и наоборот... Чёртовы догадки, скажите хотя бы одно знакомое слово, хоть что-то!..

– Meidän on mentävä edelleen! Meidän täytyy löytää generaattori! Kaikki muu myöhemmin!⁴⁵

– Hän on oikeassa,⁴⁶ – подключился к разговору третий, ранее молчавший солдат.

– Hölmö!⁴⁷ – в сердцах воскликнул командир.

Один за другим щёлкнули автоматные предохранители. До слуха донеслось едва различимое шуршание одежды и осторожное поскрипывание снега. Судя по всему, военные решили-таки заглянуть ко мне на огонёк. Ну что же, более лёгкой добычи им не найти во всей округе.

Прильнув к стене возле входного проёма, я приготовился дать достойный отпор приближающемуся неприятелю. Нож есть, это уже что-то, если удастся нанести точный удар... Граната! У меня же есть граната! Самое время воспользоваться ей!

Руки суматошно зашарили по карманам, но, как назло, натыкались лишь на банки тушёнки. Консервы со стуком падали на пол и укатывались куда-то во тьму магазина, но граната решительно не желала быть найденной...

– Onko siellä ketään? Tule ulos!..⁴⁸

Ну, где же она, где... Сигареты, зажигалки, вода... Чёрт...

Наконец, рука наткнулась на бугорок в нагрудном кармане. Отпущенное время вот-вот грозило кончиться, так что,

⁴⁴ Я пойду вниз и проверю (фин.).

⁴⁵ Мы должны идти дальше! Нам нужно найти генератор! Остальное потом (фин.).

⁴⁶ Он прав (фин.).

⁴⁷ Дурак (фин.).

⁴⁸ Есть кто-нибудь? Выходи (фин.).

нащупав шершавый бок снаряда, я без размышлений потянул его на себя. Послышался ни с чем несравнимый звон отлетевшего в сторону рычага...

– Вот чёрт... – на осознание произошедшего понадобилось всего мгновение, но его хватило, чтобы натренированное тело успело отреагировать.

Швырнув гранату в дверную щель, я перемахнул через витрину и распластался на полу, зажав ладонями уши и пошире открыв рот. С улицы послышался предостерегающий выкрик, но было уже поздно... Раздался оглушительный взрыв. Маленькое закупоренное со всех сторон помещение магазина сработало, подобно качественному усилителю звука. Ни открытый рот, ни прижатые ладони ничерта не помогли, так что я в мгновение ока оглох и потерял ориентацию в пространстве. Мир поглотил тихий писк, перед глазами всё поплыло, но я каким-то невероятным усилием воли умудрился остаться в сознании.

В этот момент где-то в параллельной вселенной, неизмеримо далёкой от меня, зазвенело стекло входной двери. Часть осколков угодила в полки с продуктами, сметая их содержимое на пол и разнося на мелкие куски, но основной удар пришёлся на солдата, пробирающегося по выкопанному мной проходу. Отреагировать на опасность бедолага не успел, погибнув на месте, а вот его товарищам повезло меньше. Происходи дело у двери какого-нибудь подвала или квартиры, и они отделались бы лёгкой контузией, но сейчас между поражающими элементами и бойцами не было ничего, кроме снега, который, в отличие от бетона, легко прошивался навывлет. В ночной тишине раздалась крики боли и ругань, но я ничего этого не слышал.

Минута шла за минутой. Безучастно поглядывая на дверь, я ожидал ответного хода, но ничего не происходило. Наконец, писк сбавил обороты, а сквозь глухую тишину начали прорываться автоматные очереди.

Осторожно приподнявшись, я попытался встать, но ушедший из-под ног пол, явно несогласный с моим решением, опрокинул тело назад. Голова едва не треснула от удара, но времени на потирание шишек и ссадин не было. Встав на четвереньки, я пополз к

двери. Рука сжимала рукоять ножа, в колени впивались осколки стекла, реальность двоилась, раскачивала тело из стороны в сторону, но повлиять на это я никак не мог.

Неловко прислонился к косяку и выглянул наружу. В расширенном проходе лежал свеженький покойник. Словно опрокинутая на пол чернильница, тело щедро пропитало снег под собой свежей кровью, сочащейся из многочисленных ран. Сквозь разорванный маскхалат угадывались очертания бронежилета, не сумевшего уберечь хозяина от близкого взрыва наступательной гранаты. Белая каска практически не пострадала, в отличие от очков, которые покрылись паутиной трещин с неаккуратным отверстием посередине. Вся левая половина стекла была залепана кровью, в правой же виднелся неестественно выпученный глаз, недоумённо уставившийся прямо на меня. Рядом валялся уродливый автомат. Визуально взрыв практически не повредил его, разве что, лёгкое пластиковое цевьё треснуло. Подобрал оружие, я попытался передёрнуть затвор, но ничего не вышло. Вынул магазин и заглянул внутрь. В потёмках ничерта не видно, наверное, ствольную коробку прогнуло внутрь, заблокировав затвор, или что-нибудь в таком духе... Кусок мусора⁴⁹... Никакого другого оружия у солдата не оказалось, а если оно и было, то быстрый осмотр его не выявил.

Тем временем, наверху продолжался бой. Один автомат грохотал практически у самой дыры, другой ухал где-то на отдалении. Тихонько... без лишних дёрганий и спешки... Там, где стрельба, там и трупы, а где трупы – там трофеи. Наверху обязана быть хотя бы одна исправная винтовка!

Снег усеяли многочисленные подтаявшие могилки с покоящимися в них стреляными гильзами, раскалёнными горстями летящими от последнего оставшегося в живых «иностранца». Один из его товарищей, находящийся ближе всех к яме, сжимал рану на горле, из которой уже успела вытечь вся кровь. Второй,

⁴⁹ Имеется ввиду финский автомат Valmet Rk-62, разработанный на базе автомата Калашникова. Производился с 1962 по 1994 года.

более удачливый, лежал подальше. Судя по позе, он успел залечь во время неожиданного нападения с тыла и даже дал несколько очередей в направлении врага, но вскоре был убит метким выстрелом. Уронив голову на руку, он больше напоминал уставшего путника, вздумавшего перевести дух, разве что картину портили несколько пулевых попаданий, пробивших каску.

Совсем рядом просвистело несколько выстрелов, заставивших меня рефлекторно пригнуться. Выживший «иностранец» сноровисто перезарядил автомат и, сделав кувырок в сторону, укрылся за трупом своего товарища. В окнах второго этажа здания, находящегося метрах в ста пятидесяти, засверкали дульные вспышки, по улицам пронеслось эхо коротких очередей.

Иностранец прильнул к прицелу, готовый ответить невидимому с такого расстояния стрелку.

Сейчас или никогда!..

Выскочив из укрытия, я одним прыжком подлетел к распластавшемуся на снегу врагу, заноса над головой кухонный нож, но неприятель оказался быстрее. Не знаю, где тренируют таких сукиных детей, но оставшийся в живых боец явно оказался мне не по зубам. Молниеносный разворот с одновременным перекатом в сторону, искажённое яростью широкое лицо, желтоватые зубы оскалены в звериной улыбке...

– Ärägä!⁵⁰ – выкрикнул человек, и я сразу же узнал по голосу командира отряда.

Рукопашный бой никогда не был моей сильной стороной. В голове только пронеслась мысль о том, в какую сторону неплохо было бы уклониться, и как сподручней нанести контратакующий выпад, а в лоб уже врезался автоматный приклад, лишая меня как способности к эффективному ведению боевых действий, так и сознания...

⁵⁰ Ублюдок (фин.).

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЗИМНЯЯ ВОЙНА

ненавижу армию! Будь она проклята! Все, абсолютно все несчастья, что случались со мной в последнее время, так или иначе были связаны с ней. В особенности, с проклятыми звёздочками на погонах. Служил бы себе дальше прапорщиком, но нет, мать его, услышал про ускоренные офицерские курсы, подумал, вот он, мой билет в лучшую жизнь! Ага, билет... в лучшую жизнь... Билет на периметр, где с головой хватало рядового состава, но был острый дефицит офицеров.

Оксана отговаривала меня, пересказывала какие-то глупые байки о Катаклизме, слышанные от соседок и коллег по работе. В тот момент её слова я воспринимал со смехом, считая истории о невероятных событиях, происходящих в городе, не более чем паническими настроениями. Как жаль, что я не послушал её...

В конце концов, когда злополучные курсы подошли к концу, а я начал собирать вещи, Оксана заявила, что не поедет. Мол, будь нас только двое, то почему не рискнуть, пощекотать нервы, посмотреть воочию, правду ли говорят, но ехать туда с детьми слишком опасно. Я уговаривал её, пытался втолковать, что никто не погонит нас на фронт, будем потихоньку обустраиваться в военном городке на безопасном отдалении, и единственные поджидающие нас трудности, это выбор обоев для кухни и засорившийся мусоропровод...

Как же я ошибался, Оксана. Хорошо, что ты не послушала меня и осталась дома. Как в воду глядела – ничего хорошего из этого не вышло.

Тогда я пообещал тебе вернуться, но теперь постоянно задаюсь вопросом, а ждёшь ли ты? Ждут ли меня дети, помнят ли? Прошло совсем немного времени, может быть, они и не заметили моего отсутствия?

Оказавшись на месте, одинокий, ощущающий себя преданным, я попал в настоящий водоворот. Меня назначили командиром взвода инженерной роты, обеспечивающей целостность заграждения в нескольких секторах. Да, у них были основания поставить меня именно на эту должность, образование-то у меня, как раз-таки, связанное с автоматизированными системами специального назначения... Образование-то есть, вот только знаний ничерта нет, окончил я его лишь благодаря связям и исключительно для того, чтобы когда-нибудь получить офицерское звание... Чёрт... Знать бы всё наперёд... Выбрал бы какое-нибудь другое, мирное направление, или действительно изучал материал, а не носил деньги в конвертиках.

Теперь же ничего не поделать. Назвался инженером – полезай чинить ТСО на периметре. Ремонт-то, сам по себе, дело такое, со временем разобрался во всём, жизнь заставила, а в чём не разобрался – там солдаты сами справлялись, вот только смертность у нашего брата оказалась слишком высокой, ведь на периметре обычных неполадок раз-два, куда чаще наружу рвутся всякие твари. Одни погибают ещё на подходах, другие, каким-то невероятным образом, прорываются через все преграды, наплевав на мины и высокое напряжение, но есть ещё третьи, самые умные... Они подбираются вплотную к забору на каком-нибудь тихом участке, без вышек и постоянных патрулей, разрывают в паре мест сетку, вызывают срабатывание датчиков и начинают ждать. Через несколько минут приезжает караул, осматривается, естественно, ничего не находит, после чего начинает ремонт, и вот тогда-то эти сволочи нападают...

Много чего было, да судьба сберегла. А может и не судьба, а трусость... На сержантах выехал, на рядовых... Много их полегло, но теперь уж не разобрать, кто по моей вине, а кто – нет.

Когда Город замолчал, все мы, как один, облегчённо выдохнули. Никто так до конца и не поверил, что Катаклизм схлынул, в том числе и я. Срабатываний охранного периметра стало так мало, что даже самые пессимистичные бойцы в нашем подразделении решили, что война окончилась. Ослабла информационная блокада, разрешили писать письма домой, а наш командир полка пару раз даже давал интервью каким-то иностранным журналистам.

Меня наградили ещё одной звёздочкой. Собственно, награждали всех, кто выжил в мясорубке. За полгода тишины все не то чтобы расслабились, но перестали дёргаться от индикации неполадок. Пронёсся слух, что в Город собирают экспедицию с пресой. Уж не знаю, чем руководствовался штаб, но на должность сопровождающего офицера неожиданно выбрали меня. Что я только ни делал, как только ни пытался откосить – всё тщетно... Единственное, что я смог выторговать, это перевод на прежнее место службы по окончании операции.

Все мои несчастья связаны с проклятыми звёздочками, но сегодня черная полоса закончится. Одно задание, и я вернусь к Оксане и детям. Вернусь в тихую воинскую часть, где не случается ничего страшнее беспорядка в тумбочках и вовремя не нарисованных боевых листов...

Раздался писк, вырвавший меня из задумчивости. Отодвинув от лица диктофон одного из журналистов, я снял с пояса рацию и на секунду замер, рассматривая индикатор вызова. Под сердце вонзилась иголка беспокойства, но я пересилил себя и нажал кнопку приёма.

– Турист-1, это Эхо-1, это Эхо-1, с северо-востока к вам приближается песчаная буря, скорость около тридцати километров в час, постепенно увеличивается. Рекомендуем ускорить продвижение по маршруту... – голос майора Цветкова, командующего сопровождающими нас вертолётами, звучал обеспокоенно.

– Связь со штабом, быстро! – скомандовал я радисту.

Одна за другой убегали драгоценные минуты, но связь так и не появлялась.

– Мля, да что ты там возишься! – взорвался я, повышая голос на нерасторопного подчинённого. – Немедленно соедини меня со штабом!

– Не могу, тарищ старший лейтенант! Связи нет! – ответил тот, разводя руками.

Хренов болван, понабрали идиотов...

– Млин, – сплюнув, вновь поднял к уху рацию. – Что со связью? Есть?

– Никак нет, связь со Скалой отсутствует...

– Как далеко буря?

Качество связи ухудшилось, видимо, под действием загадочного природного явления.

– Рекомендуем ускорить продвижение по маршруту...

Чёртов майор, гори ты в аду со своими «рекомендую»...

Растолкав притихших журналистов, я пробрался в хвост автобуса... Вглядываясь вдаль сквозь бронированное окно, я в тайне надеялся ничего не заметить среди многоэтажных зданий, но надеждам не суждено было сбыться.

По городу катился вал – огромный, всепокрушающий и всепоглощающий. Клубящаяся пыль вскипала гигантскими пузырями, поедала одно здание за другим... Протiwоестественная, страшная... Я смотрел на неё и чувствовал, как внутри зарождается паника. Окружающие люди утрачивали чёткость, становились бледными тенями, давным-давно мёртвыми, бесполезными трупами, но я-то ещё живой! Я-то не для того приехал на периметр, чтобы вот так вот умереть!

– Вашу мать, почему только сейчас доложили!.. – по лбу скатывались крупные капли пота, но я не замечал этого.

– Как сами заметили, так и доложили, лейтенант!..

Наверняка он умышлено уменьшил моё звание, пытается задеть!.. А вот хрен там плавал, я и тебя, и твой вертолёт переживу, никакая удача не поможет!..

– Продолжать попытки связаться со штабом!..

– Есть, – тяжело вздохнув, ответила рация...

– Эй, просыпайся. Давай, приходи в себя!

Хлопки по щекам усилились, превращаясь в мощные оплеухи, окончательно прогоняющие остатки сновидения. Вместе с пробуждением пришла давящая боль в районе лба. Мышцы ныли, как после добротного марш-броска. Ох, лучше бы я не просыпался...

С трудом разлепив веки, уставился на нависающего надо мною солдата. Чёрт, давненько я такого тяжёлого взгляда не встречал: густые брови сведены к переносице, холодные, полные презрения глаза прожигали насквозь, так и говоря: «Только дай мне повод, придурок, я тебя по полу размажу». Взгляд наёмного убийцы, знающего цену своим возможностям и способного за секунды оценить оппонента, параллельно выстроив план его устранения. Усеивающие лицо шрамы от давным-давно заживших ожогов лишь подчёркивали устрашающий вид солдата, красноречиво демонстрируя богатый боевой опыт.

Человек сидел справа и немного позади меня, припав на одно колено. В глаза тут же бросилось великолепное снаряжение, пусть и изрядно испачканное серой бетонной пылью: каска, налокотники, наколенники, рюкзак, лёгкий бронежилет с надетой поверх него разгрузкой⁵¹, – практически все элементы обмундирования белые, с нарочито неряшливыми серыми разводами камуфляжа. Ляг в таком облачении на снег, и тебя не всякий наблюдатель сможет заметить. Никаких нашивок или лычек – о звании и подразделении оставалось лишь гадать.

На поясе со штык-ножом соседствовала пистолетная кобура, левая рука держала за цевьё незнакомую мне снайперскую винтовку. Массивный глушитель достигал в длину сантиметров сорок и составлял треть от общей длины оружия, пластиковый приклад и рукоятка для ведения огня соединялись в единое целое, но наибольший интерес представлял огромный ночной

⁵¹ Разгрузка – разгрузочный жилет. Элемент снаряжения военнослужащих. Представляет собой жилет с большим количеством специальных карманов или креплений. Предназначен для комфортного ношения и быстрого применения оружия, магазинов к нему, гранат, фляги, медицинского пакета, аптечки и тому подобного.

прицел, уродующий винтовку и визуально делающий её неуклюжей, однако, вне всяких сомнений, человек в форме легко смог бы доказать обратное, реши я проверить его на прочность.

– Встать, – слова прозвучали резко и быстро, в полголоса, но произносились с такой интонацией, что подействовали эффективнее любых воплей.

Я тут же вскочил, рефлекторно вытянувшись по стойке «смирно».

– Имя, фамилия, – продолжая сверлить меня взглядом, сказал снайпер.

Не спросил, а именно сказал.

– Иван Селезнёв, – привычка исполнять приказы, а не обсуждать их, сработала как надо, так что я готов был рассказать всё, что только пожелает этот жуткий человек. Почти всё.

Беспокойство потихоньку стихало. Грози реальная опасность, то меня убили бы во сне или хотя бы связали по рукам и ногам.

– Личный номер.

– 393763, – оттарабанил я вызубренные ещё в первые месяцы службы цифры.

– Дезертир?

– Никак нет, демобилизовался. Приехал домой.

– Охрененно ты домой приехал, – на лице военнослужащего промелькнула ухмылка, а в интонации впервые проступили едва заметные нотки доброжелательности. – Род войск, номер войсковой части.

– Товарищ... – замешкался я, пытаюсь определить звание снайпера. – Товарищ офицер, я подписывал...

– Отставить, – тут же махнул рукой солдат.

Достав из кармана мой военный билет, боец сверил услышанное с записями, а затем кинул мне, видимо, оставшись довольным честностью пленного:

– Что делал в магазине.

– Я... – язык в мгновение отнялся, мысли заскрипели, подобно несвязанным шестерёнкам давным-давно проржавевшего механизма. – Искал...

– Мародёрствовал?

Я ничего не ответил, всё и так ясно. За мародёрство в военное время расстреливают на месте.

– Расслабься. Война всё спишет, особенно такая, – угадав мои мысли, сказал снайпер. – Садись вон туда и жди.

Я послушно подошёл к указанному углу и сел на пол, ожидая дальнейших распоряжений.

Мы находились на лестничной площадке какой-то тёмной многоэтажки. В широком окне виднелись здания, но навскидку определить, где мы, не удалось. Судя по высоте, этаж третий.

Снаружи немного посветлело, наступило подобие дня. Привычно взглянув на циферблат часов, я не увидел ничего, кроме цифры «22», обозначающие минуты...

В голове кружилось сонмище вопросов, но задавать их я не решался. Снайпер же, быстро утратив ко мне интерес, подошёл к окну и, встав сбоку, аккуратно выглянул на улицу. Убедившись в отсутствии опасности, он прислонил снайперскую винтовку к стене, достал из бокового кармана рюкзака коробку с патронами и принялся снаряжать пустые магазины. На красно-чёрном картоне виднелась надпись «9×39»⁵². Наверное, какой-то специальный боеприпас, я с таким раньше не сталкивался.

Закончив с пополнением боезапаса, военный рассовал магазины по кармашкам разгрузки, смял пустую упаковку и сунул её обратно в рюкзак. Минута шла за минутой, снайпер молчаливо поглядывал то в окно, то на лестничный марш, а я никак не мог решиться заговорить первым. Уж слишком сосредоточенным выглядел снайпер.

– О! Очнулся? – раздался голос с площадки этажом выше.

От неожиданности я дёрнулся и лишь чудом удержался, чтобы не вскочить на ноги, однако стоящий у окна снайпер даже не повернулся на шум.

– Нет, блин, он ещё спит. Не видишь, что ли.

⁵² 9×39 мм – специальный вид звуковых боеприпасов.

По лестнице бесшумно спустился ещё один солдат, в плане снаряжения представляющий практически полную копию первого, с той лишь разницей, что вместо снайперской винтовки он был вооружён диковинным автоматом, выполненным в компоновке «булл-пап»⁵³. Цевьё, селектор огня, спусковая скоба и пистолетная рукоять очень напоминали аналогичные детали от Калашникова, но всё прочее в корне отличалось. Мушки на стволе не было, массивная ручка для переноски, судя по всему, была совмещена с прицельными приспособлениями, короткая ствольная коробка оканчивалась массивным затыльником.

Единственное, что было действительно знакомо в этом странном «штуцере», так это стандартный магазин от АКМа⁵⁴.

– Поёрничай мне тут, – улыбнулся солдат, неожиданно протягивая мне руку. – Линь.

Снайпер выразительно фыркнул, я же, опешивший от контраста между лёгкой неприязнью первого солдата и дружелюбием второго, не сразу решился ответить на рукопожатие.

Автоматчик вызывал больше симпатий. Наиболее точно его внешность описывало словосочетание «истинно арийская»: волевой подбородок, волосы светлые, глаза голубые, – человек производил впечатление непрестанно улыбающегося весельчака, своего в доску парня, от которого сходили с ума все без исключения девушки.

– Я не кусаюсь, – распознав мучающие меня эмоции, рассмеялся Линь. – Или Грач уже успел тебя запугать?

Это хорошо, что имена не говорят, обойдясь позывными. Видимо, не хотят оглашать лишнюю информацию, а если так – то вполне возможно, что отпустят рано или поздно.

– Никак нет, – выходя из ступора, ответил я. – Ваня.

⁵³ Булл-пап (англ. bullpup) – схема компоновки механизмов винтовок и автоматов, при котором спусковой крючок вынесен вперёд и расположен перед магазином и ударным механизмом.

⁵⁴ Имеется ввиду штурмовой стрелково-гранатомётный комплекс ОЦ-14, калибр 9×39 мм.

– Ну вот и отлично, Ванёк. Жить хочешь? – с этими словами Линь извлёк из кармана разгрузки массивный глушитель и сноровисто накрутил его на ствол автомата.

– Так точно.

– Тогда идёшь за Грачом. Я замыкаю. Двигаемся быстро, тут недалеко. Никаких разговоров, ворон не считаешь, поглядываешь влево и вправо. Видишь опасность – хлопаешь впереди идущего по плечу и приседаешь. Понятно?

– Так точно!

– Выдвигаемся.

Выйдя на улицу, мы трусцой направились вдоль здания, обогнули его и по очереди перебежали дорогу. Идти было тяжело, движение изрядно замедляли вездесущие сугробы, нодвигающийся впереди снайпер старался выбирать наиболее удобные и наименее заметные пути. Вновь пошёл снег, но, в отличие от недавней метели, он был до крайности ленивым и спокойным.

Следуя приказу Линя, я контролировал обстановку по глазам, параллельно пытаюсь определить местоположение. Из знакомых строений на глаза попало разве что здание первой гимназии, правда, оно находилось совсем не там, где положено. В местах, где снега навалило поменьше, из сугробов выглядывали крыши автомобилей, брошенных сбежавшими из города жителями. Однажды вдалеке показалась длинная туша какого-то автобуса, но я не смог с такого расстояния определить, эвакуационный он или нет.

Пропетляв минут десять по дворикам, мы вышли к огороженному высокой стеной заводу, но Грач жестом остановил нас и, некоторое время вслушиваясь в тишину, повёл группу в обход. В следующий раз пришлось остановиться, когда неподалёку раздались приглушённые голоса. Плюхнувшись на животы, мы замерли за крышей какого-то ларька.

Грач бросил косой взгляд на мою жёлтую куртку и зелёные камуфляжные штаны и сокрушённо покачал головой. Что правда, то правда. Если моих спутников тяжело разглядеть на снегу, даже наступив на них, то меня одежда выдавала с потрохами.

По дороге шла группа «иностранцев», состоящая из восьми человек. Между бойцами, выстроившимися в цепочку, было, примерно, равное расстояния. Складывалось ощущение, что они что-то искали.

Грач бросил вопросительный взгляд на Линя, но тот отрицательно мотнул головой.

– Уходим, – скомандовал он, и мы продолжили движение.

Ещё спустя минут пять, пробегая мимо неприглядного здания гостиничного типа, до наших ушей долетело громкое жужжание, исходящее из тёмных недр подъезда. Замыкающий Линь, крутнувшись на месте, выпустил на звук несколько очередей. Послышался вскрик, громкий гул невидимых отсюда насекомых усилился.

– Быстрей, быстрей! – подтолкнул меня автоматчик, срывая с разгрузочного жилета гранату с пластиковым корпусом⁵⁵.

Снаряд исчез внутри. Послышался хлопок, и из прохода повалили серые клубы ОВ⁵⁶. Проверять, насколько газ оказался эффективен против порождений Города, желания не было.

Наконец, мы добрались до места назначения, которым оказался выдавший лучшие времена дом, кирпичные стены которого пестрили выбоинами и разноцветными граффити. Грач занял позицию у входа, присев на одно колено и водя стволом из стороны в сторону, Линь же, выставив перед собой автомат, скрылся за распахнутой настежь подъездной дверью.

– Чисто.

Внутри здание оказалось куда привлекательнее, чем снаружи. Стены аккуратно покрашены зелёной краской, никакой наскальной живописи, ни единого бычка на полу. Поднявшись по лестнице на второй этаж, мы скорым шагом зашли в одну из квартир. Грач щёлкнул задвижкой, запирая вход.

⁵⁵ Имеется ввиду газовая граната К-51, разработанная в конце 70-х. Специальное средство не летального действия. Предназначена для разгона демонстраций путём аэрозольного распыления раздражающего вещества. Имеет корпус из твёрдого пластика светло-кремового цвета.

⁵⁶ ОВ – отравляющее вещество.

– Не отвешивай, – бросил мне снайпер, занимая позицию у окна. – Сядь на диван.

На языке крутилось множество вопросов, но один беспокоил больше всего.

– Я пленный? – спросил я, послушно усаживаясь на указанное место.

– Опупенный, – ответил Грач.

Линь прыснул от смеха, но ничего не ответил. Сбросив рюкзак у входа, он заперся на кухне, откуда вскоре послышалось тихое шипение радиостанции:

– Замок, я Пёс-4, я Пёс-4, приём, я Пёс-4... Замок, Замок, я Пёс-4, как слышно меня?..

Грач так и не счёл нужным ответить на мой вопрос. Не обнаружив на улице ничего подозрительного, он вернулся в коридор, оставив меня одного.

Чертыхнувшись, я откинулся на спинку дивана и устался в потолок. Судя по всему, делиться информацией никто не собирался. Кто они? Очень похоже на армейских спецов или каких-нибудь, например, ГРУшников. Пару раз моя рота обеспечивала прикрытие «особым группам», совершавшим вылазки в город, и действовали те парни практически один в один, как эта парочка. Такие же молчаливые и сосредоточенные, вооружённые неведомыми винтовками, которые ни я, ни мои боевые товарищи прежде не видели. Быстро приходят, чётко выполняют задачу, а потом растворяются в темноте, – вот как работали подобные Грачу и Линю, по крайней мере, в моих глазах это выглядело именно так... Но зачем им нянчиться со штатским? Очевидно, что я лишь мешаю слаженным действиям боевой двойки снайпера и автоматчика. Единственное разумное объяснение, почему я до сих пор жив, а не валяюсь в одном братском сугробе с перебитыми «иностранцами» – у спецов есть определённое задание.

Снайпер видел, что я проходил службу на периметре и никак не отреагировал на это... Довольно странно, ведь я своими глазами видел, как «беженцев» отсеивали от других людей, словно они заражены чем-то и требуют изоляции...

Доносившееся с кухни шипение стихло, Линь вернулся в зал. Сквозь приоткрытую дверь я успел заметить стоящую на столе радиостанцию, один в один похожую на знакомую мне Р-159⁵⁷, но имеющую одно странное отличие. Пожалуй, несведущему человеку заметить его было довольно проблематично, но мне сразу бросился в глаза прямоугольный блок, приваренный к корпусу выше аккумуляторного отсека и соединяемый с радиостанцией двумя аляповатыми гофрированными трубками. Этот обвес явно был «неродным» и, судя по неаккуратному сварочному шву, приделывался в полевых условиях. Собственно, никаких дополнительных деталей рассмотреть не удалось, так как Линь плотно прикрыл за собой дверь.

Немало вопросов вызывал у меня ещё один факт. Очевидно, что в квартире был организован схрон⁵⁸ снаряжения, но откуда он здесь? Был подготовлен заранее, ещё до новости о возвращении Катаклизма? Исключено. После звукового удара всё полетело к чёртовой бабушке, а городские постройки как следует перетасовало. В подобных условиях наткнуться на заранее оставленный тайник – один шанс на миллион. Значит, спецназ оставил здесь снаряжение уже после. В пользу этой теории говорит и то, что группа чересчур хорошо ориентировалась на местности, что в свете недавних событий выглядело, как минимум, невероятно.

Осмотрев меня с ног до головы, словно бы решая, стоит со мной разговаривать или залепить рот скотчем от греха подальше, автоматчик ухмыльнулся:

– Ты хуже пленного. Ты штатский.

Пододвинув один из стульев, солдат сел напротив меня и достал подозрительно знакомую пачку сигарет. Снятый с предохранителя автомат лежал у него на коленях, словно бы невзначай

⁵⁷ Р-159 – советская широкодиапазонная войсковая УКВ-ЧМ радиостанция для связи в звене управления Вооруженных Сил рота-батальон. На вооружении Советской Армии принята с начала 80-х годов.

⁵⁸ Схрон – тайное хранилище оружия, боеприпасов и т.п.

направленный в мою сторону. Пошарив по карманам, я без особого удивления понял, что единственными не изъатыми предметами оказались ключи и несколько зажигалок. Курево, консервы и вода, очевидно, сменили хозяина. Нож тоже канул в небытие.

– Угощайся, – великодушно протянув мою же пачку, улыбнулся Линь.

Портить и без того неясные отношения с военным не хотелось, поэтому я не стал лезть в бутылку.

– Зачем?.. – закуривая, начал было я, но спец беспардонно перебил меня.

– Сколько видел финнов?

До меня не сразу дошло, о чём спрашивал Линь, но вспыхнувшая в голове догадка тут же всё расставила на свои места. Точно, «иностранцы» – это никто иные, как солдаты финской армии! Почему я сам до этого не додумался? До границы ведь рукой подать!

– Только тех, что напали на меня, – о перегородившем нам с милиционерами КПП я решил ничего не говорить, тем более, что само КПП не видел, а атакующие, скорее всего, все погибли после звукового удара.

– Знаешь, что они ищут?

– Никак нет.

– Вот и славно. Ты же на периметре служил, в курсе, что происходит?

– Катаклизм, что ещё...

Линь невесело усмехнулся, делая долгую затяжку:

– Короче, как там тебя... Иван. Вообще, мы не обязаны прояснять ситуацию, делаю я это ради твоего же блага, а то решишь ещё свинтить по-тихому. Слушай внимательно и никаких дополнительных вопросов не задавай, понял? – дождавшись моего утвердительного кивка, автоматчик продолжил. – На этот раз никакого периметра нет. После События город увеличился в диаметре на одиннадцать километров и практически все, кто оказался в зоне расширения, теперь считаются пропавшими без вести. Новая территория состоит из продублированных и перемешанных городских построек. Наша с Грачом задача – найти

автобусную колонну, выехавшую из города прямо перед Событием, но не успевшую отойти на достаточное расстояние. Всё обнаруженное население необходимо препроводить к точке эвакуации. Формально финны занимаются тем же, спасают уцелевших, но на самом деле тебе лучше не встречаться с ними.

– Я уже понял.

– Они кое-что ищут. Вот только ничерта не найдут, сволочи... – злобно оскалился Линь. – Если бы не Катаклизм... загнали бы обратно...

Дверь приоткрылась, в квартиру заглянул снайпер и сделал руками несколько жестов. Линь кивнул в ответ и затушил сигарету. Бычок сунул в пакетик с клапаном:

– Короче... Ждём другие группы, а потом выдвигаемся к автобусам. Будешь держаться поближе – уцелеешь. Выкинешь какой-нибудь фокус – лично пристрелю. Война всё спишет.

– Так это что... Я единственный, кого вы нашли?

Военные переглянулись с таким видом, словно обменялись ментальными сообщениями.

– Не единственный, кого нашли, но единственный, кого можно эвакуировать. Отдыхай, если никто не появится в течение часа – выдвинемся самостоятельно, – с этими словами автоматчик вышел вслед за снайпером, и в квартире воцарилась тишина.

Рассказ спеца не открыл для меня ничего принципиально нового. Слишком мало информации и чересчур общие объяснения происходящего. Не надо быть гением, чтобы догадаться – военные знают намного больше.

То, что город расширился за счёт «скопированных» зданий не было новостью. Я и сам догадывался о чём-то подобном. Лес, в котором я застал звуковой удар, исчез. Здания вокруг знакомые, но находятся совсем не там, где должны, этажи и квартиры в многоэтажках перепутаны местами.

Все, кто не успел свалить, пропали или мертвы? Тоже ничего удивительного, я своими глазами видел, как труп милиционера, так и чудовище, в которое он потом превратился.

Отдельного внимания заслуживали финны. Почему армия так быстро попросила о помощи у другого государства, почему не справилась своими силами? Что здесь может быть такого важного, что вооружённые отряды, не опасаясь ответных действий, бродят по окрестностям?

Собственно, интересно-то интересно, но не настолько, чтобы надоедать военным расспросами. Самое главное – передо мной появился реальный шанс выбраться отсюда, да ещё и в сопровождении опытных бойцов спецназа. Их уверенность и спокойствие невольно заразили меня, так что ближайшее будущее больше не казалось огромной чёрной ямой, с доносящимся со дна голодным рычанием.

Следуя совету военного, я более или менее удобно устроился на узком диване и закрыл глаза. Армия научила меня невероятной способности засыпать в любое время и в любой позе. Не прошло и минуты, как я провалился в сон...

До самого горизонта протянулась пропасть, опоясанная рваными клочками земли. Бесконечная бездна, шахта лифта, ведущая прямоком в преисподнюю. Смертельная рана, оставленная на теле Земли. Кусочки асфальта, отваливаясь от разорванного дорожного покрытия, уносятся куда-то во тьму, и, даже если прислушиваться к пропасти весь день, то не услышишь эха их падения.

Он стоял у самой кромки бездны. Раскачивающийся от ударов ветра, сутулящийся под гнётом пройденных испытаний, но, тем не менее, бесстрашно смотрящий в чёрное ничто, распростёршееся под ногами.

Кому, как ни мне знать, кто он. Ведь это я отнял у него жизнь.

– Пусть всё будет не напрасно, пусть всё будет, пусть всё будет... – существо молчит, я готов поклясться в этом, но шипящие кислотой слова раз за разом вспыхивают в сознании, вызывая головную боль и дрожь в руках.

– Чего ты ждёшь? – произношу я, но слова тонут в яростных порывах ветра.

Тварь на краю обрыва не обращает на меня внимания. Развевающийся плащ превращает её фигуру в нечто бесформенное, нематериальное, словно ускользающее воспоминание.

Одoleваемый странным желанием коснуться плеча незнакомца, я делаю несколько шагов вперёд, но замираю, услышав позади автомобильный клаксон. Медленно оборачиваюсь, с удивлением обнаруживая экскурсионный ярко-оранжевый автобус. Водитель машет рукой, призывая занять своё место среди терпеливо ожидающих пассажиров: Иванова, Штыкова, Артёмова, улыбающейся Юлии Новак, офицеров Козлова и Протасова, неизвестно как оказавшихся здесь пилотов Анатолия и Александра, – живые и невредимые, приветливые. Все они терпеливо смотрят на меня, словно говоря – пора продолжить путь дальше.

– Не смотри, – шипит до боли знакомый голос, заполняя в щели коры мозга. – Смотри на меня...

На секунду я отвожжу взгляд, с ужасом отмечая, что край пропасти приблизился ко мне. Приблизился и замерший на её краю неизвестный. Хочется убежать, заскочить в автобус и крикнуть водителю, чтобы он вжал газ в пол и увёл машину подальше от обрыва, но ноги приросли к земле.

Транспорт превращается в искорёженный кусок металла, переломленный пополам. Бронированные листы обшивки разорваны, словно куски картона, стёкла полопались, а сидящие на обгоревших сиденьях люди оборачиваются искалеченными скелетами. Раздробленные кости со стуком осыпаются на пол, проломленные черепа скалятся крошачьими зубами, тлеющая одежда покрыта чёрными пятнами ожогов и всё ещё дымится.

– Простите! – кричу я покойникам. Слёзы стекают по лицу, падая на свинцовый нагрудник и смешиваясь с пятнами крови. – Простите меня!

Но никто не отвечает...

– Просыпайся, – доносится слабый голос. – Беги и не оборачивайся... Просыпайся!..

– Просыпайся, – кто-то легонько потряс меня за плечо.

Я резко вскочил на ноги, ожидая увидеть перед собой мертвецов из сна, но это был всего лишь Грач. Облегчённо выдохнув, я провёл ладонями по лицу. Чёртов сон... Слишком реалистичный для обычного, но чересчур невозможный – для вещего.

– Уходим, – коротко бросил мне снайпер, исчезая на кухне.

Спустя несколько секунд раздалось шипение и приглушённый хлопок. Осторожно заглянув в приоткрытую дверь, я увидел дымящуюся Р-159, лежащую на столе. Судя по всему, остальные члены подразделения так и не пришли. Придётся выбираться своими силами.

Закончив с устранением громоздкой радиостанции, Грач прошёлся по всей квартире, собирая в пакет разную мелочёвку: сигаретные бычки, пустые консервные банки и прочее, – сложив всё вместе, он исчез на кухне, откуда вновь донеслось шипение. Я же, не зная, что от меня требуется, встал у окна и осторожно выглянул на улицу.

Сумерки потихоньку отступали, вновь заполняя улицу темнотой полярной ночи. Такова специфика здешних мест: в это время года светлеет поздно, а темнеет – рано. Неторопливо продолжал сыпать снег, всеми силами старающийся похоронить город по самые крыши. Ни финнов, ни чудовищ нигде видно не было.

Вернулся Грач. Снайперская винтовка висела у него за спиной, правая рука сжимала опущенный к полу пистолет Макарова. Тяжёлый взгляд спеца встретился с моим, растерянным и обескураженным...

Приплыли... Видимо, пришла пора устранить самую главную из улик, которая куда тяжелее радиостанции, и красноречивей недокуренных сигарет...

В груди всё сжалось. Спешно прокручивая в голове возможности к бегству, я, тем не менее, не сходил с места. Одно дело спастись от чудовищных порождений Города, а совсем другое – видеть предательство себе подобных, ещё час назад общавшихся с тобой на равных и говоривших что-то про эвакуацию. С такими вещами тяжело смириться, а ещё тяжелее – противостоять им.

Военный сделал два шага навстречу, приподнимая оружие...

Можно попробовать высадить окно и, петляя, добежать до соседних зданий. Шансы малы, учитывая навыки стрельбы спецназа, но они есть...

– По законам военного времени...

Ещё один вариант – выбить из рук военного пистолет. Уйти влево, пригнуться и прыгнуть, попробовать сбить его с ног...

– Ты, Иван Селезнёв...

Или отпрыгнуть за диван, а потом выбить дверь и сбежать по лестнице...

– Как военнослужащий запаса, повторно призываешься на военную службу с сохранением воинского звания и всех... – Грач замешкался, пытаясь подобрать слова, сплюнул и продолжил уже менее напыщенным голосом. – Короче, додик. Вообще мы не имеем права привлекать гражданских, но ты и не гражданский. Мобилизация была? Была. Так что, ты полноценный военнослужащий Российской Федерации. Бдительно охраняй и стойко обороняй, все тяготы и лишения и прочая хрень...

Снайпер, очевидно, не любил много разговаривать, да и сама ситуация ему не особо нравилась, это было видно по хмурому лицу. Перехватив оружие за ствол, он протянул его мне, а потом выложил на стол несколько запасных магазинов и снятую с пояса кобуру:

– По окончании операции вернёшь. Только попробуй потерять.

Я был удивлён... Нет, удивление – это не самое подходящее слово... Я был шокирован. Ещё пару секунд назад я мысленно прощался с жизнью, представляя, как снайпер стреляет мне в голову, а потом оттаскивает тело на кухню и поджигает там, а теперь мне протягивают пистолет, пусть и без особого удовольствия, но принимая в полноправные члены подразделения.

– Умеешь с ним обращаться? – с сомнением глядя на меня, спросил солдат.

– Так точно, – чтобы развеять подозрения Грача, я извлёк магазин, передёрнул затвор, убеждаясь, что в стволе нет патрона, спустил курок и, вернув магазин на место, поставил на предохранитель.

Удовлетворённо кивнув, снайпер присел у рюкзака, я же вынул из шлевок ремень и надел его поверх куртки. Выглядит глупо, но так до оружия будет легче дотянуться. Запасные магазины рассовал по карманам.

Не знаю, чем я заслужил такое доверие. Вручать оружие малознакомому человеку? Видимо, совсем военных прижало, раз им настолько не хватает огневой мощи. Не факт, что я поступил бы так же. Намного проще было бы пристрелить, избавившись от лишнего балласта, а заодно и от опасности получить пулю в затылок... Но им виднее, если вручили пистолет – на то есть причины.

– Значит, никто больше не появился?

Снайпер не ответил мне, видимо, израсходовал лимит слов на сегодня. Дверь квартиры отворилась, на пороге возник Линь со своим неизменным автоматом. Заметив кобуру у меня на поясе, он расплылся в улыбке:

– Что, уже провёл мобилизацию?

– Завали...

– Да не нервничай ты, всё будет тип-топ.

– Под твою ответственность, понял?

Что-то произошло, пока я спал. Какой-то спор.

– Я ему сейчас ещё карту покажу, – казалось, что шире улыбаться уже нельзя, но автоматчик смог.

– Под. Твою. Ответственность, – каждое слово вылетало, как пуля: быстро, точно и метко.

Ох, не нравится мне это... Во что они хотят впутать меня?

Тем временем Линь достал из-за пазухи карту и разложил её прямо на диване. Взглянув на изображение города, я не поверил глазам... Изображение включало в себя не только «старые» постройки и улицы, но и «новые», возникшие после События! Откуда у них это сокровище?.. Чтобы сделать такой снимок, нужна связь со спутником, но ведь радиосвязи нет! Или её нет только у нас, гражданских?.. В голове всплыла странная рация, с приваренным к корпусу блоком. Может быть, военные нашли способ наладить сообщение в условиях Катаклизма, изобрели какую-то новую радиотехнику?

– Двигаемся на юго-восток, до русла реки. Это длинная изогнутая полоса, заваленная белым камнем, воды там совсем нет, по крайней мере, раньше не было. Идём по берегу вот сюда, до трёх близко расположенных многоэтажек, это и будет наша точка сбора на случай, если придётся разделиться. Потом до остатков эвакуационной колонны, они находятся на самом краю города, южнее многоэтажек. Забираем выживших, пересекаем черту города, там нас будет ждать транспорт. Времени мало, машины прибудут в полночь и прождут не более получаса. Потом по городу нанесут серию ударов, так что, если не успеем вовремя сдирснуть – можно смело выкапывать могилу и ждать, пока её засыплет взрывами. Всё понял?

– Так точно!

– Находим по пути гражданских – забираем с собой. Трупы оставляем на месте. Огонь открывать только с нашего разрешения, оружие без повода не доставать. Без обсуждений выполнять приказы. Идёшь первым, внимательно смотришь по сторонам. Потом Грач. Я замыкаю. Открытые участки местности перебегаешь, двигаешься на теневой стороне зданий, замечаешь что-нибудь странное – подаёшь нам знак и стараешься стать невидимым. Вопросы есть? Вопросы нет, выдвигаемся.

Покинув временное убежище, мы уже начали спускаться на первый этаж, когда резко остановившийся снайпер вскинул руку, приказывая остановиться:

– Слышите?

Линь замер, контролируя спину, Грач вскинул винтовку и целился в темноту первого этажа, я же, следуя приказу, не спешил доставать оружие и присел между ними. Первое время вокруг было спокойно, но стоило внимательнее вслушаться в царящую вокруг тишину, как до ушей донёсся какой-то слабый, едва заметный шум.

– Это что, ребёнок? – шёпотом спросил я, не веря собственным ушам.

В одной из квартир этажом ниже плакал младенец, судя по всему, совсем ещё грудничок, но откуда ему здесь взяться? Неужели какая-то чокнутая мамаша проигнорировала сообщение об эвакуации и решила остаться дома?

– Ты что, не проверил здание? – раздражённо бросил Линь снайперу, но тот в ответ лишь покачал головой.

– В квартирах никого не было, я в каждую щель заглянул.

– А окна?

– Закрыты, мы бы слышали.

– Вход?

– Мля, да заминировал я его, никого здесь не может быть!

Автоматчик облизнул пересохшие губы и пару секунд размышлял над дальнейшими действиями:

– Надо уходить.

– А если это выжившие?

– Ты же всё проверил! – раздражённо огрызнулся Линь, не отрывая взгляда от автоматного целика. – Надо сваливать.

– У нас приказ эвакуировать всех встреченных гражданских, – гнул своё снайпер.

– Млять... Долбанный рубанок⁵⁹... Иван, идёшь первым.

У меня было собственное мнение на счёт происходящего, и я, наплевав на субординацию, попробовал возразить:

– Нельзя туда ходить.

– Это почему же? – спокойно заявил снайпер. – Вы оба трусливые крысы, я пойду первым.

– Отставить!

– Да пошёл ты, – беззлобно огрызнулся Грач и приставными шагами начал спускаться по лестнице.

Нельзя туда ходить, нельзя! Очевидно же, что Город заманивает нас в ловушку! Не может здесь быть никаких детей, откуда им взяться? На подобные провокации велись разве что в первые дни Катаклизма, а потом, спустя десяток другой трупов, альтруисты неожиданно кончились и более не спешили на помощь к кричащим из тёмных домов голосам.

⁵⁹ Рубанок (воен. жарг.) – военнослужащий, выслуживающийся перед начальством.

Я лично был свидетелем подобной ситуации. Мы обходили сектор, когда из-за ограждения донёсся женский плач. Незнакомка умоляла помочь ей, стенала, жаловалась на боль в груди, раз за разом твердила, что ей не выжить. От этих стенаний у нас волосы на затылке вставали дыбом, потому что инфракрасные датчики не регистрировали никого живого по ту сторону минного ограждения. Штыков скомандовал отойти назад и готовиться к бою, но один из зелёных новичков решил, что он больше разбирается в реалиях Катаклизма. Как же его звали... Совсем вылетело из головы... Не успели мы ничего предпринять, как он подошёл к забору, крича что-то невидимой женщине, а потом... исчез... словно его никогда и не было. Просто растворился в воздухе. Сержанта крепко вздули за пропавшего подчинённого, но зато с тех пор никто не вёлся такие разводки.

Сейчас Грач напоминал мне того пропавшего салагу, проигнорировавшего все инструкции и предупреждения. Видимо, я ошибался, думая, что эта парочка бывала на периметре.

Вытащив из кобуры пистолет, я пошёл следом за снайпером. Попытался определить, откуда исходит плач, однако вопрос разрешился сам по себе, стоило оказаться внизу. От одной из дверей исходил резкий неприятный запах.

– Ну и вонь...

На лице Грача не дёрнулось ни единого мускула, подойдя к источавшей тошнотворный аромат двери, он занял позицию слева от неё, жестом указав мне на ручку. Линь присел сзади, беря на мушку подъездную дверь, я же приготовился распахнуть квартиру.

Вблизи мерзкий запах принял узнаваемые нотки: амбре испорченного мяса, вонь испражнений и аромат корицы, который не столько разбавлял эту гремучую смесь, сколько делал её ещё отвратительней. Сглотнув подступающую тошноту, я прикрыл глаза и сделал несколько глубоких вдохов.

– Я слева. Давай, – кивнул прижавшийся к стене снайпер, и я послушно распахнул дверь.

Спец тенью проскользнул внутрь, вскинув винтовку, я устремился следом за ним, двигаясь вдоль правой стены. Внутри оказалось темно, а вонь достигла своего апогея.

Обогнув платяной шкаф, заглянул в ванную комнату. Пусто.
– Лечь на пол, быстро! – слышалось из зала.

Мимо прошмыгнул Линь, исчезая в темноте вслед за снайпером. Проверив кухню, я направился за ними, прикрыв на всякий случай входную дверь.

В помещении зала оказалось куда светлее, чем я ожидал. Благодаря широкому окну с распахнутыми шторами, внутрь проникали остатки скупого дневного света, давая возможность как следует рассмотреть детали интерьера: массивную стенку, стоящую в углу сушилку для одежды и гладильную доску. Брюки и всё ещё включенный в розетку утюг красноречиво говорили, что Катаклизм застал хозяев за гладкой одежды, а не до конца собранные сумки, лежащие на диване, создавали впечатление, что они так и не успели никуда уехать.

Сперва я не понял, к кому обращается Грач, но вскоре разглядел некую фигуру, копошащуюся в тёмном углу зала. Именно от неё исходил слабый детский плач, то и дело прерываемый чавканьем.

– Опустить ребёнка, быстро! На землю! – Грач обходил странное существо слева, а Линь – справа.

Оружейные стволы, не отрываясь, смотрели на тварь, готовые в любой момент наспиговать её свинцом, но не беспокоило это. Вспыхнул красным светом нагрудный фонарь, и в его узком луче стали видны детали.

– Что это такое... – выдохнул Линь, замерев на месте.

Больше всего существо напоминало горбатую старуху, укутанную с ног до головы в тряпки, пестрившие многочисленными заплатками, скрывающими массивную грудь и обвисший толстый живот. Длинный подол мешковатого платья доходил до самого пола и подпоясывался обычной бельевой верёвкой, за которую были заткнуты многочисленные обрывки ткани и мягкие игрушки. Лицо, скрытое глубоким капюшоном, неотрывно

смотрело вниз, на маленького ребёнка, обёрнутого в грязное тряпье и прижимаемого к груди правой рукой, когда левая перебирала свисающее с шеи ожерелье из сосок. Одну за другой, тварь пыталась запихнуть их в рот не унимающемуся младенцу, словно подбирая из большой связки нужный ключ, но малыш раз за разом отплёвывал пустышки, продолжая плакать.

Луч скользнул в сторону, освещая массивную спину женщины. То, что сперва выглядело горбом, оказалось гроздьями запеленованных детских тел. Некоторые из них, судя по трупному запаху, давно умерли и теперь смотрели на нас из смотровых щелей пелёнок безжизненными личиками, другие еще шевелились, но издавать плачь уже были не в состоянии. Из «коконов» сочились, капая на пол, экскременты, смешанные с какими-то мелкими насекомыми.

Сколько их там? Никак не меньше восьми, и практически все – покойники.

– Господи...

Существо не обращало на нас никакого внимания ровно до тех пор, пока красный луч света не достиг выемки капюшона. Подняв голову, оно издало чвакающий звук и сделало шаг назад, прижимая к себе рыдающее дитя, явно находящееся не в восторге от таких проявлений ласки.

– Не отда-а-ам... – буквы то и дело перемежались хлопками и чмоканьем. – Не отда-а-ам!..

Грач, наконец-то выйдя из ступора, произнёс всего одно слово:

– Огонь.

Стволы ожили, заполняя комнату приглушёнными выстрелами, больше похожими на хлопки ладонями, звон ударяющихся об пол гильз звучал на их фоне чересчур громким, но ни одна пуля не достигла цели. Существо молниеносно опустилось на четвереньки, за долю секунды закидывая вопящего ребёнка за спину, и по-паучьи пробежало по стене. Тяжёлые пули неотступно следовали за ней, но ловкая тварь постоянно находилась на шаг впереди стрелявших, предугадывая траектории очередей.

Одна из конечностей чудовища непропорционально вытянулась и резким ударом откинула Грача, скорость этого движения была настолько велика, что обученный боец спецназа не успел среагировать и отлетел в сторону, ударившись об стену. Линь, двумя отточенными движениями перезарядив автомат, вновь зажал спусковой крючок, но тварь опять ушла от смерти, выбивающей крошечку штукатурки.

Если раньше я опасался открывать огонь из чересчур громкого пистолета, то теперь, глядя на мечущееся по комнате отродье Города, сомнения вмиг прошли. Вскинув пистолет, я сделал несколько быстрых выстрелов, один из которых всё-таки задел монстра. Взыв, оно бросилось к двери, попутно отшвырнув с пути автоматчика...

Слишком быстрое, слишком ловкое!..

Развевающиеся полы длинного платья пролетели совсем рядом, каким-то чудом я успел уйти от нацеленного мне в голову удара и сделал еще два выстрела, целя по нижним конечностям. Попал я или нет, заметить не успел, чудовище принялось ломиться в запертую дверь, а вскочивший с пола Линь сорвал что-то с разгрузки и швырнул в прихожую:

– Граната!

Не раздумывая, я отпрыгнул к окну, прячась за подлокотником дивана. Рядом приземлился автоматчик. Квартиру сотряс оглушительный взрыв, судя по грохоту, сорвавший с петель входную дверь. Мотая головой, спец поднялся на ноги и быстро убежал в раскуроченную прихожую. Судя по тому, как он растерянно замер на входе, никакого чудовища там не было.

Сквозь писк в ушах я услышал звон разлетающегося на кухне окна. С трудом поднявшийся на ноги Грач подобрал оброненную винтовку и прикладом разбил стекло. Раздались хлопки и тихий мат.

– Ушла тварь... разбила стекло и ушла... – вернувшийся Линь выглядел довольно скверно.

На каске автоматчика виднелась глубокая вмятина. Снайпер тяжело дышал, ослабляя крепление продавленного внутрь бронежилета. Угоди хоть одна такая атака по мне, обделённому какой-либо защитой – непременно сложил бы сотни.

– Надо сваливать, мы тут такого шороха навели, что на километр слышно, – перезарядив оружие, скомандовал автоматчик. – Того гляди финны явятся... Ну что, проверил, кто плачет?

Грач, всё ещё не до конца отошедший от удара, промычал нечто неразборчивое и направился к выходу.

– Нафига мы стрелять-то начали? Там же детей... – заикнулся было я, но тут же замолк, поймав грозный взгляд командира.

– Не было никаких детей. И этой старухи тоже не было. Понял?

– Понял.

– Тогда шевели копытами.

Выйти через дверь подъезда мы не успели. Снаружи прогрохотал ещё один взрыв, вслед за которым послышались крики на незнакомом языке.

– Назад! – Грач, крутнувшись на месте, оттолкнул Линя в сторону. – Окно!

Прихрамывая, он побежал на кухню и выпрыгнул наружу через разбитое окно. Следом за ним устремился автоматчик, у меня же этот манёвр занял немного больше времени. Боясь порезаться о торчащие во все стороны осколки, я спрыгнул вниз, где уже поджидали перезаряжающиеся спецназовцы.

Не произнося ни слова, они устремились вперёд, стараясь как можно быстрее пересечь открытую местность, разделяющую наше убежище и другие постройки. Позади раздалось несколько одиночных выстрелов, одна пуля попала в спину снайпера, тот споткнулся, но всё же умудрился удержаться на ногах и продолжил движение.

Снег старательно мешал нам, ноги по колено проваливались в сугробы, но каким-то невероятным образом я добежал до ближайшего здания и завернул за угол, чувствуя, как выбивают из стены бетонные крошечные выстрелы. Белые хлопья, приземляясь на покрасневшее лицо, тут же таяли, дыхание сбилось.

– Ранен? – крикнул Линь своему товарищу, но тот отрицательно качнул головой.

Всунувшись из-за угла, автоматчик дал несколько коротких очередей по спешащим следом «иностранцам», те попадали на снег и нестройно огрызнулись.

– Вперёд! – скомандовал он. Забег со смертью продолжилась.

Миновав ещё несколько домов, мы выбежали на большую заснеженную площадку. Отставший снайпер присел у угла дома и принялся копошиться в рюкзаке, Линь опять открыл стрельбу по мелькающим вдалеке белым фигурам.

– Готово, – воткнув в снег какую-то металлическую банку, снайпер вскочил на ноги и, перебежав через открытое место, занял позицию за торчащей из снега крышей микроавтобуса. – Давай!

Когда я и автоматчик пробежали половину пути, позади что-то гулко ухнуло, ударив в спины взрывной волной. Падая, я почувствовал проносящиеся мимо пули, но захлопавшие следом за этим выстрелы снайперской винтовки подавили всякое сопротивление. Сделав несколько неуклюжих шагов на четвереньках, я всё же смог подняться.

– Не отставай, – донесся крик мелькающего впереди Линя...

Не знаю, как долго продолжалась эта гонка. То и дело мы залегали, отстреливаясь от преследователей, спецы откидывали гранаты и яростно отвечали на летящие в спину пули, но финны и не думали отпускать добычу. Задачу усложнял снег, а если точнее, глубоки следы, оставляемые нами. С такими подсказками нас даже полный идиот отыщет.

Неизвестно, как оно всё вышло бы, но его величество Город решил вмешаться в разгоревшийся на его улицах конфликт. Когда мы в очередной раз заняли позицию за какими-то торчащими вверх колёсами машинами, те неожиданно затряслись и пошли вверх.

Разбираться в происходящем не было ни сил, ни времени, поэтому мы попросту ретировались. Оглянувшись, я увидел показавшиеся из-под снега хитиновые, похожие на крабы, конечно-сти, вытягивающиеся из окон перевёрнутого салона. Раскидывая снег, существа выбирались из сугробов и шевелили огромными зубуренными клешнями. Вместо лобового стекла машин, используемых существами, как раковины, торчали заострённые морды с шарообразными глазами. Неустанно двигались жвалы, готовые употребить в пищу человеческого мяса.

Заметив бегущих с автоматами наперевес «иностранцев», чудовища угрожающе защёлкали, подняли вверх смертоносные конечности и устремились в атаку.

Итогов их битвы я не видел. Глупо было не воспользоваться возможностью уйти от преследования, поэтому мы, что есть прыти, побежали прочь, сопровождаемые затихающими вдали очередями и криками.

– Эй, Селезень, не зевай, – легонько ударив меня по каске, мимо проходит младший сержант Штыков.

Командира отделения ему дали всего пару дней назад, а ведёт себя, словно родился с лычками. Хотя, свой призыв не напрягает, правильный парень, что нельзя сказать о некоторых других, резко возомнивших себя тактиками космического уровня. Взять хотя бы Прокофьева из третьего взвода, мало того, что салаг парит, так ещё и норовит товарищей загрузить по самые помидоры. Мы все равны, бла, бла, бла, перед лицом нависшей угрозы, бла, бла, бла... Одно дело картошку чистить, а другое – доверять спину необстрелянному дурачку, которому лишь бы комиссоваться побыстрей, да к мамке под одеялко вернуться ...

Отбросив в сторону сигарету, заначенную ещё с обеда, поправляю на плече автоматный ремень и оглядываюсь. Толстые, обугленные напалмом деревья частоколом торчат из мёртвой земли, словно сгоревшие спички из спины пластилинового ёжика. Редкие сохранившиеся ветки, оставшиеся на стволах, тянут переломанные пальцы куда-то высоко-высоко ввысь, видимо, призывая богов спасти умирающую рощу, но спасти уже некого: кто развеялся по ветру невесомыми угольками, а кто, обделённый ударом милосердия⁶⁰, остался ждать нового артобстрела.

– Идём, – как-то чересчур спокойно говорит подошедший Пинчук. – Надо вернуться до заката.

⁶⁰ Удар милосердия – в XII веке удар, при котором смертельно или тяжело-раненого и уже не оказывающего сопротивления противника добивали, чтобы прекратить его мучения.

Я киваю и отправляюсь следом за Штыковым, осторожно крадущимся метрах в пяти. Спина сержанта, защищённая камуфляжным бронежилетом, то исчезает, то появляется вновь, пропадая среди потрескавшихся чёрных стволов. Я представляю, что в один прекрасный момент Штыков попросту исчезнет. Зайдёт за дерево и растворится в витающем вокруг слабом запахе дыма. Поблёскивающий круглыми линзами очков Пинчук, замыкающий тройку, нагнётся завязать шнурок и пропадёт вслед за младшим сержантом. Оставшись в одиночестве, я замру на месте, скованный ужасом... Страх одиночества в Городе – вещь знакомая, привычная... Одиночество в Городе – верная смерть. В лучшем случае. Страшно позвать невесть куда запропастившихся товарищей – не дай бог привлечёшь внимание того, кто подействовал им в этом. Страшно двинуться с точки – вдруг исчезнувшие угодили в какие-то ловушки? Страшно даже поднять ствол автомата на уровень глаз и выцелить мелькающую среди деревьев тень – вдруг это один из своих, вдруг надо стрелять не в него, а в то, что гонится следом? Страшно стоять на месте и бездействовать, в один прекрасный момент превратившись в порождение Города и навсегда оставшись его исковерканной марионеткой... Страшно...

Пот выступает на лбу, когда Штыков пропадает за очередным стволом мёртвого дерева. Вот сейчас, сейчас это произойдёт!.. Но опасения оборачиваются паранойей, и сержант, вновь оказавшись в поле зрения, оглядывается и бесшабашно подмигивает. Не для того, чтобы подбодрить подчинённых, а чтобы лишний раз убедиться, что они всё ещё идут позади, не оставили его одного на этой проклятой земле. Нам всем страшно и боимся мы, по сути, одного и того же, только методы борьбы со скребущим затылок ужасом разные.

Серое мрачное небо урчит, подобно полусонному коту, недовольному пробуждением. Редкие капли дождя раздражающе стучат о каску, никак не решаясь перерасти в полноценный ливень, и так продолжается уже месяц, словно мы оказались не в средней полосе России, а где-нибудь на тропических островах

Японии или джунглях Вьетнама. Коварный дождь умудряется просачиваться сквозь плащ-палатку, пробегая отвратительными капельками по спине. Внизу чавкает липкая грязь, перемешанная с обожжёнными обломками глины, но я никак не могу понять, какой звук громче: чмокание растекающегося под подошвами месива или хлюпанье насквозь промокших стелек.

В батальоне у каждого третьего дизентерия, у каждого второго – грибок на ступнях, и лишь у считанных единиц обычный букет из простуды, насморка и кашля. Таких никто уже не отправляет на лечение, справляются силами санинструкторов на месте. В госпиталь даже по блату не попасть, койки забиты такими болезнями и ранениями, на фоне которых поедаящий ноги грибок кажется мелкой ссадиной. Вот такие дела...

– Долго ещё? Я уже задолбался грязь месить, – доносится сзади.

– Метров двести, – не оборачиваясь, отвечаю я. – Не ной.

Крадущийся в авангарде Штыков резко укрывается за одним из стволов и припадает на колено, целясь в неведомом направлении. Не задумываясь о чистоте формы, мы следуем его примеру: я прячусь за какой-то корягой, а Пинчук занимает позицию где-то сзади, прикрывая тыл.

Дыхание, следить за дыханием... Вдох, выдох... Вдох, выдох...

Сюда бы долбанного Остапенко, опять умудрился попасть в ТСОшники⁶¹, сидит себе за пультом и в камеры смотрит, козёл. Вернёмся – будет ржать над испачканной одеждой.

Вдох, выдох... Вдох, выдох...

Да какого чёрта он там увидел? Может, осторожно подойти? Или лучше остаться на месте? Чёрт, да что там?..

Взмах рукой, и сержант поднимается в полный рост. Ложная тревога. Лучше отплёвываться от грязи, выстирывать после отбоя уделанную форму, выковыривая из автоматного подсумка куски подсохшей глины, лишь бы каждая тревога была ложной!..

⁶¹ ТСО – технические средства охраны. Имеется ввиду оператор, следящий за срабатыванием охранных датчиков и видеонаблюдением.

Впереди виднеется электрическое ограждение. Егоза, пущенная поверху, частично помята, в воздухе витает запах палёной резины. У забора лежит какая-то тварь, отдалённо напоминающая бабочку-переростка с размахом крыльев метра в четыре. Чудовище смотрит на приближающихся солдат чёрными бусинками глаз, силится вырвать жирное брюхо из месива почвы, но обугленные крылья лишь бессильно хлопают по лужам.

Я уже встречал таких. Не самые опасные существа. Слишком заметные, но и с ними лучше держать ухо востро. Прилепятся к жертве тремя хоботками, заменяющими рот, введут внутрь какой-то разжижающий ткани токсин и выискут внутренности.

Махнув Пинчуку на покорёженную егозу, Штыков подходит ко мне:

– Добей эту хреновину, а я пока с начкаром⁶² свяжусь...

Коротко киваю и делаю несколько шагов к барахтающемуся в грязи монстру, тем не менее, сохраняя безопасную дистанцию. Ублюдку раз плюнуть притвориться раненым, лучше перебдеть. В голове возникает неуютная мысль, что мы с ним не так уж и отличаемся: хлопаем давным-давно сломанными крыльями, взываем к серым небесам, огрызаемся из последних сил, но итог всем этим телодвижениям – грязь.

Такие же пленники Города, только сидящие по другую сторону ограждения.

Приклад автомата упирается в плечо, совместив целик с мушкой. Я выжимаю холостой ход спускового крючка...

– Чёрт тебя задери, Селезнёв, что ты там замер?!

– Чёрт тебя задери, Селезнёв, что ты там замер?! Не зевай, двигай вперёд!

Вздвигнув, я обернулся на оклик. Вместо обугленного леса вокруг стояли многоэтажные здания, перемешанные с частными домами и огрызками гаражных кооперативов. Тьма, затаившаяся

⁶² Начкар (сокр.) – начальник караула.

в щелях между постройками, хищно облизывала морду. Припорошённое снегом чёрное небо безучастно взирало на нас... Оно видит, где начинается клубок Судьбы, и где он заканчивается, и поэтому терпеливо дожидается неминуемой развязки.

Вновь и вновь я пытался понять, куда исчезли младший сержант Штыков, очкарик Пинчук и барахтающаяся в грязи бабочка. Почему на мне эта дурацкая жёлтая куртка вместо бронжилета?

– Иван? – кажется, я узнал голос...

Линь? Один из спецназовцев, спасших меня от финских солдат, что рыщут по городу, вынюхивая и выискивая что-то... Город... Катаклизм... Забираем оставшихся в живых гражданских и сваливаем отсюда...

– Я в порядке, просто голова закружилась, – ответил я запершим позади военным и продолжил двигаться.

Галлюцинация? Сон наяву? Слишком реально, слишком вразправду, вплоть до тактильных ощущений и запахов. Воспоминание? Если так, то чьё? Почему я не помню этого выхода к сработавшему ограждению? Штыкова, бывшего вместе со мной в экскурсионном автобусе, помню, Пинчука, погибшего незадолго до выезда – тоже, но готов поклясться, что я никогда не пробирался по грязи сквозь сожжённый лес, так же как никогда не видел огромных хищных бабочек.

Откуда пришло это воспоминание? Выбралось из старательно заваленных штолен сознания? Отголоски чужой памяти? Стоит ли оно того – ворошить прошлое, которое так долго закапывал?

Опущенная на лицо маска заиндевелила от учащённого дыхания. Поднимающаяся вверх по лицу влага то и дело норвила намертво сцепить веки. Чтобы в один прекрасный момент не оказаться ослеплённым, приходилось протирать глаза от быстро замерзающих капелек. Ну и морозец, градусов под тридцать, если не больше. Пистолет, надумай я его взять со снятой варежкой, пристынет к ладони намертво. Хотя, армейские рукавицы тоже не бог весть какая защита от стужи. Чтобы ладоням было хоть немного теплее, приходилось сжимать пальцы в

кулак прямо внутри варежек. Хорошо, хотя бы ветра нет, иначе пришлось бы искать укрытие и оттаивать у костра, который в считанные минуты выдаст нас преследователям. Ради чего «иностранцы» так рискуют, открыто устраивая охоту на граждан другого государства? И где наши, почему не выдворят интервентов восвояси?

Во время погони финны потеряли двух убитыми и, как минимум, четверых ранеными, хотя и для нас эта перепалка не прошла бесследно: Грач настолько плох, что не мог идти самостоятельно, так что Линю приходилось помогать ему. Автоматчик осматривал товарища во время небольшого привала, констатируя вывих ноги и обширную гематому на спине. Раны, по сути, пустяковые, но с каждым пройденным кварталом солдату становилось всё хуже и хуже. Вон они, плетутся в двадцати метрах позади. То ли не успевают за мной, то ли используют в качестве живого миноискателя. Пофиг, на всё пофиг. Если надо, пойду первым до самой точки эвакуации, брюхом буду вспахивать снег и пробовать его на наличие вредных примесей, что угодно сделаю, лишь бы сзади кто-то прикрывал, лишь бы не давящее чувство одиночества, а выберемся или нет – это уже дело десятое.

То и дело возникало ощущение чужого взгляда, но ползущие позади военные к этому не имели ни малейшего отношения. Снайпер с трудом переставлял ноги, при каждом шаге подбородок ударялся о нагрудную пластину бронежилета. Он не то чтобы пристально смотреть, сфокусироваться не сумел бы на цели, а вот Линь выглядел обозлённым и полным решимости. Помогая товарищу правой рукой, левой он сжимал автомат с перекинутым через спину ремнём. Он тоже чувал чужое присутствие, сверлил взглядом бело-серую мглу, пытаясь отыскать источник беспокойства.

До службы в армии я неоднократно читал про это загадочное «ощущение чужого взгляда», но всегда считал это не более чем художественной выдумкой, используемой для нагнетания напряжения. На периметре я в полной мере убедился в существовании подобного феномена. Более того, я стал доверять этому чувству

больше, чем зрению или слуху. Какие только твари на меня ни смотрели из темноты вымершего мегаполиса: яростные, голодные, завистливые, манящие, – весь спектр злобы и презрения... Но сейчас... Это было нечто новое, ранее невиданное. Наблюдающее за нашим продвижением существо не испытывало никаких эмоций. Взгляд не живой твари, а пластиковой куклы со слишком реалистично сделанным лицом.

– Шур-шур, шур-шур, – скрипучий от мороза снег напоминал неопытного поэта, пытающегося подобрать к слову рифму, но раз за разом повторяющий один и тот же вариант.

*Шур, шур, шур,
Шур, шур, шур,
Это правда...
или сюрр?
Шур, шур, шур,
Шур, шур, шур,
Время сделать
перекур...*

Никаких перекуров, никаких передышек. Не успеем убраться из города до полуночи – ляжем под огнём артиллерии, а ведь нам ещё гражданских искать, которые если и остались живы после События, то наверняка разбежались по округе.

В очередной раз бросив взгляд за спину, я заметил, что Линь остановился. Мне ничего не оставалось, кроме как вернуться назад по собственным следам.

– Сворачиваем направо, – военный выглядел измученным, но голос его по-прежнему был твёрд. – Русло уже близко.

– Как он? – бессмысленный вопрос. Грач больше напоминал мешок картошки, чем натренированного спеца.

– Жить будет. Двигай.

От бывшего Линя не осталось и следа. Канула в небытие напускная развязность, прихватив с собой и остатки дружелюбия. Каждое слово словно прочерчивало невидимую линию, дальше которой мне не рекомендовали соваться. Судя по взглядам, то и дело цепляющимся за висящую у меня на поясе кобуру, он с удовольствием бы изъясил оружие.

Постепенно количество снега под ногами стало уменьшаться, а расстояние между многоэтажками – увеличиваться. Автоматчик оказался прав. Изменив направление движения, мы довольно быстро вышли к небольшой сосновой роще. Вопреки традициям Города, деревья вовсе не выглядели безжизненными: высокие тёмно-коричневые стволы, одетые в шапки из сочных иголок, жизнерадостно покачивались на редких порывах ветра. Шуршали что-то приветственное, зазывая насладиться красотой зимнего леса. Удивительно, но слой снега здесь был совсем тонким, словно кроны сумели отразить яростный напор метели. Пройдя несколько шагов по хрустящей палой листве, возникло ощущение, что с ног сняли утяжелители – настолько вошло в привычку пробираться сквозь глубокие сугробы. Вокруг царит не тишина, но спокойствие, нарушаемое знакомым с детства шумом леса, а где-то вдалеке раздаются мелодичные напевы свиристеля, коренного жителя зимы. Лёгкая степень эйфории, вызванная приятным сосновым запахом, филигранно смешанным с зимней свежестью, тронула не только меня. Невооружённым взглядом было заметно, как давящее на Лина напряжение медленно отступает, расслабляя мышцы лица. Подобно скованной льдом фигуре, он плавно оттаивал, и даже безвольно висящий на его плече Грач стал подавать признаки жизни.

– Волшебство, – не сумев подобрать иного определения, сказал я.

Вопреки обыкновению, автоматчик не шикнул на меня, лишь коротко кивнул, соглашаясь:

– Дойдём до противоположного края и отдохнём немного.

Сняв варежку, я подобрал горсть опавших иголок. Пальцы слегка пощипывало морозом, но прежнего смертоносного холода и след простыл, словно здесь, в лесу, царили свои законы. Неподвластный тлетворному дыханию Катаклизма оазис, неведь как оказавшийся среди загнивающего урбанистического ландшафта.

Идиллия закончилась, открывая вид на три озера: одно довольно крупное и вытянутое, два остальных – поменьше, разделённые тонкой протокой.

Прислонившись спинами к стволам сосен, мы устроились на некотором отдалении от кромки. Прогулка по зимнему лесу, с шелестящими над головой кронами, чудесным образом взбодрила нас и успокоила оцетинившиеся нервы. За всю свою жизнь я ни разу не сталкивался с подобным ощущением, а с сеансами психологической реабилитации волшебное действие сосновой рощи и вовсе грешно было сравнивать.

Линь достал карту и, хмурясь, принялся водить по ней пальцем. Сидящий рядом с ним Грач запрокинул голову и заворожено смотрел на покачивающиеся верхушки деревьев. Иногда он поднимал вверх правую руку и бессильно хватал воздух, сясь дотянуться до крон, но каждый раз ему не хватало для этого сил. Рука опускалась на землю, но лишь для того, чтобы через десяток секунд предпринять новую попытку. На лице снайпера то и дело проявлялся проблеск скупой улыбки... Улыбки человека, отвыкшего от этого светлого и искреннего чувства. Со своего места я чётко слышал его тяжёлое дыхание и шелест маскхалата.

– Ничего не понимаю, – растерянно пробормотал автоматчик, не замечая странного поведения товарища. – Здесь должно быть озеро, но одно, а не три...

Рассматривая прихваченную с собой горсть хвои, я выуживал те иголки, что потвёрже, и насквозь протыкал ими кожу на кончиках пальцев. Нечто подобное я любил делать в детстве, когда родители ставили ёлку, увешанную конфетами и игрушками, а по телевизору один за другим крутили новогодние фильмы.

Когда запас иголок иссяк, я отряхнул с ладоней мусор и вновь надел варежки, даже в карманах успевшие остыть. В глубине леса послышался оклик, совсем слабый, но моментально заставивший обернуться:

– Ваня!..

Это мой отец, опять не дождался, пока я сам вернусь домой.

– Ваня, ты где? – голос, как обычно, строгий, даже не смотря на всеобщее предновогоднее настроение.

Никакого Вани нет, и не может быть. В этом лесу есть охотник Иван и его верная собака Мухтарка. Притаившись за одним из деревьев, я жду, когда папа подойдёт поближе, и в нужный момент выпрыгиваю из засады. Время выверено идеально, обрекая добычу на неминуемое поражение, но отец даже не вздрагивает. Не дав скрыться с места преступления, он ловко хватает великолепного следопыта за капюшон и заводит привычную уже проповедь:

– Сколько раз я тебе говорил, не уходи далеко! Здесь может быть опасно.

– Но, па-а-а! Со мной Муха! Она защитит меня! – беззаботно отвечаю я, показывая на сидящего рядом щенка.

Судя по совсем ещё несмышлёной мордочке и высунутому языку, Муха не то что кого-то, себя не сможет защитить, однако в моих грёзах она уже большая и сильная, способная одолеть как соседского пса, так и росомаху.

– Ещё раз убежишь – сам начну выгуливать её.

А вот это уже удар ниже пояса, ответить на который мне нечего:

– Я больше не буду, прости...

– Ладно, пойдём...

– Ты что-то сказал? – растерянно хлопая глазами, я посмотрел на поднявшегося на ноги Линя.

– Пойдём, говорю. Поднимемся на высоту, осмотримся оттуда.

Собака? Разве у меня когда-то была собака? Мухтарка? Ну нет, я в жизни не назвал бы своего любимца таким дурацким именем. А отец? Сколько я ни силился выстроить в памяти его образ, оканчивалось всё на голом фундаменте: ни имени, ни воспоминаний о характере, ни места работы, – ничего.

«Меня зовут Иван Селезнёв, рядовой, электрик-стрелок, личный номер...»

– Эй, ты как? Контузило, что ли? – в голосе Линя не было и капли сочувствия, один лишь расчётливый прагматизм. В таком русле обычно задают тесты на калибровку и исправность узлов в каком-нибудь механическом агрегате.

– Да, немного...

– Прими, – в протянутой руке оранжевая ампула.

Не спрашивая даже, что это, я закинул таблетку в рот и запил её из фляги спеца. Вода внутри оказалась слегка солоноватой, но это даже к лучшему – меньше буду потеть.

– Идёшь на разведку. На холме какие-то ямы, с такой дистанции не разобрать. Пройдёшь до вон той, заляжешь и осмотришься, – передав мне тёмно-зелёный увесистый прибор, лишь отдалённо напоминающий бинокль, и Г-образный фонарь, Линь указал рукой на ориентир – едва заметное углубление в насте. – Если ничего подозрительного не заметишь – выдвигайся на холм, как осмотришься – дай сигнал. Два круга зелёным светом – всё в норме. Понял?

– Что это? – армейский фонарь знаком не хуже автомата Калашникова, может даже и лучше, а вот со странной тёмно-зелёной штуковиной водить дружбу прежде не доводилось. Окуляр один, ряд каких-то неведомых тумблеров и регуляторов...

– Дальномер. Даже не думай щёлкать переключателями, просто бери и смотри. Живее. Время.

Перекинув через плечо ремешок увесистого прибора, я, пригнувшись, побежал по пролегающему между рощей и высотой полю. То ли прогулка по сосновому лесу так благотворно повлияла, то ли начал действовать препарат, выданный спецом, но, не смотря на толстый слой снега, я быстро добрался до нужной мне ямки и занял в ней наблюдательную позицию. Ночь надёжно прятала как городские постройки, наверняка опоясывающие этот участок местности, так и края наглухо замёрзших озёр. Холм казался не более чем нагромождением снега и земли. Прильнув к окуляру, я внимательно осмотрел его поверхность, но присутствия финнов или чудовищ не обнаружил. Как и говорил Линь, на плешивых боках холма виднелись ямы, очень уж похожие на могилы, но есть ли в них кто-нибудь? Этот вопрос оставался без ответа: слишком темно, да и дальномер не давал достаточного увеличения.

Оглянувшись, вместо рощи я увидел какое-то несусразное чёрное пятно, притаившихся на её кромке военных видно не

было. С лёгким шурушанием из кобуры выбрался пистолет. Патронов после перестрелки с «иностранцами» поубавилось, но всё ещё достаточно. Один полный магазин в рукоятке, второй, неполный, в кармане.

Идти на холм совсем не хотелось, воздух пропитывала атмосфера напряжённости, смешанная с обжигающим холодом. Если на высоте кто-то есть, то я у них, как на ладони – достаточно прицелиться и сделать один меткий выстрел. Никто не прикроет отход, не скамандует вовремя «К бою!» и не поймает предназначенную мне пулю. Ещё одна из постоянных спутниц во время выездов к периметру – безысходность. Страх очутиться в окружении чудовищ, отрезавших твоему подразделению путь назад; занять заранее невыгодную позицию и не иметь возможности сменить её; выехать на срабатывание ограждения, чётко зная, что впереди тебя ждёт кусок, который ты не сможешь проглотить... Страх угодить в патовую ситуацию, выход из которой один – застрелиться без лишних мучений, но это лишь в том случае, если тебе посчастливилось дорасти до призывного возраста трусом. В противном случае, приготовься скрестить мечи с безнадёгой и сразиться с ней за право выбора собственной смерти: стоя в полный рост или на коленях... Боятся все, абсолютно все. Не испытывают страха только мёртвые и сумасшедшие.

Бежать надо отсюда, бежать... Было бы только, куда...

До холма я двигался с максимальной осторожностью, перебегая от одного укрытия к другому, вжимаясь в снег и напряжённо прислушиваясь к тишине. Трижды я изучал через оптику высоту, и на четвёртый всё же разглядел кое-что. Углубления в земле оказались окопами. Среди маленьких ямок, судя по всему, индивидуальных ячеек, периодически встречались позиции покрупнее. В одной из последних я отчётливо рассмотрел силуэт станкового пулемёта с бронешитом, прикрывающим стрелка от вражеского огня. Дуло, кажущееся из-за темноты чересчур широким, смотрело прямоиком в мою сторону. Вздвигнув от неожиданной находки, я сполз на дно ямы и замер. В голове вспыхнула яркая картина, как скрытый темнотой стрелок

припадает к прицельной планке, нащёптывая замершему рядом второму номеру:

– *Тихо, тихо... пусть подойдёт поближе...*

Начерта я сюда полез, надо было помахать красным светом, выдумав какого-нибудь монстра, якобы замеченного в дальномер. Нет, решил поиграть в дисциплинированного солдата...

Вдох-выдох... вдох...

Рывок! Максимально усложняя стрельбу вероятному врагу, я двигался зигзагами. В считанные секунды добежал до следующей складки местности и вновь замер. Пулемёт, как и прежде, молчал, ствол не сдвинулся – либо расчёт спит, либо... его нет...

Ещё одна перебежка, осмотр территории, и вот я уже у подножия холма. Ни одного выстрела так и не раздалось. Пригибаясь, начинал восхождение по изрытой воронками земле, но первая же встреченная ячейка, освещённая узким светом фонарика, прогнала все опасения. На дне ямы в неудобной позе застыл человек. Серая шинель покрыта грязью и многочисленными пятнами крови, гармонирующими с ярко-красными петлицами и звездой будёновки. Из-под суконной ткани шлема выглядывал череп, высохшая костлявая рука даже после смерти продолжала сжимать длинную винтовку, к которой, судя по пустым подсумкам, практически не осталось патронов.

Обычно трупы вызывали настороженность, ведь где есть убитый, там, вполне вероятно, найдётся и убивший, однако это тело казалось безопасным. С первого взгляда видно, что покойник пролежал здесь, по меньшей мере, лет пятьдесят и промёрз настолько, что попытайся я разжать пальцы на ложе винтовки, они наверняка сразу рассыплются в крошево. Хотя, смысла мародёрствовать не было – оружие выглядело не моложе хозяина, навряд ли оно способно сделать хоть один выстрел.

Двигаясь дальше, я то и дело заглядывал в другие окопы, но во всех находил лишь трупы: красные петлицы на уголках воротника, потрёпанные шинели и пустые глазницы, – даже после смерти эти воины остались на своих позициях, ставших им открытыми могилами. За напугавшим меня пулемётом Максима лежало

двое: один привалился на ствольную коробку, второй – устался в небо, прижимая к груди короткую патронную ленту. Ствол в толстом чехле покрыт коричневыми пятнами ржавчины, верхняя крышка поднята – видимо, расчёт погиб во время перезарядки.

Земля под ногами трещала от стреляных гильз и осколков разорвавшихся снарядов, словно она не смогла переварить смертоносный металл и выдавила его из себя. Ближе к вершине виднелся старый советский танк, украшенный двумя рваными ранами прямых попаданий, чуть поодаль – несколько грузовиков, в кузове одного из которых установлена зенитная установка.

На этом холме живых нет, это точно. Им здесь просто нет места.

Спецы добирались до высоты достаточно долго, не столько из-за сугробов, сколько по вине Грача, которого Линю пришлось тащить на закорках. Стальной человек, иначе не скажешь... Пронести такое расстояние боевого товарища вместе со всем снаряжением – это не пробежаться налегке.

Казалось, автоматчика не удивили покойники и подбитая техника. Подтащив своего друга к танку, он усадил его на землю и принялся копать в сумке.

– Как он?

– Лихорадит... – Линь перебирал какие-то медикаменты. – Жалуется на...

В этот момент Грач негромко вскрикнул и, выгнувшись дугой, завалился на бок.

– Спина... гори-и-ит... изнутри-и-и, – хрипел он, с трудом двигая пересохшими губами.

– Тих, тих, тих! – набирая какой-то жидкости из ампулы, ласково нащёпывал ему Линь. – Сейчас полегчает, потерпи...

Искажённое муками лицо на секунду прояснилось, взгляд стал более осмысленным:

– Друг... дру-у-уг, это ты? Связи с девятой ротой нет, друг. Совсем нет. Огневой бой затихает... Друг, слышишь? Ты слышишь? Седьмая рота не смогла прорваться...

Зрелище поистине невыносимое. Сильный, быстрый, опасный, этот человек многое видел и ещё больше – испытал, но стоило оказаться в Городе, как весь его опыт и навыки выживания нивелировались.

– О чём он говорит?

– Не знаю. Выходим через пять минут, – отмахнулся Линь, словно бы намекая, что мне пора бы заняться своими делами.

Понял, не дурак.

Судя по количеству мертвецов, обороняющихся было не меньше двухсот, количество боеприпасов красноречиво говорило, что бои длились несколько дней и сильно потрепали солдат. В надежде найти какое-нибудь работоспособное оружие, я прошёл по периметру высоты, поочерёдно заглядывая в окопы. Вполне ожидаемо, ничего подходящего: винтовок и пулемётов было в достатке, но все они не пригодны к использованию. Ближе к центру холма обнаружили два блиндажа, но от обоих исходил такой лютый холод, что я не решился заходить внутрь.

– Иван!.. Мать твою, быстро сюда! – послышался громкий шёпот Линя.

На всякий случай пригнувшись, я вернулся к танку. Грач успокоился и неподвижно лежал, прислонившись к тракам, второй военный притаился у пулемёта:

– Дальномер просрал?

– Что случилось? – устроившись рядом, я протянул спецчехол, вглядываясь при этом в затопившую поле тьму. – Что-то видишь?

Линь не ответил. Прильнув к окуляру, он с минуту вглядывался вдаль, после чего положил дальномер перед собой и вновь взял в руки снайперскую винтовку Грача. Ствол медленно двигался слева на право, сопровождая невидимую для меня цель. Негромко хлопнул выстрел, выброшенная затвором гильза едва не угодила мне в лицо:

– Да кто там, хоть слово скажи!

– Финны. Идут по нашим следам, – не отрываясь от прицела, ответил Линь.

Винтовка выстрелила ещё раз, затем ещё, но рассмотреть, падают ли пули в цель, возможности не было. Наконец, финны пришли в себя и открыли беспорядочный огонь по холму. Судя по дульным вспышкам, виднеющимся метрах в двухстах от холма, «иностранцев» было не меньше взвода. Частые автоматные очереди заглушило уханье автоматической пушки, но снаряды взрывали землю где-то на отдалении, не угрожая нам.

– Мля, у них броневик, – ещё две пули унеслись куда-то во тьму.

– Уходим?

От пулемётного щитка со звоном отскочила шальная пуля и унеслась куда-то в сторону. Последовала долгая тяжёлая пауза, я уже хотел повторить вопрос, когда Линь всё же удосужился ответить:

– Уходи, если хочешь.

– А вы?

– А мы остаёмся.

Чёрт, что ж вы за люди такие?.. Не понос, так золотуха! Хрен я уйду, кто меня вообще подпустит без сопровождения спецназа к эвакуационному транспорту?

– Бери карту, – военный опустил винтовку. – Вот сигнальные ракеты, вода и остатки пайка. Найдёшь автобусы – не усердствуй. Шансов, что кто-то выжил, мало. Место эвакуации не забыл? Как доберёшься – сожги карту. Пистолет выбрось. Всё понял?

– Да.

– Тогда проваливай.

Я рефлекторно рассовал по карманам снаряжение. Что же, это их выбор, но... Как на счёт моего? Что делать мне? Послушать спеца или остаться здесь, вместе с ним, полагаясь на туманную надежду? Мол, раньше везло и сейчас повезёт?

Очереди становились всё громче, в нескольких метрах от нас рванул выстрел из подствольного гранатомёта, окатив землёй и ржавым крошевом. Времени на раздумья оставалось всё меньше. Ещё немного и финны поймут, откуда ведётся огонь, и тогда нам несдобровать. Линь и сам это понимал, подхватив

винтовку за цевьё, он начал подниматься, видимо, собираясь сменить позицию, но тут же плюхнулся обратно.

– Иван... – глаза спеца были широко раскрыты, от прежнего спокойствия не осталось и следа. – Ты видишь их?

– Кого?.. Финнов?

– Нет... их...

Сперва я не понял, о чём он говорит, приняв резкую смену настроения за трусость, но вскоре заметил какое-то движение у стоящего неподалёку «Максима».

Лежащие возле пулемёта красноармейцы, мёртвые прежде, ожили... Исковерканные тела излучали один лишь холод, глазницы были всё так же пусты, однако какая-то неведомая сила привела в движение обтянутые кожей кости. Череп стрелка слегка приподнялся, выглянув из-за бронешита. Лежащий рядом второй номер медленно подполз к оружию и зарядил патронную ленту. Щёлкнула крышка короба, костлявая рука несколько раз дёрнула за рычаг...

– Не стрелять!.. – прошептал мне на ухо Линь.

Слева лежал ещё один мертвец. В каске красноармейца зияла огромная дыра от угодившего в неё осколка, но покойник, наплевав на все законы мироздания, зашевелился. Подтянув к себе валяющуюся неподалёку винтовку, он с трудом передёрнул проржавевший затвор и осторожно пополз к цепочке окопов, из которых уже выглядывало несколько будёновок.

С подножия холма доносились крики на финском, выстрелы начали стихать. Наверное, подумали, что достали снайпера, раз он смолк. Мертвецы, тем временем, не обращали на нас никакого внимания, их взгляды были прикованы к полю, по которому осторожно пробирались «иностранцы».

– Смотри, – тихонько позвал я Линя, указывая на покойника, отличного от всех прочих.

Из расположенной в пяти метрах от нас ячейки по пояс высунулся скелет в чёрной фуражке с красным околышем. Через плечо перекинута планшетная сумка, на петлицах звезда с тремя квадратами – видимо какой-то офицер. Призвав к глазницам черепа ржавый бинокль, покойник какое-то время изучал

окрестности. Челюсть пришла в движение, словно военный говорил что-то, не издавая при этом ни единого звука. Его подчинённые, в отличие от нас, поняли бесшумную команду. Из окопов показались стрелки, покрытые инеем винтовки удобно устроились на снегу, зашевелились стволы пулемётов, заряжаемых остатками патронов.

– Отползаем, медленно... – скомандовал Линь, и мы, не вставая, начали пятиться назад.

Над высоткой нависла атмосфера холода и страха, пронизывающая каждый метр земли, каждую горсть снега, словно радиационные лучи. Но, помимо неё, было что-то ещё, что-то куда более тяжёлое и гнетущее... Это были взгляды солдат, пробудившихся от долгого забвения лишь для того, чтобы продолжить давным-давно прерванный бой. Прерванный смертью, но ей же и запущенный вновь. С каждым доносящимся с поля криком приклады всё плотнее вжимались в серую ткань шинелей. «Иностранцы» шли вперёд, не подозревая, что их ожидает сюрприз из мрачного прошлого, прошлого Зимней войны, в которой однажды столкнулись солдаты двух враждующих государств.

В пределах видимости появились силуэты, практически не различимые в темноте, послышалось рычание двигателя бронетранспортёра.

Офицер РККА поднял вверх руку...

Финны начали восхождение, карабкаясь по склону холма, не замечая глядящих на них оружейных стволов.

Рука резко опустилась вниз...

Последовавший за этим винтовочный залп, похожий на близкий удар молнии, скосил первые ряды наступающих. Слева ожил пулемёт. Прильнув к прицельной планке, первый номер бил по кинувшимся врассыпную финнам короткими очередями, второй же вёл стрельбу из пистолета. Ухнула крупнокалиберная пушка, в мгновение ока смявшая станкового монстра вместе с расчётом, но эстафету подавляющего огня тут же подхватили другие пулемётчики. Не все из солдат

смогли вовремя открыть огонь – чьё-то оружие моментально заклинило, а у кого-то попросту не было боеприпасов, но и те, и другие оставались на позициях.

Финны залегли, ответив беспорядочным огнём, однако если и попадали, то никакого вреда покойникам это не причиняло. Пули прошивали ветхую одежду, вырывали куски черепов, пробивали насквозь хрупкие грудные клетки и проскальзывали между рёбер. Красноармейцев отбрасывало назад, тела падали обратно в окопы, но лишь для того, чтобы через секунду вновь встать, подобрать оброненное оружие и продолжить бой.

Когда мы уже подползали к бессвязно бормочущему что-то Грачу, вновь застучал главный калибр финского броневика. Лёгкий советский танк, к которому спиной прислонялся снайпер, едва заметно вздрогнул. С отвратительным скрипом башня начала поворачиваться в сторону вражеской бронетехники. Стального мастодонта не смогли свести в могилу ни дыры в лобовой броне, ни коррозия, и теперь он вновь готовился поддержать огнём обороняющихся.

Заметивший это Линь резко вскочил на ноги:

– Уходи, Грач! Уходи!

Но добежать до товарища он не успел. Оглушительно грохнуло короткое орудие, в мгновение ока оборвавшее стук финского БТРа. От близкого выстрела зазвенело в ушах, покачиваясь, я встал на ноги. Грач пришёл в себя, но вместо того, чтобы припустить подальше от холма, заорал что-то нечленораздельное и быстро побежал вниз по склону, туда, где залегли выжившие «иностранцы».

– Серёга! Серёга, стой! – автоматчик устремился вслед за ним, но я прыгнул на него и сбил с ног.

– Это самоубийство!

– Слезь с меня, олень! – брызжа слюной, выкрикнул мне в лицо спец. – Отвали! ОТВАЛИ!

Ловко извернувшись, военный двинул мне лбом по лицу, вскочил и побежал за товарищем. Завидев бегущих спецназовцев, солдаты РККА стали выбираться из окопов и, распахнув рты в бесшумном крике, пошли в контратаку:

– Ура-а-а-а-а!..

Никаких голосов слышно не было, так же как не было слышно и свистка офицера, приставленного к оскалившемуся рту. Редкие ответные выстрелы дробили кости ног, опрокидывая красноармейцев, выбивали из рук винтовки, но катящийся вниз яростный вал это не могло остановить. Спина спецназовцев растворились среди серых шинелей и винтовок с примкнувшими штыками, а потом...

А потом всё погрузилось в тишину, медленно проглатывающую топот десятков сапог, автоматные очереди и крики финнов, наконец-то увидевших, с кем им довелось схлестнуться... Клубы дыма догорающего БТРа почернели, расползлись по окрестностям, накрывая удлиняющимися отростками всё поле боя.

Поднявшись на ноги, я вытер сочащуюся из разбитой губы кровь и побрёл вниз:

– Грач! Линь!

Но никто мне не ответил. Лёгкий порыв ветра взметнул дымный занавес вверх и развеял над полем, на котором не было ни подбитого броневика, ни покойников, ни «иностранцев» – лишь безупречная гладь снежного наста и пробирающий до костей холод.

– ЛИНЬ! – слёзы бессилия покатались по щекам, смешиваясь с кровью. – ГРАЧ! ГДЕ ВЫ?

Внутри всё сжималось от невыразимого чувства потери, словно вместе с двумя военными дым отобрал у меня часть души. Словно рука, удерживающая от падения в пропасть, резко разжалась, посылая меня напрямик во чрево Города.

Пальцы задрожали, выронив пистолет. Я упал на колени и прижал ладони к лицу, пытаюсь спрятаться от кружащей вокруг тьмы. Слёзы быстро прихватывало морозом, но я не обращал на

это внимания. Хотелось кричать во всю мощь лёгких, но из горла вырывались лишь бессмысленные хрипы.

Пытаясь убежать от навалившегося ужаса, я упал на снег, стал зарываться в него с головой...

– ШТЫКОВ! ИВАНОВ!..

Это всё моя вина, почему я остался жив, а они – нет? Зачем Город пощадил меня? Почему я не умер там, вместе со всеми? В проклятом автобусе, ставшей нам братской могилой!

– ШТЫКО-О-ОВ!!!

Неожиданно темнота снега осыпалась, словно я достиг потолка пещеры. В лицо пахнуло запахом корицы и спёртым тёплым воздухом. Свет, ударивший по глазам, прожёл сетчатку насквозь, мгновенно ослепляя... Угасающий рассудок уловил грохочущий где-то высоко над землёй удар, так похожий на звук барабана с плохо натянутым полотном...

Шум рокотал и усиливался, пока не захлестнул меня, земля сорвалась вниз, а следом за ней полетел и я. Сил кричать уже не было, хотелось лишь одного – расслабиться и отдать себя забвению. Гул сменился громким чавканьем, доносящимся откуда-то сверху...

Здравствуй, Город... Давно не виделась...

Я стою у автобуса...

Это мой крест...

Моё проклятие...

Моё наказание...

Я раз за разом возвращаюсь сюда, подобно главному герою того фильма с Биллом Мюрреем. Куда бы ни лежал мой путь, какие отвлекающие факторы не влияли бы на разум – дороги приводят в одно и то же место.

К эвакуационному автобусу...

К остановившемуся времени...

К замершим внутри людям...

Подхожу ближе, стараясь не смотреть в широко распахнутые навстречу фары. Возвращение сына после ссоры и длительной разлуки. Новый срок для преступника-рецидивиста, недавно вышедшего на свободу. Я помню этот страх, помню тяжёлое ощущение безысходности. Как и тогда, в голове кружится всего одна мысль: «Это всё не по-настоящему, это всё не взаправду!»... Мгновенный укол сменился бесконечностью пыток. Лезвие поизносилось, местами покрылось ржавчиной, но раны от него не стали менее болезненными...

Я поднимаю взгляд...

Всё по-старому...

Всё как прежде...

Параноик Сазонов. Водитель. Не сажился за баранку, не убедившись в полной исправности вверенного транспорта. Одной рукой сжимает руль, второй тянется поправить съехавшую на глаза каску. Рядом – связист Талонский, совсем недавно сменивший погибшего Пинчука. Чёрт, а я ведь даже не знаю, как его зовут... То ли Олег, то ли Женя. Помню только, что перед выездом он скурил сигареты три, не меньше. Сейчас же парень, скрипя зубами, колдует над радиостанцией, пытаюсь сказать кому-нибудь, что мы погибаем. Он так и не сможет этого сделать... Один из журналистов, внезапно решивший, что лучше разбирается в войсковой Р-159, уже тянется к радиостанции. Не знаю, что произойдёт потом – я видел лишь последствия в виде потерявшего сознания связиста и громяющего по металлическому полу короба прибора. Хотя, раскрасневшийся от напряжения американец мог оказаться невиновным в произошедшем – другие представители прессы кажутся опасными в равной степени, вне зависимости от страны производителя.

Возможно, вполне возможно...

Но американца я всё равно грохнул бы. Это не Протасов, а он виноват в смерти полячки! Пусть слетевший с резьбы лейтенант и нажал по дурости на спуск, именно эта скотина ударила Иванова, и именно из-за него тот полез в драку, зацепив Новак...

Хотя, какая разница...

Если в этом автобусе кто-то и заслуживал смерти, то только я...

Потому что именно я убил их всех...

Иду вдоль бронированного бока транспорта, ведя рукой по оранжевой полосе. В пальцы отдаёт нестерпимым жаром сгорающего термита, я вижу красные росчерки, остающиеся на металле от моих прикосновений...

Но чья это кровь: моя или пассажиров?..

Взгляд ползёт по окнам, не задерживаясь на застывших лицах солдат. Мне не обязательно видеть военных – достаточно только прикрыть веки, и в памяти всплывает облик каждого из них, вплоть до последней капельки пота. Залейте мне в душу гипс, подождите несколько минут, и вы получите их точные копии. С каждым шагом, с каждым лицом остриё всё более впицается в грудь. Тоска, перебирая лапками, ползёт к переносице, я силюсь выдавить из себя слёзы, избавиться от щемящей грусти, засевшей внутри, но единственное, на что хватает сил – это тихий скулёрж.

Взгляд упирается в последнего из бойцов. Он единственный, кто выронил оружие. Единственный, кто не сражается за свою жизнь. Лицо парня поворачивается, преодолевает безвременье и упирает в меня увеличившиеся от страха зрачки...

Это я, это я... это...

Это кто-то незримый нажимает кнопку «Play», реальность пробуждается от оцепенения, и автобус, обдав меня ворохом оранжевых листовок вперемешку с выхлопными газами, уносится вдаль...

Но мой взгляд...

Тот взгляд... что смотрел из хвоста транспорта...

Он никуда не исчезает...

Одна из листовок попадает в лицо, я закрываю глаза, а когда открываю – обнаруживаю себя высоко над землёй. Я слышу ночь, слышу шелест снежинок, слышу тяжёлое дыхание лежащего

где-то внизу человека. Он смотрит на меня тем же взглядом: осуждающим, тоскливым, вязким, словно просроченное чувство долга, – но моё внимание приковано к другому существу. Оно притаилось за спиной у лежащего, подменило его тень, словно питающийся за счёт хозяина паразит. Оно ждёт чего-то... Быть может, момента, когда хозяин окончательно сломается.

По городу пробегает цифровой шум, пикселизированная рябь, от которой здания деформируются, разваливаются в пыль и восстают вновь. Улицы оживают, заполняя пустоты бетонным месивом. Холм исчезает в сгустившихся тенях многоэтажек, с рёвом вырывающихся из-под снега.

Город тасует карты...

Город переворачивает поле вверх ногами...

Реальность делает пару шагов по острию, неуклюже взмахивает руками и, едва не потеряв равновесие, успокаивается. Нет больше поля, как нет и высоты: на многие километры вокруг простираются неровные ряды зданий. Испуганный воцарившейся тишиной, я пытаюсь предупредить лежащую на снегу фигуру об опасности, силюсь крикнуть какое-нибудь слово, выдать хотя бы один звук, но изо рта вырывается лишь забывание ветра, моментально растворяющееся в шуршании снега.

Кто-то тащит по насту сани...

Кто-то приближается...

В темноте я путаю их с представителями *Homo Sapiens*, но вскоре осознаю допущенную ошибку. Лица скрыты противогазными масками, тела укутаны в чёрные одежды, руки сжимают оружие... Они считают себя людьми... В подобных условиях немудрено ошибиться.

На самом деле, они не люди...

На самом деле, они звери...

Я отчётливо вижу это в поблёскивающих стёклах фильтрующих масок, чую в запахе крови, доносящемся от перчаток незнакомцев...

Два чудовища подходят к телу на снегу...

Один из них нагибается, проверяет пульс, прислушиваясь к бормотанию лихорадки, захватившей обессиленное тело.

Ноль...

Человека укладывают на сани и увозят в глубины города.

В молчании фигуры появляются, и с молчанием растворяются во тьме.

Вместе с ними растворяюсь и я...

ГЛАВА ШЕСТАЯ УЦЕЛЕВШИЕ

ем дольше я охраняю тебя, Город, тем отчётливей проступают борозды шрамов на психике. Длинные, глубокие и витиеватые рубцы расчертили меня с ног до головы, словно дополнительная нервная система, но увидеть их в состоянии лишь мозгоправы. Достаточно посветить фонарями-тестами, и в фиолетовом свете проступает оставленный Городом автограф: уже затянувшийся, но от этого не менее болезненным... Говоря слово «болезненный» я не предполагаю, что он постоянно доставляет дискомфорт. Нет такой вещи, к которой нельзя привыкнуть, так уж устроен человек. Ноющая боль постепенно становится обыденной, а после вовсе исчезает. Остаются воспоминания. Один неосторожный взгляд, слово, случайная ассоциация, и шрамы вновь начинают саднить от ненароком просыпанной на них соли. Той самой соли, пуд которой скормил нам чёртов Катаклизм.

Многие мои друзья погибли здесь, но ещё больше кануло в бездне незнакомцев. Сейчас, когда Катаклизм схлынул, я часто задумываюсь, кому повезло больше. Им, ушедшим из жизни относительно быстро, а иногда даже безболезненно... Или нам, уцелевшим на этой войне, но не сумевшим выжить? Мы столько повидали на той тонкой грани, что отделяет мир людей от царства кошмаров, так яростно молились, так ожесточённо жали на спусковые крючки автоматов, что за всем этим не заметили, как утратили человеческие лица... Каждый

из нас уже год, как мёртв, просто почтальон забыл доставить похоронки.

Кто-то уцелел внешне, но выжил внутренне, а кто-то – наоборот. Пустые оболочки, инвалиды, лишившиеся чего-то... некой мелочи, которую, обычно, никто не замечает и не ценит, но от исчезновения этой детали неизменно выступает холодный пот. Я не силен в возвышенной философии и не хочу бросаться громкими словами, но не тот ли это мифический двадцать один грамм?

Мы нервно поглядывали в окна и в полголоса матерились, а журналисты щелкали фотоаппаратами. Автобус продолжал своё неторопливое движение по залитым солнцем улицам. Вокруг ничего не происходило, но выглядело это затишьем перед бурей, а не перемирием.

Неожиданно рация на поясе лейтенанта ожила, издав характерный звук. Отмахнувшись от очередного ретивого репортёра, Протасов снял её с пояса и нажал на кнопку приёма. Слов слышно не было, но, судя по исказившемуся лицу офицера, что-то пошло не так.

– Связь со штабом, быстро! – выкрикнул старший лейтенант радисту.

Все пассажиры, как один, устремили взгляд на Протасова.

– Что там такое?.. – шёпотом спросил Артёмов, но в ответ на него шикнули.

Секунды превратились в минуты, а минуты – в целую бесконечность. Сидящий в голове автобуса радист колдовал над рацией, но, судя по всему, связаться с начальством у него не получалось.

– Млять, да что ты там возишься! – взорвался командир взвода. – Немедленно соедини меня со штабом!

– Не могу, тарищ старший лейтенант! Связи нет!

– Мля, – офицер в сердцах сплюнул и вернул рацию к уху. – Что со связью? Тоже нет?.. Что?.. Как далеко?..

Не прерывая разговор, Протасов растолкал притихшую прессу, подошёл к нам и, наклонившись, посмотрел куда-то в сторону замыкающей машины. Мы повернулись в том же направлении. В этот момент автобус как раз проезжал открытый участок местности, если точнее, какую-то площадь с прилегающим к ней парком. Застройка здесь не такая плотная, так что всем участникам экспедиции стала видна причина беспокойства офицера.

– Твою мать...

Со стороны центра города двигался колоссальных размеров буревой вал. Внешне атмосферное явление было похоже именно на пылевую бурю, однако цвет и географическое положение полностью отрицали её природный характер. Черные клубы мелкой пыли протянулись на весь сектор видимости, и, очевидно, двигались в нашу сторону. Медленно переваливаясь и набегая друг на друга, они проглатывали попадающиеся на пути дома, но эта неспешность, судя по быстро сокращаемой дистанции, была иллюзорной.

В памяти тут же вспыхнули виденные по телевизору репортажи об эвакуации населения, когда улицы затопил чёрный туман, поглощающий всё на своём пути, включая бестолково палящие по нему танки и спешно удирающие автобусы. Особенно запомнились вопли журналиста, оказавшегося настигнутым загадочным проявлением Катаклизма. В дальнейшем и его, и многих других записали в списки пропавших без вести, так как никто и никогда больше не видел оказавшихся в тумане, а из двух танковых взводов уцелела только одна машина.

– Вашу мать, почему только сейчас доложили!.. – старший лейтенант метнулся обратно в головную часть автобуса. – Продолжать попытки связаться со штабом! Увеличить скорость движения!..

Протасов принялся отдавать распоряжения, а журналисты, оставшись без присмотра, повскакивали со своих мест и хлынули к заднему стеклу, то есть к нам. В тесноте салона возникла давка: иностранцы, расталкивая друг друга, пытались

сделать кадр получше, а мы, оказавшиеся у них на пути, старались оттеснить огрызающуюся на разных языках толпу. Прикасаться к иностранным гражданам было категорически запрещено, но данная ситуация создавала для военного персонала опасность, а это развязывало руки. Внезапно, один из гражданских, кажется американец, попытался проскользнуть между Ивановым и сержантом, попутно двинув первого локтем прямо под каску. Это была ошибка: напуганные люди способны на многое, особенно, когда их трясёт крупная дрожь ужаса. Иванову моментально сорвало резьбу. Подхватив автомат, он двинул наседающего американца стволом в грудь, попутноогрев прикладом подвернувшуюся под руку полячку. Каска отлетела в сторону, из разбитого носа светловолосой девушки ручьём хлынула кровь, несколько капель которой попало прямоком мне на щеку. Слобно во сне, я провёл по лицу ладонью и поднёс к глазам пальцы, не понимая толком, моя это кровь или чья-то ещё. Оргражданских усилился, налитые яростью глаза буравили нас, фотоаппараты щелкали с утроенной силой, стараясь запечатлеть получше осатаневших солдат и сползающую на пол журналистку. Сзади послышался лязг передёрнутого затвора...

– ОТСТАВИТЬ! – взревел Штыков, отталкивая от себя представителя Германии. – ОТСТАВИТЬ, МЛЯ!

В гущу событий устремился переводчик, наконец-то пришедший в себя. То на одном, то на другом языке он уговаривал прессу вернуться на свои места, но видимого эффекта это не приносило.

Вид крови и вопли сержанта слегка остудили прессу, так что паника вскоре улеглась бы, но тут дал о себе знать придурочный старший лейтенант, который не придумал ничего лучше, чем пальнуть в потолок из своего пистолета. В бронированный потолок, который, само собой, дал рикошет...

В тесноте автобуса выстрел больше напоминал взрыв гранаты. Запах сгоревшего пороха тут же заполнил салон, пассажиры мигом попадали на пол. Когда они более или менее пришли в себя, то увидели белого, как мел, Протасова, с

всё ещё поднятым к потолку громоздким АПСом⁶³, и лежащую лицом вниз светловолосую журналистку. Вокруг её головы разлилась лужа крови, а на затылке виднелось маленькое пулевое отверстие.

– Как же это... как же... – бессвязно бормотал офицер, не отрывая взгляда от безжизненного тела.

– Трындец... – выругался раскрасневшийся Иванов, опуская автомат.

Пару секунд в салоне царила гробовая тишина.

Пискнув, ожила рация. Дрожащей рукой Протасов поднёс её к уху и, сглотнув, спросил:

– Алло...

Последовавший за этим доклад заставил его перевести взгляд с мёртвой девушки на заднее окно, а там, к слову, тоже было на что посмотреть. Пылевой вал теперь достигал метров сто-сто пятьдесят, и расстояние до него с каждой минутой уменьшалось. Автобус ускорился, а вместе с ним поддали газу и машины сопровождения. Над головами прострекотали вертолёты. Боевые машины плавно, практически синхронно набрали высоту и зависли на месте, прямо напротив пылевого вала, а затем открыли шквальный огонь, расчерчивая воздух дымными шлейфами ракет.

– Нахрена они стреляют? – никому толком не адресуя вопрос, пробормотал один из солдат, чьё имя я не помнил.

Удивительно, но ответил ему полноватый мужчина с аккуратными тонкими усиками. Возмущённо тараторя то ли на японском, то ли на китайском, он изучал бурю через объектив массивной камеры. Оторвавшись от навороченного фотоаппарата, он протянул его переводчику.

– Что там? – облизывая пересохшие губы, спросил Протасов.

– Тут... инфракрасный спектр... что-то движется внутри...

Вертолёты тем временем продолжали стрельбу. Ракеты одна за другой срывались с крыльевых направляющих, носовые

⁶³ АПС – автоматический пистолет Стечкина.

орудия раскалялись потоком крупнокалиберных пуль. Вспышки взрывов едва угадывались в жирной туше надвигающегося вала, трассеры тонули в нём, словно насекомые в морской волне. Уханье и взрывы было слышно даже отсюда, из бронированного автобуса, и каждый из нас молился, чтобы они замедлили надвигающийся кошмар.

В определенный момент буря просела под напором вертолетного огня, подалась назад, но обрадоваться этому никто не успел: из пылевой завесы стремительно появился длинный отросток, по форме напоминающий щупальце, и устремился к зависшим вертолётам. Состоял он всё из того же неодушевленного черного песка, но вёл себя, как живое существо! Среагировать на появившуюся цель успел лишь один из пилотов. Когда пылевой хлыст смёл две машины, третья ушла вниз, на какие-то метры разминаясь с опасностью, а её менее расторопные коллеги, словно по мановению волшебной палочки, растворились в гигантском щупальце. Не «взорвались», не «бесследно исчезли», а именно растворились. Стоило им только оказаться в песчаном отростке, как металл превратился в кружащуюся в беспокойном хороводе пыль, тут же втягившуюся в буревой поток.

Выживший пилот мастерски развернул машину и, маневрируя, попытался сбежать. От корпуса отлетели яркие вспышки тепловых ловушек, но это не помогло. За первым щупальцем вынырнуло второе и с дьявольской меткостью устремилось к беглецу, в мгновение ока настигнув его. Хвост вертолёта рассыпался в труху, машина начала вращаться, потеряв управление, и скрылась из виду, окончательно оставив нас без воздушного прикрытия.

Старший лейтенант продолжал стоять посреди салона, глядя то на пылевой вал, то на труп журналистки на полу. Рация в его руке без умолку трещала что-то неразборчивое, но он не замечал этого.

– Тарищ лейтенант! Свяжитесь с бульдозером! – проорал водитель, но офицер его не слышал.

Раздался пронзительный клаксон, солдат за рулём кричал что-то невразумительное, словно бульдозерист мог слышать его за рёвом стихии, и, как ни странно, тот понимал, что от него требуется. Неповоротливая гусеничная машина сдала к обочине, пропуская вперед более юркий транспорт. Автобус, и без того подпрыгивающий на неровной дороге, начало немилосердно мотать из стороны в сторону. Пассажиры, не догадавшиеся занять свои места, попадали, словно кегли. Старший лейтенант приземлился аккуратно на застреленную им девушку, но тут же с безумным криком вскочил. Площадь с парком уже давно остались позади, здания у проезжей части проносились всё быстрее. Судя по всему, водитель выжимал из движка все соки.

– Стоя-я-я-ять! – завопил Протасов не своим голосом. – Рота к бою!

– Ты чего, лейтенант? Нахрена ты стрелять начал? – переводчик хоть и был напуган, но яйца у него оказались покрепче «протасовских». – Ты спятил?

– Молча-а-а-ать! – старлей развернулся к нему, пытаясь нащупать в кобуре пистолет, но тот отлетел куда-то в сторону во время падения.

Не раздумывая более, военный переводчик Козлов подскочил к командиру и хорошо поставленным ударом профессионального боксёра отправил того в нокаут:

– Беру командование на себя! Оружие к бою! Заднее стекло открыть! Убрать тела с прохода!

Мы подскочили с сидений. Мы были рады слышать приказы и повиноваться им, потому что это избавляло нас от необходимости думать самостоятельно. Дрожь тут же утихла, а вместе с ней куда-то пропал и страх. Мы щелкнули затворами и заняли позиции в хвосте автобуса. Артемов ловко забрался в пулёмётную башенку, Штыков откинул заднее стекло. Мы вскинули оружие, старательно выискивая цели среди клубов догоняющей нас бури. Лейтенант поднял с пола рацию и отдал несколько приказов другим машинам, после чего встал среди нас.

Бульдозера нигде не видно, судя по всему, бедняге не хватило прыти, чтобы уйти от катящегося вала. Едущий позади БТР-60 попытался пропустить вперёд КАМАЗ, забитый пехотой, но из-за большого количества припаркованных по обе стороны от дороги машин у него ничего не получилось. Буря всё ближе и ближе подступала к транспорту, практически наступая на пятки. В хвосте колонны раздались выстрелы. Судя по всему, солдаты открыли огонь прямо из кузова. Струхнувший водитель тяжелого грузовика принял решение протаранить мешающие автомобили и втиснуться между нами и бронетранспортером, но не справился с управлением. КАМАЗ неловко подпрыгнул на какой-то обтекаемой иномарке и на полном ходу опрокинулся на бок. Если бы мы могли, то услышали предсмертные крики солдат в кузове, но рёв пылевого вала с лёгкостью проглотил их. Бронетранспортёр развернул башню назад и, не сбрасывая скорости, открыл огонь. Снаряды исчезали в клубящемся мареве, залился лаем спаренный с пушкой пулемёт, принимая огненную эстафету у погибших в КАМАЗе солдат, но не прошло и десяти секунд, как бронетранспортер постигла та же участь. Пылевой вал созрел его вместе с экипажем.

Следующие на очереди мы...

– Заметили? Пули не растворяются в нём! – крикнул переводчик.

До журналистов всё-таки дошло происходящее. Женская их часть начала истошно орать, мужская, судя по интонациям – ругаться. Желание жить накрыло бедолаг с головой, но отказывающий разум не придумал ничего лучше паники. Если прежде они пытались оказаться поближе к шквалу, то теперь устремились в голову автобуса, стараясь максимально увеличить расстояние до него. Про злобных русских, спятившего офицера и мёртвую полячку, само собой, все моментально забыли, так же, как и о необходимости фотографировать Город.

Однако нас, замерших с оружием наизготовку, всё это уже не касалось.

– ОГОНЬ!

Артёмов зажал гашетки станкового пулемета, заполняя транспорт оглушительным стаккато и звоном гильз. Пальцы сводило судорогой на спусковых крючках, пули ослепительными звездами уносились во мглу, кто-то орал, кто-то визжал, кто-то ругался, но черная всепоглощающая волна даже и не думала останавливаться под нашим напором. Мы опустошили по магазину и спешно перезарядились. До неминуемой смерти оставалась пара вздохов. Стиснутые зубы болели от напряжения, плач и крики гражданских перешли на какой-то совершенно новый, животный уровень.

Я растворился в безумии города, расплавился под его обжигающим взглядом. Страх сдавил глотку, лёгкие судорожно пытались вдохнуть немного воздуха, но у них ничего не получалось. Я задыхался. Автомат выскользнул из рук.

«Нет, я не должен здесь умереть! Я не могу здесь умереть! Только не в Городе! Пожалуйста!»

Мечущийся по салону взгляд зацепился за что-то белое, лежащее на полу среди спящих туда-сюда ног. Сфокусироваться никак не удавалось, но спустя несколько секунд я понял, что это такое. На полу, лицом в мою сторону, лежала случайно застреленная Протасовым журналистка. В выражении её лица не было ни капли страха. Потрескавшиеся обветренные губы улыбались, безжизненный взгляд упёрся прямо в меня... Из выходного отверстия на переносице, оставленного пушечной пулей, сочилась кровь.

Неожиданно до нас долетел пронзительный свист...

– Наши! – выкрикнул Козлов и зашёлся в безумном смехе.

Он оказался прав, внутри вала один за другим раздавались приглушенные взрывы. Ослепительные вспышки пламени расцветали в пылевом месиве и тут же тухли. Артиллерия поливала ужасающее атмосферное явление из всех орудий. Шквал черного песка замедлился, сжался, словно отступая от добычи, оказавшейся ему не по зубам. Вместе с многочисленными взрывами на лицах участников экспедиции вспыхивали радостные улыбки.

До слуха донёлся усиливающийся свист падающих снарядов, но я не слышал его, так же как не слышал свирепого рёва бушующей неподалёку бури. Всё мое внимание было приковано к неуместной улыбке лежащей между сиденьями журналистки...

- Он того и гляди лапы склеит, зря стараешься...
- Тебя забыл спросить, сопляк. Бабу будешь свою учить.
- Думаешь, раз прошляк⁶⁴, то можно всё?
- Да сколько можно собачиться...
- А тебя никто не спрашивал! Дед, отдавай луковицу, я жрать хочу!
- Руки убрал, козёл!..
- Да я тебя за козла!..

– Рядовой Селезнёв! Селезнёв, мля! Бегом к рации!..
Я ползу по стонущему ковру из человеческих тел, пробираясь под перевернутыми сиденьями пассажирского салона...
Ползу в головную часть автобуса, к рации...

– ОТСТАВИТЬ, МЛЯ!.. Инфракрасный спектр, что-то...
Нет, я не могу умереть здесь...
ОГОНЬ!..

Лицо лейтенанта покрывается слоем свежей крови, сочащейся из разбитой брови. Кровь... Кровь повсюду: на осколках бронированного стекла, на камуфляже солдат и объективах фотоаппаратов...

– Скала, Скала, я Турист, как слышите меня, я Турист, приём! Машина в населённом пункте, берёза, триста сорок один, четыреста двадцать два по улитке пять!..

– Тихо, тихо, сынок, – кто-то поглаживал меня по волосам, судя по голосу, женщина. – Успокойся, успокойся, всё хорошо...

Стоило вдохнуть затхлого воздуха, как по горлу наждаком прошёл приступ сухого кашля, а следом за ним заглянула на огонёк пульсирующая головная боль. Я попытался сесть, но невидимые в темноте руки тут же вернули мою голову обратно на колени.

⁶⁴ Прошляк (тюр. жарг.) – отошедший от воровского закона, но не изменивший ему вор.

Суставы ныли, словно в стыки между костями насыпали песка, нос намертво заложило.

– Где я?

– Всё хорошо, сынок, всё хорошо... – ответил женский голос. – Теперь всё будет хорошо, мамочка здесь, мамочка больше никому тебя не отдаст...

– Совсем баба д-д-д-двинулась, – слышался неподалёку заикающийся старческий голос. – Что творится-то...

Кое-как вырвавшись из цепких рук незнакомки, я сел на скрипучей кровати:

– Где я? Кто вы такие?

– Тихо, придурок, а то вертухай⁶⁵ услышит! – раздался из темноты мужской голос.

– Ты и так тут наг-г-г-говорил д-д-д-достаточно, послушай у-у-у-умных людей.

Где-то неподалёку раздался протяжный скрип открывающейся двери, слышались приближающиеся шаги.

– Ну, мля, чепушня, накликал, – зло прошипел ещё один, ранее молчавший, совсем ещё молодой голос.

Шаги становились всё ближе, вспыхнул свет керосиновой лампы, озаривший помещение подрагивающим оранжевым светом. Одну из стен комнаты заменяла металлическая решётка, через которую на нас смотрел человек с поднятым над головой фонарём.

– Ну чё, животные? Выспались?.. О-о-о-о! И солдатик проснулся? – голос был глухим из-за надетого на голову противогаза с уходящим в подсюмок гофрированным шлангом. – Эй, Стас! Тут солдат очнулся! Вести его?

Где-то неподалёку раздалось недовольное бормотание, из темноты донёсся ответ:

– Бабу vedi, Роза Андреевна так сказала.

– Бабу, так бабу... Ты мне поможешь, не?

– Иду, иду, чё разорался...

⁶⁵ Вертухай (тюр. жарг.) – охранник, надзиратель.

В свете лампы я, наконец, смог разглядеть помещение, в котором оказался: каменная коробка примерно четыре на четыре метра, единственным интерьером которой являлась металлическая кровать с лежаком из ржавой мелкоячеистой сетки, издававшей при каждом моём движении сильный скрежет. Рядом сидела женщина с деформированным длительным алкоголизмом лицом, возраст которой смог бы определить разве что патологоанатом. По телу пробежала дрожь отвращения: бардовую синтетическую куртку женщины покрывали засохшие пятна чего-то омерзительного, напоминающего рвоту, штаны поплёскивали маслянистыми пятнами, – одежда сидела на неизвестной, как мешок на швабре, и, судя по всему, была снята с чужого плеча. Не обращая внимания на человека в противогазе, собирающегося увести её, пропитая насквозь баба рассматривала раздувшиеся кисти рук.

– Где мой сын?.. – потрескавшиеся губы едва двигались, но, вопреки внешности, голос у женщины мягкий и приятный. – Куда он исчез?..

Вдоль стены на полу сидело ещё трое сокамерников, миглом умолкших при появлении человека в противогазе. Ближе всех к кровати находился короткостриженный молодой парень в кожаной куртке, надетой прямо поверх футболки, рядом с ним – мужчина в армейском бушлате с красной нарукавной повязкой «ГО». Третий – старик в ватнике и рабочей оранжевой жилетке. Морщась, дед поглаживал обрубок правой ноги, прихваченный брючным ремнём.

В свете лампы появился второй охранник, вооружённый массивным помповым дробовиком. Лицо так же скрывал противогаз, через плечо перекинут патронташ с ружейными патронами. Взяв оружие наизготовку, незнакомец кивнул своему товарищу, и тот, отперев дверь, зашёл в камеру:

– Слышь, мразь. На выход!

– Куда делся мой сын?.. – женщина словно не слышала приказа, продолжая рассматривать руки. – Кто забрал моего сына?

– Мать твою, перефигачить бы вас на месте, ублюдков. Возни больше, чем толку, – с этими словами охранник поставил

фонарь на пол и, подойдя к алкоголичке, с силой ударил её ногой в живот. Вскрикнув, женщина сложилась пополам и сползла с кровати на пол.

– Оставь её, – хрипло воскликнул старик, за что тут же был награждён пинком по обрубку ноги.

Дед взвыл, из открывшейся раны вновь пошла кровь.

– А ну заткнулись, выродки! Дома надо было тявкать, а здесь у вас права голоса нет! – злобно прогундосил охранник с ружьём. – Тащи эту шваль и пошли уже, я даже сквозь противогаз чую их вонь!

Первый охранник нагнулся, схватил лежащую на полу женщину за волосы и поволок её к выходу, но та не собиралась сдаваться без боя.

– Не-е-ет! Сволочи! Где мой сын, куда вы дели моего сына? Су-у-уки, твари позорные, отпустите меня-я-я!

Сопротивление длилось ровно до того момента, пока к товарищу не подоспел второй охранник, легонько приложивший алкоголичку прикладом по голове. Дверь с лязгом закрылась, щелкнул запираемый замок. «Вертухай» исчезли в коридоре, вместе с женщиной унеся и свет.

– Екздец дуре, – подвёл итог произошедшему молодой парень. – Радуйся, что не тебя уволокли, ёлочка зелёная⁶⁶.

– Это ты мне?.. – горло вновь скрутило спазматическим кашлем, от которого перед глазами заплясали разноцветные пятна.

– А кому ещё?

Не в силах больше оставаться в сидячем положении, я опрокинулся на кровать, тут же откликнувшейся мерзким скрежетом. Тело сотрясилось от крупной дрожи, горело, словно его щедро окатили бензином и подожгли. Мне не было никакого дела до этих людей, так же как и до места, в котором я очутился. Единственного чего хотелось – это закрыть глаза и постараться потерять сознание, а ещё лучше – умереть. Никаких мыслей,

⁶⁶ Ёлочка зелёная (тюр. жарг.) – бывший военнослужащий, отбывающий наказание.

лишь тяжёлое изматывающее чувство, что меня пропустили через мясорубку и неудачно собрали назад, перепутав местами половину деталей.

– Слышь, ёлочка, полежал на шконке – дай другим, – молодой голос приблизился и бесцеремонно скинул меня с кровати.

На противодействие не было ни сил, ни желания, так что мне ничего не оставалось, как отползти к стене. Холод каменного пола тут же забрался сквозь пропитанную потом одежду и нежно прошептал на ухо, что в ближайшее время я не пойду на поправку.

Где-то в темноте стонал одноногий старик, решивший на свою голову вступить за сокамерницу. Мужик с повязкой на рукаве не издавал никаких звуков и даже не двигался, словно его вовсе не было.

– Кто это такие? Где мы?

– Тебе видней, нам-то откуда знать, – ответил парень, прогнавший меня с кровати. – Когда нас привели – ты уже был здесь.

– Давно?

– Тебя как звать-то, ёлочка? – проигнорировав мой вопрос, спросил молодой.

– Иван, – говорить было тяжело.

– Я Карась, одноногого зовут Кеша, а этого в бушлате хрен знает, он не разговаривает почти, тоже спятил, как и баба та, – с лёгкой ленцой в голосе разглагольствовал парень.

Вёл он себя так надменно, словно окружающие люди были должны ему хотя бы за тот факт, что он обратил на них внимание, однако за напускной заносчивостью ощущалось острое желание поговорить с кем-нибудь. Видимо, до моего пробуждения другие жители камеры не отвечали Карасю симпатией.

– Слышь, Иван. А чё за цифры ты во сне бормотал? Чё-то там, четыреста двадцать один или двадцать два, не помню, – стараясь выглядеть не особо заинтересованным, спросил парень. – На координаты, мля, похоже.

– Не знаю, о чём ты говоришь.

– Ну, не знаешь, так не знаешь... Только готовься, что вертухаям тоже интересны эти твои циферки. Они и били

тебя, и ваткой под носом водили – даже не пёрнул. Нам так и сказали – слушайте и запоминайте всё, что он говорит, умрёт солдат, умрёте и вы.

– Вода есть?

– Нет, мля, воды. Нихрена нет. Была луковичина и таблетки, но баба с дедом тебе скормили.

События, произошедшие на высоте, вынырнули из болезненного бреда. Эвакуация, должна быть эвакуация... В полночь, Линь дал мне карту и... Я зашарил по карманам в поисках оставленного спецназовцем снаряжения, но ничего не нашёл. Чёрт... Даже зажигалку забрали...

– Вы из эвакуационных автобусов?

– Чего? – удивление в голосе Караса быстро сменилось лающим смехом. – Автобусов? Да ты, ёлочка, тоже двинулся умом. Каких ещё автобусов?

– Которые людей вывозили из города.

– Те, что ещё до первого удара были?

– Да.

– Ёпт, так это когда было! – кровать под парнем отчаянно заскрипела. – Уже дня четыре прошло с тех пор!

– Не знаешь ни хрена – п-п-п-помалкивай, сопляк, – подал голос молчавший до этого старик. В темноте послышалась какая-то возня и приглушённые стоны. – Три дня прошло с п-п-п-первого удара. Со второго – о-о-о-один.

Второй удар... Господи боже, Город опять расширился...

– Обстрел был?

– А х-х-х-хрен знает... Если и был, мы его н-н-н-не слышали, – ответил дед.

Я замолчал, погружённый в тяжёлые мысли. Надежды больше не оставалось. Про эвакуацию можно забыть, как, в общем-то, и о дальнейших попытках выбраться из зоны Катаклизма. Каждый раз, стоило мне хоть немного приблизиться к краю Города, как тот увеличивался в размерах, а теперь я лежу чуть живой в тёмной камере, за решёткой, карманы пусты, а ооченевшие ноги едва слушаются. Надежды больше нет.

– Так чё это за цифры, а? – никак не унимался молодой парень. – Там чё, вертушки будут ждать или как?

– Отвали! – взорвался я.

– Слышь, Вася, я ведь тебя по-человечески спрашиваю, чё дерзить начинаешь, а? Хочешь, чтобы я встал и спросил по-другому?

В коридоре вновь послышались шаги.

– Тихо, п-п-п-придурки! – зашипел на нас старик, но было уже поздно.

Опять появился охранник с дробовиком. Тот же или какой-то другой понять было невозможно, так как незнакомцы были одеты в практически одинаковую тёмную одежду с неизменными противогазами на лицах. Свет керосинового фонаря вновь выхватил из тьмы измождённых узников, больно впился в привыкшие к мраку глаза...

– Ну что, животные? Я смотрю, вы по-человечески не разговариваете, только на зверином своём, да? – человек трижды передёрнул цевьё, подобрал вылетевшие патроны и рассовал их по карманам патронташа, а вместо них зарядил какие-то другие. – Ваше счастье, что я немного знаю звериный...

С этими словами охранник вскинул ружьё и выстрелил куда-то в сторону кровати, на которой лежал Карась. От грохота моментально заложило уши, парень вскрикнул от боли и скатился на пол, вслед за этим по камере начало расползаться серое облачко. Неосторожно вдохнув его, я тут же зашёлся кашлем⁶⁷:

– Газ!

– Ну что, нравится, твари? Нехрен было приезжать в наш город!..

Грохнул новый выстрел, облако отравы стало плотнее. Из глаз безостановочно текли слёзы, словно в них сыпанули изрядную порцию перца. Зажмурившись, я прижал к лицу

⁶⁷ Охранник стреляет из КС-23 (карабин специальный, калибр 23 мм), помпового ружья, предназначенного для пресечения массовых беспорядков. Широкий ассортимент боеприпасов включает в себя как боевые (картечь и пули), так и нелетальные виды (резиновые пули, патроны с газами раздражающего действия). В данном случае речь ведётся об ОВ «Сирень».

шапку и кое-как пополз к решётке, подальше от расползающегося по камере газа...

—...нехрен было привозить с собой заразу! Ладно бы вы людьми были, так хрен там!..

Еще один выстрел, где-то неподалёку захрипел старик. Захрипел так страшно, что по коже побежали мурашки...

—...Сранные рыбы, отобрали у нас работу, на баб наших пялиться!..

Гошника слышно не было, Карась же надрывался за пятерых, вопя что-то неразборчиво-оскорбительное. Двигаясь вслепую, я всё же добрался до решётки и прижался к ней лицом со всё ещё прижатой к ней вязаной шапкой. Тут же получил сапогом в лоб от стоявшего с той стороны охранника. Жаль, что удар был несильным, иначе мучения моментально закончились бы...

— Ходите туда-сюда, ни хрена не делаете, как, мля, у себя дома!.. Да завали ты уже пасть, тварь! — сорвался на крик охранник и зарядил ружьё ещё одним патроном.

Передёрнув затвор, он вновь выстрелил, Карась заорал с удвоенной силой, но крик его быстро оборвался, перейдя в булькающие хрипы. Однако я уже мало что мог услышать из-за непрекращающегося писка в кровотокающих ушах.

— Животные, они и в городе животные, — охранник поднял с пола фонарь и ушёл, оставив нас наедине с газом.

Старик смолк, Карась тихонько поскуливал где-то в дальнем углу. Тело больше напоминало разлившийся по полу студень, но я каким-то чудом всё ещё находился в сознании, стараясь не открывать глаза и как можно меньше дышать витающим в воздухе газом. Продолжайся так ещё минут десять, и в камере навряд ли остался бы кто-то живой, но, к счастью, вскоре всё закончилось. Стоило стихнуть шагам, как под потолком что-то загудело, и ядовитое облако начало рассеиваться. Судя по всему, раньше времени убивать нас никто не собирался.

Прошло около получаса с того момента, как отравы полностью выветрилась.

Одноногий старик умер. Заметили мы это, только когда пришли охранники и, ухватив труп за лямки жилетки, уволокли безжизненное тело. Женщина не вернулась. Карась больше ни с кем не разговаривал. Кашляя и время от времени сплёвывая на пол, он скрежетал металлической рабицей, словно позабыв о нашем существовании. Гошник, напротив, выглядел так, словно ничего не произошло. Как и прежде, он неподвижно сидел на полу и ни на что не реагировал.

Для меня же время словно замедлилось, превратившись в липкий кисель. К прежним симптомам, словно их было недостаточно, прибавилось жжение в глазах и груди, веки то и дело норовили закрыться. В сознании отстранённо дрейфовала мысль, что если я усну, то больше не проснусь, но она меня ни капли не пугала, а, наоборот, успокаивала. Только я погружался в дрему, как будил сам себя кашлем, раздрающим горло и ротовую полость резкой болью. Чихая, я чувствовал на языке солоноватый вкус крови, но помочь ни себе, ни кому бы то ни было – не мог... За что я здесь? Кто эти люди, обрёкшие меня на смерть?

С трудом оторвавшись от лица польской журналистки, я перевёл взгляд на лейтенанта Козлова. Офицер указывал на радиста, неподвижно застывшего на грязном полу автобуса. Лежащий неподалёку короб радиостанции то и дело попадал под ноги журналистов, старательно пытающихся оказаться подалеже от пылевого вала.

Миновав непрерывно стреляющих товарищей, я стал пробираться к телу. Автобус нещадно мотало из стороны в сторону – водитель хотел жить не меньше своих пассажиров и выжимал из тяжёлого бронированного транспорта максимум скорости, умудряясь маневрировать между встречающимися на пути препятствиями в виде легковых машин и частей обвалившихся зданий.

Наконец, я добрался до тела военного и приложил пальцы к его шее. Пульс есть, наверное, упал и ударился головой, или его толкнули долбанные гражданские...

– Связь со Скалой! Живо, пока нас не накрыла своя же артиллерия! – срываясь на хрип, кричал мне переводчик с другого конца салона.

Тумблер питания включен, напряжение в норме, переключатели частоты уже выставлены в нужное положение... Так, только без паники... Зажимаю тангенту и кнопку настройки антенны:

– Скала, Скала, я Турист, как слышите меня, я Турист, приём!

Первое время в эфире царила гробовая тишина. Если радиостанция неисправна – мы все покойники.

– Скала, я Турист, приём!.. Связи нет, товарищ лейтенант!

– Пробуй снова!

– Скала, Скала, я Турист, приём!

Спустя несколько безрезультатных запросов, потонувших в бушующей неподалёку буре, сквозь тишину прорвались обрывки слов, сопровождаемые резкими вспышками оглушительного белого шума:

– Вас... ист... ла... ордина...

– Скала! Скала, я Турист!.. Есть связь!

– Передавай! Машина в населённом пункте, берёза!..

– Скала, Скала, я Турист! Машина в населённом пункте, берёза!..

– ...ри... соо... дле...

– Координаты – триста сорок два, четыреста двадцать один, по улитке пять!

– Наши координаты!..

Лица окружающих расплылись и потеряли чёткость. Воздух дрожал, словно от жары. Я попытался повторить координаты в трубку радиостанции, но не услышал собственного голоса. Повысил голос, попытался закричать, но результат оказался тот же – из горла не вырывалось ни единого звука...

– Подъём, рота!

Тело, повинаясь еще не успевшей позабыться привычке, попыталось вскочить на ноги, но те предательски подкосились, и я грохнулся на ледяной пол. Кто-то склонился надо мной, словно бы желая помочь, но зрение никак не желало фокусироваться, превратив человека в размытое тёмное пятно.

– Помогите мне, – то ли прошептал, то ли подумал я. – Помогите...

В ответ раздался ухающий смех и бессвязное бормотание, мигом напомнившие, что в окружающей меня действительности нет места милосердию. Одежду пропитал пот, заботливо прихваченным морозцем. Особенно сильно заledenели штаны в районе промежности, и если бы я мог вдохнуть носом, то наверняка вновь потерял бы сознание от вони. Тяжелый спёртый воздух, горький на вкус, входил в лёгкие с омерзительным свистом, а выходил – с хрипами и бульканьем. Мне хотелось сжаться калачиком и поменьше двигаться, хотелось вновь заснуть и больше не чувствовать нестерпимый жар, зарождающийся где-то в груди и, вместе с пульсом, пробегающий по всему телу. Хотелось, чтобы зрение окончательно отказало, и перед глазами больше не маячили эти уроды, безостановочно тормозящие безвольный кусок мяса, имя которому Иван Селезнёв.

В моменты, когда с рассудка спадала пелена, в мыслях возникала всего одна мысль: «Я умираю. Я, наконец-то, умираю», – но смерть не спешила приходить, и я вновь проваливался в колодезь беспамятства.

– Да очнись ты! Очнись, животное! – в лицо ударила холодная струя воды. Опять кто-то начал крутить подъёмный механизм, пытаюсь вытащить меня со дна.

Справа послышалось торопливое сёрбанье, я повернул голову на шум и увидел Караса, старательно вылизывающего пол. Глаза парня полыхали безумием и животной тягой к жизни. В поле зрения появился ботинок с высоким голенищем, и Карась отлетел в сторону:

– Свинья помойная! Ты следующий!

Кто-то ухватил меня за ворот и поволок во тьму, но спустя несколько шагов ткань расползлась по швам:

– Твою мать, как же вы меня достали, твари!

Подмышками скользнула верёвка, движение продолжилось. Позади шагал второй охранник, пинками и ударами приклада конвоирующий Карася. Выглядел парень паршиво – нижняя челюсть вся измазана запёкшейся кровью, сквозь порванную футболку виднелось огромное красное пятно, судя по всему, оставленное выстрелом из дробовика. Дерзость куда-то улетучилась.

– Только попробуй опять отрубиться, солдат – я тебе колено прострелю, – негромко приговаривал тащивший меня надзиратель.

Сколько прошло времени с момента смерти одноногого старика? Несколько часов? День? Неделя? Сломанные часы продолжали показывать одну и ту же цифру «22», но она мне ни о чём не говорила. Находимся ли мы в Городе или уже покинули его? Быть может, Катаклизм расползся по всему миру, а мы – в самом его центре? Или его уже победили?..

В памяти то и дело всплывало женское лицо, обрамлённое длинными светлыми волосами, но я никак не мог вспомнить кто это. Девушка приветливо улыбалась, и каждая её улыбка ослепляла меня, подобно вспышке фотоаппарата. Лицо приблизилось, я с удивлением обнаружил, что это никакая не девушка. Светлые волосы обернулись белой каской с санитарным крестом на лбу. Улыбка превратилась в сведённые от напряжения зубы. Взгляд военного то и дело косился мне за спину, но, когда я порывался обернуться, солдат хватал меня за голову и что-то беззвучно кричал.

– Очнись, да очнись же! – и вновь меня вырывают из забытья щедрой порцией воды. – Что это за координаты?

Координаты триста сорок два, четыреста двадцать два по улитке!..

– Не знаю... – с трудом шевеля губами ответил я, ни капли при этом не кривя душой.

Я действительно не понимал, что значат эти цифры, и почему они раз за разом вспыхивают у меня в памяти.

Удар в живот, я зашёлся в кровавом кашле, оставляющем мелкие капельки на черной одежде допрашивающего меня человека. Еще один удар, без особой надобности, просто от злости и бессилия, но я схватился за вспыхнувшую боль, как за спасительную соломинку, вновь начиная погружаться во тьму.

– Э-э-э-э, нет, дружище! На этот раз ты так просто не отделаешься!

Кто-то закрыл мне лицо куском мокрой тряпки и с силой вжал голову в стол. Сквозь темноту и засохшую в ушах кровь я слышал шум отвинчиваемой крышки, где-то сверху раздался скрежет пластика, и на лицо полилась тонкая струя воды. Я судорожно схватил ртом воздух, но вдохнул лишь брызги влаги. Закашлялся, дёрнул конечностями в попытке освободиться, но те крепко привязаны.

– Что это за цифры?! – рявкнул надо мной человек.

– *Подтвердите ваши координаты!*

– *Я Скала, я Скала! Машина в населённом пункте!..*

– Нет! Остановись! – вторил я звучащему в голове голосу.

– Скажи, что это за координаты, и всё закончится!..

Стол подо мною выбивал крупную дробь, я извивался, подобно сжатому пальцами червю. Мир сузился до размера мокрой тряпки и забирающейся в лёгкие воды.

На секунду все прекратилось, но только на секунду.

– Где это место? Что там?

– Я не знаю!..

– Говори, тварь! Говори!

– Я не...

И вновь вода пропитала тряпку, вновь я забился в конвульсиях...

Один вдох, хотя бы один вдох! Пожалуйста!

Словно услышав мои мольбы, пытка прекратилась.

– Отойдите, – старческий голос едва различим сквозь хрипы, вырывающиеся из моего горла.

Тьма расступилась свет фонаря ударил по глазам. Спазмы кашля никак не желали утихать, но подошедшая вплотную к столу старуха терпеливо ждала. На плечах её лежала пожелтевшая от времени шаль, а из-под цветастого платка выглядывало жуткое костлявое лицо, испещрённое многочисленными морщинами.

– Ты действительно не знаешь, что это, – словно отвечая на самой же заданный вопрос, произнесла она. – Как тебя зовут, пропащая душа?

Если бы я смог отдышаться, то обязательно ответил бы этой милой женщине, но воздух слишком вкусен, чтобы оторваться от него. Стоящий за спиной бабушки человек поднял дробовик, но старуха остановила его:

– Хватит. Он достаточно натерпелся в этом мире, пусть отдохнёт перед миром следующим. Ты не должен забывать о милосердии.

– Но это же... – с обидой в голосе попытался возразить охранник, но женщина перебила его.

– Все мы создания Его, будь то овца или волк. Усмири свой гнев, не уподобляйся врагам своим.

– Хорошо, Роза Андреевна, – голова верзилы смиренно наклонилась, а дробовик опустился, так и не нанеся удара.

– Так-то лучше... Раз ты не знаешь, что за координаты сам же и бормочешь во сне, то расскажи нам хоть что-нибудь.

Какое-то время я смотрел в её помутневшие, не выражающие никаких эмоций глаза, не понимая, что от меня требуется. Память начала судорожно перебирать папки с информацией, пытаюсь понять, что следует говорить этим эскулапам, а что – нет, но вскоре я понял, что в осмотрительности нет никакого смысла. Я не выйду отсюда живым, так зачем обрекать себя на новые истязания...

– Эвакуация... должна была быть... эвакуация, – каждое слово давалось с большим трудом, но я продолжал, то и дело

прерываясь на кашель. – Мы должны были спасти людей из автобусов и... проводить их к указанному месту...

– Должа была быть? – в голосе старухи слышалось удивление, но на её выражении лица это никак не сказалось.

– Да... Я шёл к автобусам... теперь уже поздно... они давно уехали... Они должны были разбомбить всё...

Бабушка пожевала губами и задумалась. Стоящий позади неё охранник терпеливо ждал, время от времени поправляя противогазную маску.

– Каких людей, говоришь, вы должны были спасти?

– Из эвакуационных автобусов... тех, что застряли, так и не выехав...

Охранник издал приглушённый смешок, но тут же замолк, настороженно посмотрев на свою престарелую начальницу, но та не обратила на него никакого внимания.

– Некого, молодой человек, спасти-то... Мы и есть те люди, – тонкие губы слегка изогнулись в подобии улыбки. – А, кроме нас, и не осталось никого. Все к творцу отправились, упокой их души.

– Так это... это вы...

Мысль о том, что я со спецназовцами шёл спасать этих вот зверей, гуляла из стороны в сторону, словно маятник. Ради них? Ради сволочей, которые травили меня газом, били и пытали, даже не объяснив толком – за что?..

Маятник вновь качнулся. Один раз, другой, и вдруг на его пути попала натянутая неведомым шутником струна. Проволока издала пронзительный скрип, вызвавший во всём моём теле неконтролируемую дрожь, после чего я взорвался смехом. Я хохотал, словно безумец, кровавая слюна попала на светло-зелёный намордник охранника и цветастый платок старухи. Бабка сморщилась, собираясь преподать мне суровый урок этикета, но я никак не мог уговориться.

– Мы... вас... – сквозь выступившие на глазах слёзы, пытался сказать я, но маятник вновь задевал струну, и моё тело сотрясала следующая порция безумного хохота.

– Довольно! – выкрикнула старуха, но я, при всём желании, не мог остановиться. – Все вы одинаковые, сволочи! Нахалы и грубияны! Натерпелась я от вас, сколько молила о воздаянии, и вот оно, наконец, пришло! Кончилось...

Каждое слово этой маразматичной бестии лишь усиливало истерику, что выводило её из себя еще больше. Сморщенное лицо покрыли крупные красные пятна:

– Кончилось ваше время, всё получили, что полагалось! Доса, доса вам сосать кровь нашу! Развалили страну, засрали всё, закоптили! Каждый из вас только и хочет, чтобы обобрать меня, ваши... ваши эти банки, карточки, всё это отправилось в ад!

Голос старухи сошёл на мерзкое верещание:

– горите вы все в аду, безбожники! Тащи его к остальным, тащи, Станислав! Нечего ему делать среди честных и порядочных, пусть отправляется к подобным ему!

Охранник подскочил к столу и сноровисто развязал верёвки. Он потащил меня к двери, возле которой уже стоял его товарищ, вооружённый древнего вида ранцевым огнём.

Это их мы шли спасать?! Их?!

– Мы... вы... вас!..

– Допрыгался, сука, – сквозь зубы процедил Стас. – Нечего было приезжать к нам, нечего...

Меня бросили на пол, огнёмчик встал напротив двери, а его сотоварищ, всё еще злобно бормоча, снял с двери два засова и отпёр замок. Охранники переглянулись и едва заметно кивнули друг другу. Скрипнули петли, и меня швырнули внутрь, тут же заперев дверь.

– Жил как животное, и умрёшь – как животное! – донеслось издалека, но ответить я был не в состоянии, всё еще продолжая хохотать.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ВЕДОМЫЙ

етер. Безумец с сотней личностей и тысячей лиц. Целая семья, уместяющаяся в невесомом потоке воздуха: любопытный сын, строптивая дочь, сердитый отец, ласковая мать и порывистая любовница. Экспрессивный художник, в ярости сминающий незаконченную композицию из палой листвы и мелкого мусора. Плохо отрепетировавшая музыкальная группа, невпопад бьющая в барабаны оконных стёкол и бормочущая нелепый мотив в заводских трубах. У ветра множество ипостасей, но все они говорят одно и то же: «Скоро зима, скоро зима, скоро зима...»

Потоки холодного воздуха то нежно гладят по волосам, а то норовят столкнуть с крыши, на краю которой я сижу. Щурюсь в ярких лучах полуденного солнца и беспечно качаю ногами над простирающейся внизу городской пропастью. Меня ничего не беспокоит, и никто не тревожит. Голова свободна от планов на будущее, размышлений о настоящем и воспоминаний о прошлом. Я растворяюсь в панораме мегаполиса, растекаюсь по его дорогам, заглядываю в каждое окно, в каждую дверь, в каждый подвал. Заглядываю в самого себя, ибо я и есть Город.

С моего лица аккуратно сбриты все люди и животные, а саднящие щеки слегка пахнут одеколоном испортившихся продуктов и вышедшей из строя канализацией. Аллергия в виде ярких автомобильных фар давным-давно сошла на нет, так же, как и зуд от протектора шин. Улыбка, более не испачканная

дымом и гарью, чертит синеву моего неба белоснежным перистым облаком. Ощущение покоя и одиночества затапливают пыльные подъезды, я кричу от переполняющей радости вместе с вторящим мне ветром. Бегу с ним по проезжей части и никак не могу надышаться чистым, словно совесть новорождённого ребёнка, воздухом. Эйфория накрывает сознание, руки оттапливаются от края крыши, отправляя тело в бесконечное падение вниз, сквозь асфальтовое покрытие и переплетения труб.

Я – мир в мире! Государство внутри государства! Самая чистая градация белого, и самая густая – чёрного! Я умножаю себя на миллион, рассыпаюсь на осколки, а потом рождаюсь вновь, совершенно другим, но абсолютно тем же!

Но проходит миг, и бесконечность испуганно растворяется в солнечных лучах, на кончиках которых я замечаю медленно приближающиеся вертолёты. Каждый оснащён четырьмя людьми, пулёмётной установкой, комплектом боеприпасов и средствами радиохимической разведки. Камуфляж на скорую руку покрашен оранжевой краской, делая боевую машину ещё более уродливой на фоне прекрасного неба.

Шум вращающихся лопастей и настороженные взгляды пилотов раздражают меня, заставляют затаиться, прижаться к земле, но и там я не нахожу покоя. По проезжей части издевательски медленно ползёт смердящая выхлопными газами автомобильная колонна. Тяжёлый бульдозер давит мне на грудь гусеницами, фотоаппараты прожигают чувствительное зрение, назойливо бормочут в шлемофоны члены экипажа бронетранспортёра, но я терплю бестактное вторжение в свои владения, я притворяюсь мёртвым, подпуская чужаков поближе. Люди даже не подозревают, что ловушка за их спинами уже захлопнулась, они продолжают переговариваться и тыкать в меня пальцами.

Наступает момент истины, я распрямляю плечи и одним движением срываю занавес. Ярость, кипящая в моих водосточках, более ничем не сдерживается. Она пробегает крупной дрожью по гладким бёдрам многоэтажных домов и устремляется

к добыче. Желание уничтожить, не омрачённое рассуждениями о добре и зле, начинает своё победоносное шествие. Хватит нежиться на солнце, хватит рассматривать в зеркале реки своё отражение, пора показать этим глупым людям, что такое ГОРОД!

Я качусь вперёд, растворяясь в собственном безумии, проглатывая радиосигналы, перерабатывая стекло и кирпичи, создавая с нуля новое тело, на этот раз, не испачканное отпечатками пальцев своих создателей. Люди замечают опасность, разворачивают в сторону моей разинутой пасти орудия, кричат что-то в рации. Вертолёты недальновидно зависают на месте, каждая ядовитая пуля, каждая дымная ракета, выпущенная ими, причиняет невыносимые страдания, но это ещё больше раззадоривает зверя. Пара быстрых ударов, и некогда грозные боевые машины растворяются в хаосе новой жизни. Автоколонна боится, автоколонна пытается сбегать, автоколонна смешит меня, и я, не сдерживая более полыхающие внутри эмоции, оглушительно хохочу. Жаль, что люди не слышат моего смеха, жаль, что они умрут под собственные крики ужаса.

Словно неторопливый гурман, дегустирующий новое блюдо, я медленно разжёвываю бульдозер, оставший от своих товарищей. Довольно калорийно, от такого количества масла вполне может появиться изжога. Грузовик с палящими из кузова солдатами выглядит куда выгодней. Наверняка в нём много витаминов, столь необходимых для моего нового тела. Резина противогозов лишь добавляет пикантности тающему на языке мясу, однако насладиться им в полной мере мне не даёт бронетранспортёр с похабно огромной пушкой. Тяжёлые свинцовые плевки прошивают хрупкую неокрепшую нервную систему, боль пронзает каждую песчинку бурлящего вала, но этого мало. БТР отправляется следом за грузовиком и смешивается с переверенными зданиями.

Оставшийся на десерт автобус, под завязку набитый сочным человеческим мясом, подпрыгивает на неровностях дороги.

Заднее стекло откидывается, пулемётная башенка приходит в движение. Горячий, словно кипящая смола, свинец щедро растекается по моему лицу, но азарт погони компенсирует все страдания. Тело корёжит от трансформаций, сознание бурлит новыми возможностями, о которых я раньше и не подозревал. Ощущение всесильности пьянит, ещё немного строительного материала, и я смогу накрыть своей тушей всю планету... Да что там планету, всю вселенную!..

Однако судьба вносит в становление нового властелина мира свои поправки. Небо, старый добрый друг, подло предаёт меня. Издевательски свистя, оно накрывает меня толстым слоем обжигающих взрывов. Под градом рвущихся снарядов моё победоносное шествие начинает замедляться, а не успевшее завершиться перерождение расплзается по швам. Рвутся мембраны, разлетаются чёрным пеплом сгоревшие внутренности, я с сожалением понимаю, что проигрываю схватку. Резкое превращение из охотника в добычу, что может быть хуже для мотивации к дальнейшему сопротивлению?

Всё кончено, бунт подавлен, однако остановиться не даёт соблазнительно вихляющий задом автобус. Я собираю последние силы в один точный бросок...

Ещё не все потеряно, ещё есть шанс...

Я чувствую страх, излучаемый автомобилем. Его пряный запах сочится из сочленений броневых листов, пробивается сквозь заклёпки и волнами расходится по окрестностям, оставляя позади себя длинный чётко угадываемый шлейф.

Судьба улыбается мне, судьба благосклонна. Судьба направляет руку водителя, и тот допускает ошибку. Транспорт переворачивается, не войдя в очередной поворот, и катится вниз по улице. Летящие в мою сторону вспышки трассиров угасают, а волны страха идут на убыль, но я всё ещё ощущаю его манящий запах... Несколько человек всё ещё в сознании, и один из них прямо сейчас находится на Грани...

Взрывы преумножаются, сознание медленно покидает меня... Более удачного случая может и не представиться... Я

устремляюсь вперед – не к разрушению, а к спасению. К захлёбывающемуся ужасом человеку, вглубь его памяти, сквозь плоть и кости... Я должен выбраться отсюда, должен...

Когда дверь за спиной захлопнулась – все окружающие звуки смолкли. Я словно оказался в безвоздушном вакууме. Быть может, меня бросили в очередную клетку, где я умру от обезвоживания или прогрессирующей болезни, либо охранники решили скормить меня тьме, затопившей комнату по самый потолок. Языческое жертвоприношение, наследие тёмного прошлого человеческой расы, дремлющее в каждом из нас в формате памяти поколений. Вера в потустороннее, подсознательный страх перед чернотой ночи и безумная жажда выжить, даже если окружающим придётся заплатить слишком высокую цену. Я внутри, во мгле... Это ваша цена за спокойный сон.

Здравствуй, темнота. Здравствуй, мой старый друг.

Это снова я.

Истерика прошла так же резко, как и началась. Я уже не смеялся, боясь оскорбить тех, кто смотрит на меня из глубины комнаты.

Покажите себя, я не боюсь. Я готов, как никогда.

Тело практически не слушалось, я напоминал мешок с крупной, невесть каким шутником наделённый сознанием. Борясь с карабкающейся по позвоночнику дурнотой, мне удалось проползти пару метров в направлении центра помещения. Круг полумрака сузился, двигаясь в унисон тяжелому дыханию, вместе с паром рвущемуся из ноющей груди. Я попытался продвигнуться вперед еще немного, но руки подогнулись, и я упал лицом на кафельный холод пола. Должно быть, это уборная, а быть может – кухня. Однако вокруг нет ни намёка на интерьер.

Я попытался подняться на ноги, но результат тот же. Попробовал еще раз, и вновь упал вниз, на растерзание стелящейся по полу мгле. В итоге, мне ничего не оставалось, как смириться и, перевернувшись на спину, ожидать конца. Сил больше не осталось, так же, как и решительности. Их похоронила под собой неподъёмная плита усталости.

Шум в голове и тошнота немного отступили, но я не двигался. Я лежал лицом вверх и пытался понять, открыты мои глаза или закрыты. С какой стороны находится дверь? И откуда это ощущение, что я лежу задом наперёд? Жив ли кто-нибудь из моих недавних сокамерников? Они тоже побывали здесь или скончались на пыточных столах? Реален ли лёгкий сквозняк, огибающий моё тело, или он мне кажется? Интересно, все люди перед смертью задаются такими глупыми вопросами, или только я?

Ощущение, что я не один в помещении, усилилось. В воздухе продолжала висеть звенящая тишина. Тьма, как и прежде, непроглядна, но некое чувство подсказывало мне о чём-то приближении. Некто или нечто выползло из углов и осторожно двигалось ко мне. Страха не было, лишь безразличие, спаянное с лёгким любопытством.

Что-то коснулось моих пальцев, кажется, чья-то рука. Она нежно перевернула кисть ладонью вверх и, словно гадалка, на ощупь изучала линию судьбы. Кто-то дотронулся до плеча и волос, и я понял, что существа окружили меня со всех сторон. Когда-то давно, целую вечность назад, я бы закричал, стал отбиваться, но не сейчас. Сейчас я был благодарен теплу, излучаемому местными обитателями.

Где-то далеко-далеко, кажется, в другом измерении, раздался взрыв. До слуха долетели крики боли, которые быстро перешли в рёв пламени. В какой-то момент мне даже почудился слабый запах дыма, но это могло быть лишь игрой воображения. Возможно, вся моя жизнь была ничем иным, как сном? Сюрреалистической фантазией, глубокого смысла которой я так и не уловил?

Существа придвинулись ближе, жар их бешено колотящихся сердец усилился. Я чувствовал, что кто-то нависает прямо надо мной, лицом к лицу, но не мог рассмотреть даже очертаний незнакомца. Однако тяжёлый взгляд... я уже ощущал его прежде, в другой жизни...

Я встречаюсь взглядом с лейтенантом и моментально успокаиваюсь. Губы офицера двигаются, говоря что-то, но

разобрать слова невозможно. В общем-то, этого и не требуется. Всё, что мне надо знать ясно и так: «Всё хорошо. Скоро всё кончится»...

– Пусть всё будет не напрасно!..

Существа накрывают меня телами, свивая своеобразный кокон вокруг умирающего человека. От окружившего меня жара начинает течь нос, и в какой-то момент я даже различаю окружающие запахи: лёгкий аромат корицы, щекочущий ноздри дым и тяжёлый сырой дух старости. Сознание плывёт, норовя соскользнуть в беспамятство, но в последний момент, когда я уже целиком оказался погребён под телами, раздался ещё один взрыв. Сорванная с петель дверь вместе с деревянными осколками косяка и обломками засовов влетела в комнату, а следом за ней вошла обратная тяга. Воздух выгорел в считанные секунды, а облепившие меня тела вспыхнули, словно промасленные тряпки факелов.

Я привычно провалился сквозь пол и соскользнул куда-то вниз...

Вокруг бушевал огонь. Расплавленный пластик капал на руки и растекался ожогами по коже, слабо тлели волосы, норовя вот-вот заняться пламенем. Одежда рассыпалась в труху, оставляя позади след из пепла и искорок, медленно кружащих в воздухе.

Я никак не мог открыть глаза и посмотреть на существо, несущее меня сквозь пламя. Был ли это человек? Монстр? Человекоподобный монстр или человек, подобный монстру? Куда он шёл и зачем нёс меня с собой?

Мне хотелось сгореть. Боль была неприятным условием спокойствия, следующим за смертью. Я чувствовал её близость, но не мог дотянуться – не давала эта тварь, словно заботливая мать, прижимающая меня к груди. Я попробовал было вырваться, но ничего не произошло. Тело не слушалось сигналов...

Рёв пламени достиг критической точки, а затем стал отдаляться. Дыхание пожара сменилось холодом зимнего ветра, а треск сгорающих досок – скрипом снега. Существо и не думало отпускать меня. Более того, в какой-то момент я осознал, как

наши тела начинали соединяться, если говорить точнее, его плоть принялась поглощать мою. Я забился с удвоенной силой, охваченный ужасом, лишь усиливающимся по мере осознания собственного бессилия. Но, сколько я ни метался, всё это не выходило за пределы черепной коробки. Измученное, отравленное болезнями и обгоревшее в пламени тело предало меня, найдя другого, более аккуратного хозяина.

Меня продолжало засасывать внутрь: кровеносные системы накладывались одна на другую, суставы дробились, вставая на уготованные им места, а внутренние органы перемешивались в мелко порубленный салат, – и вот, наступил момент, когда уже Я пробирался через сугробы, а не безымянная тварь, вынесшая безвольное тело из пожара. Процесс более не зависел от моих желаний, не было никаких ощущений, и единственное, что мне оставалось – это взирать на происходящее через телевизионный экран зрения. Чувство чужого присутствия стало невероятным, неподдающимся описанию – клубящийся комок тьмы занял всё сознание, оттеснив меня куда-то на периферию. Я ощущал его мощь, ощущал его всесильность, и вскоре прекратил все попытки к сопротивлению, став узником своего же тела.

Я пытался начать диалог с соседом по черепной коробке, мысленно кричал, оскорблял, молил его, но не получил не то что ответа, а даже намёка на то, что меня услышали. В конце концов, опустил руки и полностью отдался созерцанию ровного снежного покрывала, мёртвых многоэтажек и торчащих тут и там верхушек фонарных столбов. Безоблачное голубое небо щедро поливало город холодными лучами, отражаясь от наста ослепительным сиянием. Наверняка, воздух пропитан обжигающей морозной свежестью. Отличная погода для лыжных прогулок или неторопливой беседы за чашкой кофе где-нибудь на скамейке в парке...

Спустя час или два слева показался торчащий из снега автобус, неведомым образом умудрившийся встать на дыбы, и поэтому не похороненный в толще сугробов. Возле распахнутой двери виднелось с десятков холмиков, в которых без

труда угадывались засыпанные тела. Эвакуировали, эвакуировали, да не эвакуировали... Страшно представить, какие эмоции испытывали пассажиры, которые никак не могли выехать из расширяющегося города. Достигнуть финишной черты и наблюдать, как она вновь отдаляется от тебя – хуже наказания не придумаешь...

Пару раз я пытался забыться сном, но и это уже не было в моей власти. Всё больше я отдавался власти воспоминаний, перебирая в сознании то небольшое, что не было подёрнуто туманом. Я представлял родителей, но никак не мог вспомнить их лица, то и дело возвращаясь к одной и той же фразе отца: «Не уходи далеко, здесь может быть опасно», – ты оказался как никогда прав, пап. Здесь действительно нет места слабакам. Мои боевые товарищи... Штыков, Иванов, Артёмов... Они справились бы намного лучше. Перед глазами предстал образ сержанта, стоящего над мёртвым телом бабочки-переростка: «Добей эту хреновину...» Палец ложится на спусковой крючок, но я медлю, заворожённый взглядом огромных фасеточных глаз насекомого. Сержант отворачивается, не замечая этого, а через секунду Пинчук с криком падает на землю. Из груди его торчит тонкий хоботок, с лёгкостью пробивший бронезилет... Я выхожу из оцепенения и жму на спуск, но никакого автомата нет, как нет и Пинчука. Нет и Штыкова. Штыков остался там, в аду Города... вместе с остальными пассажирами экскурсионного автобуса...

Ветер развевает красные ленточки, привязанные к торчащим из сугробов рукам. Множество рук, целое поле, все в мольбе о помощи тянутся к солнцу, но достаиваются лишь ярких кусочков флуоресцентной ткани... Мы идём дальше, мимо похороненных под снегом покойников...

Я лежу на песке своей жизни, омываемый приловом, и давным-давно затянувшиеся раны прошлого вновь начинают кровоточить. Вновь умирает Степанченко, застреленный финскими военными из-за того, что я был недостаточно меток. Опять я ощущаю на себе удивлённый взгляд ефрейтора Остапенко, погибшего незадолго до дембеля...

Здания вокруг рушатся и вырастают вновь, видоизменяются, из продуманных проектов превращаясь в аляповатые нагромождения бетона и арматуры. Мы идём на границе Города, каждым своим шагом заставляя его увеличиваться. Мы идём вперёд, расширяя пространство вокруг себя Катаклизм...

Мы и есть Катаклизм...

Вновь исчезают в вихревом потоке вертолёты вместе с высококлассными боевыми офицерами, пилотирующими их. Вновь погибает польская журналистка, случайно убитая трусоватым Протасовым...

Снег покрывается трещинами и проваливается куда-то во тьму, словно под ним нет ничего, кроме бесконечной пустоты космоса, из которой с рёвом выныривают серые столбы зданий. Страшно представить, сколько этажей в этих колоссах, и на какую глубину они уходят в земную твердь... Мир уменьшается до размеров маленькой, но смертельно опасной опухоли, и мне вдвойне странно осознавать, что эта опухоль – я. Возможно, именно меня и искали финны? Жаль, что у них так ничего и не вышло...

Я с ужасом смотрю на неподвижные тела пассажиров экскурсионного автобуса, перевернутого вверх колёсами. В моей руке сжата трубка радиостанции, и я раз за разом называю неправильные координаты для нанесения артиллерийского удара. Фактически, я называю свои координаты, сам того не желая, вызывая огонь на себя. Не вставая с залитого кровью пола, смотрю на полуживого Козлова. Страх на его лице сменяется спокойствием. Он принимает судьбу такой, какой она ему досталась. Он не осуждает меня за ошибку, ведь в рёве подступающей бури кто угодно мог дать слабину... Чёрт... Четыреста двадцать один, четыреста двадцать один... А не двадцать два...

Впереди виднеется нагромождение бетонных блоков и колючей проволоки. Заметив приближение неизвестной фигуры, солдаты занимают позиции и вскидывают автоматы. Засыпанный снегом танк разворачивает к нам башню. В стороне стоит офицер и кричит что-то в громкоговоритель. Он испуган, как и все вверенные ему в подчинение солдаты, оно и не мудрено – возможно ли остановить разрастающийся Город? Лишённые связи, с крохами боеприпасов они всё это время оставались на

указанных позициях, стойко и бдительно удерживая рубеж, но сейчас их мужество дало трещину...

Взрывы приближаются, я слышу свист падающих на автобус снарядов и, сжав зубы, ожидаю смерти, но она не спешит, рассчитывая немного помучить жертву...

– Стреляйте! – командует офицер.

Автоматные стволы расцветают огненными вспышками, ухаёт главный калибр танка, подтверждая свою точку зрения стуком спаренного пулемёта, но свинец, не долетая на нас, оборачивается раскалёнными брызгами и с шипением расплёскивается по снежному насту. Шаг нашего тела не замедляется ни на секунду. Рука вскидывается и делает едва уловимое движение, от которого танк моментально замолкает. Люк распахивается и наружу выползает единственный выживший член экипажа, остальные же, превращённые в кровавый фарш, навсегда остаются внутри боевой машины. Солдат вырывает из кобуры пистолет и занимает позицию рядом с пехотой, даже не задумываясь над бессмысленностью сопротивления...

Раздаётся взрыв, первое время мне чудится, что я уже умер, но это не более чем заблуждение. За короткое мгновение до того, как один из снарядов падает на перевернутый оранжевый автобус, я ощущаю, как нечто чужеродное вторгается в моё тело и мощным ударом выкидывает в разбитое окно. Я лежу на горячем асфальте и смотрю, как термит насквозь прожигает тела моих товарищей, оставшихся внутри.

Я не могу пошевелиться...

Они всё кричат, кричат и кричат, пожираемые пламенем, кажется, это длится целую вечность. Вечности достаточно, чтобы заглянуть в глаза своих демонов и потеряться в их чёрных зрачках... Вечности достаточно, чтобы запомнить всё до мельчайших подробностей...

Песчаная буря отступает, опадая на проезжую часть толстым слоем перемолотого в труху городского ландшафта, смешанного с железом боевых машин и мясом солдат...

Ещё один взмах рукой и часть баррикады растекается расплавленной лужей. Огонь охватывает оказавшихся слишком близко людей, и те, крича, падают, не понимая, что снег под ними тоже охвачен пламенем. Их товарищи хватаются за плащ-палатки и пытаются сбить огонь, но ткань тоже занимается всепожирающей стихией...

Вновь растворяются в ночи Линь и Грач, а вместе с ними исчезают и мои сокамерники, убитые спятившими от страха гражданскими. Теми, кого я когда-то мог назвать земляками, но теперь мой дом – совсем иное место...

Высоко над покорёженными домами слышен стрёкот приближающегося вертолёта. Воздушные потоки бьют в землю совсем рядом, но я никак не могу оторвать глаз от разорванного пополам автобуса и неподвижно застывших внутри него обгоревших кусков плоти, что еще недавно были людьми. Торопливый топот и бряканье снаряжения, надо мной нависает человек в санитарной каске...

Пули не причиняют нам никакого дискомфорта, баррикада с остатками защитников приближается, рука поднимается для финального взмаха дирижёрской палочкой...

– Не смотри! Не смотри туда!.. – медик насильно отворачивает моё лицо от остатков транспорта. – Смотри на меня! Всё будет хорошо, мы вытащим тебя отсюда!..

– Не-е-е-ет! Оставьте меня! Уйдите!

Слёзы холодными дорожками стекают по щекам. Это я убил их всех, я убил их...

Санитар отвечает мне звонкую пощёчину, втолковывает что-то, но я не понимаю ни слова...

– Не-е-е-ет! – повторяю я и с удивлением понимаю, что слышу свой крик.

Поднятая рука замирает, по телу пробегает крупная дрожь. Впервые за время немой прогулки тварь внутри приходит в замешательство. Я же, воспользовавшись моментом, удваиваю усилия, активирую все жизненные резервы организма и кричу:

– Убейте меня!

Тварь не собирается сдаваться. Я чувствую, как рука медленно преодолевает сопротивление и вот-вот закончит начатое...

Щемящая тоска одиночества отступает, кто-то появляется прямо за спиной, кто-то родной и знакомый. Я вижу руки с обгоревшими обшлагами рукавов, что ложатся поверх лапы чудовища и осторожно надавливают на неё...

– ...это Стрекоза, у нас трёхсотый, больше выживших не обнаружено, летим на базу...

– ...тебе не в чем себя винить, автобус перевернулся. В любом случае...

– Смирно! За проявленные заслуги рядовой Селезнёв...

– Машина в населённом пункте, берёза...

– Все хорошо, скоро ты будешь дома...

– Н-е-е-ет! – от моего крика в зданиях звенят окна, а лёд покрывается трещинами.

Журналисты, военные, офицеры, патрульные, спецназовцы и многие-многие другие, – все они стоят рядом. Их руки лежат на моей, и я чувствую, как та, не выдержав напора, опускается. Чудовище внутри ревёт под давящим грузом вины, с которым я жил всё это время. Оно бессильно перед ним.

– Мы простили тебя... Теперь ты прости себя, солдат...

– Я бы хотел, да не могу...

– Убейте меня... – едва шевеля непослушными губами произношу я, и просьба эта оказывается услышанной.

По округе разлетается эхо выстрела, руки некогда погибших товарищей рассыпаются снежным крошевом, которое тут же подхватывает ледяной ветер. Я падаю навзничь, и бесконечно долго лечу вниз, а в это время вокруг с грохотом рушатся здания, улицы сжимают кольцо, возвращаясь к исходному состоянию.

– Готов! – слышу я чей-то крик, не понимая толком, о ком идёт речь.

Глубокий вдох, ещё один... Перед глазами встаёт залитый солнцем город. Не тот, в котором я родился – Другой. Тот, в котором я навсегда оставил свою душу. Тот, из которого я так и не смог вырваться...

– Я дома, – с улыбкой шепчу я и закрываю глаза.

Я дома...

СПУСТЯ 13 ЧАСОВ ПОСЛЕ СОБЫТИЯ 22-РФ/3-МО

Задача: экстренная эвакуация экспедиционных подразделений из карантинных зон МО-ПЗ, МО-АП и МО-М.

Особые предписания:

в конфликты с гражданами РФ не вступать;
категорически запрещено проводить эвакуацию граждан РФ;
игнорировать любые призывы о помощи со стороны граждан РФ;
игнорировать любые провокации со стороны граждан РФ;
игнорировать и всячески избегать любые возможные проявления Катаклизма;
прибыть в точку эвакуации не позднее 21:00 сего дня;
в случае пропуска окна эвакуации обустроить огневую точку вблизи от границы и вести оборону до прихода подкрепления;
категорически запрещается самостоятельно пытаться пересечь границу;
категорически запрещается выходить на контакт с гражданами РФ.

Ёрт, ну и холод, – говорит Калеви, ёжась от резких порывов ветра. – Как думаешь, нас быстро вывезут?

В голосе парня слышится раздражение, и на то есть веские причины. Никому не хотелось рисковать задницей, рыская по эпицентру заражённой местности. Не было дураков, не было героев, были лишь приказы и только приказы. Настолько туманные, насколько это вообще возможно, но, слава богу, всё закончилось.

– Надеюсь, что да, – отвечаю я. – Долбанные русские.

Калеви кивнул. Никто не доводил до личного состава количество потерь, но и последнему идиоту ясно: переходить границу будет раза в три меньше солдат, чем заходило.

Сплюнув, мой товарищ поудобней перехватил лыжную палку, мы продолжили движение сквозь город. До точки сбора оставалось меньше пары кварталов.

Сколько прошло времени? День? Два? Спросить бы у Калеви, да он нифига не услышит за воем ветра. Поменьше шума, побережь дыхание, быть настороже. Лучше не привлекать к себе лишнего внимания. Город успокоился, но осатаневшие русские

никуда не исчезли. Пускай официально мы здесь и со спасательной миссией, с них станется пальнуть в спину из охотничьего ружья или швырнуть коктейль Молотова.

– Как думаешь, мы нашли... этот... – Калеви остановился так резко, что я едва не наехал на него. – Генератор?

Хотелось обложить сослуживца руганью, приказать заткнуться, но я сдержался. Мы все сейчас на пределе, надо быть помягче:

– Если и нашли, то ни я, ни ты не узнаем этого.

Парень нервно кивнул, но продолжил оставаться на месте, словно прислушиваясь к чему-то вдалеке.

– Что ещё? – спросил я, потихоньку вскипая.

Калеви не ответил. Взгляд его блуждал среди многоэтажек, едва различимых в бушующем мареве бурана. Я хотел было приказать ему продолжить движение, когда парень выпустил из рук лыжные палки и вскинул оружие. Тренировки дали о себе знать, висящий всё это время на груди автомат подпрыгнул, словно живой, и упёрся прикладом в плечо. Щелчок предохранителя отчётливо сигнализировал о готовности открыть огонь:

– Что там?

– Какой-то звук...

Слух ожесточённо впился в завывания ветра, силясь вычленишь из него посторонние звуки. Мать твою... ничего не слышу...

– Какое-то животное, на час. Дистанция... метров пятьдесят...

Я киваю, безоговорочно доверяясь инстинктам товарища:

– Прикрой.

Щёлкают крепления лыжных ботинок. Проваливаясь по колёно в сугробах, обхожу предполагаемый источник звука по широкой дуге. Калеви – слева и позади. Неотрывно изучает бурлящую снежную завесу через прицел своего Rk-62.

Спустя минуту я и сам улавливаю нечто вроде рычания. Похоже на собаку, но расслабляться – непозволительная роскошь. Спросите об этом пропавших без вести солдат, чьи матери и жёны будут хоронить пустые гробы.

Сквозь метель проступает силуэт, я приседаю на колено, показывая двигающемуся позади товарищу раскрытую ладонь: «Стоп!». Рука изгибается ладонью вверх, кисть на уровне пояса, пальцы изображают лапу: «Собака!». Короткое движение над каской: «Прикрой!»

Ветер дует на меня, так что пёс не сможет учуять посторонний запах. Отлично. Голова животного то и дело наклоняется к чему-то на земле, но рассмотреть, что оно делает, невозможно...

Еще пара метров...

Похоже на немецкую овчарку...

Несколько шагов...

Овчарка. Что-то ест...

Секунда убегает за секундой...

Белая мгла окончательно расступается, и я замечаю, что морда пса испачкана в чём-то красном. На земле лежит труп девушки, бардовые волосы то и дело вздымаются от ветра...

Внутри меня всё замирает, палец намертво пристаёт к спусковому крючку.

Собака замечает постороннего, верхняя губа приподнимается, демонстрируя мощные клыки, чересчур длинные для этой породы. Человеческие глаза, пронзительно голубые от мороза, смотрят, не отрываясь, на ствол моей винтовки. Я понимаю, что было ошибкой подходить к этому существу так близко...

Палец выжимает холостой ход спуска, по спине стекают ручейки пота...

– СТРЕЛЯЙ! – кричу я, отмечая про себя, как зверь молниеносным рывком уходит влево.

Уходит так, чтобы я оказался между ним и изготовившимся к стрельбе Калеви...

Бой был коротким. А потом
Глушили водку ледяную.
И выковыривал ножом
Из-под ногтей я кровь чужую.

Семен Гудзенко. Перед атакой

ЭПИЛОГ

щё вчера лавинообразно разрастающийся Катаклизм растворился так же внезапно, как и возник. Беда ушла, но события, участником которых я стал, никуда не делись.

Отключаю всё ещё плакающие наручные часы, беру мыльно-рыльные принадлежности и направляюсь в туалет. В темноте мирно посапывают спящие солдаты...

Дневальный на тумбочке шутиливо вытягивается по стойке смирно. Цвет нации: широкие плечи, развитая мускулатура, ярко-зелёные глаза и, непременно, душа компании, – такие спекаются первыми, таких жалко больше всего. Выживают и адаптируются, вопреки здравому смыслу и законам психологии, интроверты, которые вовремя умеют уйти в себя. Обратная сторона медали – такие люди редко остаются в своём уме после окончания срока службы. Вода кипит день за днём, неделя за неделей, оставляя слишком толстый слой осадка на дне чайника.

– Вольно, – тоскливо отмахиваюсь я от новичка и, шлёпая тапочками, направляюсь в туалет.

Стоящий напротив входной двери стол дежурного пуст, если не считать раскрытый устав с коричневой обложкой. Наверное, его обладатель спит в комнате досуга или ушёл в курилку... Учитывая ранний час – весьма опрометчивое решение.

Хотя, оба предположения оказываются неверными – Штыков обнаруживается в уборной. Сидит на подоконнике и курит, старательно выпуская дым в приоткрытое окно:

– Рановато ты.

– Да... – не находя нужных слов, я развожу руками. – Как-то так...

В тишине спящей казармы отчётливо слышен стук сосательной конфеты о зубы младшего сержанта. Верх эстетического удовольствия в кругу небогатых военнослужащих – хреновые сигареты и сладкий леденец, делающий её не такой уж и ужасной на вкус.

– Покурим?

– Бери целую, – в руке Штыкова бело-красная пачка с надписью «Перекур».

Другие найти здесь тяжело. Настолько тяжело, что на грани невозможного. Разве что у журналистов можно выменять на какую-нибудь байку или анонимное интервью. Обе вещи трактуются не иначе, как разглашение государственной тайны, так что хорошее курево если и водится, то тщательно скрывается.

Вытащив одну сигарку, прикуриваю от сигареты сержанта и устраиваюсь рядом с ним на подоконнике. Он – в застёгнутом на все пуговицы кителе, надвинутой на глаза уставной кепке и с болтающимся на поясе штык-ножом. Я – в штанах и тапочках.

Какое-то время мы сидим молча. Штыков задумчиво посасывает конфету, уставившись куда-то в пол, я же, как ни стараюсь отвлечься, раз за разом возвращаюсь к событиям на караульной вышке:

– Лёнь...

– А?..

– Скажи... – я мнусь, пытаюсь найти нужные слова. – Зачем мы здесь?

Штыков бросает на меня подозрительный взгляд:

– Ясно зачем, периметр охранять и всё такое...

– А я вот думаю... Мы вот сидим здесь, в караулы ходим... Латаем ограждения... Но что именно мы охраняем? Людей от города?.. Или город от людей?..

Сержант громко вздыхает и выплёвывает в окно недоеденную конфету:

– Понятия не имею.

– А я вот думаю... Слышь?

– Ну...

– Я думаю, что город – это, в первую очередь, люди. Убери людей, вообще всех, и он вымрет. Совсем вымрет, даже чудовищ не будет, понимаешь?

– Не совсем.

– Я говорю, что город для нас, по сути, не опасен. Это мы опасны для себя, когда попадаем за ограждение. Он как-то влияет на нас...

Штыков делает долгую затяжку и кивает. Следует небольшая пауза, я было открываю рот, чтобы продолжить мысль, но младший сержант опережает меня:

– Я часто думаю о том, какими мы вернёмся домой... Блин, не прям «мы», как все солдаты, а вот ты, например. После всего, что могли сделать, но не сделали. После всего, что мы сделали, когда оно нахрен не надо было. Ты помнишь ту семью?..

Дым дерёт горло, горечь разливается по языку, обволакивая все рецепторы мерзким привкусом палёного сена. Собственно, сигарета после каждой затяжки и трещит, как сено.

– Помнишь? Мы убили их. Машину сожгли дотла, а потом оттащили в сторону и закопали, словно пустую консервную банку, даже не разбираясь, кто там был внутри и сколько. А тот случай, когда беженцы попробовали вырваться из карантинного загона? Сколько их было?

– К чему ты клонишь? – горечь сигарет решила потягаться с горечью воспоминаний о содеянном... и проиграла...

А ведь и правда, сколько их было? Сколько жизней я оборвал? И скольких жертв можно было избежать, будь я менее дисциплинирован?

– Мы никуда не денемся от этого. Крови, мать её, не то что по локоть! По самое горлышко! А будет ещё больше. Всегда будут люди, которые побегут внутрь или наружу. Всегда будут те,

кому на месте ровно не сидится. Все они опасны в равной степени. Все они – враги. Возможно, даже более опасные, чем твари из-за колючки. Для этого мы здесь.

– Да это понятно всё... Но как потом жить с этим?

– А никак. Мы жить уже не сможем. Одноразовое поколение. Ты навсегда останешься в этом месте, даже если умудришься уехать за тысячи и тысячи километров. Лица убитых навсегда останутся с тобой... Чёрт, я не философ какой-нибудь и не психолог, я старый солдат, мать его, и не знаю слов любви...

Я невесело ухмыльнулся, узнавая цитату из старого фильма.

– ...Любая мелочь, любое слово вернут тебя сюда. Ты посмотришь на лампочку в своей квартире и подумаешь о прожекторе вышки. Услышишь часть разговора случайных прохожих, и это напомнит о ком-нибудь... И если ты выдержишь, научишься вариться в этом котле, то не получишь никакой награды. Не будет высокопарных речей, пафосных прощальных фраз. У этой истории нет какого-то невероятного окончания, способного дать ответы на мучающие тебя вопросы. Не прилетит волшебник, не выпрыгнет из-под стола ведущий из шоу розыгрышей. Ты никогда не обретёшь покой при жизни... Понимаешь?

Я кивнул, сигарета истлела до фильтра настолько незаметно, насколько это вообще было возможно. Может быть, нам стоит посылать пачки «Перекура» в разведку? Хотя нет, слишком уж быстро они кончаются, потери замучаемся считать.

Взгляд Штыкова расфокусировался, теперь он говорил не со мной, а с самим собой:

– Призраки прошлого явятся в полном составе проводить меня... Я буду просить у них прощения, но соль в том, что простить должны не они нас, а мы – сами себя. Я должен простить себя... В любом случае, когда смерть придёт за мной, я не испытаю ничего, кроме облегчения. Это будет означать, что смена закончилась...

Цигарка сержанта тоже истлела. Удивлённо взглянув на неё, Штыков вновь достал пачку, неловко помял её и спрятал обратно в карман.

– Что-то я увлёкся, – я не совсем понял, что именно он имел ввиду, то ли сигареты, то ли душевные разговоры. – Скоро роту поднимать.

Я кивнул, спрыгивая с подоконника и подходя к раковине. Оставленные возле неё умывальные принадлежности казались теперь глупыми и ненужными формальностями, наподобие медных монет, в стародавние времена закрывавшие глаза покойникам. В зеркале отражался молодой сильный парень, у которого ещё вся жизнь впереди. Была бы впереди, окажись он в другом месте и в другое время.

Младший сержант одёрнул китель, проверил на поясе штык-нож и направился к выходу.

– Я не хочу умирать, – неожиданно озвученная мной фраза прозвучала в тишине туалета подобно выстрелу.

Штыков замер возле дверного проёма, тяжело вздохнул, и, не оборачиваясь, ответил:

– Никто не хочет умирать. В этом вся соль. Сегодня заступаем в караул. Ты – первой сменой.

Стуча каблуками, он вышел, оставив меня наедине с собственным отражением.

В этом вся соль.

Никто не хочет умирать, но только в смерти мы обретём покой

Осень 2017 – весна 2018

Патологическая адаптация — это приспособительные реакции к хроническим болезням, болезненным состояниям или отдельным симптомам и синдромам.

ПРОЛОГ

комнате царит крошечный мрак. Из всех сил напрягаю зрение, силясь увидеть в окружающем пространстве хоть что-нибудь... Тщетно. Темнота сгущается, словно испуганный кальмар, укутавшийся в чернильное пятно.

По телу пробегает лёгкий разряд электричества.

Сознание рывком выныривает из накатившей дремы.

Где-то неподалёку слышится приглушённое дыхание, отдающее едва различимым ароматом махорки, смешивающимся с запахами резины, гуталина и ружейной смазки. Тоскливо поскрипывает сапожная кирза, скрежещет о бумагу карандаш, короткими очередями что-то конспектирующий.

Я понятия не имею, сколько в комнате людей, и где именно они находятся. Периодически, когда мне надоедает прислушиваться к неизвестным наблюдателям, я вступаю в небольшое сражение с неудобным металлическим стулом, но каждый раз терплю поражение. Чёртов инженер-конструктор, найти бы тебя и посадить на собственное детище: жёсткие зажимы фиксируют каждый мускул, каждый сустав — своего рода железная дева в более технологичном исполнении. Безумно чешется нос, зад онемел, а кончики пальцев потяжелели от прихлынувшей в них крови.

Мысли медлительны и неторопливы, словно после дозы успокоительного. Кажется, всё тело облеплено насекомыми, высасывающими остатки жизни сквозь убегающие во тьму провода. Быть может, я очутился на Страшном суде, и ангелы-курильщики, обутые в кирзовые сапоги, вот-вот начнут досконально разбираться в моих прегрешениях. Может быть, я угодил в измерение сенобитов, осталось лишь дожидаться урожая с усеянной металлическими гвоздями головой⁶⁸.

Наконец, до заторможенного мозга начинает доходить не-правильность происходящего.

Я не должен быть здесь... Не должен быть прикован к стулу!..

Вновь, более осознанно, вглядываюсь в темноту, ощущая, как тело немеет от подступающего ужаса...

Что это за место?.. Как я здесь оказался?..

Чёрт! Мне не удалось? Костюм! Где защитный костюм? Почему я не в нём?

Судорожно дёргаю руками, но те надёжно закреплены на подлокотниках. Словно обезумевшие моряки, пытающиеся покинуть трюм тонущего корабля, изо рта вырываются вопли ужаса. Страх пробегает по телу, с каждым своим приливом унося всё больше уцелевших матросов. Иссиня-чёрная глубина бурлит в предвкушении ужина, когда пузыри спокойствия один за другим вырываются из распахнутых ртов тонущих людей. Крича и отбиваясь от солёной воды, несчастные уплывают прочь, оставляя после себя разбросанные по пляжу осколки. Я и есть осколок. Один большой осколок, неспособный повлиять на море, вынужденный пропитываться ужасом, набухать от него, чувствуя разрушительный эффект влаги и кристаллизирующейся на душе соли.

⁶⁸ Сенобиты (англ. Cenobite) – в серии фильмов «Восставший из ада» и романе Клайва Баркера люди, переродившиеся демонами с потерей памяти и вечным желанием творить зло, и не помнящие ничего из людской жизни. Pinhead (рус. Булавочноголовый, Голова-в-булавках, Гвоздеголовый) – глава сенобитов.

– Нет, выпустите меня! Пожалуйста, выпустите! – ору я сквозь кляп, но в ответ слышу лишь. – М-м-м-м-м-м!..

Будьте вы все прокляты!..

Кальмар выпускает ещё одно чернильное облако. Оно обволакивает меня с головы до ног, предсмертная агония вязнет в нём, словно в паутине. Я замолкаю, поражённый проступающими из черноты взглядами. Шесть омерзительных тварей взирают на меня из глубины комнаты, ждут дальнейших действий, записывают что-то... Я вижу! Вижу обострившимся зрением, как они щурятся, пытаюсь сосчитать капли пота на моём лице! Чувствую, как их рты переламяваются ухмылками! Омерзительные, чуждые человеку существа, созданные, как его антипод, как антоним слова «нормальный»!

– М-м-м-м-м!.. – я тщетно пытаюсь прогнать тварей, но лишь заставляю скрежет карандаша ускориться.

Я вижу её, вижу странную машину! Шелестит бумага, испещрённая кардиограммой моей жизни. Чудовища смотрят на неровные каракули, водят пальцами по острым наверх скалистей гряды, медленно выползающей из поскрипывающего устройства.

Подопытный кролик, пойманный на морковку! Идиот! В какой момент я прокололся, когда допустить ошибку?! Мне важно это знать, чтобы не повторить её вновь! Лишь бы найти костюм, лишь бы выбраться из зажимов!

По запястьям стекают капельки крови. Ирония судьбы, я всегда так боялся их, но сейчас готов плакать от счастья, ощущая саднящий в ранах пот. Я живой! Кровообмен ещё не нарушен, нервная система продолжает исправно функционировать! Одно из двух: либо я вырву фиксирующие ремни, либо разрежу себя ими! Ещё есть шанс!.. Я могу попробовать опять, могу!..

Словно ощутив ход моих мыслей, вспыхивает настольная лампа, раскалённым тараном бьющая прямо в лицо. Спешно зажмуриваюсь, но свет проникает сквозь веки и вгрызается в череп. Ему наплевать на хрипы и катящиеся по щекам слёзы, он не так тактичен, как темнота. Забудьте о мягких и плавных приливах мрака, у света нет времени на прелюдии, он привык врываться без стука и брать то, что захочет. Быстро, грубо и импульсивно.

Слышится скрип открывающейся двери.

– Смирно! – командует кто-то по ту сторону лампы.

Скрип сапог сливается в протяжный вой волчьей стаи, шелестят рукава.

– Вольно. Приступайте, – доносится в ответ гундосый голос, насквозь пропитанный усталостью и желанием поскорее закончить с формальностями.

Чудовища вновь рассаживаются по своим местам, к шуршанию карандаша добавляется речитатив печатной машинки, весело сигнализирующей о начале «заседания». Позади раздаётся шорох. Лица касаются что-то скользкое, напоминающее кожу ящерицы, в нос бьёт концентрированный запах хлора. Освободив меня от кляпа, существо тут же отступает обратно за спину.

– Назовите ваше имя, – спрашивает кто-то из-за лампы.

– Верните костюм, сволочи! Верните мне костюм! – изо всех сил напрягая пересохшее горло, шепчу я.

– Дайте ему воды.

«Тварь-из-за-спины» вновь приходит в движение. Губ касается тёплое горлышко металлической фляги. Застоявшаяся жидкость с привкусом алюминия меньше всего напоминает воду.

– Довольно. Назовите ваше имя, – повторяет свой вопрос незнакомец.

– Верните костюм! Выпустите меня! – срываясь на визг, ору я, вновь начиная биться в припадке. – Неужели вы не понимаете? Я видел его! Видел другой мир!.. Вы даже не представляете, что это такое! Уничтожьте генератор, как можно скорее, иначе оно придёт сюда!..

– Товарищ майор, разрешите... – слышится в ответ раздражённый шёпот, но богопротивное существо тут же замолкает, прерванное другой тварью.

– Отставить! У нас много времени, торопиться некуда... Капитан, продолжайте.

– Назовите ваше имя. Где заключённый номер сорок пять? Откуда у вас защитный костюм? Немедленно отвечайте!..

– В День Страшного суда мы не умрём! Как фениксы, сгорев дотла, из пепла восстаём! Из пепла восстаём!..

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ТЕНИКИ

Когда я был маленьким, мама рассказывала мне истории о старом мире. О мире, который был покрыт от начала и до конца непроходимыми лесами. Озорные речки, словно кровеносные сосуды, днём и ночью питали плодородные земли влагой, даруя жизнь флоре и фауне зелёного королевства. Места эти не были спокойными и мирными, напротив! Травоядные поглощали растительность, хищники охотились на травоядных, а когда и те, и другие умирали – природа прибирала тела, сдабривая почву и начиная круговорот жизни с самого начала. Частью этого круговорота были и люди. Они верили в чудеса так же, как мы верим в законы физики. Хорошо это или плохо, сложно судить, но мама всегда добавляла одну фразу, которая мешала потом уснуть по ночам: «Чудеса возможны лишь тогда, когда ты веришь в них».

В те далёкие-предалёкие времена человек жил одним днём и полностью зависел от капризов природы. Охота или земледелие, грабёж или сбор налогов, – всего один щелчок пальцами, и отработанная система давала сбой. Сезон дождей вымывал почву, скот заболел, а саранча подчистую уничтожала поля пшеницы. Кем бы ты ни был: деревенским дурачком, честным тружеником или бароном из знатного рода, – природа забирала своё. Это было тяжёлое и несправедливое время... Хотя, когда время было справедливым?

У кромки древнего леса стояла деревня. В ту пору её жители промышляли земледелием и собирательством. Это были смелые и весёлые люди, которые не боялись трудностей и усердно работали, обеспечивая свои семьи едой, крышей над головой и тёплым очагом.

Однажды в деревню приехал всадник, он сказал людям, что отныне и впредь они, эта земля и соседний лес принадлежат Господину, и что Господин, взамен, будет охранять их от невзгод. Сперва жители деревни обрадовались, но радость быстро прошла, когда всадник озвучил размер налогов, которые с этого дня те должны были выплачивать.

– Зачем нам платить за то, что является нашим уже много лет, и то, что досталось нам тяжёлым трудом? – возмутился старейшина деревни. – Убирайся прочь и передай своему Господину, что мы должны одним лишь богам, да земле-кормилице.

Всадник улыбнулся и, ничего не ответив, ускорился прочь.

Прошло лето, жители собрали щедрый урожай и приготвили к долгой зиме. Но вдалеке вновь появился всадник. На этот раз он был не один, а во главе вооружённого отряда.

– Мы пришли забрать долг, – выкрикнул он и командовал своим людям одно лишь слово. – Вперёд!

Деревенские не были воинами, до сих пор им приходилось сражаться лишь с неурожаем, а единственным оружием им были рабочие инструменты. Тем не менее, это были отважные люди, они не побоялись встать на пути у всадников, но отвага редко побеждает мастерство. Короткое сражение больше напоминало бойню, а когда всадники спешили и принялись грузить в повозки награбленное – деревня потеряла треть своих жителей.

– Мы вернёмся, – сказали воины. – Мы вернёмся и заберём то, что вы вырастили на нашей земле.

Когда все слёзы были выплаканы, а тела – похоронены, выжившие оказались один на один с суровой зимой. Пусть грабители и оставили им немного провианта, но не все смогли пережить долгие холодные ночи. Половина домов в деревне стала необитаемым памятником былому процветанию, а некогда весёлые люди превратились в собственные невзрачные тени.

Шепча молитвы, взывая к милости богов, люди встретили новое лето, засеяли поля, но уже без того задора, что был раньше. Каждый из них помнил слова всадника. Каждый знал, что он вернётся и заберёт своё. Так и произошло. Накануне новой зимы на горизонте вновь показался конный отряд.

– Опять будете сопротивляться воле Господина? – спросил уже знакомый им голос.

– Нет, – ответили люди.

– А зря, – ответил тот, и вновь скомандовал всего одно слово. – Вперёд!

Вновь на улицы деревни хлынули существа, в кровавой жажде своей потерявшие всякое сходство с человеком. Опускались сабли, устремлялись вперёд копыта и хлопали тетивой луки, а когда всё закончилось, то от жителей деревушки осталась жалкая горстка.

– За что? – спросили они.

– Чтобы помнили о милости Господина.

– В чём же его милость, если вы почти всех убили?

– В том, что мы убили почти всех, а не всех.

Как и в прошлый раз, всадники забрали львиную долю урожая и увезли его прочь, вновь обрекая людей на голод. Последовавшая за этим зима стала настоящим испытанием для уцелевших. Не было больше мужей, чтобы наколоть дров, некому было отправиться на охоту и добыть зверя, когда немногочисленные припасы подошли к концу. В деревне вспыхнула эпидемия невиданной раньше хвори, от которой кожа у людей становилась серой и покрывалась солеными наростами. Среди сугробов, едва перебирая ногами, искали пропитание дети, а старики умирали с топором в руках, пытаясь протопить избы. Никто уже не молился богам, ибо те забыли про увядающую деревушку и ушли к более удачливым земледельцам.

Казалось, на этом поселению и погибнуть. Но как-то мельтешным вечером у порога одного из домов показалась незнакомая фигура.

– Кто там? – спросила хозяйка.

– Впустите погреться бродягу, – отозвались из-за двери.

Несмотря на страх, женщина впустила странника. Им оказался высокий мужчина, с ног до головы укутанный в почерневшее от времени тряпье и скрывающий лицо в глубоком капюшоне.

– Как вам живётся здесь, хозяйка? – голос у незнакомца был тихий и хриплый, больше напоминающий скрипы деревьев в густой чаще.

Женщина хотела обыденно ответить, мол, нормально живётся, терпимо, но вспомнила про всадников, про голод и болезни, про погибшего осенью мужа, и от мыслей этих расплакалась. Бродяга, вопреки ожиданиям, не бросился её утешать, лишь кивнул собственным мыслям и задал новый вопрос:

– А ужинаете чем, хозяйка?

Женщина хотела ответить, да как обычно, мол, хлеб, наваристые щи и соленья, но вспомнила, что уже несколько месяцев не ела ничего кроме похлёбки из мха и мёрзлых ягод. Вспомнила, как умерли от голода её дочь и годовалый сын. Ещё громче зарыдала женщина, стыдясь того, что она похоронила всю семью, но сама выжила. Вновь незнакомец кивнул и задал третий вопрос:

– А богам каким молитесь, хозяйка?

На этот раз женщина ответила. Слёзы тут же высохли на её лице, кулаки гневно сжались:

– Боги отвернулись от нас, боги предали нас, боги забыли о нас! И мы забыли о них!

– Созови сюда всех, хозяйка, – сказал бродяга. – Коли жизни хотите, соберитесь подле меня и слушайте.

Безропотно женщина обежала немногочисленные дома, в которых ещё теплилась жизнь, рассказала всем о странном незнакомце, и никто из тех людей не пожелал остаться в стороне, прельщённые обещанием новой жизни.

– Соберитесь вокруг меня, – скрипел бродяга из-под капюшона. – Соберитесь вокруг и внимайте, ибо я привёл к вам другого Бога. Справедливого бога. Такого бога, какого вы сами себе сотворите. Возьмите мел, нарисуйте его на стене.

Люди взяли мел и нарисовали огромное дерево.

– Возьмите уголь и нарисуйте себя в божестве.

Люди взяли уголь и нарисовали поверх дерева человека, конечностями которого были ветви и корни.

– Теперь возьмите ножи и наделите бога силой крови, – продолжал бродяга, указывая на рисунок рукой, более похожей на высохшую ветвь.

Люди взяли ножи и разрезали ладони. Яркая-красная кровь стекала вниз по стене, тонкими дорожками переплетаясь с угольно-чёрной корой дерева и белой, словно мел, человеческой кожей.

– А теперь молитесь вашему новому богу. Молитесь так, как никогда не молились старым богам.

Люди пали на колени перед рисунком, истово зашептали просьбы о спасении, о жизни без страха перед завтрашним днём, а бродяга, поднявшись с лавки, подошёл к стене и начертил пальцем несколько знаков. Стоило ему отвести руку, как изображение на стене вспыхнуло зелёным маревом, а переплетения корней и веток зашевелились, будто живые.

– А теперь встаньте. Встаньте! Ступайте за мной и ничего больше не бойтесь.

– Сейчас, глубокой ночью? – испуганно пробормотал кто-то, озираясь на тёмный оконный проём.

Бродяга ничего не ответил. Поскрипывая суставами, он вышел из избы, а жителям деревни поспешили за ним. Ступая след в след по глубоким сугробам, они двинулись в сторону чёрного зимнего леса, не замечая, как их проводник с каждым шагом становится всё выше. Не слыша за скрипом снега, как хрустят его конечности, покрываясь чёрной корой. Не чувствуя за ветром запах крови, исходящий от его одеяний. У самой кромки незнакомец обернулся, но во тьме ночи никто не смог различить белое, словно мел, лицо, блеснувшее из-под капюшона.

– Лес станет вашим новым домом. Лес станет вашим новым богом, – проскрипел он.

– Ле-е-е-ес... – отозвались стволы деревьев, встречая новых жителей.

Когда кончилось лето, отряд всадников прибыл вновь, но вместо деревушки обнаружил густую непроходимую чащу. Охваченный яростью, командир приказал оставить коней и отправиться вглубь, дабы отыскать беглецов и наказать их за непослушание. Но стоило грабителям пересечь полосу деревьев, как все до одного сгнули без вести.

Господин, взволнованный исчезновением отряда сборщиков налогов, отправил к тому месту целую армию, но так ничего и не смог найти. С тех пор грибники и охотники, из тех, что забредали чересчур глубоко в чащу, иногда выходили к заброшенной деревне, невесть как оказавшейся посреди непроходимого леса. Они рассказывали про покосившиеся избы, про печи, в которых до сих пор тлеют угли, но наибольший суеверный страх у слушателей вызывали описания одного дома, на стене которого нарисовано нечто необъяснимое... Видевшие этот рисунок не могли внятно объяснить, что же именно там изображено... Дерево в форме человека?.. Или человек в форме дерева? Или, быть может, нечто другое? Каждый из них описывал увиденное иначе, чем другие, но все сходились в одном – если долго всматриваться в переплетение чёрных, белых и красных нитей рисунка, то тот приходил в движение...

– БУ! – спокойно сидевший всё это время Крюгер неожиданно вскочил с бревна и, вскидывая руки над головой, фальшиво провыл. – Ле-е-е-ес!

Все, кроме Зои, синхронно выругались. Клим, не сдержавшись, легонько приложил шутнику кулаком в бок, а Дрон от неожиданности выронил сигарету, которая моментально прожгла синтетическую ткань спортивных штанов:

– Твою мать, Антон, да какого хрена ты делаешь?!

Крюгер ничего не ответил и уселся на своё место, ещё шире расплываясь в пожелтевшей улыбке. Отблески костра делали смуглое лицо парня до невероятного жутким, рождая в памяти ассоциации с гибридами людей и животных, созданными доктором Моро. Разве что у нашего монстра рожа была вполне человеческой, покрытая процентов на восемьдесят тяжёлыми ожогами и шрамами.

– Что, малой? – заметив на себе мой взгляд, Крюгер мигом перестал улыбаться. – Не мил я тебе, а?

– Тебе бы помыться, красавчик, – прыснула от смеха Зоя. – Того и гляди твои питомцы на нас кидаться начнут.

– Я выгляжу так, как и должен выглядеть настоящий самец, детка, – подмигнув, Антон провёл рукой по сальным волосам и поправил воротник потасканного бушлата. – Ну так что, малой? Не гожусь я в мужья тебе, а?

Я пробормотал что-то невнятное и поспешно отвернулся.

– Хватит пугать пацана, – вступился за меня Клим, переворачивая в костре особо толстые головешки.

– Ага, глядишь, сбежит ещё, – поддакнул ему Дрон, лениво отряхивающий штаны от пепла. – Блин. Дырка. Ты теперь мне штаны торчишь.

– С фига ли баня взорвалась? Парня своего попроси, пусть новые состряпает, – с серьёзным лицом ответил Антон.

– Какого, блин, парня?

– Ну так ты у нас теперь дырявый! Тебе видней, какого! – загоготал Крюгер, довольный собственной шуткой, но никто его не поддержал. – Я не виноват, что ты дёрганный!

Дрон поморщился, осматривая почерневшую дырочку чуть выше колена, но продолжать бессмысленные препирания не стал. Пусть парень и выглядел мощнее оппонента, но каждый из нас так или иначе успел убедиться, что за худощавой комплекцией Антона скрываются не дюжие сноровка и сила.

Все разговоры сами собой утихли. Клим, то и дело проводя ладонью по короткому ёжику волос, копался прутиком в углях, словно пытаясь сложить из них какой-то символ. Дрон закурил новую сигарку, сам же Крюгер извлёк охотничий нож и, перекидывая его из одной руки в другую, пёрся от собственной ловкости.

– Тебя, я смотрю, мама не особо любила? – не оборачиваясь, спросила у меня девушка.

– Почему это? – растерялся я.

– Такие истории детям рассказывать. Страшно, наверное, – зевая, ответила та.

Русые волосы, постриженные по-мальчишечьи коротко, при свете костра приобрели рыжеватые оттенки, напоминая скользящий по сухой траве огонь. Не замечая пожара, полыхавшего в её растрёпанных волосах, Зоя внимательно следила за вылетающими из пламени искорками. Измятая тёмно-зелёная штормовка выглядела на миниатюрной фигуре девушки комично, а камуфляжные штаны и высокие ботинки делали её похожей на девочку, сбежавшую из дома в отцовской одежде.

По шее девушки пробежал муравей, и я с великим трудом подавил в себе желание прикоснуться к нежной коже и убрать насекомое. Видимо, я слишком громко подумал об этом, потому что Зоя незамедлительно повернулась в мою сторону и уютно улыбнулась. Отражающиеся в её зрачках языки пламени моментально растворили меня, сожгли дотла, сердце забилося так сильно, что ещё немного, и меня пришлось бы откачивать.

– Ну что молчишь? Язык проглотил? – улыбаясь, спросила она.

Всё видит, всё понимает! Ждёт ответного хода, а я мнусь и никак не могу решиться на что-то, кроме щенячьего взгляда. Движимый каким-то мимолётным порывом, я нашарил в кармане куртки сложенный вчетверо листок, на котором ещё неделю назад написал посвящённое ей стихотворение!.. Вот сейчас, сейчас тот самый шанс!..

Громко треснул костёр, выбрасывая во тьму новый сноп миниатюрных огоньков, и наваждение ушло. Мягкость улыбки сменялась тактичностью, а теплота взгляда – холодом безразличия...

– Да он девушек только на картинках видел, – гоготнул Крюгер, в очередной раз подкидывая нож и ловя его за рукоять.

– Я дождусь от тебя ответа или нет, Гус? Третий раз спрашиваю!

– Да он тормознутый слегка!..

– Тихо ты, Крюгер! Башка уже от твоих воплей болит! – взорвался Дрон, выкидывая недокуренную сигарету в костёр, но тут же закуривая новую.

Антон шутиливо поднял руки, вновь возвращаясь к играм с ножом.

– Мама была странной женщиной, вместо сказок страшилки рассказывала, – наконец изрёк я.

– Блин, а я подумал, ты этой фигни в летнем лагере наслушался, – не упустил шанса поддеть меня Антон.

– А папа что, забил на воспитание? – без особого интереса спросил Дрон.

– Папы у меня не было, арестовали ещё до рождения, – неохотно ответил я.

– Фига! – тут же оживился Крюгер, видимо, в его глазах я только что набрал с десятков дополнительных очков. – За что?

– Не знаю, мама никогда об этом не рассказывала, да я и не спрашивал её. Видел только письмо какое-то, мол, так и так, приговор вынесен и приведён в исполнение... Расстреляли, наверное, а может ещё чего.

– Бедняжка, а почему ты раньше нам этого не рассказывал? – жалостливо протянула Зоя.

– Без бати в доме тяжело. Вот ты, малой, вырос, а так малым и остался, – сплюнув в костёр, резюмировал Крюгер. – Короче, пацаны, слушайте реально страшную историю, а не эти детские страшилки. Когда на периметре служил, был у нас пацан один, Костей звали...

Все присутствующие приготовились к длинной, полной пошлых шуток и нецензурных выражений, армейской байке, я же отошёл от костра и направился к ближайшему дереву. Слышал я все его истории, причём ни один раз, а даже если Крюгер и умудрился вспомнить что-то новое, то нечего тешить его самолюбие и развешивать уши. Как он ко мне, так и я – в ответ.

Холод дерева ощущался даже сквозь ткань ветровки, казалось, он сочился из каждой трещины, из каждой складки коры, но я не отпрянул прочь, не вернулся к костру. Наоборот, лишь теснее прижался к поскрипывающему стволу, стараясь передать приютившему меня кедру хоть толику тепла. Кому, как не нам, знать, каково это, промерзать от ночного холода посреди десятков и сотен себе подобных. Высоко над головой благодарно зашуршала крона, напоминая звук разлетающейся по

ветру бумаги. Например, кипы черновиков так и недописанного романа... Или, быть может, это охваченный внезапным озарением парень собрал все свои справки, выписки и прочую бюрократическую макулатуру, отнёс на самый высокий в городе мост и отдал на растерзание порывам воздушной стихии. Заверенные печатями и подписанные уполномоченными лицами, они уносятся прочь, один за другим делая прощальные реверансы, а парень смотрит на горизонт и улыбается.

Ночной лес вторил своему собрату кедру переливистой волной шелеста. Ветви раскачивались, словно подзывая к себе, но я не собирался покидать облюбованное место, предпочитая оставаться безмолвным наблюдателем. Первое время я изо всех сил напрягал зрение, пытаясь высмотреть что-нибудь в затаившейся между стволами тьме. Там, где кончались отблески костра, тьма казалась особенно густой, настолько, словно я смог бы зачерпнуть её сложенными ладонями. Утонувшие во мраке деревья выглядели безмолвными солдатами, нестройными рядами стоящими на страже своего царства. Раздающиеся из глубины леса скрипы лишь усиливали это сходство, вызывая ассоциации с криками раненных воинов, оставленных умирать посреди чащи. Безлунное небо умеет скрывать секреты. Спросите у звёзд, упавших, когда этого никто не видел.

Наконец, зрение более или менее привыкло к мраку, фронт черноты прогнулся и подался назад, открывая дополнительные детали. Нарушая общий монотонный ритм, яростно трещал малиновый куст, недовольным вторжением какого-то зверя. Я провёл ладонью по влажной мягкой траве и нащупал шишку. Собирался уже метнуть её в раскачивающиеся заросли, когда из них пулей вылетел мелкий зверёк и унёсся прочь. Блеснув на прощание глазами-катафотами, с ветви сорвалась сова и, ухая, улетела вслед за почуявшей неладное жертвой. Вдалеке, на самой границе восприятия, тяжело ступал по дёрну лось. Я едва мог различить его очертания. Может быть, это лишь игра моего воображения? Ночной лес обманчив, и звуков в нём куда больше, чем жителей.

Быть может, лес – это не только нагромождение растений? Быть может, это один большой организм, вкладывающий в переплетения ветвей особый грамматический подтекст? Вдруг в этом хаотичном наборе звуков есть особый фонетический смысл? О чём говорит лес? Прогоняет ли он меня или, напротив, зовёт в мрачные лабиринты из сосен и берёз?

Движимый странным порывом, я поднёс к лицу так и не выброшенную шишку и принялся внимательно вглядываться в коричневые чешуйки. Спустя минуту или две, подбадриваемый блуждающим в кронах ветерком, я наконец начал улавливать нечто... Какое-то слово или даже целую фразу... Понимание крутилось на языке, подобно имени давным-давно позабытого актёра, но никак не желало выходить на свет. Когда я практически сумел ухватить тайный смысл оставленного лесом послания, со стороны костра донеслись неуместные звуки гитары.

Чертыхнувшись, попытался начать всё с начала, но нужный настрой пропал. Хотелось крикнуть товарищам уgomониться, как следует наорать и разогнать по палаткам. Я даже вообразил себе, как выхватываю из костра горящую палку и разгоняю этих олухов по всему лесу, где их немедленно съедают волки. Хотя нет, не волки, а огромный медведь-людоед, проголодавшийся после спячки и очень довольный встрече с придурком-Крюгером. Так и стоит перед глазами, как он машет перед огромным лесным чудищем своим ножичком, а потом бац! Один удар когтями, и Антон уже валяется на земле, весь в слезах! Кричит, чтобы я помог ему и отвлѣк медведя, вот тогда бы он пожалел обо всех своих подколках...

Дрон, закончив с настройкой, некоторое время бренчал что-то неопределѐнное, после чего завѣл знакомую мелодию. По ночному лесу пронёсся звонкий голос Зои, поющий нашу песню, песню Фениксов, однажды восставших из пепла:

– Запад нам несѣт
Веру зла и тьмы...
Буржуй богат и сыт,
А люди голодны...

Дьявол чует страх,
 Готовит в бой войска
 Во лжи погрязнет свет,
 Вокруг сгуститься тьма.

В День Страшного суда
 Мы не умрём.
 Как фениксы сгорев дотла
 Из пепла восстаём...
 Из пепла восстаём...

На втором куплете к Зое присоединились Крюгер, Дрон и Клим. Её мелодичное пение выделялось на их фоне, словно цветок на силосной куче. Особенно фальшивил Клим, он лежал на спине и надрывался так, что будь здесь моя мама, непременно сказала бы: «Что-то темень на дворе, а петухам не спится».

– Да начнётся бой!
 Заряжены стволы.
 Покинут нас с тобой,
 Надежды и мечты.

Накроет хаос мир,
 В дома стучится смерть,
 Но мы в кромешной тьме
 Увидим новый свет.

В День Страшного суда
 Мы не умрём.
 Как фениксы сгорев дотла
 Из пепла восстаём!
 Из пепла восстаём!

Неожиданно я поймал себя на том, что тоже напеваю выученную наизусть песню, но останавливаться не стал, наоборот,

прибавил громкости в голосе. Казалось бы, столько раз уже слышал эти строчки, но нет. Энергия незамысловатого сюжета, как в первый раз, обволакивала тело, щекотала глаза и заставляла руки сжиматься в кулаки...

– Тёплым ясным днём
Отступит буря пусть!
И вместе мы пройдем
Этот трудный путь!

Увидим мы восход
Над пустыней тьмы.
На пепелище новый
Эдем построим мы!

В День Страшного суда
Мы не умрём.
Как фениксы сгорев дотла
Из пепла восстаём!
Из пепла восстаём!⁶⁹

Голоса стихли, смолкла гитара. На секунду в лесу воцарилась звенящая тишина, кажется, даже костёр перестал потрескивать, но эта иллюзия длилась лишь короткое мгновение: вновь запричитал кедр над головой, недовольно ухнула где-то вдалеке сова, видимо, так и не догнавшая добычу, а ночные насекомые, посмеиваясь над её горем, застрекотали на все лады и ритмы.

Донёсся слабый аромат печёной на углях картошки. Я подумал было, что неплохо вернуться к костру и поужинать, но остался на прежнем месте. Здесь так удобно и хорошо, стоит лишь пошевелиться, и настройка уйдёт, тело заболит от долгого

⁶⁹ Dan Romer – We Will Rise Again, 2018 год. Вольный перевод с английского языка – Анна Клец.

дневного перехода, а там, глядишь, и в палатку потянет. Уснуть – значит приблизить следующий день, а мне, как никогда прежде, не хотелось попадать в «завтра». Пусть эта ночь длится вечно, пусть я буду сидеть под кедром сотни и сотни лет... Пусть Зоя подойдёт ко мне, устроится рядом и, положив голову на плечо, споёт своим приятным голосом про восставших из пепла фениксов, про новую цивилизацию и строительство Эдема, в которые она так истово верит. Я готов слушать эти утопические идеи сколько угодно и даже немного больше...

Мягкие волосы касаются щеки. От девушки, как и обычно, приятно пахнет мятой, и я, словно кот, млею от этого едва заметного аромата. Наклонив голову, вглядываюсь в томно прикрытые глаза, скольжу ладонью по щеке, в очередной раз удивляясь безупречной красоте, не обременённой косметикой. Зоя улыбается уголками губ и теснее прижимается, шепча мне какие-то милые глупости, и голос её так сильно похож на шелест листвы, что я не сразу различаю, что она говорит:

– В День Стра-а-ашного суда-а-а... Мы не-е-е умрём-ё-ём...

Неожиданно от её слов по коже пробегают мурашки, меня охватывает смутное беспокойство, но девушка, не замечая этого, продолжает петь:

– Как фе-е-ениксы-ы-ы сгорев дотла-а-а...

Откуда-то со стороны леса доносится запах гари, я с трудом отрываю взгляд от зловещей улыбки девушки. Чувство тревоги с каждой секундой нарастает, боковым зрением замечаю свет, исходящий из чащи. Неужели эти идиоты умудрились устроить пожар, пока мы тут сидели? Голова с трудом преодолевает сопротивление сгустившегося воздуха, одревеневшая шея трещит суставами, но я всё же оборачиваюсь.

Стволы деревьев, прежде стоящие сплошной стеной, теперь выстроились в ровные ряды, и сквозь образовавшиеся щели их построения видна широкая поляна с величественным дубом посередине. В любое другое время я бы восхитился царём леса, попытался посчитать диаметр его туши и размах ветвей, но не сейчас... Сейчас исполин объят пламенем. Огонь аппетитно причмокивает, пожирает толстую крепкую кору,

словно излюбленное лакомство. Медленно, но верно, он пробирается от основания ствола всё выше и выше, к зелёной листве, и вот уже крона дуба укутана чёрной шапкой дыма. Даже с такого расстояния я вижу разлетающийся по округе пепел, вслед за которым сгорает и отпущенный дереву срок. Шипит вскипающая смола, нежно-зелёные листья на глазах сворачиваются в трубочки и вспыхивают, а вслед за ними вспыхивают и жёлуди – последняя надежда оставить что-то после себя.

– Из пепла во-о-остаё-ё-ём!.. – Зоя уткнулась носом мне в висок и со смехом в голосе повторяет одну и ту же фразу. – Из пепла восстаём, из пепла восстаём, из пепла восстаём!..

На стволе дуба появляется зияющая темнотой дыра, она раскрывается всё шире и шире, и вот по чаще проносится крик, полный боли и отчаяния. Зрение обостряется. Цепеня от ужаса, я замечаю выползающие из земли толстые корни. Пламя быстро перекидывается и на них, но дерево, издав протяжный вопль, не останавливается. Извивающиеся отростки цепляются за траву, хватаются за камни и стволы кедров. Не замечая, что обрекает на смерть весь лес, дуб ползёт в мою сторону, а пламя, радостно искря, устремляется следом за ним.

Чаща полыхает. Мне бы вскочить на ноги, попытаться выбраться из огненной ловушки, но неправдоподобно крепкие объятия Зои не дают даже пальцем пошевелить. Я пытаюсь перекричать рёв пожара и оглушительные крики надвигающегося дуба, но рот тут же забивает пепел.

– Из пепла восстаём, Густав, – голос девушки утрачивает мелодичность и звонкость, а волосы уже не пахнут мятой.

Я смотрю, как огонь пожирает её лицо. Кожа покрывается пузырями, зубы оголяются в жутком оскале. Меня обнимает полыхающий скелет. Я набираю остатки воздуха для последнего в моей жизни крика, такого же бессмысленного, как попытки вырваться из костлявых рук сгоревшей девушки...

– Эй, малой!..

Кто-то бесцеремонно коснулся плеча, и я, всё ещё находясь во власти кошмара, в ужасе отшатнулся. Из горла вырвался какой-

то нечленораздельный хрип, руки попытались заслониться от нависающего надо мною покойника, всё ещё объятого языками пламени.

В голове затихает голос Зои, в мазохистском экстазе пытающейся утащить меня вместе с собой в эпицентр пожара. Эхо песни плавно перетекает в уже порядком надоевшее шурушание крон.

– Хрена ты... – впервые за время знакомства с Крюгером я услышал в его голосе смятение. – Резкий... Как понос...

Изуродованное лицо, освещённое выглянувшей из-за туч луной, и вправду очень походило на горящий череп. Тяжело дыша, я поднялся на ноги, отряхнул штаны и побрёл к затухающему костру. Увязавшийся следом Антон шёл молча, что было для него несвойственно. Однако стоило мне подсесть к углям и взяться за чистку уже успевшей остыть картошки, как всё вернулось на круги своя.

– Чё, малой, кошмары снятся? – улыбаясь, Крюгер плюхнулся рядом.

От такой близости меня передёрнуло. Стоило лишь мимоходом учуять исходящий от парня запах грязных портянок и пропитанной потом одежды, и аппетит тут же исчез. Я попытался отодвинуться, но у «ветерана» было своё мнение на этот счёт. Рука Антона грубо ухватила меня за плечо, в котором тут же что-то хрустнуло:

– Чёрт, малой. Да ты совсем стеклянный, чуть надавишь – сломаешься!.. Да ты посто-о-ой, не спеши, дружище, не спеши!..

Новую попытку высвободиться я не стал предпринимать – бесполезно. Если Крюгер вцепился во что-то, то впятером не отодрать – я тому яркий пример. К сожалению, способов отвязаться от парня у меня не было.

– Ну что ты, девочка... Почему задрожал?

К лицу прилила краска. Меня действительно била крупная дрожь, и поделать с этим я ничего не мог.

– Ты это, малой... Не бойся, – в голосе Антона разливался целый ушат ласки и дружелюбия, но я знал – это лишь часть игры. – Солдат ребёнка не обидит...

– Отпусти меня, – кое-как выдавил я, но тут же поплатился за порыв смелости.

Вот я сидел на бревне, вдыхал ароматы Крюгера, а вот уже падаю лицом вниз, прямо в тлеющие угли. Я попытался закричать, но рука молниеносно сжала рот:

– Тихо, маленький мой, тихо... Папочка тебе слова не давал.

Широко распахнутыми глазами я смотрел в остатки костра. Яркие огоньки всё ещё пульсировали пламенем, и пусть сила их с каждой секундой угасала, её было достаточно, чтобы изуродовать лицо.

– Я вот что сказать-то хотел, маленький мой, – елеинным голосом продолжал нашёптывать Крюгер. – Ты думаешь, что я совсем идиот, а? Думаешь, не вижу, как ты морщишь свой припудренный носик, глядя на меня?

Лёгкое движение рукой, и я отлетел от костра. Замер в траве, слишком подавленный и напуганный, чтобы предпринять попытку к бегству. Антон медленно подошёл, присел рядом.

Я хотел бы заглянуть в его лицо и спросить, за что он так поступает, что я ему сделал плохого, но тело больше не слушалось. Теперь я был глупым зайчиком, не успевшим сменить окрас и свято верящий, что его белую шёрстку не видно в коричневой грязи. В поле зрения попал начищенный до блеска сапог... Удивительно... Этот человек неделями не моется, но обувь блестит, словно на парад.

– Ты скажи мне лучше, чистюля. Где ты был, когда пришёл Катаклизм?

Я молчал, боясь вновь оказаться в опасной близости к углям.

– Где, а? Я был там, на этом драном периметре, а где был ты?

Щекотно перебирая лапками, по щеке пробежал какой-то жук, но я даже не попытался смахнуть его.

– А я скажу тебе, где. Ты был под одеялком у своей мамашки, да? Слушал её сказки. Так было?.. Я не слышу!..

– Да, – проглатывая подступающий горлу комок, прошептал я.

– Вот видишь, дружочек ты мой ненаглядный. Писал что-нибудь... стихи какие-нибудь... Писал ведь?..

– Да, писал...

– И по ночам сладко засыпал в своей постельке, с накрахмаленной попкой, сытый... Но нихрена недовольный своей жизнью! – последнюю фразу Крюгер произнёс с такой яростью, что я ещё сильнее вжался в землю. – Вы все тут недовольны жизнью, чего-то вам, тварям, не хватает!

Кажется, до моего лица долетело несколько капелек слюны расвирепевшего Антона. Ухватив за волосы, парень запрокинул мою голову. Его взгляд излучал настолько концентрированный гнев – одно неосторожное слово, и крышка.

Пожалуйста, отстань от меня, умоляю!

– Ты думаешь, вступил в Фениксы и всё? Проявил свою эту... как её... гражданскую позицию? Показал, что ты не согласен с политикой родного государства? Да ты нихрена не знаешь, нихрена! Пока я и другие пацаны загибались, ты отсиживался с каким-нибудь плоскостопием и молился, чтобы остаться в своём уютном мирке!.. Ты знаешь, что такое бессилие? Знаешь?!

Чем больше Крюгер говорил, тем тише становился его голос. Безумные нотки в нём постепенно угасали, пока он, наконец, не перешёл на шёпот.

– Бессилие, это когда тебе надо забраться на холм, который полностью состоит из грязи, – рука отпустила волосы. – А там, наверху... Умирает твой единственный друг. Он лежит там и просит помочь... А ты ему кричишь, мол, сейчас, я сейчас, потерпи браток! Ты хватаешься за грязь, ползёшь вверх, но она настолько скользкая... Грязь повсюду, кажется, весь мир состоит из грязи! Братишка уже близко, можно протянуть руку, но холм слишком скользкий, и ты скатываешься вниз. А он кричит всё громче и громче зовёт тебя!..

Голос Крюгера дрогнул...

– И ты раз за разом устремляешься вперёд... На штурм этого поганого холма, состоящего из земли, перемешанной с кровью... Но раз за разом сползаешь вниз, не в силах что-либо изменить... И вот, ты лежишь без сил у подножия, ощущая эту

вонючую жижу не только на коже и под ногтями, но глубоко в кишках. И понимаешь, что раненый уже не орёт...

Скрипнули сапоги. Отчаянно сжимая голову руками, я всеми правдами и неправдами попытался отгородиться от стоящего надо мной зверя.

Когда шаги отдалились и стихли где-то в районе костра, я наконец-то выглянул наружу. Крюгер, сильно сутулясь, сидел на бревне. В руках он держал незажжённую сигарету, вновь и вновь пытаясь затянуться и даже выдыхая несуществующий дым. Не знаю, как долго я продолжал валяться на траве, боясь вновь привлечь к себе внимание. Наконец, Антон швырнул сигарету в костёр и ушёл в палатку, из которой доносился звонкий храп братьев Борисовых.

Забыв про всё на свете, включая ужин, я бросился к своему спальному мешку и, нырнув в него, застегнул шпёньки по самую макушку. Так, вдыхая запах пота и всхлипывая, пролежал всю ночь. Достаточно долгую, чтобы унять дрожь, но слишком короткую, чтобы я успел забыть про позор, сочащийся из каждого слова Крюгера.

Стыдно ли мне было за свою слабость и бесхребетность? Либо причиной тому были упрёки Антона? В тот момент я не думал об этом, вновь и вновь прокручивая в голове пережитое унижение... Забавно, узнай я в тот момент о том, что меня ждёт впереди – с улыбкой побежал бы в палатку к обидчику, забрался к нему в спальник и от всего сердца попросил продолжить прерванное...

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЛИБЕЛЬ

тро – это не временной промежуток между шестью и десятью часами. Утро – это момент пробуждения. Сегодня у меня утра не было – сон так и не снизошёл до встречи с трясущимся в спальнике трусом. Испытывал ли я жалость к самому себе? Нет. Гнев? Гнев был бы уместен, но тоже мимо. На самом деле, пережитые унижения не были самыми страшными из всего, что со мной произошло в жизни. Есть кое-что похуже вкрадчивых разговоров и задушевных историй спятившего Крюгера... Наступает такой момент, когда боль переступает порог чувствительности и перестаёт причинять неудобства, по крайней мере, не такие сильные, как прежде. Есть кое-что совершенно иное...

Стыд...

Не только за свою слабость и невозможность оказать достойный отпор, но и за несовершенные поступки. Я мог попробовать наладить контакт с Антоном, поговорить, разделить его воспоминания, но я не сделал этого. Мог обернуть страх против обидчика, вложить его в один единственный точный удар, который, скорее всего, стал бы последним, но...

– Ты сам-то в армию хочешь? – спросил у меня психиатр на медкомиссии.

Я мог ответить «да», но вопрос оказался настолько простым, что я не задумываясь ответил «нет», даже не рассчитывая, что получу приписку в карточке: «Д – не годен к военной службе».

Поступок неизвестного мне врача был настолько неожиданным, что я даже не нашёлся, что ответить, лишь вышел в коридор, к другим полуголым призывникам. Радовался ли я в тот момент? Определённо. Не смотря на все старания властей, хорошие слухи о службе на периметре распространялись со скоростью света. Испытывал ли я те же самые чувства спустя полгода, когда на меня с укором стали коситься знакомые? Нет.

Парни умирали. Умирали в таких количествах, словно в стране шла война. И когда мать, потерявшая сына, видела меня, целого и невредимого, бредущего по улице без намёка на какую-нибудь принадлежность к вооружённым силам, она задавалась резонным вопросом: «Почему умер мой мальчик, а эта сволочь отсиживается дома?»

Шло время, Катаклизм умолк, а вместе с этим перестали приходить похоронки. Острота взглядов притупилась, а замечания и подколки утратили былой яд, но я не забыл то своё «нет». Оно крепло, разрасталось внутри, словно плющ, не давало спать по ночам, и когда в моей родной области, подумать только, прокатилась вторая волна Катаклизма, я пулей побежал в военкомат записываться в мобилизационные списки, но меня корректно отбраковали. Была даже бессмысленная попытка отыскать того психиатра и попросить его «верни, как было», но и она окончилась ничем.

Потом умерла мать. Она была старой, давно ожидающей конца женщиной. Я понимал это настолько, насколько понимает человек, лишившийся последнего и единственного друга. Из ВУЗа отчислили за непосещаемость, с работы пошёл за отсутствие улыбки на физиономии, а отложенных денег едва хватило на похороны...

Я запил. Можно ли найти спокойствие на дне стакана, когда по телевизору показывали эвакуацию соседних городов? Существует ли человек, защищённый самим Господом, но молящийся о смерти? Сколько раз надо вообразить некое событие, например, приход Катаклизма в твой город, чтобы оно превратилось в реальность?

Когда я уже отчаялся найти ответы на эти вопросы, произошло чудо. Маленькое, но настолько яркое и неожиданное, что всё прочее стало бесполезным...

Возвращаясь из магазина с очередной порцией дешёвого портвейна, я встретил её. Она стояла у остановки и раздавала флаеры, о чём-то спорила с прохожими, а когда я проходил мимо, грязный и забитый жизнью, выглядящий немногим лучше бездомного, она улыбнулась. Это была первая улыбка, адресованная мне. Только мне, понимаете? Адресная, осмысленная и такая тёплая, что я застыл, как вкопанный.

– Хотите поговорить о Катаклизме? – спросила Зоя.

Её лицо... Клянусь Богом, я никогда не видел таких девушек: короткая стрижка, длинные ресницы, светлые брови и глаза цвета Юпитера... Я открыл шлюз спасательной капсулы, в которой сам себя держал взаперти, и потерялся на её орбите.

Когда пришёл в себя, то никакого пакета с портвейном у меня уже не было, а Зоя рассказывала про Фениксов. Про их благородную цель, про планы на будущее и жизненные приоритеты. О том, что наша страна заражена опасным паразитом, и единственный способ уничтожить его – прижечь отмирающую плоть. Улыбаясь, она сказала, что Катаклизм был послан нам Господом, что это наказание и панацея в одном флаконе. Бороться с ним – противиться воле Бога! Мы должны позволить природе забрать своё, должны пройти через эти испытания и стать сильнее. Переродиться, восстать из пепла и построить новую жизнь. Фениксы – так они себя называли. Звучит, как секта, не правда ли? Так оно и есть, с тем отличием, что идейных в ней столько же, сколько среди инквизиторов – праведников. Единицы. Прочие же – обычные бандиты и психи, прикрывающиеся чужими идеями.

Агитация у Фениксов была поставлена как надо: промывание мозгов, замена ценностей, подавление личности и внушение абсолютного подчинения, – я знал обо всём этом ещё задолго до того, как спустился в одно из помещений местного филиала «революционеров новой волны», так почему же я не повернул назад?

Правду говорят, что человеком легче всего манипулировать в момент полного отчаяния. На этом тезисе основывается любая тоталитарная секта, и в моём случае момент был эталонным, хоть вместо гири на весах используй.

Так что же я здесь делаю? Почему послушно сворачиваю спальник, собираю рюкзак и ухожу в лес, вслед за чужаками, идеалы которых для меня не более чем писк комара?

Всё дело в Зое. Прошли недели и месяцы, и я неоднократно спрашивал себя, что испытываю к ней? Любовь? Влечение? Нет, нет, всё это было совершенно иным, слишком необычным, слишком странным. И однажды нужное слово пришло. Благоговение.

Только Господь мог вытащить меня из той ямы, на дно которой я погружался, и он совершенно неожиданно решил вмешаться. Я спрашивал, существует ли человек, защищённый Богом, но молящийся его о смерти, и я отвечаю – нет. Защищённый Богом находит в нём же новый смысл жизни, а Зоя была для меня именно им.

Остатки ночных страхов и шипящего на сердце стыда развеяло по ветру, стоило лишь поймать её взгляд. Девушка привычно улыбнулась, поправила лямки огромного рюкзака и пошла за другими Фениксами. Я направился следом. Уверенный, что невзгоды и трудности – допустимая плата за эту улыбку...

Сумерки, испуганные нашим продвижением вглубь леса, поспешно отступали. Из-за деревьев восхода видно не было, но его влияние становилось всё заметней, но поход ни капли не облегчился. Клим не выбирал лёгких путей и вёл группу, на первый взгляд, куда глаза глядят. От блужданий по высокой траве быстро промокли штаны, а сандалии, казалось, и вовсе никогда не были сухими. Прислушиваясь к чавканью стелек, раздающемуся после каждого шага, я задавался вопросом, почему выбрал именно эту обувь, ведь были другие варианты.

С рассветом вся романтика ночного леса куда-то улетучилась. Чаща превратилась во влажное, холодное и пищущее комарами нечто, готовящее подлянку буквально на каждом шагу.

Судя по тёмно-серому небу, с минуты на минуту разрядится дождь, и тогда марш-бросок обернётся воспалением лёгких или ещё чем-нибудь. Пережить ливень никто не станет.

– Надо ускориться, опаздываем, – слышалось спереди, подтверждая мою догадку.

Интересно, каким образом мы опаздываем? До схрона топать всего ничего, а там сиди и жди отмашки. Даже время позавтракать останется – с прошлого дня я еду разве что в руках держал. Надо было прихватить картошку в палатку, но нет, испугался так, что и про голод забыл, а теперь уже поздно ныть.

– Зой... Зоя!.. – тихонько позвал я идущую впереди девушку. – А мы куда спешим-то?

Та лишь пожала плечами. Как ни странно, но ответ пришёл от Крюгера:

– Планы изменились, движемся по другому маршруту.

В выражении лица Антона, на секунду обернувшегося в мою сторону, не было видно ни тени вчерашнего происшествия, лишь сосредоточенность. Оно и к лучшему, день без дурацких подколов и издевательств – хороший день.

– Всем заткнуться, – раздался суровый голос Клим, вышагивающего во главе колонны. – Соберитесь!

Дрон, тяжело вздохнув, потянулся за сигаретой, но Крюгер в мгновение ока выхватил у него пачку:

– Даже не думай.

– С чего это вдруг?

– В лесу запах дыма можно учуять за пару километров.

– Дело говорит, – подтвердил Клим. – Никаких сигарет.

– Да ну, – удивился парень, грустным взглядом провожая исчезнувшую в кармане у Крюгера пачку.

Один из братьев Борисовых издевательски пощёлкал языком. Уж насколько я не люблю общество себе подобных, но эти товарищи в сто крат более некомпанейские. За несколько месяцев нашего знакомства я так и не научился различать их, более того, даже имён не запомнил. Один, вроде бы, Валентин, а второй... Да фиг его знает. Одинаковые, как новорождённые: лысые пузатые

дядьки с взглядом, полностью обделённым мыслительной деятельностью, разве что слюну не пускают. Говорят мало, может быть, им уже успели основательно промыть мозги, а может – очередные психи, решившие, что пришло время изменить мир.

Спустя час я понял, что мы двигаемся не внутрь леса, а постепенно выходим на дорогу. Непролазная чаща с заросшими мхом стволам сменилась подлеском, усеянным тонкими молодыми деревцами. Тут и там на глаза попадались грибы. Обычного для таких мест постпикникового мусора заметно не было, а количество пикирующих мне на загривок комаров значительно поубавилось. Видимо, эти места не были в почёте у жителей окрестных мест. Оно и к лучшему, можно не опасаться встречи с каким-нибудь случайным забулдыгой, решившим выпить вдали от жены.

Наконец, мы притормозили на каком-то пригорке, за которым виднелась полоса просёлочной дороги. Клим достал бинокль и вместе с Крюгером полез вверх по холму, велев остальным оставаться на месте. Я взялся было за лямки, намереваясь сбросить изрядно надоевший рюкзак, но не стал – никто из Фениксов не спешил расставаться с грузом, видимо, стоянка будет недолгой.

Дрон тут же достал ещё одну пачку и, спрятавшись за насупившимися Борисовыми, закурил. Зоя перешнуровывала ботинки. На лице девушки выступила испарина, раздражённо морщась, она то и дело почесывала шею и руки, усеянные многочисленными комариными укусами. Вот ей и аукнулась не любовь к химии, включая средства от насекомых. Но даже в таком состоянии, промокшая от пота и росы, взвинченная и уставшая, девушка казалась мне лучиком солнца, решившим пройти по Земле в человеческом облике. Ощутив на себе пристальный взгляд, Зоя вскинула голову, да так резко, что я не успел вовремя отвернуться.

– Эй, Густав, – не без раздражения позвала она. – Будешь так смотреть – дырку прожжёшь!

Я густо покраснел:

– Извини...

Зоя закатила глаза и вернулась к шнуркам, однако я заметил лёгкую улыбку, коснувшуюся её губ. Рука рефлекторно сжала листок со стихотворением, на душе потеплело, а фантазия принялась рисовать красочные картины... Вот она подходит... Наклоняется так близко, что я чувствую взволнованное дыхание у себя на лице... Подавшись навстречу, касаюсь поцелуем её улыбки, и та, из едва уловимой звёздочки, превращается в яркую сверхновую...

Раздался хлопок ладонью, за которым последовал негромкий вскрик, вырвавший меня из грёз. Матерясь, Дрон с силой тёр шею, дымящаяся сигарета валялась в траве:

– Ты чего орёшь? – позади раздался недовольный голос вернувшегося Клима.

– Да меня какая-то дрянь укусила! – не унимался парень. – Хлопнул по шее, а она как кольнёт!

Крюгер, ругаясь сквозь зубы, подошёл к возмутителю спокойствия, отбросил руки Дрона, всё ещё шарящие по шее, и внимательно осмотрел укушенный участок кожи:

– Всё нормально.

– А жала нет? Это не пчела?

– А если и так? – хохотнул один из Борисовых. – Здравей будешь.

– У меня аллергия на пчёл! – с нарастающей паникой воскликнул тот.

Крюгер, вздохнув, повторно осмотрел шею пострадавшего и резюмировал:

– Жала не видно, да и покраснения тоже. Всё нормально.

– Перекур окончен. Машина уже ждёт... Андрей, сигарету затуши.

– Вася, – похлопав по плечу нерадивого товарища, Антон полез вверх по холму.

– Какая ещё машина? – недоумённо спросил я у проходящей мимо Зои, но та лишь покачала головой.

Спустя пару минут мы выбрались на дорогу, на которой и вправду обнаружилась серая «Газель». В глаза бросились старательно замазанные грязью номера и следы коррозии, покрывавшие

бока микроавтобуса. Стоило приблизиться, как водительская дверь приоткрылась и оттуда показался мужик неопределённого возраста. Лицо по глаза заросло густой бородой, на макушке, не смотря на начало лета, армейская ушанка с заметной вмятиной от кокарды. Одна рука придерживала дверь, другая спрятана за пазухой:

- Как фениксы, сгорев дотла...
- Из пепла восстаём, – ответил Клим.
- Грузитесь, – кивнув, водитель вновь спрятался в кабине.
- По местам, – скомандовал Крюгер.

С шелестом отошла в сторону дверь кузова, один за другим мы забрались внутрь, на ходу снимая рюкзаки и кидая их в дальний угол. Посреди салона лежал огромный тряпичный свёрток, аккуратно перешагнув через него, я занял место в хвосте автобуса. Слева уселся Крюгер, и я едва подавил в себе желание пересесть куда-нибудь ещё. Стараясь не касаться обидчика локтем, отодвинулся подальше в угол, что не осталось незамеченным самим Антоном.

– Не ссы, Маруся, – ухмыльнулся он, ощупывая свёрток на полу, но не решаясь сдёрнуть тряпку. – Я сам боюсь...

Напротив приземлилась Зоя – хоть что-то хорошее. Рядом с ней Дрон, всё ещё потирающий укус неизвестного насекомого. Парень выглядел невероятно сосредоточенным, видимо, прислушивался к внутренним ощущениям. Один из братьев забрался в кабину водителя, второй занял место у входа. Последний хотел уже задвинуть дверцу, но её придержал словно изпод земли возникший мужчина. Без лишних приветствий и знакомств, он забрался следом за нами и сел рядом с командиром:

- Все на месте?

Клим оглядел салон:

- Густав здесь?

– Да, – ответил Крюгер за меня, да так быстро, что я даже рот не успел открыть.

Послышалось натужное кряхтение зажигания. Со второй попытки «Газель» завелась, стоило только машине тронуться, как Клим наклонился и заглянул под тряпё. Лицо командира перекосилось, как от зубной боли.

– Лис... Что это? И почему схрон сняли?

Незнакомец, к слову сказать, человек крайне невыразительной внешности, вопросительно вскинул брови:

– В том секторе сейчас неспокойно. Нас слили.

– Ну а это что, а?

– Пушки.

– Я вижу, что пушки. Мы калаша заказывали, а это что за оружие Третьего рейха?

Удивительно, но стоило мне лишь на секунду отвести взгляд от Лиса, как его лицо тут же выветривалось из памяти. Слишком уж невыразительным он казался. Средний рост, обычная комплекция, стандартное лицо без каких-либо примет – каждый последующий взгляд словно был первым. Даже одежда, и та подобрана таким образом, чтобы лишний раз не выбиваться из толпы: потёртые джинсы, дешёвые кроссовки и тёмная куртка. Единственной достаточно яркой чертой являлось серебряное кольцо на левой руке, которым парень то и дело постукивал о поручень.

Протянув руку, Лис сдёрнул прикрывавшую «оружие Третьего рейха» тряпку, и перед нами предстала куча длинных незаряженных винтовок. Ухватив одну из них за оранжевое цевьё, незнакомец демонстративно передёрнул затвор и нажал на спуск. Послышался сухой щелчок.

– Это, друг мой, правая рука свободного мира.

– Чего? – у Климана аж глаза на лоб полезли.

– Не было калашей, напряжёнка сейчас с ними. Пришлось выбирать из того, что есть.

Командир подхватил одну из винтовок, безглаголиво осматривая её со всех сторон. Попробовал ход затвора:

– Не годится! Я даже не знаю, где здесь предохранитель!

– Успокойся, всё покажу и расскажу.

– Нет, так дела не делаются. Мы просили калаша, а не эти вёсла. Да у них даже приклады не складываются! Нам что, как на костылях с ними бегать?

Лис тяжело вздохнул и покачал головой.

– У Белова ничего другого не было, поверь. И назад сдавать уже поздно. Берите, что есть, или рогатки мастерите.

Клим бросил на собеседника полный презрения взгляд. Крюгер тоже взял в руки винтовку и заулыбался.

– Да всё путём, босс. Бельгия мусора не делает! – сноровисто осмотрев оружие, он пощёлкал селектором огня, осмотрел мушку и целик, и обратился уже к Лису. – Пристреляны?

При каждом движении у оружия потешно подрагивала болтавшаяся справа ручка, видимо, предназначенная для переноски.

– Честно? Понятия не имею. Знакомая машинка? – задал тот встречный вопрос.

– Ещё бы... Магазины на сколько патронов?

– На двадцать, – с этими словами «серый человек», как я его прозвал про себя, достал из-под своего сиденья мусорный пакет и увесистое ведро.

– Плохо...

В ведре оказались длинные винтовочные патроны, в пакете – магазины и ремни.

Покачав головой, Клим нехотя зачерпнул несколько горстей боеприпасов и принялся снаряжать магазины. Его примеру последовали братья Борисовы и Крюгер. Я было протянулся к одной из винтовок, но Клим меня остановил:

– Погодь, Гус. Миномёт где?

– В хвосте смотрите.

И вправду, на полу неприметно лежало ещё несколько свёртков. Зоя и я подтащили их к ногам и сноровисто развернули: в них оказались массивный ствол, опорная плита, лафет, футляр с прицелом и три кустарного вида сумки с минами. Помимо этого, там же нашлись три коротких автомата незнакомой мне модели. В глаза сразу бросились деревянная пистолетная рукоять и откидной тонкий приклад.

– Миномёт – как заказывали. Кедров не было, пришлось брать «Скорпионов».

– Ты издеваешься? Хочешь сказать, что в России не осталось русского оружия? – взорвался Клим.

– Я хочу сказать, что сейчас ввести в страну оружие легче, чем найти его внутри, – всё так же спокойной ответил Лис. – Показываю, что и как. Смотрите внимательно.

С этими словами он поднял с пола последнюю из массивных винтовок. Только сейчас я заметил лёгкий акцент в его речи, но определить, какой именно, не смог.

– Это FN FAL. Бельгийская штурмовая винтовка. Вставляете магазин, переключаете на одиночный или автоматический здесь. Это положение – предохранитель. Передёргиваете затвор. Стреляете. Отстреляли магазин, открывается окно выброса гильз. Вставляете новый, дёргаете затвор, окно закрывается. Всё просто. Главное – не доводите его, дёргаете и отпускаете, – все слова Лис сопровождал действиями, наглядно демонстрирующими необходимую последовательность. – Ничего сложного, а патрон даже мощней семьдесят четвёртого, так что лягается она неплохо, советую стрелять только одиночными... Так, а это чешский «Скорпион». Такими раньше спецназ вооружали. Патрон слабый, скорострельность высокая. Раскладываете приклад, вставляете магазин...

Щёлкнув каркасным прикладом, закреплённым сверху, Лис показал на две симметрично расположенные по обе стороны ствольной коробки «пуговки» затвора:

– Передёргиваете. При стрельбе руку держите вот так, а то повредите затвором. Отстреляли, вставили новый магазин... вот так... затвор стоит в заднем положении. Оттянули его, отпустили. Всё ясно?

Никто ничего не ответил. По правде говоря, всё это время мы тренировались с совершенно другими, ставшими привычными образцами вооружения. Когда автобус тряхнуло на какой-то яме, я умудрился даже выронить кургузого уродца и тот с грохотом упал на пол. Крюгер гоготнул, Клим посмотрел с недовольством.

Кое-как прицепив ремень и снарядив чересчур узкие магазины, я взялся за миномётные детали. Мне, как заряжающему и снарядному в одном лице, полагалось переносить опорную

плиту и большую часть боеприпасов. Зоя несла двуногу и прицел, а Дрон – ствол. Не совсем по инструкциям, которые мы так тщательно изучали, но большего количества людей в расчёте мы не могли себе позволить. Не откладывая в долгий ящик, принялись осматривать оружие.

– Предохранителя от двойного нет⁷⁰, – подал голос Дрон.

– Где он? – кажется, в этот раз Клим даже не удивился.

– Нет, – пожал плечами Лис. – Нафига он вам вообще? Либо такой, без предохранителя, либо другой модели.

Дрон пробормотал что-то оскорбительное. Вытряхнув из рюкзака всё лишнее, я приторочил к нему плиту и аккуратно уложил внутрь мины. Одну из сумок повесил на грудь, вторую передал Зое.

Прочие члены отряда тоже не теряли времени зря. Крюгер подгонял под себя ружейный ремень, Борисов передавал снаряжение сидящему в кабине брату. Поверх курток у них появились лёгкие самодельные разгрузки, в кармашках которых теперь ждали своего часа снаряжённые магазины. У Клина, помимо этого, на груди висел бинокль, а через плечо – сумка с дымовыми шашками. Краем глаза я заметил какую-то чересчур яркую вещь. Обернувшись, увидел, красный берет, бережно надеваемый командиром. Судя по перекосившемуся лицу Антона, тот едва сдерживался от какой-нибудь колкости или взрыва хохота, но на этом цирк не закончился. Сидящая напротив меня Зоя извлекла из кармана красную повязку и обвязала её вокруг головы, причём делала она это настолько пафосно, словно собиралась сняться в очередной части фильма «Рембо».

– Романтики, – озвучивая мои мысли, пробормотал Крюгер. В отличие от товарищей, на парне была обычная бейсболка. – Ещё катафотов на лоб нацепите. Чтобы попасть легче было.

Зоя ничего не ответила, лишь отвернулась к окну, по которому уже начинали постукивать первые капли предстоящей бури.

⁷⁰ Предохранитель от двойного заряжания исключает возможность заряжания миномета второй миной, если первая мина всё ещё находится в стволе.

Небо окончательно заволокло свинцовыми тучами, такими густыми и тёмными, что немудрено запутаться – утро сейчас или вечер. Шквальный ветер рвал и метал листву прилегающих к дороге деревьев, кроны бились в агонии и отчаянно голосовали в надежде привлечь внимание водителя. Грозовой вал надвигался настолько стремительно, что передвижение облаков было видно даже сквозь дождевые потёки, сбегаящие по стеклу. С каждой минутой стук капель всё нарастал, пока не перешёл в монотонный шум, на фоне которого едва угадывалось рычание автомобильного двигателя и рокочущий где-то неподалёку гром.

Стекло затянуло призмой воды, а местность превратилась в одно размытое пятно. Бессознательно я попытался протереть окно рукавом, но лишь испачкался в густом слое пыли и грязи:

– Чёрт...

– Замаралась, принцесса? – весело подмигнул Крюгер. – Ничего, скоро помоешься!

– Ага, хорошенько так. Хоть голову намыливай, – задумчиво протянул Дрон, как и я, пялящийся в окно.

Сидящий в салоне Борисов чавкал жвачкой. Клим, закрыв глаза, что-то бормотал, Зоя перебирала чётки. Губы девушки не двигались, но, судя по поднятому к потолку взгляду, она тоже молилась. Знать бы ещё, кому: Господу или Катаклизму.

– Плащи никто не догадался взять? – спросил Крюгер и, получив вполне ожидаемые ответы, ехидно извлёк из рюкзака плащ-палатку. – Та-да-а-ам! Кажется, у кого-то будет сухо и комфортно в штанах, мальчики!

Дрон скрипнул зубами так, что это было слышно сквозь рёв ливня.

– Хватит дразнить товарищей, – неожиданно подал голос Клим. – Греху предаёшься.

– Никаких грехов, командир, – явно переигрывая, пролепетал Крюгер, пододвинувшись к боссу. – Я же не о себе забочусь, а о нашей Белоснежке!..

Обожжённое лицо расплылось ухмылкой, Антон обернулся в мою сторону и швырнул плащ, да так быстро и неожиданно, что я едва успел поймать летящий в лицо свёрток.

Сказать, что я оторопел – ничего не сказать.

– Надо же, какая щедрость, братец, – улыбнулась Зоя. – Ты встаёшь на верный путь.

– Спасибо, Антон, – благодарность была настолько скомканной и неуверенной, что мне самому стало неловко. – То есть, это...

– Кончай лепетать, малой. Если я захочу насладиться блянем, то пойду на козью ферму, там хотя бы молоко есть, – отмахнулся тот. – Теперь тебе не удастся свалить всё на дождь, если снаряды отсыреют и не выстрелят.

– А если они и так отсыревшие? – парировал я, словно заранее начинал оправдываться.

– Мины в полном порядке. Я проверял, – возразил Лис. – Белов надёжный продавец, не волнуйтесь.

– Ещё бы он по-русски научился говорить. Я пару раз с ним виделся, намешал языков, без словаря не поймёшь, – покачал головой наш командир.

– Раньше лучше было, теперь он ещё и польский примешивать стал. Сын у него адекватней, но его в последнее время не видно, – кивнул Лис и, постучав по переборке, обратился уже к водителю. – Долго ещё?

– А хрен его поймёшь, – крикнул тот. – Ни одного ориентира не вижу.

– Силосную башню проехали?

– Не, её точно ещё не было... Эй, братан, – бородач похлопал по плечу уснувшего Борисова. – Прикури. В бардачке.

Тот послушно достал плоскую пачку «Беломорканала» и, закулив одну, протянул её водителю.

– Спасибо... – бородач говорил нарочито громко, но, надо отдать ему должное, взгляда от дороги не отрывал. – Я же ещё эвакуацию застал в Первую!

– Гонишь, – без прежних улыбочек и прижимок, крикнул Крюгер.

– Вот те крест!.. Я эт к чему, собсна... Мой автобус в первой партии уходил, загрузились плотно... Детишки там, беременные. Короче, надежду и опору вывозили, едрить налево, млин, – водитель смачно харкнул прямо под ноги. – Короче, как сегодня гроза была. Набежало, я мана-а-ал, света белого не видно! Тронулись, а по моему автобусы ка-а-ак!.. Саданёт!..

– А ты, значит, выжил? – недоверчиво спросил Дрон.

– А ты не видишь? – лица водителя видно не было, но, судя по интонациям, тот улыбался во всю ширь. – Вы бы видели, что там было, мамочки родные! Они же там в салоне впритирку стояли, на головах друг у друга, а электричество, оно, эт самое... по поручням, по поручням, а потом от одного к другому! Одежда выпсы... хнула... Вспыхнула, как тряпка! Но знаете, что самое страшное было?..

В салоне воцарилось кромешное молчание, лишь поскрипывали дворники, да барабанил по крыше дождь.

– Никто не кричал ведь, ага. Прожарились за секунду, до корочки, ёпт!.. – продолжал бородач. – Я один выжил, млин... Вылез, кричу, машу руками! Медики прибегают из санитарки, что с нами ехала, а там и спасать-то некого... Эт меня Господь уберёт! Катаклизм пощадил, хотя мог и прибрать, как этих бедолаг в салоне...

Ослепительно сверкнула молния, словно дожидавшаяся случая для эффектного появления. От последовавшего за ним раската грома «Газель» задрожала, сквозь ливень слышался громкий треск дерева. Пробежавший вместе с грохотом страх заставил людей испуганно сжаться. Звякнув чем-то стеклянным, грохнулся на пол рюкзак Зои, Дрон выронил автомат. Даже Крюгер, и тот заметно дёрнулся в сторону пола, чего уж говорить обо мне, обнаружившим себя в лежащем положении и закрывающим голову плащ-палаткой. Лишь загадочный Лис никак не отреагировал на близкую вспышку, меланхолично постукивая кольцом об лежащий на коленях автомат.

На этот раз Антон не стал отпускать едких шуточек в мой адрес, хотя случай был как никогда подходящий.

– Во! Башня! Готовность десять минут, касатики! – хохотнув, выкрикнул водитель.

– Десять минут! – повторил за ним Клим. – Самое время помолиться, мои братья и сёстры!

Все пассажиры автобуса, включая и меня, взяли за руки, образовав живое кольцо. Ударь сейчас в нас молния... Чёрт, что за бред, никаких молний, никаких ударов, всё обойдётся, всё будет хорошо!

– Господь наш, мы принимаем твои испытания. Господь наш, мы не устрашимся твоего гнева. Господь наш, мы пойдём рука об руку с Катаклизмом. Господь наш, направь руки наши, наши мысли и наше оружие на врагов твоих, на слуг дьявола, на зло, пустившее корни во свет и обратившее его во тьму. Зажги души наши огнём праведным, зажги мечи наши огнём очищающим, зажги глаза наши, чтобы видели мы во тьме окружающей. Очисти нас самих, Господь наш, очисти наши мысли и наши помыслы, прости грехи, ибо мы последние твои пастыри в этом мире. Господь наш, мы отделим зёрна от плевел. Господь наш, мы сожжём эти земли и возродимся из пепла...

– Господь наш, мы сожжём эти земли!.. – синхронно повторили Фениксы.

– И возродимся из пепла!..

– И возродимся из пепла, аминь...

Каждую молитву я ощущал себя переодетой в парня женщиной, оказавшейся в мужской колонии, потому что все религиозные призывы, произносимые Фениксами, были для меня пустым, ничего не значащим звуком. Единственное, что я делал рьяно и фанатично в такие моменты, так это вслушивался в многоголосье, вычлняя из него звонкое щебетание Зои. Настолько... страстное... что мне становилось не по себе...

– Братья и сёстры! Настал наш час! Мы готовились к нему, мы тренировались, мы прощупывали уязвимые места в глухой стене непонимания, воздвигнутой властями и безбожниками. Господь видел, что мы вновь и вновь стучались в их двери! Господь видел, что мы шли к ним с раскрытым сердцем, но были

осыпаны ударами и гонениями! Но теперь уговоры кончились... Ибо есть время для слов, и есть время для действий... Сегодня мы взяли в руки оружие, чтобы разбить цепи, опутавшие волю Господа! Сегодня мы возродим Катаклизм и сгорим в нём дотла, а завтра – восстанем вновь...

Мощь, вот что слышалось в каждом слове Клим, и даже я, не разделявший идеалов секты, проникся энтузиазмом. Сложно сохранять светлую голову, когда все вокруг сходят с ума и вскидывают вверх кулаки, вопя раз за разом: «Возродимся! Возродимся! Возродимся!», – ещё немного, и я бы присоединился к этой эмоциональной оргии... если бы не ощущение чужого интереса.

Это был Лис. «Серый человек». Взгляд холоден, градусов за сорок по Цельсию, а может и ниже. В мгновение ока он заморозил уже начавшую подниматься руку. Ледяной ветер очистил сознание от напускной мишуры и красивых слов, оставив действительность: «Сегодня мы будем убивать».

Кулак опустился. Лис, не меняясь в лице, едва заметно подмигнул мне, а после – отвернулся, оставив один на один с осознанием, что я умудрился вляпаться в реальное дерьмо...

– Приготовьтесь встретить смерть, друзья мои!.. – голос Клим дрожал от волнения, и каждое слово его сопровождалось безумными воплями Фениксов. – Ибо сегодня мы возродим Катаклизм!

Я не хочу быть здесь, не хочу!.. Спокойно, только спокойно... Без паники!..

Вдох, выдох...

Прорвёмся... Как влезли, так и вылезем, всё обойдётся. Дуракам и новичкам везёт...

– И если мы умрём, друзья, то возродимся!.. ВНОВЬ!..

– ИЗ ПЕПЛА! ИЗ ПЕПЛА! ИЗ ПЕПЛА! – вопли осатаневших от переполняющей их энергии людей перекрывали рёв стихии. Могу спорить, что ударь сейчас в нас молния, пострадала бы только она...

Я прорвусь...

Господи, помоги мне...

Машина резко затормозила, едва не разбросав пассажиров по салону. Сидящий у выхода Лис потянул за ручку, впуская внутрь порывы шквального ветра и брызги дождя.

- Вперёд, друзья! Вы знаете, что делать!..
- Как фениксы, сгорев дотла!..
- Из пепла восстаём!..

Один за другим люди выпрыгивали наружу, исчезая за сплошной стеной ливня. Сцена фантастического фильма, некий переход из одного мира в другой, с совершенно иным лесом. Не тот, в котором мы провели ночь. Не тот, в котором я прогуливался в детстве, желая отыскать исчезнувшую деревню из рассказов мамы.

За пеленой дождя меня ожидало нечто совершенно другое. Страна, чужая для людей, в равной степени негостеприимной как к трусам, так и к храбрецам. Быть может, и населяют его вовсе не люди, а кто-нибудь получше нас?

Пусть я и умудрился натянуть на себя плащ-палатку, но, когда в дверном проёме скрылся последний из членов группы, я так и остался сидеть на своём месте. Салон затопил холодный ветер, но лицо моё полыхало от жара, руки подрагивали, зачем-то прижимая к груди нелепый автомат. Я таращился на дождь и молился, чтобы Фениксы забыли обо мне! Они ведь прекрасно справятся и без этого бесхребетного новичка! Пусть их пальцы жмут на спусковые крючки, пусть они носятся по этой треклятой чаще, а я хочу остаться в теплоте и уюте микроавтобуса.

Не хочу идти с ними! Господи, какого лешего я здесь забыл? В какой момент я вызвался на участие в этой безрассудной операции? Чем был недоволен в жизни? Одиночеством? Постоянством? Увидел небезразличную ко мне девушку и расклеился.

Удивительно, но после этой мысли из дождя вынырнула Зоя, уже успевшая насквозь промокнуть. Красная повязка сменила цвет на бардовый. С торчащих из-под неё волос падали капельки воды, а под повязкой полыхал взгляд осатаневшей от злости революционерки. Да, это определение подходит ей как

нельзя лучше – пятнистые армейские штаны, зелёная штор-
мовка, за спиной – миномётная двунога. В руках пистолет-пу-
лемёт, а в голове – яркое пламя фанатичной веры. Оно отража-
ется в глазах Зои, невольно перекидывается на меня, заставляя
ещё плотней прижиматься к спинке сиденья.

Грохоча ботинками, девушка подошла ко мне и нагнулась
вперёд. Лицо её было всего в паре сантиметров от моего, прямо
как в том сне про горящий лес.

– Не... – начал было я дрожащим от страха голосом...

Девушка выбросила вперёд руку, закрыла мне рот ладонью
и приблизилась ещё ближе. Мокрые волосы коснулись лба, пре-
рывистое дыхание пробежало по щекам, забираясь глубоко в
поры кожи и вызывая новые вспышки жара. Дрожь усилилась,
до слуха донёсся стук автомата о деревянную застёжку плаща.

– Ты нужен мне, Гус, – прошептала девушка. – Без тебя мне
не справиться.

Голос спокойный, каждое слово произносилось отчётливо
и отдельно, словно молоток забивал гвозди, однако всё, абсо-
лютно каждая деталь в девушке кричало: «Если ты не подни-
мешь свой зад с места – я оторву его и заброшу подальше в этот
долбанный лес!»

– Ты нужен мне, – повторила Зоя. – Ты нужен нам.

Я нервно взглотнул комок, стоящий поперёк горла, и кив-
нул. Девушка ответила тем же и убрала руку.

– Я боюсь...

Эти слова сорвались с языка настолько импульсивно, что я
не успел ничего сообразить. Ночной стыд вернулся, приведя с
собой подкрепление – страх разочаровать единственную и не-
повторимую Зою. Запоздалая мысль. Я уже всё испортил, при-
вычно забившись в угол, когда девушка нуждалась в моей по-
мощи. Перед глазами предстала яркая картина: Зоя меняется в
лице, смотрит на меня с жалостью и отвращением, и, ничего
больше не говоря, отбирает опорную плиту... Исчезает где-то в
лесу, один на один с тяжестью миномётных деталей и сверкаю-
щими над головой вспышками молний, а я продолжаю сидеть

здесь... Так же, как сидел тогда, год назад, глядя, как мои знакомые и одноклассники уезжали на периметр.

– Ты мне нужен, – произнесла Зоя, но, вопреки ожиданиям, голос её был полон теплоты и понимания. – Вставай, будем бояться вместе.

Невесомый поцелуй коснулся моих губ, но не успел я ничего сообразить, как девушка отстранилась и сделала шаг назад. Секундное касание, такое мимолётное, что впору сомневаться, существовало ли оно вообще, заставило сердце учащённо биться. Как ужаленный, я вскочил с места и смотрел на ангела, воплощённого в плоти и крови, но не потерявшего небесного начала. Страх всё ещё сжимал моё нутро, но теперь его вызвало не туманное будущее, а перспектива выпустить из рук ту тонкую ниточку, что только что связала нас с Зоей.

– Вперёд, – произнёс я.

Огонь в глазах девушки вспыхнул с новой силой, словно машинист паровоза закинул в топку чересчур большую порцию угля. Я сгорел в этом огне и возродился вновь.

– Вперёд, – повторила она.

Мы прыгнули в ливень и растворились в раскатах грома.

– Молодёжь, – ухмыльнулся водитель с всё ещё дымящейся во рту папиросой.

Машина неохотно завелась и уехала, отрезая все пути к отступлению.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

МАЛОСЯ КРОВЬ

После полумрака уютного салона «Газели» бурлящая и грохочущая улица показалась эпицентром глобального апокалипсиса. Мрачное небо билось в агонии и изо всех сил пыталось утащить с собой на тот свет кого-нибудь ещё, видимо, чтобы в преисподней было не так скучно. Оно намеревалось утопить землю, превратить её в кипящую под ливнем грязь, расщепить ударами молний, раз за разом озаряющими прогибающийся под ветром лес. Словно все демоны ада собрались вместе, чтобы отрубить курице голову, но, когда топор уже опустился, и забила фонтаном кровь, глупая птица решила показать характер. Прямо сейчас, именно в этот момент ревущие на все лады чудовища носились по округе, пытаясь догнать отчего-то нежелающую умирать Рябу, попутно применяя все средства из своего арсенала.

– Гус! – послышался крик Зои, едва различимый на фоне ревущей стихии.

Поплотнее запахнув плащ, я побежал к черте леса, у которой едва различались фигурки остальных членов отряда. Ноги норовили разъехаться в стороны, ещё не высохшие после утренней прогулки сандалии превратились в два аквариума с бултыхающимися внутри кусками грязи. Девушка, напротив, двигалась так быстро и стремительно, словно перед ней была прибранная дорожка стадиона, а не бугристый кювет.

Миновав заросли борщевика, я кое-как взобрался на пригорок.

– Медленно шла, принцесса! – послышался сверху голос Крюгера. – Если из-за тебя сорвётся операция, советую сразу топиться в ближайшей луже! Понял?

Я ничего не ответил, изо всех сил сосредоточившись на стуче дождя о плотную ткань капюшона. Пусть говорит, что хочет. Я здесь только ради неё...

– Живее, времени всё меньше! – выкрикнул Клим, поправляя размякший от воды берет, теперь выглядевший не столь пафосным. – Миномётчики – на позицию! Бегом!

– За мной, – без особого энтузиазма буркнул Дрон и засеменял вглубь чащи.

Я и Зоя поспешили следом, остальные же, клацая затворами, устремились вдоль кромки леса и вскоре исчезли среди раскачивающихся на ветру ветвей.

Удерживаемый кронами деревьев ливень сбавил обороты, но не исчез полностью. Я всегда любил дождливый лес, в нём было нечто завораживающее, настраивающее на особый лад, но сейчас для созерцания местных красот попросту не было ни времени, ни желания. В поле восприятия попадали лишь мелкие незначительные детали, наподобие хлюпавшего под ногами мха и с хрустом разламывающихся веток. Мимо проносились изъеденные морщинами стволы деревьев, то и дело озаряемые ударами молний, а вопящая под порывами ветра листва изо всех сил пыталась перекричать апокалипсис. Я же старался не отставать от товарищей и сосредоточиться на дыхании.

Бег давался адски тяжело. Удерживающие опорную плиту ремни ослабились от качки, и вскоре увесистый кусок металла принялся колотить по копчику. словно сговорившись с ним, пистолет-пулемёт больно бил по бедру, однако остановиться и поправить снаряжение времени не было. С каждым метром я чувствовал, как закреплённые на груди подсумки с минами становились всё тяжелее, ноги всё неохотней передвигались по раскисшей подстилке. В определённый момент мне начало казаться, что плащ дал течь, потому что так потеть мне не приходилось даже на тренировках.

Сколько это продолжалось – определить тяжело. С каждой следующей сотней метров спина Зои отдалялась всё сильнее, всё назойливей крутилось в голове желание остановиться и перевести дух, однако каждый раз, уже практически сдавшись, я вспоминал тот поцелуй в автобусе.

Зоя надеется на меня, я нужен ей! Я не должен её подвести!..

Эти мысли помогали делать следующий шаг, а иногда я даже умудрялся сократить дистанцию до товарищей настолько, что слышал их крики: «Шевелись, Густав!»

Пожалуй, долго я в таком темпе не продержался бы, но, к счастью, впереди показалась небольшая просека, по краям которой валялись давным-давно позабытые стволы деревьев.

Выбравшись на этот уродливый шрам, оставленный некогда людьми, я хотел было рухнуть на землю и поскорей умереть, но командующий миномётным расчётом Дрон имел иные планы на моё времяпрепровождение:

– Место миномёта здесь, направление – силовая башня! К бою!

Видимо, сыграли свою роль рефлексy, вбитые в тело постоянными повторениями одних и тех же действий. Сбросив плащ, я поспешил завернуть в него снаряды, после чего избавился от опорной плиты. Дрон извлёк из рюкзака две складных сапёрных лопатки, и, после некоторых приготовлений, мы принялись выкапывать небольшое углубление. В это время Зоя добавила к моему боезапасу ещё несколько снарядов и взялась за подготовку лафета к установке. Когда с обустройством позиции было покончено, мы присоединили ствол к опорной плите, а после – двуногу-лафет. Лязгнули цепи, я уцепился за амортизатор, а Дрон закрепил наметку. Скрипя, провернулся вороток зажимного винта обоймы, после чего Зоя расстегнула болтающийся на шее футляр, достала прицел и закрепила его на оружии, тем самым закончив сборку.

Подняв увесистый миномёт, мы установили его в подготовленной ямке, выравнивали по продольному и поперечному уровням и, наконец-то, смогли расслабиться. Орудие было готово к бою, осталось лишь снять дульный чехол и навестись на цель.

– Леший, я Горизонт, мы на позиции, приём, – зажав кнопку радиации, доложил Дрон.

Прошло несколько секунд, мигнул светодиод приёма сигнала. Андрей молча выслушал указания Клим. По довольному лицу парня можно было сделать вывод, что всё идёт по плану.

– Из пепла восстаём! – рявкнул Дрон в рацию, прерывая связь, и обратился уже к нам. – Перекур!

Команда эта, собственно, в прямом её смысле, коснулась только самого Дрона. Распечатав новую пачку, он тут же плюхнулся рядом с миномётом и закурил. Зоя прислонилась к одному из спиленных деревьев, я же предпочёл не уходить далеко от своей позиции – места с боекомплект. Для спокойствия, проверил ткань плаща, не промокает ли, и аккуратно осмотрел снаряды на дефекты: перья стабилизаторов, основной заряд, дополнительный, взрыватель, – визуальное всё в полном порядке. Разве что во время тренировок снаряды выглядели несколько иначе, но это уже несущественно, всё же, сейчас у нас настоящее оружие, а тогда был лишь макет.

Восьмидесяти двух миллиметровый зверь замер, ствол повёрнут в сторону виднеющейся на горизонте силосной башни. Ждёт, когда мы снимем с него намордник. Хотя, называть оружие чудовищем неправильно, настоящие монстры жмут на спуск, метал же не виноват в том, что из него отлили именно инструмент смерти. Этот же сплав мог стать чем угодно: ложкой на кухонном столе, поручнем в метро... Хотя, это уже моя фантазия разыгралась – до столового серебра нашей стали далековато.

Раздался едва уловимый писк, недокуренная сигарета с шипением упала в мокрую траву.

– По местам!.. – скомандовал Андрей, не отрывая от уха радиацию. – Я Горизонт, приём!.. Понял!..

Началось...

Из-за пазухи появилась мятая карта и от руки начерченная таблица. Пару секунд Дрон водил пальцем по координатной сетке, беззвучно бормоча что-то, мы же с Зоей сели на колени возле орудия, готовые выполнять приказы командира.

– Угломер двадцать пять, шестнадцать!..

Зоя припала к прицелу:

- Есть!
- Прицел... Шесть, восемьдесят четыре!
- Есть!
- Точка наводки⁷¹ – левый край башни!

Я помог сместить орудие, ствол встал параллельно просеке, смотря напрямиком на силосную башню, возвышающуюся в метрах двухстах впереди и так удачно видимую с нашей позиции.

– Готово! Уровень выставлен! – доложила Зоя, нервно поправляя налобную повязку.

– Блин, при таком ветре хоть раз куда-нибудь попасть, – поморщился парень, вглядываясь куда-то в небо. – Снять чехол, осколочный, приготовиться к заряданию!

Я сдёрнул со ствола дульный чехол и взял в руки одну из увесистых мин. Пальцы обожгло могильным холодом сотен осколков, скрытых в корпусе снаряда.

Дрожащей рукой снял пломбу...

– Готов, – доложил я осипшим голосом.

– Ствол водой зальёт без предохранителя... Чёртов Белов...

Капли дождя били по волосам, стекали вниз по лицу и забирались за шиворот. Нестерпимо хотелось встать и по-собачьи отряхнуться, но я не двигался с места, лишь вслушивался в раскаты грома, боясь пропустить из-за них нужную команду. Неожиданно мне почудился посторонний звук, практически неразличимый за завесой дождя.

– Андрей...

– Чего? – Дрон, внимательно слушающий рацию, раздражённо обернулся.

– Мне кажется... я вертолёт слышал...

Зоя издала нервный смешок. Дрон какое-то время молчал, видимо, пытаясь уловить услышанный мной стрёкот:

– Тебе показалось. В грозу никто не летает.

⁷¹ Точка наводки – местный предмет, используемый для горизонтальной наводки орудий при стрельбе с закрытых огневых позиций.

– Сосредоточься, Гус, – девушка, улыбнулась и провела рукой по моим волосам.

Её ладонь подрагивала от напряжения, да и сами касания не отличались особой нежностью, больше напоминая брезгливое прикосновение к блохастой собаке, но даже от такого проявления внимания мне хотелось заурчать. Жаль, урчать я не умею.

Секунда тянулась за секундой, время растянулось, замедлилось, снаряд в руках становился всё тяжелее. Нестерпимо хотелось вернуть его к остальным и никогда не доставать этих оперённых чудовищ.

– Выстрел!

В голове кто-то щёлкнул выключателем, все не относящиеся к делу мысли тут же растворились в металлическом скрежете загоняемого в ствол снаряда. Отпустив корпус мины, я тут же упал вниз и сжал уши ладонями, но эта предосторожность оказалась лишней – грохот выстрела потонул в новом рычании непогоды.

– Приём... Понял тебя!.. Правее тридцать!..

– Есть правее тридцать!

– Осколочной, огонь!

Ухнул второй снаряд, улетая куда-то далеко-далеко, и, возможно, обрывая чьи-то жизни. На расстоянии убивать – легче простого, но ещё легче – казнить тех, кого вовсе не видишь. Можно вообразить, что стреляешь по картонным мишеням. Так куда проще готовить следующий снаряд к выстрелу.

– Проммах, чёрт, слишком сильный ветер!..

– Господь, направь снаряды в цель, – шептала Зоя, прикрыв глаза. – Катаклизм, не дай им отклониться от выбранного курса...

– Правее шестьдесят!..

– Готово! Правее шестьдесят!

– Осколочным огонь!

Сдаётся мне, Фениксы сейчас все молятся. От нашей точности зависит успех всей операции, и, как следствие – жизни ударной группы, готовящейся к штурму.

– Есть попадание!.. Движущаяся бронетехника, по моему сигналу!..

Снаряд уже почти внутри, цепляет стабилизатором стенки ствола.

– Выстрел!..

Мина выскользнула из ладоней, но в этот раз звук выстрела отличался от предыдущих. Шипя, снаряд едва вылетел из ствола.

– Недолёт! – крикнул Дрон в рацию.

Взрыв бракованной мины раздался слишком близко. Главное, чтобы одна из этих штуквин не рванула прямиком в стволе – тогда нас ничего не спасёт.

– Выстрел!

Ухнул следующий, четвёртый выстрел. Будет настоящим чудом, если мы умудримся поразить хоть какую-нибудь мишень в таких тяжёлых условиях.

Спустя секунд десять раздался писк рации.

– Попадание!.. – на лице Дрона расцвела улыбка. – Пехота в укрытии, левее...

Так продолжалось до тех пор, пока не закончились снаряды. Страшно представить, что творилось там, куда мы стреляли – мне доводилось видеть воронки от попаданий, однажды я даже лицезрел раскуроченную взрывом военную машину. Не знаю, можно ли таким калибром поразить танк, но вот бронетранспортёр – легко.

– Всё, теперь от нас ничего не зависит, – Дрон плюхнулся на землю и закурил очередную сигарету. Сделав затяжку, парень потёр шею и сморщился. – Чёрт, болит ещё...

– Они выдвинулись? – вглядываясь в неровные ряды деревьев, спросила у него Зоя.

– Ага...

Какое-то время я продолжал сидеть на прежнем месте, тайком разглядывая подрагивающую от холода девушку, но вовремя спохватился и набросил ей на плечи плащ. Та, кажется, даже не заметила этого. Зоя вглядывалась вдаль, словно могла разглядеть там Клима и его ребят. Я даже приблизительно не

представлял, что же там сейчас происходит. Никто не ставил меня в известность о цели операции, да оно и к лучшему. Меньше знаешь – крепче спишь. Единственное, что я ненароком уловил из подслушанных разговоров, так это туманные рассказы про некий «Объект», но что это значит – ума не приложу.

Раздался оглушающий удар, земля под ногами вздрогнула. Сперва я принял его за близкий разряд молнии, но никакой вспышки не было, так же как не было брызг грязи, оказавшись это ответным огнём. Нет, это нечто совершенно иное... Мы упали на землю и рефлекторно прикрыли головы. Звук повторился, но на этот раз он был куда более протяжным и напоминал удар по стенке пустого бидона. Шелест деревьев слился в монолитное шипение, напоминающее шум телевизионных помех, на фоне которого тут же растворились и ливень, и гром.

Мы недоумённо посмотрели вверх. Серое прежде небо приобрело какой-то зеленоватый оттенок и пульсировало изнутри.

– Какого хрена? – выдохнул Дрон.

Пискнула выроненная рация, парень судорожно поднял её и жажал кнопку приёма. В это время гул становился всё ниже, постепенно переходя в ультразвук. Ливень, прежде казавшийся бесконечным, утихал. В лесу воцарилась гробовая тишина, нарушаемая лишь шуршанием нашей одежды.

– Что?.. Повтори!.. Я... – на лице Андрея читалась вся гамма замешательства и растерянности. – Понял!.. Зоя, Гус, собираем миномёт и уходим, быстро!

– Что произошло? – девушка побледнела, как мел.

– Чушь какая-то... Я не знаю! – неожиданно вспыхнул Андрей, переходя на крик. – Шевелитесь, млин!

Разборка орудия длилась куда дольше, сказывались шалящие нервы и полное непонимание происходящего. Куда испарилась гроза, что за звук мы услышали? И почему небо позеленело? Ясно лишь одно – план накрылся медным тазом и теперь начиналась импровизация.

Хотя, есть одна догадка на счёт происходящего... Но вслух её озвучивать не хотелось.

– Быстрее, тетеря! Уходим в лес!..

Я едва успел завьючить опорную плиту, когда повторился уже слышанный ранее звук. Видимо, на этот раз он не был галлюцинацией, ибо Фениксы тоже замерли, недоумённо всматриваясь в небо на востоке, откуда доносился приближающийся стрёкот.

– Все в лес! – крикнул Андрей, но было слишком поздно.

Взбивая винтами воздух, над нами пронёсся вертолёт. Описав дугу над просекой, он завис на месте. Кажется, я даже различил шевеление пулемёта на хищной морде машины.

– Вперёд!

Мы бросились в чащу. Раздался оглушительный рёв пулемёта, по земле пробежала цепочка взрывов, разлетелись в щепки несколько ближайших к нам деревьев. Стрёкот усилился, а вместе с ним участилось и моё дыхание. Что-то зашипело, и я рефлекторно прыгнул за поваленное дерево. Оказалось – как нельзя вовремя, позади рванула ракета, окатив комками грязи импровизированное укрытие. От страха перехватило дыхание, надо было бежать вперёд, но я не мог даже пошевелиться. Рядом, словно из-под земли, появилась Зоя: глаза вытаращены, в руках сжат пистолет-пулемёт. Дрона нигде не видно.

– В лес, прикрываю! – закричала она и вскинула оружие, но я тут же повалил её.

Вновь загрохотала длинная очередь, одно за другим падали стволы кедров и берёз.

– Мать твою, отпусти меня! – зашипела девушка.

Щёлкнув затвором, она в одно зажатие опустошила магазин по атакующей машине, но для той пистолетные пули были, как семечки. Одна из раскалённых гильз упала мне прямоком за шиворот, заорав, я вскочил и бросился бежать. Казалось, что это одна из пуль угодила мне в спину...

Прозвучало ещё несколько автоматных очередей, девушка бросилась следом. Вертолёт уже делал новый заход, когда мы добрались до деревьев. У одного из стволов неподвижно замер Дрон – шея парня превратилась в разорванный кусок кровотокащего мяса, оторванная голова лежала в нескольких шагах.

Увидев тело, девушка словно налетела на стену:

– Андрей...

– Нельзя стоять, бежим! – я потянул Зою за рукав, но та, резко изменившись в лице, оттолкнула меня и вскинула оружие.

– Убери, блин, от меня руки! – голос пропитан такой лютой злобой и ненавистью, что я уже подумал, что получу сейчас очередь в живот. – Они заплатят за всё! Он восстанет из пепла, Гус! Мы все восстанем из пепла!

Она расхохоталась и побежала вперёд, а вокруг одно за другим взрывались стволы деревьев. Видимо, лётчик потерял нас из виду и теперь бил наобум. Сердце колотилось со скоростью отбойного молотка. Я нёсся следом за Зоей, не понимая даже толком, куда именно мы бежим. Каждый следующий шаг – последний, каждый разрыв – похоронный. Каждое несказанное слово – прощальное. Клянусь, если я выберусь живым из этой передраги – никогда больше не буду жаловаться на тишину и спокойствие! И перестану носить сандалии!

Гонка со смертью продолжалась, вертолёт не желал отпускать нас восвояси. Подобно борзой, загоняющей беззащитного оленя, он преследовал жертву, и с каждой новой очередью разрывные пули ложились всё ближе и ближе. Когда лес неожиданно кончился, я едва успел затормозить – впереди возник крутой обрыв, ведущий к широкой полосе мелководной реки. Высоко над головой пульсировало изумрудное небо, в свете которого вода казалась зелёной.

Зоя растерянно озиралась по сторонам, узел повязки ослаб, и теперь ткань практически сползла ей на глаза. Я же, тяжело дыша, вслушивался в стрёкот над головой. Вертолёт по инерции пролетел вперёд, но тут же развернулся. Машина медленно приближалась, одновременно снижая высоту, пока не оказалась на одном с нами уровне.

– Стреляй! – заорала девушка, сбрасывая рюкзак.

Я хотел было крикнуть в ответ, мол, из чего стрелять-то, но вспомнил про пистолет-пулемёт, лишь чудом не оброненный во время забега по лесу. Нащупав рукоять, я вскинул заляпанного

грязью «Скорпиона» и нажал на спуск, но ничего не произошло. Чёрт, затвор! Надо передёрнуть затвор! Пальцы попытались ухватиться за выступающие из корпуса пуговики, но те оказались слишком скользкими...

На лице ощущались потоки воздуха, выпускаемые надвигающимся вертолётom. Пилот, движимый садистским удовольствием, не спешил открывать огонь. Воображение рисовало, как стрелок, сидящий в одной из стеклянных полусфер кабины, наводит прицел на парочку дураков, решивших поиграть в партизан, но неожиданно угодивших на настоящую войну.

Затвор никак не желал поддаваться, и я заорал от бессилия. Неожиданно мой крик подхватила Зоя. Время замедлилось, девушка плавно прошла мимо. Рот раскрыт в яростном вопле, лицо перекошено яростью... Правая рука отведена назад и сжимает горящую бутылку... Бросок, вертолёт только начинает уходить в сторону, когда коктейль Молотова врежется ему в кабину. Вспыхивает облако огня, тут же поглотившее всю переднюю часть машины... Ослепшее чудовище неуклюже заваливается в сторону, подставляя камуфляжный бок. Чиркает зажигалка, и без остановки кричащая Зоя отправляет в полёт второй снаряд. Охваченная пламенем машина начинает набирать высоту, но в этот момент вновь раздаётся грохот. Небо вспучивается пузырями, окружающая реальность покрывается помехами, словно изображение на неисправном телевизоре. Несколько зелёных молний ударяет в деревья на противоположном берегу реки, а следующая попадает прямоком в горящий вертолёт. Кружащая на месте машина разражается беспорядочным огнём, а неизрасходованные ракеты взрываются прямо на направляющих.

Цепочка попаданий проходит прямоком по стене обрыва, и целый кусок земли уходит вниз, прихватив за собой и меня, и всё ещё вопящую Зою. Грохот взорвавшейся машины, я качусь вниз. Что-то больно бьёт по плите, всё ещё болтающейся у меня за спиной...

Не успевает тело долететь до воды, как сознание проваливается в спасительную черноту...

Темнота такая плотная, что я ощущаю её горьковатый привкус на языке. Так выглядит первородная ночь, никогда не знавшая звёзд, не встречавшая человека, способного рассеять мрак огнём факела. Я ощущаю её интерес, чувствую на себе внимательный взгляд, улавливаю мягкие прикосновения... Ночь похожа на ребёнка, впервые встретившегося с волком, таким интересным и притягательным, но интуитивно опасным...

Я сплю. Эта мысль звучит в голове так чётко и уверенно, как никогда прежде. Со мной и раньше случалось такое. Я понимал, что нахожусь во власти сновидений, и всякий раз с этим осознанием приходило чувство вседозволенности. Не было никаких законов, никаких правил, я выходил за рамки сценария, но сейчас такого ощущения не было. Это был сон, но не мой... Чей-то ещё...

В руке какой-то продолговатый предмет. Мысль приходит откуда-то извне: «Это фальшфейер. Зажги его». Всё верно, и я не могу послушаться приказа – в руке вспыхивает кроваво-красный свет, и тьма с шипением расступается...

На мне надет жёлтый дождевик, местами заляпанный какими-то чёрными пятнами, напоминающими машинное масло. Резиновые сапоги увязли в грязи, обманчиво припорошённой сверху палой листвой и сухими ветками. Вырываю левую ногу и делаю шаг вперёд, затем второй...

Этот сон послан мне не просто так, я что-то должен узнать в нём, какую-то информацию, без которой мне не выжить в...

В чём?..

В Катаклизме?..

Мысли чересчур спокойны для такого громкого заявления. Третье пришествие загадочного явления, разве не этого я ждал? Разве не этого хотел, мечтая стать героем? Или всё это было пустой бравадой? Так легко ответить «да» или «нет», но я никак не могу выбрать что-то одно, слишком много неизвестных в этом уравнении.

Ноги мягко погружаются в зеленоватое месиво, а после – с чавканьем вырываются наружу. Я шагаю вперёд, мимо проступающих из темноты деревьев. Точнее, это даже не деревья, я

гладкие тени топорщащихся ветвями стволов: на них нет ни коры, ни листвы, ни каких-либо иных деталей – лишь силуэт, залитый чёрным. Попад на них, свет фальшфейера растворяется, аккуратно огибая препятствие... Иду дальше, на доносящийся спереди лай...

С каждым шагом звук становится всё чётче, я погружаюсь в мрачную чашу всё глубже, всё отчётливее осознаю, что стал непрошенным гостем в чужом доме. Круг света ползёт вперёд, до рези в глазах вглядываюсь во тьму... Кого я хочу рассмотреть в ней? Удивлённого моим появлением хозяина?

Последний не заставляет себя ждать, пройдя ещё несколько метров, я замечаю тёмный силуэт, стоящий прямо на моём пути. Точнее, сперва из темноты проступают одни ноги, такие же чёрные, как стволы деревьев. Всё внутри сжимается от приступа страха, но я делаю ещё один шаг. Свет фальшфейера отхватывает ещё один кусок темноты, из которого проступает вся фигура. Существо похоже на человека, но лишь очертаниями: никаких деталей, никаких особенностей, даже грудь не вздымается от дыхания – один лишь неподвижный силуэт, перегородивший мне дорогу. От твари не исходит никакой угрозы, она никак не проявляет своих намерений, но шестое чувство назойливо уверяет меня, что подходить ближе опасно.

Собачий лай усиливается, захлёбывающееся животное приближается, но из-за гуляющего между стволами эха невозможно определить, с какой стороны. Параллельно с этим плавно нарастает шелест листвы, но откуда ему здесь взяться, если ветви деревьев абсолютно пусты?

Из темноты выпрыгивает овчарка. Она угрожающе оскаливается, но не на меня, а на тварь во тьме. Кажется, она защищает меня, но я никак не могу понять, почему.

Рычание становится всё более озлобленным, шерсть на загривке встаёт дыбом, капли густой слюны свисают с клыкастой пасти – собака вот-вот бросится на врага. Мрачный силуэт впервые приходит в движение... Рывок, и он делает два быстрых

шага вперёд, каждый из которых растворяется в оглушительном скрипе стволов. Шелест листьев затопливает всё вокруг, красный свет фальшфейера бледнеет под его напором, но я продолжаю стоять на месте, не в силах пошевелиться от ужаса.

Это не просто оживший кусок ночи, зачем-то решивший принять форму человека. Чем тусклее становится свет, тем больше удлиняются его конечности, превращаясь в уродливые ветви. Тело сужается, покрывается корой, во тьме проступают очертания лица, белого, словно мел... В памяти вспыхивает смутное узнавание, словно я знаю это существо...

Воцаряется крошечная тьма, затаив дыхание, я вслушиваюсь в лай, и первое время истоиво молюсь, чтобы зверь сумел защитить меня от надвигающегося из мрака чудовища. Но вскоре рычание начинает меняться, гавканье искажается, становясь то выше, то ниже, словно проигрывающий его магнитофон зажевал плёнку. Животное увеличивается в размерах, адаптируясь под габариты противника, но, в отличие от последнего, его метаморфозы сопровождается не деревянный, а металлический скрежет. Я уже сомневаюсь, кого стоит бояться больше – надвигающееся из темноты белое лицо, или... жуткую тварь, некогда бывшую псом?

Шелест крон накатывает на потрескивание огня, дерево сталкивается с металлом...

Наконец, я выхожу из ступора и пытаюсь сделать шаг назад, но ноги слишком глубоко завязли в грязи. Какое-то время пытаюсь вырвать из болотного плена и с тревогой вслушиваюсь в нарастающее напряжение, пока не додумываюсь бросить обувь. Пятки выскальзывают наружу и опускаются в холод лесной подстилки, неожиданно не обнаружив у неё дна. Словно нож в масло, не встречая никакого сопротивления, я соскальзываю в сырость и черноту, ощущая, как тело обволакивают корни, а рот забивает тина...

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

ИЗНАЧЕНИЕ

вынырнул из кошмара. Во рту всё ещё ощущался гниlostный болотный привкус, а одежда насквозь промокла.

Где я? Что происходит?

Нестерпимо хотелось вскочить на ноги и побежать куда глаза глядят, но тело, затёкшее от долгого нахождения в одной позе, не позволило это сделать. Оно и к лучшему, после непродолжительного барахтанья, напоминающего возню перевёрнутого жука, я, наконец, понял, где нахожусь.

Лес. Самый обычный. Тихий и спокойный. Не слышно лая, исчез скрежет высокого существа, а кромешный мрак сменили сероватые сумерки. Кошмар кончился, оставив после себя отголоски блуждающего в крови ужаса.

В памяти одна за другой вспыхнули недавние события: ночёвка, автобус, стрельба из миномёта, горящий вертолёт и... зелёное небо. Судорожным движением запрокинул голову, боясь вновь увидеть изумрудные всполохи, но обнаружил лишь потолок туч, да ничем непримечательные кроны деревьев.

– Зоя? – настороженно позвал я, но никто не ответил.

Странно, она должна быть где-то поблизости, если конечно не...

В воображении вспыхнула красноречивая картина окровавленного тела, погребённого под обломками падающей вертушки. Из горла уже готов был вырваться крик, но я проглотил его. Стоит соблюдать осторожность, ни к чему шуметь, вокруг

могут рыскать поисковые армейские группы... А они наверняка рыщут, к гадалке не ходи, если даже вертолёт не пожалели и отправили в грозу, то пехота, как поётся в песне, пройдёт через горы и снега, на то она пехота.

Я кое-как расстегнул крепления опорной плиты миномёта и встал на четвереньки. От прикосновений к мягкой земле на ладонях оставалась неприятная жирная плёнка.

– Зоя, где ты?

Повертел головой, вполне резонно рассчитывая увидеть обрыв и реку, но тех не было и в помине. Совсем не было, даже вдалеке ничего не различить – лишь ряды корявых деревьев, да сгущающийся метрах в пятидесяти мрак. Никакого снаряжения так же не наблюдалось, при мне осталась лишь плита и измазанный грязью автомат. Учítывая недавние события, что он есть, что его нет – одинаково. Тем не менее, я подтянул к себе оружие и кое-как очистил его от налипших комков земли. На этот раз затвор удалось передёрнуть с первого раза, ладонь обхватила рукоять, и во мне, наконец-то, проснулся хоть какой-то мужчина. Настолько суровый, что я позволил ему позвать чуть-чуть громче:

– Кто-нибудь?

В ответ – лишь шелест листвы. Быть может, Зоя ушла в поисках подмоги или за ветками для будущего костра? Тогда должны были остаться её вещи... Её схватили? Ага, а меня оставили, мало ли, вдруг проснётся, весь такой смелый и сильный, да навешает. Куда более правдивым выглядит иное объяснение.

Меня бросили...

Чего скрывать, я и сам бы себя бросил, но тут одна нестыковка. Чтобы бросить меня в чаще леса, девушке пришлось бы сперва перетащить сюда, и это при дополнительном весе в виде массивной плиты. Разумный человек отцепил бы лишний груз. Я перевернул массивный кусок металла и замер. Плоская поверхность плиты, закрывавшая мне спину, испещрена вмятинами и выщерблинами, словно в неё выпустили несколько очередей. Край и вовсе аккуратно срезан, да так ровно, словно специальным аппаратом поработали.

Осталась последняя версия.

Катаклизм...

Отсюда и исчезновение обрыва, растворившаяся в воздухе Зоя, покорёженная миномётная плита, и даже эта полумгла, вуалью накрывшая лес. Зелёное небо, гул в небе.

Во многих фильмах и книгах, для остроты сюжета, главный герой оказывается в совершенно незнакомом месте и считает, что всё хорошо. Такой вариант возможен только в низкосортных сценариях. Персонаж проваливается под землю, едва отбивается там от тысяч чертей, а после, очнувшись в самой глубокой яме ада, искренне полагает, что всё это было фантазией. Сейчас он спокойно выползет наружу, отряхнётся, по пути домой возьмёт бутылочку пива и на пару часов забудет обо всём произошедшем. Чушь! Засыпая в дерьме, ты и просыпаешься в дерьме, такова реальность!

Мать его... Катаклизм... Эти идиоты умудрились разбудить его. Что за дрянь мы обстреливали?

Фениксы знали если не всё, то многое о Катаклизме, в их рядах были и солдаты с периметра, и беженцы из самого города. Они изучили его повадки настолько, насколько это вообще было возможно, и любой из них с полной уверенностью сказал бы сейчас! Что вы думаете? Мол, да, ты прав, это действительно Катаклизм! Молодец, учил матчасть! Чёрта с два. Любой из них сказал бы два слова, только два, не более:

– Тебе трындец.

Будь между нами более-менее дружеские отношения, то три:

– Тебе трындец, брат.

А что дальше? Дальше по тексту – сгорим и восстанем.

Я не хочу сгорать и не хочу восставать из долбанного пепла! Я не готов умирать здесь, в каком-то болоте! Никогда не был готов и особенно не готов сейчас!

На осознание этого факта хватило секунды. Руки уже начало потряхивать, а на лбу выступила испарина. Теперь я взглянул на окружающий меня лес под совершенно иным углом. Это враждебная территория, здесь нет безопасных мест,

нет союзников. Нет кнопки быстрого выхода из игры. Есть ряды стволов, за каждым из которых прямо сейчас меня может ожидать опасность. Есть автомат, который не факт что выстрелит, когда потребуется, и есть я, замерший на открытом месте.

Я неуклюже перебежал к ближайшему дереву. Колени подрагивали, рукоять автомата стала скользкой от пота. Нога наступила на ветку, и та с хрустом сломалась, да так громко, что я упал на землю. Спокойно, без паники, это всего лишь лес, пока что ты в безопасности.

Стоило бы закрыть глаза и отдышаться, привести хаотичный круговорот мыслей хоть в какой-нибудь, чисто формальный, порядок, но глаза закрывать до чёртиков страшно. Я должен видеть всё, что происходит вокруг. Я должен... Чёрт, да соберись ты уже, давай! Давай же!

Спокойно, спокойно, спокойно! Повторив это слово около полусотни раз, я кое-как убедил себя в том, что вокруг нет ничего опасного. Не стоит паниковать раньше времени. Сейчас надо собраться и выстроить хоть какой-нибудь план действий. Как на счёт компаса? Ну конечно, ты же взял с собой компас, действительно! Что, не взял? А если бы и взял, то куда пошёл? На юг, на север? Да тебе и карта не помогла бы, ты же не умеешь с ней обращаться – единственное, чему тебя научили сектанты, так это разбирать и заряжать миномёт! Ты видишь где-нибудь поблизости миномёт? Нет? Вот и я не вижу!

Ладно, а чему ты сам научился, пока беспробудно бухал? Зубами открывать бутылку и подбирать идеальные саундтрек для суицидальных размышлений?

Пока в голове проносился этот идиотский монолог самоуничтожения, я то устремлялся куда глаза глядят, то пытался забраться на дерево, а то и вовсе ложился за стволом, выцеливая в полумраке выдуманных чудовищ. Так могло продолжаться бесконечно долго, а самое обидное, абсолютно безрезультатно. Я оставался на том же месте, на котором проснулся.

Наконец, спустя десять или двадцать минут, мне удалось более-менее прийти в себя. Благо, вокруг не раздавалось никаких посторонних звуков, даже деревья не так сильно скрипели. Поднявшись на ноги, я попытался рукавом стереть пот со лба, но лишь измазал лицо грязью. Ещё с секунду постоял, раздумывая, не сделать ли пробный выстрел. Убедиться, стреляет этот огрызок, или все механизмы начисто забило землёй. Нет, глупая затея, лишний шум ни к чему. Где лишний шум, там лишнее внимание, а лишнее внимание в Катаклизме – это «немножко» смерть...

Всё, хватит тянуть кота... Пофиг, куда идти, главное – идти. С этой мыслью я осторожно двинулся в чащу, понятия не имея, вглубь ли я двигаюсь или наружу...

Первое время это напоминало прогулку по минному полю. Так же неторопливо и осторожно. С той лишь разницей, что опасность могла таиться где угодно, не только под ногами. В подтверждение этому – тишина: ни птиц, ни животных. Лишь бормотание леса, да хруст веток под подошвами. Нехорошее место, чуждое человеку... Чтобы понять это, не надо быть семи пядей во лбу, такие вещи воспринимаются на уровне бессознательного и подкрепляются инстинктами, заложенными памятью поколений.

Тем не менее, спустя сотню другую метров, монотонность прогулки успокоила шалящие нервы. Автомат теперь висел на плече, а взгляд больше не метался от дерева к дереву в поисках опасности.

Шаг, ещё шаг...

За куртку зацепилась ветка. Я остановился и бросил взгляд в сторону, да так и замер. Среди одинаковых стволов одно выделялось раскuroченным в щепки боком. Да ведь это...

Не веря собственной удаче, я подбежал к привлёкшему меня кедру. По коре сбегали капельки янтаря, оголённая древесина уже начала темнеть, но следы ожогов всё ещё угадывались. Покрутив головой, я обнаружил ещё несколько растений, несущих на себе те же увечья. Попадания из вертолётной пушки!

На лице расплылась улыбка. Чёрт побери, каким-то невероятным образом я добрался до знакомых мест, теперь дело за малым – следовать по оставленным вертушкой меткам, а там – выйти на дорогу и дёру! Подальше отсюда!

Неожиданная находка зарядила меня таким оптимизмом, что отошли на второй план и страх, и острое ощущение опасности. Даже бормотание в пустом животе убавило в громкости. Всё внимание сосредоточилось на подстреленных деревьях. Я всё шёл и шёл вперёд, однако лес никак не желал заканчиваться. Неужели, мы так далеко отбежали от просеки? И почему на земле нет никаких следов попаданий – вдоль всего маршрута дёрн должен быть вспахан пулями и взрывами ракет. Сомнений на счёт верности выбранного пути прибавилось, когда я вышел на тропинку, по другую сторону которой не было ни одного повреждённого дерева. В недоумении я обернулся назад, вполне резонно ожидая не увидеть и тех следов, которые привели меня сюда. Нет, позади всё в норме... Жутко, странно, но не опасно – это главное. К тому же, тропинка выглядела куда выгодней вещей, она точно выведет куда-нибудь.

Терзания о выборе направления продлились недолго, я повернул направо и продолжил путь, но на этот раз с большим комфортом. На тропинке не было непролазных переплетений кустов, сверху не свисали острые ветки, норовящие выколоть глаза или оцарапать лоб, да и почва перестала хлюпать и пускать пузыри под ногами. Паника окончательно стихла, и я, наконец-то, ощутил себя хозяином положения, но ненадолго. Ровно до тех пор, пока не увидел какого-то человека, сидящего в стороне от тропинки.

Тут же вернулось понимание, где я нахожусь, и как следует себя вести в условиях Катаклизма. Не раздумывая, я плюхнулся на живот, палец лёг на автоматный спуск.

Хотелось окликнуть неизвестного, но горло словно скрутил спазм, и слова никак не желали вылетать наружу. Только и оставалось, что изо всех щуриться, пытаясь различить, кто именно затаился у меня на пути.

– А чего это вы там валяетесь, дядь? – послышался звонкий девичий голосок.

Растерявшись, я не сразу нашёлся с ответом.

– Устал... лёг отдохнуть...

Зажурчал детский смех, да такой заразительный, что и я улыбнулся.

– Простите, пожалуйста! Просто вы так смешно плюхнулись!

– Да ничего...

При ближайшем рассмотрении выяснилось, что девочка совсем ещё юная, не старше десяти лет. Сидит себе, прислонившись к стволу дерева, на коленях держит берестяную корзинку, накрытую белым платком. Внешность ничем не примечательная, самая что ни на есть обычная, разве что наряд какой-то винтажный, в старославянском стиле: жёлтая рубашка с завязками на запястьях, подол тёмно-зелёной юбки украшен бисером и разноцветным кружевом, волосы аккуратно сплетены в косу.

– А вы куда идёте, дядь?

На языке вертелось: «Ничего особенного, пытаюсь спасти свою никчёмную душонку».

– Домой.

– Меня Варя зовут, а вас?

– Гус... То есть Густав.

– Странное у вас имя, дядь. Ливонское⁷²?

Девочка, ты с дуба рухнула? Какое, к чёрту, ливонское?

– Не знаю... А тебя не учили, что с незнакомыми людьми нельзя разговаривать?

– В нашем лесу, дядь, незнакомых нет, – рассмеялась в ответ Варя. – Незнакомых тут волчок съедает!

От этого по-детски небрежного «волчок съедает» мне стало отчего-то не по себе. Поёжившись, я нервно поправил автомат:

– Раз волчок тут ходит, чего же ты одна по лесу гуляешь? Не страшно?

⁷² Ливония – историческая область (со 2-й четверти XIII века по 1561 Ливонская Конфедерация) на территории современных Латвийской и Эстонской республик.

– А вам не страшно?

Ну что за дурная манера отвечать вопросом на вопрос. Издевается она надо мною, что ли...

На протяжении всей беседы Варя продолжала сидеть у дерева. Вытянутые ноги легонько постукивали по земле, правая рука теребила кончик косы – сама беспечность. Ещё и улыбка не сползала с мордашки, словно девочка знала что-то такое, чего не знал я.

– Нет, не страшно, – ответил я, хотя от одной этой девчушки у меня мурашки по коже бегали.

Какого лешего ты здесь делаешь?..

А ведь действительно! Версия дурацкая, но мама рассказывала истории про леших. Мол, ходят они по своей чаще, ищут заплутавших путников, заманивают их в гиблые места. Говорят, могут обернуться кем угодно, от зайца до родного отца.

– А вот и врётё! – насупилась девочка, от негодования даже вскочив на ноги. – Врать нехорошо, тех, кто врёт – волчок наказывает!

– Ладно, ладно, мне страшно, – слегка опешив от такого напора, признался я, но тут же постарался перевести тему. – Я смотрю, волчок у вас здесь за органы правопорядка работает?

– Волчок он... – Варя пожала плечами. – Волчок, и всё. Никакой он не орган.

Только сейчас я заметил, что левый рукав у девочки болтался чересчур свободно, словно в нём ничего не было.

– Варвара, скажи... – взгляд намертво прилип к левой руке странной девочки. – А у тебя ручку... это...

– Ага, тоже волчок скушал, – ещё шире улыбнувшись, Варя помахала рукавом, и по движению ткани было заметно, что у конечности отсутствовала кисть. – Если долго отдыхать будете, то он и за вами придёт.

После этих слов Варя подхватила корзинку и весело запрыгала по тропинке. Первое время я ошалело следил за отдаляющейся фигуркой. В голове никак не укладывалось то веселье, с которым она рассказывала о потере руки и страшном чудовище, судя по всему, людоеде, рыскающем где-то неподалёку.

– Постой! Подожди меня! – спохватившись, что Варвара вот-вот пропадёт из виду, я побежал следом. – А ты куда идёшь?

– К бабушке, покушать ей несусь.

– А у твоей бабушки машина есть? Может быть, она меня до ближайшего населённого пункта подбросит?

– У дедушки была, да дедушка...

– Дай угадаю, волчок?..

– Не-е-ет, – захохотала Варя. – Деда на войну ушёл.

– Боюсь спросить, на какую...

– Известно, на какую. С ко́нтрой⁷³ воевать.

– Ну а бабушка твоя что?..

– А что ей? Ей волчок ножки откусил, она теперь сама ходить не может, вот я ей покушать и собираю!

Одна история потрясающей другой. Надеюсь, это всего лишь неудачные шутки глупого ребёнка, решившего поиздеваться над чужаком.

Земля насквозь проржавела от перегнивающей листвы. Кругом, куда ни глянь, стеной стоял частокол деревьев. Редкие порывы тёплого ветра пробегали по кронам, словно по клавишам пианино, но разбитый в хлам инструмент, вместо мелодии, издавал жалобный скулёж. Небо залито ровным слоем цемента, похоронившим под собой луну и звёзды – странно, что кругом царил полумрак, а не кромешная тьма. И на фоне всего этого великолепия, как ни в чём не бывало, по дорожке прыгала маленькая девочка. Одна рука у неё сжимала корзиночку с «пирожками» для бабушки, а второй руки у девочки попросту не было, потому что по лесу разгуливал некий «волчок», который, к слову, уже немало людей инвалидами оставил, а иных и вовсе целиком сожрал... Но девочка всё так же беспечно шла вперёд, улыбалась, и даже напевала что-то в полголоса...

– Варя, ты случаем не сумасшедшая? – настороженно спросил я.

⁷³ Ко́нтра (от контрреволюция) — распространённое во время Гражданской войны в Советской России разговорное наименование деятельности контрреволюционных сил.

А Варя, в свою очередь, ответила:

– Может быть, сумасшедший ты, а не я?..

И зашлась звонким хохотом, под эхом которого деревья начали скрипеть ещё жалобней.

Возникло острое желание полоснуть Варю очередью по спине, но я переборол его и убрал палец со спускового крючка. Не хватало ещё блаженного ребёнка убить из-за паранойи.

Неожиданно взгляд зацепился за едва уловимое движение. Платочек, прикрывающий содержимое берестяной корзинки, немного шевельнулся...

«Это лишь игра воображения», – настойчиво твердит здравый смысл, но любой смысл, включая здравый, абсолютно бесполезен на территории Катаклизма.

– Варь... А что ты в корзинке несёшь? – губы пересохли, язык прилип к нёбу. Ноги сами собой замедлили темп, стараясь увеличить дистанцию до жуткого ребёнка.

– Дядь Густав, вы уверены, что хотите знать? – девочка резко остановилась и, обернувшись, внимательно посмотрела мне прямо в глаза. Улыбки на её лице уже не было.

В этот момент я ожидал чего угодно, вплоть до самых фантастических вариантов. Клянусь, реши Варя сделать резкое движение, не задумываясь открыл бы огонь, но та продолжала стоять на месте и наблюдать.

– Да, – прохрипел я. – Покажи.

Варя кивнул, поставила корзинку на землю и осторожно сняла платок. Из-за полумрака и расстояния никак не получалось разобрать, что же белеет внутри, пришлось сделать пару шагов вперёд... и чем ближе я подходил, тем отчётливей вырисовывался «гостинец» для бабушки.

Это была голова Дрона. Мертвенно белая кожа покрылась пятнышками крови. Глаза удивлённо распахнуты, ещё чуть-чуть, и они вылезут из орбит... Застывшие на лице покойника эмоции были настолько выразительны, что на секунду мне почудился стрёкот винтов и полосующие лес очереди.

– Андрей, – прошептал я, не в силах оторвать глаз от корзины.

Девочка, присела на корточки и провела рукой по всколоченным волосам Дрона:

– Он был хорошим дядей?

– Я... – слова застряли в горле, я разинул рот, пытаюсь произнести что-то связное, но не смог. – Я...

Перед глазами вновь возникла картина лежащего на земле тела... Шея раскурочена, трава забрызгана алой кровью, а чуть поодаль лежит... она...

Посиневшие губы пришли в движение, хотя взгляд по-прежнему был неподвижен и безжизненен:

– Кажется, меня какая-то дрянь укусила...

По ушам ударил треск ветвей, я нервно развернулся в сторону звука и с ужасом смотрел на раскачивающиеся из стороны в сторону кусты, через которые кто-то прорывался.

Девочка вернула платочек на место и затянула песенку, знакомую с детства каждому ребёнку:

– Баю-баюшки-баю,

Не ложися на краю!

Придёт серенький волчок,

И ухватит за бочок.

Он ухватит за бочок,

И потащит во лесок.

Там кусочек за куском

Тебя съест он целиком.

Под рубахой носи крест,

Тогда полностью не съест...

Существо с каждой секундой становилось всё ближе. Затряслись ближайшие ко мне ветви, посыпались на землю листья...

Вот волчок пришёл и за мной... Только одним бочком он не захочет ограничиваться, да и в лесок тащить меня не надо – жертва сама набрела на охотника... Охотник... Оружие!.. Я вскинул пистолет-пулемёт, прежде такой лёгкий и удобный, но теперь превратившийся в тяжеловесную гирю. Палец коснулся спуска, надавил на холодный металл, но никак не решался вжать его до упора...

– Бу-у-у! – выкрик Вари прозвучал так резко, что палец сам по себе дёрнулся.

Простучала короткая очередь, а когда звуки выстрелов стихли, наступила гробовая тишина. Справа игриво засмеялась девочка. Подхватив корзинку, она зашлёпала прочь, оставив меня наедине с всё ещё раскачивающимися листьями зарослей.

Это не я медленно подошёл ближе...

Это не мои руки раздвинул ветки кустов...

Это не мои глаза заметили ярко-красный берет на человеке, лежащем лицом вниз...

Это не волчок!..

Это не я... не я... не я!.. Ведь я настоящий уже давно бежал прочь, не разбирая дороги...

Высоко над головой весело хохотал лес...

По лицу хлестали ветви, корни норовили зацепиться за ноги и повалить меня на землю, где уже поджидало чавкающее месиво из листвы, грязи и бог знает какой ещё мерзости, накопившейся за годы в этих безлюдных местах. Чаща пульсировала кровеносными сосудами, пробегающими в щелях коры, пыталась подцепить веткой автоматный ремень, бросала голодные взгляды из-за деревьев. Я бежал вглубь этого кошмара, преследуемый то и дело вспыхивающим перед глазами беретом, а когда дыхание окончательно сбилось и перешло на хрип, все мысли закружились вокруг одной фразы: «Я убил Клима! Я убил Клима! Я убийца!...»

Вскоре забег закончился. Прорвавшись сквозь какие-то заросли, я влетел в ствол дерева и упал на спину.

– Я убил... Да какого чёрта он вообще лез через кусты, за чем? Почему не окликнул меня? – тяжело дыша, я искал оправдание и пытался обвинить командира отряда Фениксов. – Какой же ты дурак, Клим! Идиот!

Тираду оскорблений прервала одна идея. Простая до омерзения...

Кто ты такой, Клим? Почему я должен тебя жалеть?

Эта мысль прозвучала настолько резко, словно не принадлежала мне, а была нащёптана кронами.

– Действительно... – ошарашенно спросил я у неба. – Кто ты такой? Да я о Крюгере знаю больше, ты же абсолютно второстепенный и невыразительный! Статист, больше похожий на нераскрытого персонажа! Фанатик, высокомерный лицемер и неуждавшийся командир...

Лес одобрительно загудел, подтверждая каждое слово.

– Это же из-за тебя я оказался здесь!

Слабость, сжимающая грудную клетку, сдала позиции. Серой пелена спала, постепенно пришло в норму дыхание. Сев, я вытер о куртку вспотевшие ладони.

Ты был для меня никем, и умер – как никто. В глухой чаще, от рук слабого и трусливого подчинённого. Не будет никакого перерождения, ты не восстанешь из пепла и не войдёшь в рай на земле, потому что нет никакого перерождения, так же как нет и рая.

Я должен двигаться дальше, а если на пути встанет «волчок» или кто-то ещё – несчастный разделит судьбу командира отряда Фениксов.

Сейчас, мысленно возвращаясь к Варе, я никак не мог восстановить в памяти её внешность, даже цвета платья не удавалось вспомнить. Может быть, её вовсе не существовало? Или это последствия эмоционального шока? На каждый новый вопрос, вместо ответа, приходился ещё один. С уходом паники я ощутил едва уловимую благодарность. На самом краю сознания, где-то в глубине души я был рад смерти Клим, и от осознания этого мне сделалось не по себе.

Поспешно встав, огляделся по сторонам. Ничего примечательного, что за десять шагов, что за десять километров – в этом лесу все места одинаковы, меняются лишь действующие лица.

В полумраке промелькнул свет... Неужели фонарь? С такого расстояния невозможно разобрать, человек ли это идёт по лесу или какое-нибудь чудовище. Решение пришло быстро – дальше в

одиночестве находиться опасно. Помимо всяких «волчков» и безумных девочек, в чаще может скрываться что-нибудь и похуже, и это уже не говоря о том, что у меня нет ни еды, ни воды. В желудке ни крошки с прошлой ночи, а флягу с водой я не догадался захватить. В конце концов, операция планировалась молниеносной, а лишний груз мог сыграть злую шутку.

Пригибаясь, я крался на свет... Это человек... кажется... Нет, точно человек, просто облачён в камуфляж. Солдат! Точно, это солдат! Если уж кто-то и сможет выжить здесь, то только он. Вооружённый, защищённый и подготовленный!

– Эй! – автомат отлетел в кусты, нечего светить оружием. Если повезёт – удастся закосить под заблудившегося туриста, а нет – лучше уж в тюрьму, чем оставаться здесь. – Я здесь!

Фонарь резко исчез из поля зрения, но вскоре вспыхнул вновь. Луч света бил прямо в лицо, заставляя прикрывать глаза рукой.

– На землю! – кричащий, судя по голосу, нервничал, но изо всех сил старался не подавать виду. – Ложись, падла, а то стрелять буду!

– Не надо стрелять, – я медленно опустился на колени, а потом лёг лицом вниз. – Я просто...

– Молчать! Лежи и не рыпайся! – шлёпая высокими армейскими ботинками, человек подошёл ближе и обратился к товарищу, видимо, прикрывающему его из-за деревьев. – Доложиержанту, я держу его!

Это действительно был солдат, и он действительно держал меня. Можно сказать, прямо за яйца. Автоматное дуло, не отрываясь, смотрело прямо в голову, но сам парень держался на отдалении. Послышалось неразборчивое бормотание, мой охранник то и дело переминался с ноги на ногу, но оружие в сторону не отводил:

– Ну что?

– Говорит вести!

– Млин... – выругался военный. – Может вальнём его, типа убежать пытался?

- Так он же сдался сам, с чего вдруг убежать?
- Затупок, – едва слышно прошептал военный, подходя ближе ко мне. – Эй, придурок! Ты правша или левша?
- Правша, – недоумённо приподнял голову я, но тут же заработал пинок в правую руку, прямиком по мышцам.

От неожиданности я вскрикнул и попытался откатиться, но помешало одно из деревьев. Удар повторился, на этот раз более точный. По руке пронеслась болезненная волна, конечность ослабла и практически перестала слушаться.

– Так надёжней будет. А теперь вставай и чеши вперёд, обморок, – поигрывающие в голосе нервишки потихоньку трансформировались в пренебрежение. Одно дело увидеть грязного незнакомца посреди полутёмного леса, и совсем иное – пинать безоружного.

Морщась, я поднялся на ноги и злобно глянул на солдата. Совсем молодой, лет восемнадцать, но выглядит куда внушительней меня. Широкое лицо наводит на мысли о боксе, особенно, если учесть криво сросшийся нос и тяжёлые надбровные дуги. Разве что рост невысокий, но это, наверное, у них только в плюс – сложнее попасть. Парень нагружен по самое не могу: бронежилет, каска, автомат, вещмешок, какие-то сумки и под-сумки, ножны, фляга... Фляга!

Как же пить хочется...

Рукава солдатского кителя закатаны до локтя, подмышками угадываются пятна пота. Виднеется нашивка, изображающая сфинкса⁷⁴. Египтяне, что ли...

– Дайте попить, пожалуйста...

Ответ был ожидаемый:

– Ага, попить, поесть, всё что захочешь, золотце... Двигай давай, пока я тебе тормоза не отбил! Руки за голову!

Кажется, я допустил ошибку, сдавшись этим людям, хотя назад ничего не вернёшь. Остаётся лишь покорно идти вперёд

⁷⁴ Шеврон с изображением сфинкса обозначает принадлежность к внутренним войскам МВД Северо-западного округа.

и надеяться, что у автоматчика нервы крепче, чем у меня, и его палец не дёрнется на спуске от какого-нибудь резкого звука.

Судя по тому, как сгустились сумерки, дело шло к ночи. Стало холоднее, изо рта вырывались облачка пара, но и без него было ясно, что разгуливать в сырой одежде дальше нельзя. Ещё бы поделился кто комплектом сменного белья или предложил погреться у костра...

Деревья расступались перед нашим молчаливым шествием, конвоирующие солдаты молча брели попятам. Заводить задушевные беседы ни капли не хотелось, того и гляди – опять прилетит по руке или ноге, да и тяжело разговаривать, когда зубы выстукивают барабанную дробь. Наконец, среди ветвей показалась какая-то возня.

– Замри! – донеслось из ближайших кустов.

Я послушно остановился, всё ещё держа руки за головой.

– Это мы! – обиженно буркнул «боксёр».

– Кто?!

– Груша и Рокки!

– Чёрт вас побрал... – захрустели ветви, из зарослей показался военный. Щурясь, он некоторое время вглядывался в полумрак, после чего опять выругался и полез обратно на позицию. – Валите дальше...

– Двигай, – что-то уткнулось в спину. – И не рыпайся!

Пройдя ещё с десяток метров, мы вышли на небольшую поляну. Единственное, что я успел заметить, так это пять на пять метров ящик, стоящий посередине проплешины, а возле него – несколько людей в камуфляже. В глаза бросился жёлто-черный предупреждающий треугольник с заключённым внутри изображением антенны, но затем автоматный ствол с такой силой ткнул мне под лопатку, что я тут же рухнул в траву.

– Лежи, не вставай! Рожу в землю! – пригрозил «боксёр», замерший прямо надо мною.

– Товарищ сержант, разрешите доложить?

– Отставить, – ответил кто-то звучным басом, видимо, упомянутый сержант. – Оружие было при себе?

Повисло неловкое молчание.

– Вы... вы сейчас шутите? – голос сержанта стал опасно тихим и размеренным, в точности, как у моей мамы, когда я выводил её из себя. – Вы не догадались его обыскать?!

Сейчас что-то начнётся... Лишь бы мне не досталось под горячую руку.

Воцарилась тишина, в которой отчётливо слышалось шмыганье носом одного из захватчиков. Командир не произносил ни слова, но испускаемые им волны закипающей ярости чувствовались даже без зрительного контакта. Главное, ребят, молчите. До конца молчите, авось пронесёт. С мамой так срабатывало.

– Мы... – пискнул «боксёр», но продолжить фразу не успел. Ошибка!

Что-то едва слышно прошелестело, по поляне разнёсся глухой удар, а следом – звук рухнувшего на землю тела.

– Вы – тупые, бесполезные хоботы⁷⁵! Вам даже в голову не пришло, что у него может быть спрятан автомат или долбанная граната! Вы привели его напрямик в лагерь, даже не удосужившись... Что там проверить, вы хотя бы спросили у него? Нет? Сразу прикладом и пошли в кусты? – послышалось ещё несколько ударов, сопровождаемых приглушёнными вскриками. – Встать! Смирно!

Осмелев, я обернулся и увидел вытянувшегося по струнке «боксёра». Напротив парня, почти впритык, замер сержант. Одинаковая форма и оружие, даже рост, примерно, один и тот же, разница лишь в погонах.

– Упор лёжа принять!

«Боксёр» рухнул на землю.

– Отставить, не резко!

⁷⁵ Хобот, слон (воен. жарг.) – «звание» в системе неуставных взаимоотношений среди солдат срочной службы. Слонами становятся спустя сто дней после начала службы, само же слово имеет расшифровку – солдат любящий офицерные награды. Эта формулировка в полной мере отображает смысл данного «звания», так как слоны – идеальные исполнители для личных получений военнослужащих с большим сроком службы.

«Боксёр» вновь поднялся, с тоской глядя на своего командира. Видимо, не привыкать уже.

– Упор лёжа... – короткая пауза. – Принять!

В этот раз нерадивый военный рухнул на землю куда проворней.

– Полтора⁷⁶! – голос переливается оттенками ярости. – А ты чего стоишь?! Упор лёжа!

Не подававший всё это время признаков жизни, второй военный тоже упал вниз. Оба застыли на полусогнутых руках, было видно, как их губы шевелятся, бормоча проклятия как в мой, так и в адрес командира

– Полтора! И только попробуйте задницы свои выпятить, я в них лопатки затолкаю! Идиоты недоразвитые! Эй, отец! – кажется, пришла и моя очередь отхватывать. – Оружие есть?

– Нет, – пискнул я, вновь уткнувшись в землю.

– Встать! Толстой, обыщи его!

Я поспешно вскочил, кажется, даже не отрывая рук от макушки. Со стороны ящика подошёл полноватый боец и сноровисто ощупал меня. Судя по сморщенному лицу, дотрагиваться до влажной одежды – то ещё удовольствие, особенно когда тебе «сухо и комфортно».

– Обоссался что ли... Ничего, товарищ сержант!

– В чёрный ход заглянул? Отставить! – смотрю, сержант у нас юморист уровня Гальцева. – Фамилия, имя, цель пребывания!

– Густав Штиль...

– Ты чё, немец? – удивился сержант.

– Мама из Латвии... – начал было я, но тут же получил кулаком в грудь.

– Ты думаешь, мне действительно интересно, откуда родом твоя мамаша? Двигай вперёд, за коробку! Живо! Толстой, к ноге! Смотри за этими слонами, разрешаю стрелять по конечностям, если решат передохнуть!

⁷⁶ Отжимания выполняются на два счёта. Команда «Раз!» – тело опускается вниз. Команда «Два!» – тело поднимается. По команде «Полтора!» выполняющий упражнение застывает посередине.

– Есть, стрелять по конечностям!
 – Полтора, ублюдки!.. Шустрей шевели поршнями, пока я тебе ускорение не придал!

Лучше лишний раз не напрашиваться и выполнять приказы максимально быстро, вдруг обойдётся... Хотя, к чему это самоуверение? Господи, к кому я умудрился попасть в лапы! Да он же абсолютный псих!

Практически бегом, я обогнул металлический ящик, за которым...

У меня перехватило дыхание. В груди что-то кольнуло, да так сильно, что я едва не согнулся пополам...

...за которым сидела Зоя.

Бойкая повязка исчезла – красную ткань сменил длинный воспалённый порез, от которого вниз тянулись дорожки запёкшейся крови. Куртка перепачкана грязью, камуфляжные штаны в нескольких местах так изорваны, словно повстречались с разъярённым псом.

– Знаешь её? – гаркнул в ухо сержант.

– Нет, никогда прежде не встречал, – подавлено пробормотал я.

В этот момент Зоя подняла голову и посмотрела мне прямо в глаза. Из-под нагромождения ссадин и синяков проступила улыбка.

– Густав, это ты? А я уж подумала, что ты умер.

– То-то я смотрю, чересчур быстро ответил, – совершенно спокойно прокомментировал эту фразу военный, после чего захватил меня коленом в живот. – А ну, твари, говорите! Где собака?

Я едва не взвыл от боли. На глаза навернулись слёзы, горло зашлось кашлем. Согнувшись, едва не упал на землю, но сержант ухватил меня за воротник и приложил лицом об стенку контейнера. Из разбитой губы тут же хлынула кровь, я попытался закрыть лицо, но военный без видимых усилий швырнул меня к Зое и повторил вопрос, но на этот раз куда громче:

– Где долбанная собака, голубки?!

Девушка молчала. Улыбаясь, она смотрела на рассвирепевшего солдата, а мне так и вовсе было не до этого. По щекам

текли слёзы, моментально смешиваясь с кровью и потом. Во рту стоял металлический привкус. Отплевываясь и морщась, я принял сидячее положение:

– Мы не знаем, о чём вы говорите...

– Я так не думаю... – щёлкнула застёжка кобуры, из которой показался воронёный пистолет. – Сейчас посмотрим.

С этими словами военный передёрнул затвор и уткнул холодный оружейный ствол мне прямо в лоб:

– Давай, красавица. Говори, а то твоему дружку не поздоровится.

Улыбка на лице девушки стала ещё шире, глаза заблестели:

– Мы восстанем из пепла, пёс. А ты умрёшь навсегда!

Ствол надавил ещё сильнее, я заметил, как подалась назад затворная рама пистолета. Губы шевелились, и мне казалось, будто я скороговоркой умоляю сержанта не убивать меня, но на самом деле из горла не вырывалось ни звука.

Что я здесь делаю? О чём спрашивает этот сумасшедший?

– Всё ясно, а как на счёт тебя?

Пистолет плавно переместился ко лбу Зои, но та, в отличие от меня, проявила совсем иные эмоции. Глаза томно прикрылись, а губы, всё так же улыбаясь, зашептали молитву:

– Я готова переродиться, Господь! Позволь изменить моё тело и мой дух, впусти в меня Катаклизм и очисти от греха, как ты очищаешь от грязи земли наши!..

– Отпусти её! – в ужасе выкрикнул я. – Мы ничего не знаем!

– О-о-о! Я смотрю, она для тебя дороже, чем ты – для неё.

Ствол вжался в лоб девушки с такой силой, что длинный порез вновь начал кровоточить, а вместе с ним кровоточила и моя душа.

– Не верю, – в голосе военного был холод, какой не в каждой морозильной камере отыщешь. – Где собака?

И именно тогда я в полной мере осознал, что такое бессилие... То бессилие, о котором рассказывал мне Крюгер, когда ты всё видишь, всё слышишь, но повлиять ни на что не можешь. Резкое движение, и Зоя мертва. Произнеси неверное слово, и

раздастся выстрел. На руках словно повисли две пудовые гири, пальцы скребли по земле, пытаясь отыскать под слоем дёрна то ли оружие, то ли шпаргалку с ответами на задаваемые сержантом вопросы. Взгляд прыгал с военного на Зою и обратно.

Только не её, пожалуйста... Забери кого-нибудь ещё, Господи!

– Ну? Чего ты рот раскрыл? Вы, идиоты, обстреляли конвой! Так?

– Я...

– Обстреляли, мать вашу, конвой и выпустили на свободу тварь, которую нельзя было выпускать на свободу! Слышишь? И теперь, когда мы все находимся в полном дерьме, посреди драного леса, ты скажешь мне, где эта собака!

– Я не знаю! Я ничего не знаю! – дрожащим голосом кричал я, понимая, что сейчас всё и закончится. Это неправильный ответ, а за неправильным ответом всегда следует наказание.

– Грёбаные революционеры... Не хотите по-хорошему...

Время замедлило свой бег, палец плавно надавил на спуск. Из рта выползло облако пара, выдох показался практически бесконечным, но, вопреки всем правилам бесконечности, времени изменить что-то уже не было. Я погрузился в зыбучие пески бессилия, и любые трепыхания лишь ускоряли надвигающийся финал. С секунды на секунду любовь всей моей бессмысленной жизни умрёт, а вместе с ней погибнет и всё остальное...

Стрелка часов сделала шаг вперёд, я прикрыл веки в ожидании выстрела, но выжженный на сетчатке образ продолжал стоять перед глазами.

– Товарищ сержант! Третья группа! Они что-то нашли! – голос доносился откуда-то издалека, словно из другой вселенной.

– Где?

– К западу отсюда!

Послышался звук шагов, я открыл глаза и увидел удаляющегося сержанта. Зоя, живая и относительно невредимая, сидела на прежнем месте, без остановки бормоча какие-то молитвы. Сорвавшись с места, я обнял её и прижал к себе:

– Зоя, солнышко... Ты в порядке?

Плевать на скромность, к чёрту застенчивость! Я целую её лицо, глажу по всколоченным волосам, без остановки нашёптывая какую-то ерунду, призванную успокоить скорее меня, чем её. Ещё немного, ещё капелька... И всё! Я упустил бы её, навсегда потерял, так и не рассказав о своих чувствах!

– Всё будет хорошо, солнышко, мы выберемся отсюда! – девушка перестала бормотать и в упор смотрела на меня. В её взгляде не было никаких эмоций, но я этого не замечал. – Хочешь, я прочитаю тебе стихотворение? Я написал его для тебя, но так долго стеснялся, боялся, вдруг не понравится!

– А ну задницы опустили, сосунки! Полтора! – раздавался неподалёку звучный бас сержанта. – Рацию сюда!.. Да!.. Отставить брать живым, огонь на поражение!.. Мать твою, мне плевать, что говорил лейтенант! Открыть огонь!

Где-то далеко послышались приглушённое уханье выстрелов.

Чернила расплылись, текст стал практически нечитаемым, но оно было и не обязательно, ведь я столько раз воображал, как зачитываю эти строчки Зое:

– Тебя не знал я сотню лет и помню
В те дни всё было плохо, а сейчас
Всё хорошо, ведь ты теперь со мною.
Смотри же, мои чувства напоказ.

Топя в вине печаль, я слепо верил,
Что миру ни к чему антигерой.
Подобный прочим, по себе всех мерил,
Пока однажды я не встретился с тобой.

Твой взгляд связал меня, как паутина.
Твой голос опьянил, как алкоголь.
И если я глупец, то ты – Богиня.
Ты – наслаждение, а я – всего лишь боль.

Выстрелы стихли, сменившись абсолютной тишиной:

– Третья группа! Доложите ситуацию!.. Приём, куда вы пропали?!

– Позволь же мне держать тебя за руку!
Я буду мягок, буду нежен, я смогу!
Я не готов делить с тобой разлуку.
Тебя одну! Одну тебя люблю!

– Какого чёрта? – пробормотал кто-то из солдат, задрав голову вверх.

Мрак отступил, сменившись изумрудным светом. Серое небо, прежде безукоризненно ровное, пришло в движение. Сквозь вату облаков проступили зеленоватые прожилки. Пульсируя, они становились всё отчётливей и растекались по всему небу. Каждый такой скачок испускал глухой звук, волна которого ударяла по кронам, заставляя их приходить в движение.

Давай сбежим от мёртвых и живых,
Давай ценить любовь, давай любить!
Лишь мы вдвоём и к чёрту остальных
Пушай сгорят, мы дальше будем жить!

Что-то звякнуло у самого уха, я перевёл взгляд с лица Зои на контейнер. Точнее, туда, где он раньше стоял, теперь же вместо него лежало мёртвое тело какого-то военного. Конечности изломаны, голова повёрнута под неестественным углом, рядом валялся вдавленные в землю автомат и офицерская фуражка.

– Так вот, куда он исчез, – задумчиво пробормотал один из военных.

– Сержант! – в голосе слышался зарождающийся ужас.

– Толстой?

– Груша исчез!

– Сбежал? Да я тебя!..

– Нет, он исчез! – подал голос «боксёр». – Он просто растворился в воздухе!

Командир подбежал к тому месту, где прежде лежал один из его подопечных:

– Да что за хрень?!

Вновь раздалось уханье, от которого в ушах что-то ощутимо завибрировало, а в районе промежности всё сжалось. Зашелестела листва опоясывающих поляну деревьев, вниз полетели капли дождя, осевшие на листьях.

– Там! Он там!

Приподнявшись, я увидел среди стволов фигуру. Человек стоял метрах в тридцати от нас, но даже в полумраке чащи не составило труда различить в нём исчезнувшего военного. В отличие от прошлого Груши, у новой его версии исчезла половина правой руки и часть головы.

– Рядовой Грушев! – окликнул его сержант.

Тишина. Солдат не отозвался, продолжая неподвижно наблюдать за нами.

– Что с ним случилось? Он ранен?

– Грушев, немедленно отзовись! – выкрикнул командир ещё громче и, наконец, добился реакции.

Военный резко дёрнулся, словно его ударило током. Из-под покорёженной каски блеснули белые, лишённые зрачков глаза. Рот раскрылся в немом вопле. Сорвавшись с места, Груша бросился вперёд.

– Стоять! Это приказ! – сержант вскинул пистолет.

Остальные военные тоже схватились за оружие. В бегущего уставилось около десятка автоматных стволов, но искалеченный Грушев словно не замечал их. Огибая деревья, он нёсся вперёд.

Рывкнул ПМ сержанта, ещё раз и ещё, но каждый раз спятывший военный плавно уходил в сторону. Застрекотали автоматы. На бронежилете бегущего появилось несколько прожжённых отметин, видимо, какие-то из пуль угодили в цель. По округе вновь пробежал странный звук, раздался оглушительно громкий треск деревьев, парочка стволов лопнула, словно взорванные изнутри динамитом. Несколько солдат растворилось прямо у меня на глазах. Вот они стоят на месте, крепко сжимают «калаши», глаза моргнули, и оружие падает на землю, лишившись своих хозяев.

– Какого хрена? – во всю глотку проорал «боксёр», в панике оглядываясь по сторонам.

– Отделение к бою!

В лесу возникло ещё несколько фигур. Груша с разбега налетел на Толстого и впился тому в шею. Сержант подбежал к барахтающимся на земле телам и выстрелил спятившему парню в затылок, прямо сквозь дыру в каске. Голова дёрнулась, но сумасшедший словно не замечает этого, продолжая рвать дёргающегося под ним солдата. На месте исчезнувшей руки и части черепа не было ни крови, ни торчащих костей – лишь гладкая кожа давно затянувшихся ран.

– Сука! – пистолет полетел в сторону, сержант сорвал с пояса сапёрную лопатку и рубанул ей по шее Груши.

Во все стороны брызнула кровь, лезвие шанцевого инструмента наносило удар за ударом, пока отрубленная голова не упала на затихшего Толстого. В это время из леса уже бежали новые безумцы, как и Груша, они мастерски уклонялись от выстрелов, хотя те и не причиняли им особого вреда. У каждого отсутствовала нога или рука, у некоторых – куски торса или головы, кто-то двигался с невероятной скоростью, а кто-то едва прыгал на одной ноге или вовсе полз, но всех их объединяла одна и та же черта – безжизненные глаза, покрытые белой пеленой.

– Лопатки к бою! – скомандовал сержант.

Кто-то успел исполнить приказ, но большинство продолжало давить на спусковые крючки бесполезных Калашниковых. Искажённые солдаты добежали до поляны и бросились на своих товарищей. Молча, не издавая ни единого крика, ни единого слова, движимые лишь одним желанием – убить, убить, убить! Некоторым это удавалось, иным – нет. Обезумевшие от страха военные орали от переполняющего их ужаса, пытаясь развеять этот страшный сон, проснуться от собственного крика... Лопатки разрубали плоть, пальцы вдавливали глаза внутрь черепных коробок – полянка превратилась в кровавое месиво, на котором барахтались сцепившиеся между собой солдаты.

Оцепенение, наконец-то, прошло, в голове вспыхнуло одно единственное слово «бежать», но я отмёл его прочь:

– Зоя! Оружие! Мы должны помочь им!

Девушка непонимающе посмотрела на меня, и от её рыбьего взгляда мне стало не по себе.

– Да. Помочь им. – кивнула она и подобрала вдавленный в землю автомат.

Движение правой рукой, затвор загнал патрон в патронник. Зоя дала длинную очередь по паре солдат, которые каким-то чудом расправились со своими врагами и хотели было прийти на помощь товарищам. Автомат трясло, раскалённые гильзы, поблёскивая в свете изумрудного неба, падали на траву. Вскрикнув, несчастные попадали на землю.

– Мы должны помочь Катаклизму! – хохотала девушка.

Я прыгнул вперёд и сбил её с ног, пытаюсь вырвать из рук оружие, но та сноровисто оттолкнула меня:

– Как фе-е-ениксы-ы-ы, сгоре-е-ев дотла-а-а, из пепла восстаё-о-ом!

– Ты спятила! Какого чёрта ты делаешь?!

Уханье раздалось вновь, и остатки военных исчезли с поля, включая и живых, и мёртвых. Сержант, весь перепачканный кровью, опустил лопатку на голову ближайшего искажённого. Голова повернулась в нашу сторону.

– Это всё ваша вина, твари, – тяжело дыша, пробормотал он.

Из леса бежали новые «обращённые», военный развернулся в их сторону, намереваясь продать свою жизнь подороже, но Зоя отказала ему в этой милости. Вновь рывкнул автомат, выплёвывая остатки магазина, и солдат упал на землю. Убитый в спину, а не лицом к лицу с неприятелем.

Зоя отбросила разряженное оружие и припустила в сторону леса, я же продолжал смотреть то на приближающихся сумасшедших, то на мёртвого сержанта.

– Ты со мной? – раздался крик девушки. – Или с ними?

Мысли не помещались в голове! Мозг вскипал от происходящих вокруг событий, не успевал обрабатывать информацию.

Какого чёрта? Почему? Как? Я ничего не понимаю, и не хочу понимать, надо бежать, бежать подальше и побыстрее! Прочь от спятившего леса и зелёного неба!

С секунду я колебался, но всё же направился следом за девушкой. Сзади неотрывно следовала погоня, и я от всей души молился, чтобы при следующем звуковом ударе я не оказался в числе искажённых военных...

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЗВЕРЬ

бежал. Без остановок, не оглядываясь и не понимая, что ожидает за очередным буреломом. Впереди маячила спина Зои – единственный ориентир в зелёном царстве, объятom изумрудным светом Катаклизма. Пробираясь под поваленными деревьями, вокруг которых на многие метры были разбросаны осколки взорвавшихся стволов, я представлял, что один из искажённых притаился поблизости и вот-вот прыгнет в атаку. Иногда среди листвы мне чудились бельма безжизненных глаз, порой я слышал тяжёлое дыхание в ветре. Когда ветви хватали меня за одежду, мне хотелось завизжать во всю мощь лёгких, потому что в кривых переплетениях отчётливо угадывались руки спятивших солдат.

Я боялся моргнуть и потерять из виду девушку, боялся почувствовать звуковую волну и увидеть перед собой уже не Зою, а кровожадное чудовище... Или, что ещё страшнее, оказаться монстром самому, рвануть вперёд, разорвать шею, убить, убить, убить!

Убить!

При каждом шаге под сандалиями что-то трещало, прямо под дёрном, словно искажённые шли с другой стороны земли, по ту сторону стекла. Готовые в любой момент разбить тонкую перегородку и схватить за ноги ещё одну жертву, ещё одного рекрута для своей армии.

Разорвать!

– Что? – на бегу прокричал я. – Ты что-то сказала?

– *Беги!* – донеслось в ответ, но я не был уверен, что ответила мне именно Зоя.

Треск корней усилился, я ощутил пятками мощный удар, словно из глубин земли действительно кто-то пытался вырваться. Следующий толчок сбил меня с ног, и я кубарем покатылся в какой-то овраг. В спину врезалось нечто твёрдое, позвоночник пронзила резкая боль, но я не проронил ни звука. По правде говоря, единственное, чего мне хотелось, так это поскорей потерять сознание. К несчастью, на дне оврага пробежал небольшой ручеёк, в который я благополучно влетел. Холодная вода ударила по лицу, залипла глаза и спешно поползла сквозь ткань одежды, стараясь как можно быстрее добраться до тёплого человеческого тела. Я не сопротивился ей, хоть и не был доволен подаренной ей бодростью. Грязная, пахнущая илом и прелой листвой жижа показалась вкуснее самых экзотических коктейлей, я жадно глотал, растворялся в ней телом, заодно растворяя и свои страхи.

Чья-то рука ухватила меня за волосы и вскинула голову вверх. В спине болезненно стрельнуло.

– Ты с ума сошёл? Утопиться решил? – зло прошипела Зоя.

– Это вода! – улыбаясь, прошептал я и попробовал вырваться. Надо выпить побольше, этого мало!

– *Этого мало!* – лицо девушки исказилось, словно от цифровой ряби. Нос, глаза и рот сдвинулись в сторону, смешались в бурлящем месиве. – *Дай мне больше! Ещё больше жертв!*

– Что? – я часто заморгал, пытаясь прогнать наваждение, но это не помогло. – Что с тобой?

Голова девушки расслоилась, словно луковица. Кожа распалась на множество частей, которые то наползали друг на друга, а то расходились в противоположные стороны. Иногда из-под них появлялись белые очертания черепа.

– *Двигай дальше! На что ты готов пойти ради собственной жизни?* – после каждого слова по телу девушки пробежали радужные волны. – *Один, девяносто четыре, три!*

Зоя ухватила меня за воротник и рывком подняла на ноги. «Кипящее» лицо приблизилось вплотную:

– Наша работа ещё не закончена! *Возьми всё, что только пожелаешь, но приготовься заплатить сполна!* – голос искажился, стал механическим, словно его пропустили сквозь специальную программу. – *Один, девяносто пять, три!*

Я не мог вымолвить и слова, не мог вырвать руки из лап этого чудовища, единственное, что мне удавалось достаточно хорошо – это тихонько подвывать, глядя на новый облик Зои. Тело била крупная дрожь, ноги норовили подкоситься, слёзы ручьём бежали по щекам, срывались с подбородка и исчезали в зелёной глади ручья.

– *Один, девяносто девять, один! Город уже внутри. Город...* – механический бас треснул, сквозь его скорлупу пробился прежний голос Зои, но тут же опять исчез. – *Что с... ты для неё никто... Один, девяносто пять, три! Город... с тобой?*

– Оста-а-авь меня! – прорыдал я. – Хва-а-ати-и-ит!

Руки ослабили хватку, а потом и вовсе отпустили меня. Девушка сделала шаг назад, её ноги по щиколотку вошли в воду, но лицо всё также смотрело на меня. Наконец, беспорядочное движение плоти замедлилось, приобрело некую закономерность, план действий. Куски пазла в спешке соединялись в единое целое, пока передо мною не предстала обычная, с вполне человеческим лицом, женщина. Вот только это было уже не Зоя.

– *Ты в порядке?* – испуганно прошептали обветрившиеся губы, настолько бледные, словно из них выкачали всю кровь. – *Ты меня напугал.*

– Мама? – не веря собственным глазам, я протянул руку и коснулся щеки стоящей передо мной.

Ветер всколыхнул пряди длинных волос, в отличие от волос Зои – обелённых не химией, а временем. Сколько себя помню, она никогда не следила за собой, редко стриглась, замечала чересчур отросшие ногти лишь тогда, когда они начинали ломаться, но, несмотря на это, мама всегда требовала от сына

чистоты и опрятности. В детстве мне это казалось глупостью... Да и сейчас – тоже. С тем же успехом фанатичный пьяница мог бы лечить других от алкогольной зависимости.

– Густав... – морщинистая ладонь накрыла мою кисть, отвела её в сторону от лица. – Мой милый Густав...

Зелёные глаза смотрели с неподдельной нежностью и теплом. Это была она, именно она...

Я очень хотел запомнить её именно такой, давно постаревшей телом, но всё ещё молодой внутри, постоянно витающей в облаках и рассказывающей мне истории, которых никто и никогда не слышал.

Платье. Красное, фееричное, пропитанное Испанией, пахнущее сладким вином, закрученное в вихре фламенко... Её любимый наряд, который она так ни разу и не надела. Каждое восьмое число июля она открывала шкаф, доставала его и укладывала на диван. Долго смотрела, обкусывая ногти, а потом прятала обратно. Нет, оно всё ещё было ей в пору. По сравнению со своими ровесницами моя мама выглядела изящной танцовщицей, хотя эта фигура была не более чем симптомом болезни, наряду с уменьшением внутренних органов и мышечной слабостью.

– Сынок, – голос вырвал меня из воспоминаний, возвращая в сырой и холодный лес, посреди которого алой звездой сияло то самое платье. – Пойдём.

– Хорошо, мам, – я взял её за руку и запрокинул голову вверх.

Она такая высокая, прямо как дядя Стёпа, но чуть-чуть пониже.

– А можно я завтра не пойду в школу? – особой надежды на успех не было, но вдруг прокатит. Пару раз удавалось.

– Можно, – рука взъерошила волосы. – Завтра можно всё, что угодно, Густав.

– Всё, всё, всё? – я не мог поверить своему счастью.

Мама кивнула и увлекла меня в чашу, мимо бетонных конструкций, торчащих из лесной подстилки, мимо распахнутых прямо из земли окон, с виднеющимися за ними комнатами...

Мимо разорванных в клочья деревьев и трещащих корней, из последних сил удерживающих рвущиеся наружу здания.

– Что это такое? Домики?

– Да.

– А почему они в земле? Домики строят сверху! – удивился я, с интересом заглядывая в одно из окон.

Внутри довольно темно, но благодаря зелёному свету можно было разглядеть скромную мебель: стол, несколько стульев и кухонный гарнитур, – всё содержимое окрашено в серый цвет, больше напоминая компьютерные модели, к которым незадачливый программист забыл приделать текстуры. Прежде чем мама потянула меня за руку, я успел заметить гору немытой посуды и разбитые цветочные горшки.

– Это люди строят домики сверху, а Город – снизу.

– Почему?

Мама благосклонно улыбнулась:

– Потому что Город всегда внутри, а люди – снаружи.

Объяснение так себе, но, тем не менее, я задумчиво протянул:

– А-а-а-а...

Мы продолжили путь. Подол красного платья с шелестом скользил по земле, то и дело цеплял на себя какие-то веточки, но маму, кажется, это ни капли не беспокоило. Взгляд её был направлен куда-то вглубь леса, туда, где изумрудный свет просачивался сквозь листья и искрился в капельках влаги. Мягкий и приятный, от него коже становилось щекотно, а если долго всматриваться в сияющее небо – появлялось желание чихнуть.

– Куда мы идём?

– К поезду, Густав.

При слове поезд в памяти всплыл огромный рокошущий паровоз непременно с гудком и плюющей дымом трубой. Из окон смотрят улыбающиеся люди, а их друзья на перроне машут уезжающим платками.

– Ура! Мы куда-то поедem? А куда мы поедem?

– Скоро всё увидишь, это сюрприз...

– Ну ма-а-а-ам, ну скажи-и-и!

Но та не ответила, хотя, этого и не требовалось. Вскоре мы действительно вышли к поезду, но правда оказалась куда приземлённей, чем мне представлялось. Это был обычный и ничем не примечательный состав, который едва втиснулся между деревьями, застыв посреди леса изогнутой сороконожкой. Не было ни провозжающих, ни отбывающих, лишь тёмные окна и распахнутая дверь последнего вагона.

– А где железная дорога? Поезда должны ездить по железной дороге! – озадаченно пробормотал я, внимательно глядясь в переплетённые корнями кусочки зданий.

– Этот поезд никуда и не поедет, глупенький, – по чаще прокатился звонкий смех. – Этот поезд болеет.

– Он лёг поспать? Если болеешь надо лежать и спать.

– Да, именно так, дорогой.

– А где же сюрприз? Ты обещала сюрприз!

– Он внутри, подожди ещё немного.

Проходя вдоль стенки вагона, я повёл рукой по металлу. Пальцы отчетливо зашуршали по старому железу, на землю посыпались кусочки ржавчины:

– Тёпленько!

Ступеньки, ведущие внутрь, были откинuty. Мама помогла мне забраться внутрь, а затем залезла сама. Миновав тёмный тамбур, мы оказались в плацкартном вагоне. Осветительные панели, висящие на потолке, горели совсем тускло, то и дело заходились приступами моргания, но их света было вполне достаточно, чтобы рассмотреть обстановку во всех деталях. За окном проносились снежные пейзажи, леса перемежались безлюдными городами, а города – бескрайними полями замёрзших озёр. Мир по ту сторону стекла немного потряхивало, как во время движения, но ни стука колёс, ни непосредственного ощущения поездки не было. Вагон стоял на месте, а реальность проносилась мимо него.

Двигаясь вдоль пассажирских мест, я с интересом рассматривал замерших людей, кто-то из них спал, укутавшись в одеяло, кто-то пил чай, а прочие – разговаривали между собой

или читали книги. Пахло душистой заваркой и запустением. Палец провёл по одному из боковых столиков, оставляя шрам на пыльной поверхности. Я вопросительно посмотрел на маму, но та лишь покачала головой. Наверное, не хотела привлекать лишнего внимания со стороны пассажиров.

С жадностью новобранца-космонавта, оказавшегося на орбитальной станции, я изучал койки, свёрнутые в рулоны матрасы, огромный чайник с потешным краником и прочие невероятные интересные детали, а мы, тем временем, всё шли и шли вперёд, минуя вагон за вагоном. В пятом или шестом по счёту я заметил человека, сильно выделяющегося на фоне остальных камуфляжной формой.

– Мам, смотри! Солдат!

– Тише, тише, Густав. Не разбуди дядю! – мама свела вместе брови и погрозила мне пальцем.

Мужчина и вправду спал, вот только сон у него был беспокойный. То и дело вздрагивая конечностями, дядя едва слышно бормотал:

– Пусть всё будет не напрасно, пусть всё будет не напрасно...

– У него кошмары? – шёпотом спросил я.

Присмотревшись, заметил у солдата маленькое чёрное пятнышко на лбу, похожее на родинку из индийских фильмов.

– Ему нелегко пришлось, дорогой, пусть отдыхает.

– А что это за пятнышко у него на лбу?

– Просто пятнышко и всё. Некоторым вещам необязательно давать особенные имена.

Спящий военный остался позади, мы добрались к двери проводницы. В воздухе витал сильный сигаретный запах, смешанный с дешёвым парфюмом. Мамина рука поднялась и трижды легонько ударила по переборке, сделала паузу, после чего добавила ещё два. Послышались шаги, словно находящийся внутри человек шёл откуда-то издалека, с другого конца актового зала. Наконец, дверь открылась и вперёд вышла высокая девушка в форменной одежде работника железной дороги. Поправив очки с толстой оправой, она улыбнулась и сказала:

– Сейчас приведу, подождите.

После чего закрыла дверь. Шаги вновь отделились, а когда вернулись назад – их сопровождало цоканье когтей. Раздалось приглушённое рычание, от которого мне стало не по себе:

– Мам, я боюсь!..

– Не бойся, сынок, всё хорошо.

Когда дверь вновь отворилась, а рычание из лёгкого ворчания превратилось в непристойную ругань, я подался назад. В спину упёрлась тёплая стенка вагона, хотелось повернуть назад и броситься наутёк, но мама крепко сжимала мою руку, не давая улизнуть.

Из темноты показалась оскаленная морда немецкой овчарки. Приподнятая губа обнажала ряд мощных клыков, уши разведены в стороны, а лапы напряжены, словно перед броском.

– Ма-а-ам! – в панике закричал я.

– Всё хорошо, дорогой, не волнуйся! Это хорошая собака!

Овчарка подошла ко мне вплотную, я чувствовал её зловонное дыхание у себя на лице, видел срывающиеся из пасти капли слюны. Влажный нос коснулся щеки и вдохнул мои запахи. От страха тело оцепенело, я весь дрожал, не в силах оторваться от глаз собаки, так сильно напоминающих человеческие. Таких глаз не должно быть у животных, даже у самых умных!

Овчарка шумно выдохнула, после чего рычание стало сходить на нет. Губа опустилась, пряча клыки, и вот уже морда животного не казалась такой жуткой, как прежде. Вильнув хвостом, пёс склонил голову на бок и лизнул мне лицо. От неожиданности я потерял дар речи.

– Это особенная собака, Густав. Она очень умная и смелая.

– Так... так это и есть сюрприз? – напряжение постепенно отпускало.

– Да. Надеюсь, вы подружитесь.

– А как её зовут?

– Как назовёшь...

– Я буду звать её... Клёпой⁷⁷! Как девочку из книжки!
 – Хорошо... – с этими словами мама выпустила мою руку и сделала два шага назад.

– Мама?

– Береги эту собаку, Густав. Доверяй только Клёпе и никому больше в этом лесу, только она сможет защитить тебя.

– А как же ты, я думал, ты меня защитишь!

Мама грустно покачала головой и сделала ещё несколько шагов в направлении тёмного тамбура:

– Мне надо идти, сынок... Веди себя хорошо.

– Мам! – я попробовал было рвануть следом, но овчарка перегородила дорогу. –пусти меня!.. Ма-а-ам, не уходи!

Но было уже поздно, шурша подолом, женщина погрузилась во мрак, оставив меня наедине с Клёпой. По щекам скатилось несколько солёных капелек, которые тут же слизнул шершавый собачий язык. Улыбнувшись, я обнял собаку за шею и пошёл обратно.

Вновь показался спящий солдат. Завидев его, овчарка громко гавкнула и подбежала к военному. Уткнулась мордой в подёргивающуюся руку, но та никак не отреагировала. Клёпа забралась передними лапами на койку и, принялась обнюхивать страдальческое лицо спящего. Удивительно, но судороги и бормотание пошли на убыль, пока не исчезли вовсе. Спустя несколько секунд человек полностью успокоился, кошмар прошёл, превратившись в самый обычный сон. Из тёмной точки на лбу сбегала капелька крови, но я этого уже не видел. Клёпа вела меня дальше, мимо спящих пассажиров, превращающихся в истлевшие останки, стоило нам пройти мимо.

Впереди показалась дверь. Спрыгнув, мы побрели по самому обычному лесу: небо утратило изумрудный свет, куда-то исчезли торчащие из земли куски зданий, а вместе с ними втянулись в землю и переплетения корней. Пропали взорвавшиеся деревья, а на их место встали совершенно новые...

⁷⁷ Клёпа – сказочный персонаж, созданный в 1990 г. Наталией Дубининой. Главная героиня одноименного познавательного детского альманаха, а впоследствии и журнала.

Примерно через сто метров меня стало клонить в сон. Неподъёмные сандалии загребали влажную почву, глаза то и дело норовили слипнуться – давали о себе знать физические нагрузки, к которым я так и не успел привыкнуть за время тренировок. Наконец, мы присели у основания какого-то толстого дерева, Клёпа положила голову мне на колени, я забылся крепким сном, в котором не было ни леса, ни шуршания листвы – лишь спасительная темнота и тишина ночи...

– Густав!

Я резко открыл глаза, не понимая, где нахожусь: во сне или наяву. С мокрых волос на лицо стекали капли воды, в паре шагов журчал ручей, с той лишь разницей, что теперь в нём не отражалась зелень пульсирующего неба.

Сколько я был в отключке? По ощущениям не больше пары секунд, хотя воспоминания о поезде и встреченной там овчарке утверждали обратное.

– Вставай, идиот! – лицо Зои полыхало от гнева. – Они уже близко!

Я рефлекторно обернулся и посмотрел вверх, на вершину оврага, по которой уже бежали искажённые солдаты. Хотя, солдатами они были теперь лишь формально, особенно если учитывать торчащие из тел лопатки, перебитые пулями конечности и раскуроченные бронежилеты.

Зрелище под стать фильмам ужасов... Толпа изувеченных, дёргающихся тел, в слепой ярости бегущих по тёмному лесу. Дистанция всего ничего, ещё несколько секунд, и изуродованные руки ухватят меня за куртку...

Послышалось удаляющееся шлёпанье, я обернулся и увидел улепётывающую со всех ног Зою.

– Подожди! – стоило вскочить на ноги, как спину пронзила резкая боль.

Сжав зубы, помчался следом за мелькающей между деревьями девушкой. Бег давался тяжело, дыхание практически сразу сбилось, усилилась боль пониже лопаток. Пару раз я оборачивался, замечая, как расстояние между мной и преследователями сокращается.

– Сюда! – по лесу прокатился истошный крик девушки.

Кажется, среди стволов вырисовывалось какое-то здание, судя по высоте – двухэтажное. Каким-то невероятным образом я умудрился ускориться, но налетел на незамеченный в потёмках забор. Трухлявые доски, прибитые к широким перекладинам, частично огибали деревья, частично – проходили прямо сквозь них. От удара деревяшки тут же разлетелись. Затрещав, на землю рухнула целая секция забора, а мне в ногу впился гвоздь. Я зашипел, выругался, но сумел подняться. До приоткрытой двери оставалось несколько метров.

– Осторожно, *сзади!* – начало фразы точно сказала Зоя, но вот вторая её половина была произнесена уже знакомым механическим басом.

Я резко развернулся, во мраке сверкнули белые, лишённые каких-либо эмоций, глаза искажённого. Слишком медленно! Слишком поздно! Рука вскинулась в тщетной надежде оттолкнуть нападающего, хотя в сознании уже промелькнула обречённая мысль: «Мне конец». Если обученные рукопашному бою военные не справились, то мне и пробовать нечего...

Справа послышалось рычание, тут же переросшее в жуткий вопль, меньше всего напоминающий собачий. В тот самый момент, когда мои пальцы коснулись камуфляжной формы искажённого – из темноты вынырнула Клёпа и буквально смела обидчика. Приземлившись, военный попытался вскочить на ноги, но овчарка крепко впилась ему в шею. Челюсть по-крокодильи дёрнулась. Хрустнули позвонки, и спятивший солдат осел на землю. Клёпа оторвалась от трупа и, подняв морду, облизнулась. Зоя уже не кричала. Бледная, словно мел, она замерла в проходе.

Беспардонно оттолкнув девушку, я ввалился внутрь.

– Закрывай! – завопил я, отползая подальше от порога.

– Сейчас! – девушка схватила стоящий здесь же засов и опустила его в скобы.

В эту же секунду с другой стороны послышалось несколько ударов, но дверь без проблем выдержала. Толстая, усиленная

металлическими пластинами, она словно была создана для противостояния чудовищам.

– Окна! – воскликнул я, но предосторожность была лишней.

Мощные ставни, закрывающиеся изнутри на две щеколды, надёжно закрывали все возможные места прорыва. Кажется, нам посчастливилось очутиться в настоящей крепости!

Я попробовал встать, но тут же дали о себе знать боль в спине и проткнутая гвоздём нога. Зоя, всё ещё бледная, стояла в нескольких шагах. Никогда не видел её такой, видимо, и на старуху бывает проруха – убедилась, что живёт не в сказочном царстве. Здесь просто так не перерождаются и, уж тем более, щедро платят за воскрешение. В случае с военными – рассудком и частями тела, а в нашем – полной изоляцией в тёмном доме, чей хозяин вполне может оказаться пострашнее любых искажённых.

– Зоя! – прошипел я, морщась. – Помоги!

Девушка вздрогнула и, поколебавшись пару секунд, подошла. С её помощью я перебрался в подвернувшийся под руку стул.

– У тебя руки дрожат, – непонятно для чего заметил я, но Зоя, казалось, не слышала меня.

Какие-то чересчур резкие перепады настроения у неё – то скачет по лесу, обгоняя всё и вся, а то стоит без движения и испуганно смотрит сквозь меня.

– Поищи свет, – игры в гляделки могут продолжаться бесконечно долго, а времени у меня нет.

Плывать на боль в спине, надо как можно скорее обработать рану. С ржавчиной туда могло попасть всё что угодно, это понимал даже я – бесконечно далёкий от полевой медицины человек.

– Сейчас! – голос уже не тот, которым выкрикивалась песня Фениксов.

Ощущение, что всё это время эта дурочка была под наркотой и только сейчас её отпустило.

Со стороны улицы слышалось несколько приглушённых ударов – преследователи пробовали стены на прочность. Что-то с грохотом упало на пол, звякнула посуда. В потёмках я едва

угадывал очертания мебели и двигающуюся между ней девушку. Несколько раз вспыхнул сноп иск, зажигая фитиль керосиновой лампы.

По комнате растеклось подрагивающие пятно света, окрашивая окружающие предметы в оранжевые оттенки. Помещение оказалось куда меньше, чем мне чудилось в темноте, и состояло из одной комнаты, совмещающей в себе прихожую, гостиную и кухню. Минимум украшений, никакого изыска или дорогой отделки: дощатый пол, голые стены и грубо изготовленная мебель. Всё в окружающем интерьере выдавало спешку и неприветливость, даже камин, испокон веков украшаемый ружьями или головами убитых животных, представлял собой чистый функционал.

У дальней стены вверх уходила лестница, ведущая на второй этаж, прямо под ней виднелась закрытая дверь то ли подвала, то ли чулана, а в центре комнаты... В центре комнаты стояло настоящее сокровище, в определённых ситуациях ценящееся куда выше золота и самоцветов. Огромный... Массивный... Шириной в три метра... Накрытый будоражащим количеством блюд и напитков... Стол...

Собственно, именно на нём Зоя и обнаружила лампу. Судя по выражению лица, эмоции она испытывала примерно схожие. Живот шокировано пробормотал что-то вроде: «Кру-у-у-хо!» Первым желанием было соскочить со стула, подбежать к тарелкам и руками начать заталкивать в себя все эти мясные нарезки, гарниры и мелко порубленные салаты, но я сдержался.

– Зоя! – девушка не откликнулась. – Зоя, ау!

Вздвогнув, та вышла из оцепенения и побежала к каким-то тумбочкам, стоящим у дальней стены. То и дело со стороны улицы доносилось гроханье ударов по ставням, от каждого такого звука Зоя вздрагивала и на секунду замирала. Да что с ней не так? То улыбается, смотря на пистолет, а то шарахается любого шороха!

– Что мне искать? – выкрикнула она, выворачивая очередной ящик с различным хламом.

– Ты думаешь, я знаю? Антисептик, мыло, бинты... таблетки... Да что угодно! – взгляд то и дело косился на обеденный стол, рот наполнился слюной, которую всё сложнее было сглатывать.

Звякнули баночки, наконец, Зоя прибежала с какой-то коробкой, судя по всему, от обуви, и мыльницей. Я протянул руку, но девушка не спешила отдавать находку. Вместо этого она потупилась и, глядя исподлобья, прошептала:

– Почему ты?..

– Чего? – недоумённо переспросил я. – Дай мне коробку!

– Почему ты, а не я? – не смотря на появление в вопросе дополнительной информации – понятней он не стал.

– Почему я поранился, а ты нет? – едва сохраняя спокойствие, поинтересовался я.

Зоя вспыхнула, подобно пропитанной бензином тряпке. В глазах заплясали искорки, кулаки сжались, а слова превратились в одиночные выстрелы.

– Ты никто! Почему ты? Почему ты?! Почему?! – судя по возрастающей громкости, мне предстояло стать свидетелем истерики, зная бы ещё, чем вызванной. – Я готовилась к этому! Я искала это, желала всем сердцем и всей душой! Ради этого всё, и вот, мы оба в центре костра! В центре Катаклизма, а он выбирает тебя, а не меня!

– Зоя, успокойся! Я действительно не понимаю...

Договорить я не успел – коробка полетела прямоком мне в лицо, да так стремительно, что я едва успел отклониться, подставляя под удар плечо. Крышку отбросило в сторону, на пол посыпались склянки, блистеры таблеток и прочие медицинские принадлежности.

– С ума сошла?! Да что на тебя нашло!

Девушка не ответила. Развернувшись на месте, она устремилась к лестнице и вскоре исчезла на втором этаже. Последнее, что я увидел – блеск слёз, скатывающийся по лицу юной партизанки... Спятившая сектантка! Какого чёрта она вытворяет? Перепады настроения такие, что впору насильно успокоительное колоть!

Морщась, я сполз на пол и принялся осматривать нехитрое содержимое аптечки. В сторону одна за другой отлетали неизвестные мне баночки без каких-либо инструкций к ним, и это я ещё на сроки годности не смотрел... «Цефазолин, порошок для приготовления раствора»⁷⁸, понятия не имею, что это... Тройчатка⁷⁹, это что-то с травами, вроде бы... Аспирин⁸⁰, анальгин⁸¹, цинковая мазь⁸² ... не то, всё не то, где какая-нибудь зелёнка или йод? Уголь! Уголь пригодится, стоит отложить... Глицерин⁸³, борная кислота⁸⁴ ... Первое, кажется, для взрывчатки. Борная – от стояка...

Наконец, отшвырнув ещё несколько неизвестных препаратов, я наконец-то нашёл более или менее знакомую этикетку – «Калия перманганат»⁸⁵. Спасибо маме, хотя бы с ней познакомила.

Схватив со стола нож, я хотел было залихватски вспороть штанину, но вовремя одумался. Не хватало ещё в лохмотьях бегать по лесу. Щелкнул брючный ремень, джинсы соскользнули на пол. Взгляд сразу же зацепился за окровавленную борозду, оставленную гвоздём. Отлично, рана не выглядит глубокой, значит, и промыть будет легче.

⁷⁸ Цефазолин – антибиотик I поколения широкого спектра действия.

⁷⁹ Тройчатка – травяной сбор. Эффективный метод борьбы с гельминтами, помогает не просто выводить паразитов из организма, но и все продукты их жизнедеятельности.

⁸⁰ Аспирин – лекарственное средство, оказывающее анальгезирующее (обезболивающее), жаропонижающее, противовоспалительное действие.

⁸¹ Анальгин – лекарственное средство, анальгетик и антипиретик из группы пиразолонов.

⁸² Цинковая мазь – лекарственное средство. Оказывает подсушивающее, адсорбирующее, вяжущее и дезинфицирующее действие.

⁸³ Глицерин – простейший представитель трёхатомных спиртов.

⁸⁴ Борная кислота – антисептик для местного применения, оказывает антибактериальное, противогрибковое действие.

⁸⁵ Калия перманганат (разг. марганцовка) – антисептическое средство. Действие обусловлено сильными окисляющими свойствами. Описанный далее способ применения марганцовки является неверным и ведёт к сильным химическим ожогам кожных покровов. Это обусловлено малой осведомлённостью главного героя в области применения лекарственных средств. Автор настоятельно рекомендует следовать инструкциям и не заниматься самолечением.

Справа, совсем рядом, гавкнула собака, да так неожиданно, что я едва не выронил «Марганцовку»:

– Клёпа, блин! Да кто так делает?

Овчарка забавно склонила голову и, посмотрев на рану, заскулила.

– Не волнуйся, всё хорошо будет... Сейчас обработаем...

На столе обнаружился графин с водой и кружка. От души сыпанув внутрь красного порошка, я размешал тёмно-красный раствор. Руки действовали на автомате, хотя я никогда не встречался ранением круче обычного пореза пальца. Поливая рану из графина, я тщательно промыл её с мылом, после чего щедро обработал раствором. Оголённая плоть вспыхнула, запульсировала болью. Болит – значит дезинфицирует! Где марганцовка, а где кровь – не разобрать, перед глазами всё плывёт. Я попытался тряхнуть головой, но от резкого движения стало ещё хуже. Валяться мне на полу, если бы не подоспевшая Клёпа, вовремя укусившая меня за запястье.

Я вздрогнул, распахнул глаза. Это было близко...

Сперва доделать дело до конца, а потом уже хоть ложись и умирай. Я вылил на рану остатки раствора, каждой порой ощущая, как вместе с вероятными бактериями заживо сгорают вполне реальные клетки. Отщипнул кусок ваты, заткнул им рану, а потом плотно обмотал травмированное место бинтом⁸⁶. Лучше, чем ничего.

– Зоя, хватит страдать ерундой! – крикнул я. – Спускайся и поедим!

Никакого ответа. Ну что же, мне больше достанется...

Мельком оглядел комнату, вроде бы всё в норме – никаких дырок, открытых окон или иных брешей в обороне. Неизвестно, что там в погребе и на втором этаже, если искажённые не забрались сюда за это время, значит неизвестный хозяин не оставил лазеек.

⁸⁶ Не рекомендуется оставлять вату или бинт на открытых ранах. Когда кровь свернётся – вата присохнет. Отделяя её, есть высокая вероятность вызвать новое кровотечение. Для данной ситуации предусмотрены марлевые повязки и иные средства.

Отлично, с этим тоже закончили. На очереди поздний ужин, но и в этом случае я решил перестраховаться. Взял с одной из тарелок кусок мяса, приняохался – похоже на козлятину. Бросил овчарке и терпеливо подождал, пока та внимательно исследует угощение. Наконец, Клёпа раскрыла пасть и, практически не разжёвывая, проглотила угощение. Вот и отлично...

Я ни в чём себе не отказывал и ни в чём не ограничивал желания. Голыми руками хватая то куски рыбы, то куриные окорока, я под завязку набивал рот наивкуснейшими блюдами! Лучшими, что я ел в своей жизни! Помимо израсходованной воды, на столе обнаружилась бутылка вина, и я, без колебаний, откупорил её. Глотнул прямо из горла, закусил солёными грибочками, затем добавил варёного мяса, и так по кругу, пока живот мой не раздулся до состояния шара. Чувство усталости и набитого брюха невероятным образом соединялись с желанием положить в рот что-нибудь ещё, сделать ещё пару глотков вина или почистить несколько картофелин, запечённых в мундире... Нет, хватит на сегодня...

Охая от боли в спине, поднялся наверх, где обнаружил три комнаты: две распахнуты, а в третьей, судя по всему, заперлась Зоя.

– Эй, ты там? – пару раз стукнул по двери, но без особой надежды – изнутри доносилось приглушённые всхлипы.

Ничего. Проспится, отдохнёт и придёт в норму. Кстати, самое время, практика показывает – чем дальше в лес, тем толще партизаны. Неизвестно, когда выдастся следующий шанс на полноценный отдых и выдастся ли вообще. С этой мыслью я ввалился в соседнюю комнату, обстановка здесь была не столь аскетичной, как внизу – у стены возвышалась добротная кровать, заправленная чистым бельём, стены обклеены какими-никакими обоями, а на прикроватной тумбочке стояло несколько самодельных фигурок из желудей и спичек.

Я плюхнулся на мягкое одеяло, не удосужившись даже разуться, и моментально уснул.

Кажется, я закрыл глаза всего на мгновение... Быть может, два мгновения? Максимум три, не больше. Однако проснувшись, я не увидел ничего. Буквально ничего, словно какой-то шутник завязал мне глаза плотной тканью.

Нет, всё в порядке. Просто наступила ночь, ожидаемо непроглядная, учитывая видимость днём.

Первое время я не понимал, чем вызвано пробуждения. Организм немного пришёл в себя, но не настолько, чтобы вставать и идти куда-то. К тому же, постель была такой тёплой и мягкой...

Из темноты послышалось приглушённое рычание.

– Клёпа? В чём дело?

Я не видел собаку, но интуитивно знал, что это именно она. Ноздри шумно втянули воздух, цокая когтями по полу, овчарка подошла к прикроватной тумбочке и вновь зарычала. От неё исходил лёгкий запах корицы, смешанный с псиной. Комбинация такая себе, но я протянул руку и погладил животное по холке. Жёсткая шерсть больше напоминала проволоку:

– Тихо, девочка, тихо...

Пересилив сонливость, поднялся и вслепую пошарил по тумбочке, случайно смёл на пол какую-то мелочёвку. Хоть убей не помню, брал я с собой лампу или нет... Судя по всему она осталась внизу. Твою мать, темно, как в гробу, и тихо, как в могиле. Клёпа тихонько рыкнула и потрусила в коридор.

– Стой! – зашипел я, отчего-то опасаясь говорить громко, но собака даже не подумала вернуться. – Твою мать...

Ощупывая перед собой дорогу, двинулся следом. Ладонь скользила по стене до тех пор, пока не уткнулась в дверной косяк. Покинув комнату, я прислушался. Ничего. Подкрался к двери соседнего помещения, припал ухом. Судя по приглушённому храпу, с Зоей тоже все хорошо. Что может случиться? Дом крепкий, все входы надёжно заперты. Если кто и решит проникнуть внутрь, то ему придётся изрядно пошуметь, хотя... Ввиду последних событий, произойти может всякое. Наивно полагать, что стены смогут защитить, когда прямо на моих глазах в одном

месте исчезали люди, а в другом – возникали монстры. Чувство безопасности в лесу – пошлое чувство.

Будь проклят Катаклизм и Фениксы...

Сделав ещё несколько шагов, замер у лестницы. Помещение внизу ожидаемо заполнено темнотой – ни единого про света. Если долго вглядываться можно различить очертания особо крупных предметов интерьера, например, обеденного стола, но со временем начинало казаться, что силуэты подрагивают, словно замершие в засаде чудовища.

– Клёпа!.. – позвал я, не решаясь спуститься вниз.

В воздухе висел слабый аромат тревоги, отвлекись на секунду – тут же упустишь. Вот бы парочку спичек или даже одну. Чуть-чуть посветить, разогнать клубящиеся тени, а там уже и спускаться не страшно.

Может быть, разбудить Зою? Ага, и что я ей скажу? Доброе утро, внизу темно и страшно, пошли посмотрим? Вдруг там Бабайка, а мы тут спим?

Трус, трус, трус... Ну давай, придурок, возьми себя в руки! Вдох, выдох...

Так!.. Всё, я пошёл!..

Оснований для страха нет, но отчего же так хочется броситься назад в комнату?

Спустившись по скрипящим ступенькам, я чуть не вскрикнул, приняв табурет за стоящего на четвереньках монстра. Взгляд в сторону, вместо стола посреди помещения стоит обезьяноподобное создание с бугрящейся спиной и разинутой пастью. У стены – огромная морда с глазами-блюдцами, а на полу – ядовитые насекомые, напоминающие тараканов... Инстинктивно я отшатнулся назад, под ногой хрустнул хитиновый панцирь, да так громко, что я едва не вскрикнул. Подошва сандалии моментально пропиталась внутренними соками насекомого.

Волна паники накатила на хлипкую плотину смелости, ударила, поднимая море брызг и разбрасывая во все стороны щепы, но преграда устояла. Да не просто устояла, а бросилась в контратаку! Рванув вперёд, я коснулся спины сторбившейся обезьяны, наступил на ещё парочку тараканов! Мгла развеяла свои

чары, изогнутая спина обернулась самым обычным столом, всё ещё заставленным снедью, а насекомые на поверку оказались рассыпанными по полу медикаментами.

Победа была так сладка, что я улыбнулся. Пусть в лесу и драпал, как конь, но я не настолько безнадёжен, чтобы гадить в штаны от мороков тьмы. Однако стоило только расслабить зрение, отвернуться, как затаившиеся порождения мрака вернулись на прежние места, но на этот раз они казались куда реальней, чем прежде...

Какого рожна я здесь забыл? Всё тихо и мирно – не из-за чего беспокоиться!

Я уже собрался назад, когда у окна послышалось негромкое гавканье овчарки. Такое тихое, что можно перепутать со скрипом половицы под ногами:

– Что там? Ты что-то видишь?

Встав на колени, всмотрелся в щель между ставнями. Как ни странно, на улице было куда светлей, чем внутри – всё те же густые сумерки. Достаточно тёмные, чтобы ничего не видеть дальше двадцати-тридцати метров, но вполне терпимые вблизи. Ничего необычного: напользающие одно на другое деревья, поломанный забор, кусты шиповника и несколько крупных ветвей, валяющихся на плотном лиственном насте. Искажённые куда-то исчезли, быть может, отправились искать куда более доступную добычу или же притаились за пределами видимости. Например, на крыше... Стоит выйти за дверь, и монстры спрыгнут прямо на голову, вцепятся в шею мёртвой хваткой...

– Что ты видишь? – спросил я у собаки.

– Уф, – ответила та.

В этот момент что-то шевельнулось... Настолько незаметно, что и при дневном свете не каждый обратит внимание, однако я каким-то чудом рассмотрел это движение. За ближайшим деревом, у самого основания, что-то тёмное. Похоже... Похоже на голову выглядывающего человека...

Внутри всё похолодело, это действительно была голова, а не похожая на неё кочка или изогнутый корень. Если напрячь

зрение, можно было различить впадины глаз и верхнюю челюсть. Только верхнюю, нижней не было и в помине – вместо неё зиял тёмный провал горла со свисающими по краям ошмётками кожи. Существо, словно почувствовав мой взгляд, медленно втянуло голову за ствол дерева.

Я нервно взглотнул и обернулся на дверь. Засов на месте, бояться нечего, но лишняя предосторожность не помешает. Найти бы какое-нибудь оружие... Кажется, на столе были кухонные ножи, неплохо было бы...

Боковое зрение уловило что-то постороннее, я вновь прильнул к щели и увидел всё ту же голову, но теперь она выглядывала из-за другого дерева, расположенного ближе к дому. Не может быть, я бы заметил, если бы оно сменило позицию!

Клёпа нервно рыкнула.

Голова вновь втянулась в укрытие, но тут же показалась из-за следующего ствола, в считанных метрах от забора. Так близко, что можно рассмотреть вытаращенные глаза, не моргая смотрящие прямо на меня.

По телу пробежала дрожь, я отпрянул, прижимаясь к стене. Кто это? Не похоже на солдат, те хоть и лишились частей тел, но всё ещё сохраняли человеческий облик, а эта тварь, наоборот, почти утратила его.

Я вновь выглянул, истово надеясь, что тварь испарилась, потеряла интерес к засевшему в доме человеку, но нет. Тварь была на прежнем месте, к тому же, теперь она была не одна. С противоположной стороны ствола показалась вторая голова. В отличие от первой – сохранившая челюсть, но с наполовину ободранным лицом, напоминающим взрыллённую для посева почву. Единственное уцелевшее око беспорядочно двигалось из стороны в сторону, словно в попытке увидеть и отследить всё и сразу. Существа плавно втянулись обратно...

Я бросился к столу, зашарил среди тарелок, то и дело опрокидывая на скатерть какие-то бокалы и бутылки, но всё же сумел отыскать нож. Провёл пальцем по лезвию... Твою мать, столовая дребедень! Вместо острой кромки мелкие зубчики, кончик закруглён. В воображении вспыхнула иррациональная картина, как надо

мною нависает неведомая тварь. Когти всё глубже погружаются в агонизирующую плоть, а моя рука судорожно ходит туда-сюда, пытаюсь перепилить чудовищу руку...

Отбросив бесполезный кусок металла, я пошарил ещё, пока не наткнулся на нечто более эффективное. Вилка! Звучит несерьёзно, но она хотя бы острая. Как говорится, один удар – четыре дырки! Если целить в горло или глаза – почему нет? Тем более что альтернативы никакой.

Вернувшись к окну, я не сразу решился выглянуть вновь. Казалось, что твари стоят прямо за стеной, прячась в щель, пытаюсь отыскать жертву, и стоит мне показаться вновь – они тут же пробьют деревянную преграду и ворвутся внутрь.

Надо разбудить Зою... Может быть, крикнуть что-нибудь? Нет, нельзя привлекать лишнее внимание, так же как нельзя отходить от окон. Не ровен час, проморгаю начало штурма.

Клёпа резко повернулась в сторону двери. До слуха донеслось тихое постукивание. Тихонько ступая, я подошёл ко входу. Стук повторился... Двойной стук... Словно руки было две, и действовали они настолько синхронно, что два удара сливались в один.

– Кто там? – ладонь так сдавила вилку, что ногти больно врезались в кожу.

– Как Фениксы, сгорев дотла... – прохрипело с той стороны.

– Ис епла вотаом... – подхватил следом второй голос.

Этого не может быть...

– Гус? – позади раздался недоумённый голос Зои.

Я резко обернулся, выставив перед собой импровизированное оружие, но это оказалось лишним – растрёпанная и всё ещё сонная девушка не тянула на монстра. В её руке едва теплился фонарь, однако этого скудного света было достаточно, чтобы рассмотреть помятое лицо и воспалённые глаза.

– С кем ты говорил? – сонно щурясь, спросила она.

Вместо меня ответил голос из-за двери, вновь повторив:

– Ис епла!..

– Восстаё-о-ом!.. – фальшиво протянул второй.

– Борисовы?

Зоя на миг оторопела, но потом оттолкнула меня и подскочила к двери. Настолько быстро, что я не успел даже рта раскрыть, не то что помешать ей.

– Стой! – крик утонул в скрипе петель.

Поздно...

Стукнула об стену ручка, в лицо пахнуло букетом лесных запахов. В прямоугольнике дверного проёма стояла угловатая фигура. Я отшатнулся назад, а Зоя, напротив, подалась к неожиданному гостю:

– Серёжа? Это ты?

– Дура, назад! Откуда здесь взяться Борисовым? – продолжая пятиться, прошипел я, но та словно не слышала.

– Восстаё-о-ом...

Фигура шагнула в круг света и замерла напротив девушки.

– Кто... кто ты?.. – судя по дрожащему голосу, Зоя уже поняла, что допустила ошибку.

Одежда изорвана в лохмотья, участки кожи, выглядывающие из прорех, покрывали многочисленные ожоги, однако внимание приковывало совершенно иное. Помимо двух основных, из плеч торчала дополнительная пара рук: одна безвольно болталась вдоль тела, а вторая – по локоть вошла в живот. Выглядывающие в районе подмышки пальцы скребли по коже, словно пытаясь вырваться.

Тело твари забилось в конвульсиях. Две сросшиеся вместе головы издали какой-то нечленораздельный стон, подались в разные стороны, на время разъединяясь, но затем опять срослись вместе.

Вытаращенные глаза утратили веки, белки пожелтели, словно существо страдало от болезни печени. Из раскученной пасти первой головы донеслось нечто вроде «Зоа-а-а». Вторая, наконец-то, сфокусировалась и оживлённо зашевелила губами, не издавая при этом ни единого звука.

Невозможно... Это действительно братья Борисовы, но сросшиеся вместе... Нет, «сросшиеся» – неподходящее слово. Срастаются намертво, а эта парочка то и дело норовила разъединиться.

Плоть растягивалась, словно не до конца засохший клей, после чего вновь сжималась, и, судя по мученическим гримасам и стонам, особого удовольствия боевики от этого не испытывали.

Обезображенные переломанные пальцы потянулись к девушке, я подался вперёд, одновременно занося для удара вилку. Что-то звякнуло, как будто на пол упала монетка, очертания существа потекли, распались на множество точек. Я едва успел отскочить, когда они вновь собрались в шаг от меня.

– Давай на улицу! – негромко приказал я.

Зоя попыталась проскочить дверной проём, но тварь вновь переместилась, перегородив путь к бегству. По дому прокатилось эхо леденящего кровь стона, от которого мне и самому стало больно. В зубной нерв словно кольнули иголкой, рука ухватилась за челюсть. В свежей ране на ноге сжался клубок едкого жара.

– Боль... но!.. – застонав, девушка рухнула на колени, изо всех сил сжимая голову.

Свет фонаря, и без того слабый, окончательно померк. На полу образовалась символическая граница полумрака улицы, в которой, подёргиваясь, замерла спаренная фигура братьев Борисовых, и тьмы дома, со мной в центре. Я обезумел от ужаса. Метнулся назад, твёрдо намереваясь взбежать на второй этаж и спрятаться под кроватью, но налетел на стол. Рука ухватилась за скатерть, на пол посыпались тарелки, тут же взрываясь острыми керамическими обломками. Падая, я выставил ладони вперёд и приземлился прямиком на них, окрашивая осколки кровью. Бормотание и стенания Зои на секунду умолкли, после чего девушка оглушительно заорала. Истошно, вкладывая в этот крик все внутренние резервы. Последняя попытка связанного арестанта избежать казни...

Я не слышал её... Всё моё внимание было приковано к каплям крови, сочащимся из порезов. Тьма окрасила алое в чёрное, подчинила своим законам... Кровь медленно падала на пол и растекалась чернильным пятном, покрывая непроницаемой плёнкой всё, до чего могла дотянуться. Кусочки черноты в мире

мрака и ужаса. Крупицы жизни, трансформирующиеся под влиянием освещения в нечто чуждое, отторгнутое организмом.

– Гу-у-уста-а-ав! – завизжала Зоя, перейдя на тональность выше.

Я вздрогнул и резко обернулся. Тварь склонилась над девушкой, последняя протянула руки, пытаясь оттолкнуть от себя корявое чудовище, но те моментально завязли в киселеобразной груди. Двумя уцелевшими конечностями монстр сжал плечи Зои, вошёл в них по запястье, сливаясь с жертвой в одно целое. Девушка сучила ногами, непрерывно кричала, глядя безумными глазами то на меня, то на дверь, то на уродливые лица братьев. Голова с челюстью вытянула губы, кадык ходил из стороны в сторону, словно при питье напитка через трубочку. Единственное око часто моргало, в отличие от незакрывающихся глаз своего сиамского близнеца, уставившегося на бьющуюся в истерике девушку.

Рука нащупала выпавшую вилку, в спине вновь стрельнуло болью. Я вскочил на ноги, ощущая, как в ступни впиваются острые осколки посуды, без труда пробивающие раскисшие подошвы сандалий. В голове не было ничего, ни единой мысли. Ни тебе схем атаки, ни планов отхода – один лишь бесконечный крик Зои, чьи руки уже по локоть вошли в грудь чудовища.

Бросок! Быстрый, решительный! Я ударил вилкой в висок одноглазой головы. Зубья без особого труда пробили череп и с чавканьем вошли в мозг. Изорванные губы приоткрылись в слабом стоне, тварь закатила глаз, однако успеха мне это не принесло. Монстр даже не думал останавливаться. Я закричал в унисон Зое и схватил чудовище за шею.

Позади яростно зарычала устремившаяся в атаку Клёпа. Коричнево-чёрное тело протаранило Борисовых, вспороло разжиженную плоть, отрывало клыками куски мяса, один за другим с отвратительным шлёпаньем падающие на пол. Вдохновлённый этой поддержкой, одной рукой я взялся за волосы, а другой – упёрся во вторую голову. Сжал зубы, напрягая весь запас сил, и вот по комнате пронёсся громкий треск. Лопнули

нити сухожилий, разорвалась кожа, в месте слияния двух черепов появилась трещина, сквозь которую, при желании, можно было рассмотреть внутреннее устройство чудовища, но я не собирался останавливаться на достигнутом, пока не разъединил их полностью. Сросшиеся в одно целое мозги взорвались тысячей брызг, тварь замерла, как замерла и перемазанная в крови собака. Зоя заткнулась, наконец-то потеряв сознание, а когда тело осело вниз, вместе с ним растворились и руки девушки. Места «срезов» больше всего напоминали пористую поверхность пемзы – кожу покрыл коричневый налёт без малейшего намёка на кровь.

Тяжело дыша, я смотрел на пузырящуюся лужу, оставшуюся на том месте, где секунду назад стояли преобразившиеся братья. Перевёл взгляд на бесчувственную Зою, искалеченную, перемазанную кровью и слизью. Теперь она не казалась такой красивой, наоборот, всё её существо: внешний вид, поза, выражение лица – каждая деталь, даже самая незначительная, вызывала у меня гадкое сочувствие, граничащее с отвращением.

Сидящая у двери Клёпа размашисто облизнулась. Человеческие глаза смотрелись на собачьей морде дико, в расширившихся зрачках читался какой-то чуждый, непонятный разум. Овчарка поднялась и вышла на улицу, я же склонился над телом девушки, подхватил чересчур лёгкое тело, и направился следом за зверем. Налетевший порыв ветра захлопнул за спиной дверь, и что-то мне подсказывало, что внутри уже нет осколков, пятен крови и луж слизи. Всё это сменилось богато накрытым столом и безукоризненно вычищенным полом. Дом замер в ожидании новых гостей, готовый подарить им ужин и постель на ночь...

Лес приветствовал меня шуршанием листьев и скрежетом стволов.

Я должен быть сильным...

Если не я, то кто?..

Я должен быть смелым...

Если не я, то кто?..

Я должен идти дальше. Вперёд, в неизвестность, во тьму, мимо вздыбившихся корней...

Я знаю, какова награда в этом путешествии. Я знаю, что такое жизнь, хотя никогда и не умел ей пользоваться. Я знаю цену сухой обуви. Знаю, насколько хороши уличные фонари в центральном парке, когда горожане, в преддверии сна, предаются раздумьям. Знаю, как здорово идти по улице, не опасаясь превратиться в искажённого или погибнуть от лап какого-нибудь чудовища. Знаю, что такое покой и размеренность, ведь я всегда предпочитал их авантюризму. Пускай для получения этих знаний мне и пришлось пройти через лес, но, видит Бог, урок усвоен.

Я должен быть сильным.

Если повторять эту фразу достаточно долго, то начинаешь верить. Если сделать шаг, то за ним обязательно последует второй. Можно не останавливаться на перерывы, они мне больше не нужны. Теперь я повелеваю своим телом, я решаю, когда оно устаёт, а когда – полно выносливости.

Клёпа, вышагивающая в авангарде, внимательно обнюхивает листву. Когда мне кажется, что ниточка силы начинает ускользать из уставших рук – она подбегает и начинает игриво прыгать вокруг, покусывать за предплечья. Пару раз даже изображает злость, разевая пасть в оскале ненависти. В кровь впрыскивается порция адреналина, и я продолжаю идти дальше.

Мы – стая волков. Мы находимся на грани изнеможения, и когда всё ведёт к смене лидера или поеданию себе подобного – мы сминаем листву, кувыркаемся и играем. Мы ценим жизнь друг друга и готовы поддержать в трудную минуту.

А Зоя? Эта девушка, лежащая у меня на руках... Кто она для меня? Семья? Моя семья умерла. Девушка? Самому смешно, с самого начала было понятно, что мы слишком разные, чтобы быть вместе. Друг? Настолько же друг, как Крюгер или Клим. Тогда кто?.. Враг?.. Обуза?.. Добыча?..

Прочь, прочь от этих мыслей. Клёпа недовольно ворчит, перебирая лапами по грязи, перепаханной взрывом дерева. Я всё ещё человек, а не волк.

Сильный человек, но слабый волк.

Тело девушки задёргалось, по округе прокатился хриплый стон. Птица без крыльев, ты не знаешь, что тебя ждёт впереди. Боясь выронить трепыхающееся тело, я аккуратно уложил Зою у завалившегося дерева. Холодного, как прошлогодний труп. Не самое лучшее место для передышки, но ей стоит прийти в сознание. Свои ноги едва двигаются, а тут ещё и чужие нести – в таком темпе меня надолго не хватит, упадём вместе и вместе погибнем.

Ладонь легла на влажный от пота лоб, такой горячий, что на нём можно поджарить пару яиц. Культи едва заметно двигались, не в силах смотреть на ополовиненные руки, я отвернулся. Собака стояла где-то неподалёку, без перерыва лаяла, но какой толк от этого шума?

По лицу пробежал прохладный ветерок, от которого тут же проснулись все рецепторы, включая болевые. Разом накатила усталость, натруженная спина всё так же постреливала болью при резких движениях. Раненая нога онемела, лучше не заглядывать, что там под повязкой – легче жить будет. И без неё проблем достаточно... Например, расползшихся по швам сандалий, напоминающих теперь двух голодных крокодилов. От обуви несло тиной и каким-то душным сладковатым ароматом. Отогнув подошву, без особого удивления я заметил рваный носок, из которого торчало несколько пальцев. Жёлтых, с коричневыми вкраплениями, кожа местами отслоилась и потрескалась. Чёрт с ним, главное – не болит. Выберусь – всё вылечу: ноги, спину, дрожь в руках, нервный тик правого века и даже желание убить Зою, когда та слишком громко вскрикивала сквозь пучины горячечного бреда.

Закрыв ладонями лицо и громко выдохнул. На секунду появилась мысль, что стоит убрать руки, и лес исчезнет, а я окажусь в родной квартирке, с больной от запоев головой. Брошу пить, найду работу... Научусь быть нормальным, а не особенным... Я убрал ладони, но передо мной была та же мрачная чаща, разве что на этот раз – ещё страшней. Часть деревьев изогнута дугой и облеплена светло-голубым мхом. Другая – разбросана по округе в виде острых осколков и кусков покрупнее. Листвы совсем мало, да и та осыпается под порывами ветра.

Взгляд испытующе наблюдал за чернильными хитросплетениями веток, но ни визуально, ни на слух никакой опасности обнаружить не удавалось. Серое небо больше не сверкало зелёными переливами.

Наблюдая за слабым шевелением леса, я незаметно провалился в дрему, но тут же вырвался из неё, разбуженный каким-то посторонним звуком. С равными интервалами хрустела листва и трещали ветки – кто-то приближался. Клёпы нигде не видно, но, приглядевшись, я обнаружил её распластавшейся на земле. Шерсть практически слилась с чёрно-коричневой подстилкой, и я, следуя её примеру, вжался в почву.

Шаги приблизились, дистанция, примерно, метров десять. По ту сторону поваленного дерева. Поравнявшись с нашим укрытием, шум затих, но потом возобновился. Любопытство взяло верх над осторожностью, и я аккуратно выглянул...

Ещё один урок. То, что похоже на человека, не обязательно им является. Существо... Да, так говорить точнее. Облачённое в чёрные одеяния, оно шло куда-то вглубь леса. Из-за высокого роста голова то и дело цеплялась за ветви, которые норовили скинуть глубокий тёмный капюшон. Ткань отошла назад, оголяя нечто белое, неразличимое в полутьме.

Казалось, на существе перчатки и высокие сапоги, иначе почему кожа у него такая чёрная?.. Неожиданно тварь остановилась, как вкопанная, и медленно повернулась в мою сторону. Юркнув в укрытие, я приготовился к бегству, но, вновь услышав удаляющиеся шаги, успокоился. Пронесло...

– Папа!.. – вскрикнула девушка, да так громко, что я едва не подпрыгнул от неожиданности.

Шаги вдалеке замерли. Тело метнулось вперёд, ладонь легла на потрескавшиеся губы Зои.

– Тихо, тихо... – зашептал я, глядя в широко распахнутые глаза сектантки.

Та что-то мычала в ответ, но я даже не подумал убрать руку. Кожу девушки покрывали засохшая грязь и сыпь раздражения, запах мяты сменился благоуханием человека, который давно позабыл

о личной гигиене. Морщась, я без особого сострадания наблюдал за тем, как Зоя поднесла левую руку к самому лицу и непонимающе уставилась на оставшийся вместо неё огрызок.

Существо возвращалось назад.

Господи, помоги мне...

Девушка поднесла к глазам вторую культю, что-то неслышно забормотала. В глазах читались растерянность и непонимание, но в один миг их сменил ужас осознания. Тело подомно сошло с ума, изогнулось, пытаясь вырваться, принялось колотить остатками конечностей по голове. Зоя вопила и таращила глаза, возможно, существовали и более мирные способы успокоить её... Чёрт, крошка, ты выбрала неподходящий момент для истерик!

В ладонь впились зубы, но я умудрился сдержать крик боли.

– Тише, дура, тише! Из-за тебя умрём!

Ноль внимания, девушка не поддавалась никаким уговорам, словно взбесившийся конь, норовящий скинуть седока. Зубы вновь впились в руку, ещё глубже, чем прежде...

Шаги доносились всё ближе и ближе. Нас сейчас не услышал бы только глухой.

Большой и указательный пальцы сжали нос девушки, ладонь всё ещё закрывала рот. Безумие во взгляде сменилось чем-то вроде чувства предательства. Так смотрят брошенные командованием солдаты, оказавшиеся в окружении. Так смотрят верные псы, получившие инъекцию яда, вместо порции лакомства.

Судороги достигли апогея, а потом плавно пошли на убыль. С какой-то жуткой отрешённостью я смотрел на стекленеющие глаза девушки. Грудь вновь и вновь вздымалась, пытаясь вырвать у этой поганой жизни ещё толику воздуха, но сейчас жизнь и смерть находились в моих руках. Моя жизнь и моя смерть.

Тело осело, словно из него выпустили воздух. Судороги и приглушённые вопли ушли вслед за душой Зои... Быть может, на Страшный суд, который так ждали Фениксы? Быть может на встречу перерождению. Или пустоте.

Существо совсем рядом, в паре шагов. Одно движение, и оно заглянет за поваленный ствол. Увидит меня. Быть может, так было бы лучше, потому что никакого сожаления о содеянном я не испытывал. Это всего лишь лес. Всего лишь закон выживания.

А она?..

Всего лишь жертва, возложенная на алтарь моей жизни.

Постояв на месте, тварь в балахоне развернулась и побрела дальше...

Я сильный человек, но слабый волк... Но даже слабый волк куда опасней сильного человека, особенно, когда его загоняют в угол.

Я осторожно выглянул из-за дерева. Существо уже отдалилось на достаточное расстояние, когда из тьмы леса показалась цепочка людей. Все как один подавленные, с опущенными вниз лицами и измождёнными фигурами. Неизвестные не смотрели по сторонам, не переговаривались, единственное, что их занимало – это движение вперёд, по следам своего провожатого, успевшего раствориться во мгле чащи.

Сколько их было? Десять? Двадцать? Тяжело сказать, да я и не пытался их сосчитать. Безмолвная процессия исчезла вдалеке, оставив после себя гнетущее чувство безысходности, невероятным образом смешанное с воодушевлением.

Выждав, для верности, ещё несколько минут, я поднялся на ноги и отряхнул со штанов листву. Взгляд скользнул вниз, на нелепо скрючившееся тело Зои:

– Ты всегда был ничтожеством, Густав!

– А я и не спорю, – кивнул я в ответ.

Рука потянулась прикрыть веки покойной, но Клёпа нетерпеливо гавкнула, приглашая продолжить путь. Ну и чёрт с ней, с этой идиоткой. Ты получила то, к чему так стремилась. Теперь жди червей, уж они-то тебя переродят как следует.

Облизнув кровоточащий укус на ладони, я сплюнул в сторону и продолжил поход. Идти без болтающейся на руках Зои оказалось куда спокойнее – в случае опасности легче будет

спрятаться и замереть... Неожданная мысль, пришедшая в голову, заставила остановиться... На моих руках смерть четвёртого бойца Фениксов! Кто у нас остался? Лис и Крюгер? С этими лучше не встречаться, хотя...

Из рта вырвался глупый смешок, но я тут же одёрнул себя. Повинуясь некому порыву, догнал овчарку и потрепал её по холке. В ответ животное вывалило язык и задрало вверх морду.

– Теперь только ты и я, Клёпа.

Собака дёрнула головой. Нос шумно втягивал воздух, пока не наткнулся на раненую ладонь. Шершавый язык прошёлся по ране один раз, затем второй – кровь остановилась, а вместе с ней остановилась и боль в сердце.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ТАЧКА НЕВОЗВРАТА

не силён в ориентировании на местности, мало понимаю в вопросах выживания и столько же – в охотничьих навыках. Моя стихия – город, а не чаща леса. Навыки сводятся к социальной адаптации, да и та атрофировалась за годы нелюдимости и замкнутости. Поэтому вдвойне забавно, что я пережил большинство своих «коллег».

На ум пришла занятная история, которую я как-то слышал по радио. В передаче шла речь о магическом реализме, незнакомых мне писателях и художниках, работавших в этой сфере и, помимо всего прочего, рассказывалось о людях, верящих в магию... Нет, «вера» – неподходящее слово... Они знают о существовании волшебства и воспринимают её, как нечто неотрывное от действительности.

Речь шла про эксперимент, проводимый в Австралии, где в непроходимые джунгли отправили трёх людей: туриста, бойца спецназа и бушмена⁸⁷. Задача простая – добраться из одной точки в другую, выбор средств – неограниченный. Турист ожидаемо положился на снаряжение, но натёр ноги. Спецназовец, не смотря на свою суровость, отравился какой-то живностью. А бушмен... Спокойно дошёл до места назначения, используя лишь палку и набедренную повязку. Обычное дело, казалось

⁸⁷ Бушмены – собирательное название, применяемое к нескольким коренным южноафриканским народам охотников-собираателей. Общая численность – около 100 тысяч человек. По новейшим данным, обладают наиболее древним генотипом.

бы, ведь если кто и выживет в джунглях, так это возвращённый ими дикарь, но соль заключалась несколько в другом. Во время путешествия победитель периодически останавливался и подолгу бормотал что-то... Не помню... Может быть, проводил некие ритуалы? Как выяснилось, цель у них была довольно странной – бушмен просил местных духов разрешения пройти...

Вот он! Человек, свято верящий в существование магии и привыкший считаться с ней!

Быть может, именно в этом скрыт тайный смысл этих мест? Принять паранормальное, как нормальное. Необъяснимое, как общеизвестное. Чуждое, как родное. Ничего другого не остаётся, когда обычные и важные в повседневности умения оказываются бесполезными. Это место само определяет время и правила. Пара километров вглубь леса, и всё переворачивается с ног на голову. Иных объяснений в голову не приходило...

Как всё это случилось? На ком лежит ответственность за происходящее? На мне? Нет, я-то уж точно ни при чём – виноваты фанатики, и только они. Встретил на свою голову смазливую девчонку, увязался следом... А ведь она хороша, знает, как манипулировать парнями! Околдовала, загипнотизировала, внушила, что именно здесь моё место, именно я должен быть рядом с ней. Без меня не справятся, ага...

Не сейчас, так потом. Не она, так я...

Кому действительно стоит доверять, так это зверям. Чистые эмоции, эталонная агрессия и абсолютная преданность. Не верьте тем, кто утверждает, что человек – самое жестокое существо на планете. Нет, ничего подобного! Природа, вот настоящее зло! Незамутнённое культурой, нормами и традициями, куда честнее благ цивилизации. Адаптация вместо привычек, взамен толерантности – естественный отбор. Смерть одной особи – жизнь для другой, и любая, даже самая малая жертва оказывается беспроектной.

Как в случае с Зоей.

Эта простая мысль так ошарашила меня, что я непроизвольно замер, вызвав недовольство Клёпы. Собака тут же обернулась и тихонько зарычала, всем своим видом показывая, что останавливаться нельзя.

– Это не жертва, – медленно пробормотал я, пробуя каждое слово на вкус. – А требование обстоятельств. Понимаешь?

Овчарка издала какой-то приглушённый звук, больше всего напоминающий «Отстань!» и потрусила дальше.

– Иду я, иду...

Онемение в ноге сменилось зудом. Нестерпимо хотелось снять повязку и как следует почесать рану, но я всеми силами сдерживал этот порыв. Не стоит лишний раз оголять повреждённое место – медикаментов под рукой больше нет. Да и руки у меня сейчас – рассадник инфекций. Под ногтями целый мезозойский пласт, кожу покрыла сыпь, словно от крапивных ожогов. Боль в спине давно отошла на второй план, сменившись тотальной усталостью. Идеальное состояние для суицида... Но почему я всё ещё двигаюсь? Почему не останавливаюсь? Откуда эта слепая тяга к жизни? С каких пор я так полюбил её?

Вымотанный, доведённый до черты, я всё ещё предавался философствованиям, и даже был способен не замечать волны боли, рождающиеся в коленях при каждом шаге. Более того, чем сильнее она становилась, тем меньше беспокоила меня.

Кто я? Старый добрый Гус, никому не нужный и жалкий? Или нечто иное, вылепленное лесом и пригодное исключительно для выживания в его черте?

Плавные и бесшумные движения Клёпы больше напоминали перетекание жидкости. Нос анализировал окружающие запахи, а острый взгляд цепко впивался в просветы между стволами. Я следовал примеру животного, перенимал его навыки и приспособлялся к среде. Мои шаги были такими же осторожными, а нюх и зрение ничем не уступали звериным. Передо мною открывалось новое измерение, ранее неизвестное – царство запахов.

Прелея листва и хвоя. От пропитанной жиром земли исходил слабый мускусный аромат. Торчащие из неё петли корней едва уловимо сокращались от перетекающей внутри воды. Глоток за глотком дерева набивали животы маслянистой жидкостью, от которой тоскливо трещала кора, а листья один за другим опадали на землю. Выглядело это так, словно чаща переваривала сама себя. Торчащих из земли зданий нигде не было видно, но я ощущал их давление из-под дёрна.

Быть может, под действием Катаклизма лес стал бесконечным, и мне уже не суждено выбраться отсюда? Стоило этой мысли прийти в голову, как впереди появилось нечто чужое, выбивающееся из общего фона. Длинное тёмное сооружение...

Собака замерла на месте, но тут же рванула вперёд, да так быстро, что я моментально отстал. Пробравшись сквозь густой кустарник, вывалился на узкую полосу, отделяющую лес и огромную, высотой в сотню метров, если не больше, стену.

– Ничего себе, – задрал голову, я какое-то время вглядывался наверх, пытаюсь увидеть стражников в бойницах, но так ничего и не разглядел.

Неужели периметр? Я подошёл поближе и прикоснулся к одному из каменных блоков – сплошная сетка выщерблин и царапин. Нет, это не карантинное оцепление. Слишком старое и монументальное, такое за день не построишь.

Древность сочилась из каждой щели, шептала что-то успокаивающее, но ощущающаяся в сооружении старость не имела ничего общего с ветхостью. Стена была крепка. Как и прежде, готова в любой момент принять на себя удар таранов и выстрелы катапульта. Фантазия разрисовала окрестности в переливы металла и яркие полотна знамён. Атакующие ползли вверх по приставным лестницам, а оттуда на них лился расплавленный свинец. Одна за другой тянулись осадные башни и «крысы»⁸⁸, звучали команды военачальников, призывающих защитников быть стойкими и сражаться до последнего...

⁸⁸ Крыса – укрытие, позволяющее солдатам расшатать основание стен осаждённого города.

Гость из Средневековья, как ты здесь очутился?

На страже чего ты стоишь?

И как умудрился победить само время?

По волосам пробежал ветерок, я ненароком вслушался в его шёпоты, вычленив из шелеста деревьев нечто новое, ранее не слышанное. По округе разносился скрип, многоголосый и протяжный, напоминающий печальные песни несмазанных дверных петель. Я покрутил головой, пытаясь найти источник шума, но вовремя сообразил посмотреть наверх.

Сотни, может быть больше... Словно гирлянда, они тянулись вдоль всей плоскости стены и исчезали в темноте, такие же одинаковые, как лампочки, но, в отличие от последних, не дающих разноцветного света. Висельники, чьи тела флегматично раскачивались на длинных верёвках, закреплённых на мерлонах⁸⁹. Клянусь, ещё несколько минут назад их не было и в помине.

Облачения мертвецов вызывали ассоциации с противохимическими костюмами Первой мировой. Это сходство особенно усиливали допотопные маски с круглыми окулярами очков. Расстояние не позволяло рассмотреть что-то ещё, да и важно ли, во что одеты несчастные? Куда интересней узнать, кем они были. Дезертирами, вздёрнутыми в назидание прочим? Или гарнизоном, застрывшим на чудовищной высоте?

Стоило уняться ветру – смолкло и поскрипывание верёвок.

Клёпа, забыв про осторожность и маскировку, прыгала у тёмного входа, находящегося тут же, в паре десятков метров. Ни тебе ворот, ни баррикад, лишь широкий туннель, убегающий в недра стены – заходи и бери крепость. Если кишка не тонка.

– Да иду я, иду! – пробормотал я, отрываясь от созерцания повешенных. – Чего раскричалась?

Задорно гавкнув, овчарка припала на передние лапы, и я, присев, потрепал её за холку. Животное вскинулось, легонько

⁸⁹ Мерлоны – одинаковые выступы с равными просветами (бойницами), завершающие крепостную стену в верхней части. Служат для прикрытия от обстрела защитников замка.

куснула запястье и, крутнувшись в воздухе, помчалось вглубь туннеля. Совсем спятила, блохастая.

– Постой! – крикнул я вдогонку, но Клёпы уже и след простыл.

Обернувшись, посмотрел на гряды деревьев, вновь перевёл взгляд на стену. Одно из двух, либо эта стена обозначает границу чащи, либо защищает лес от чего-то с той стороны.

Мрак от стены до стены, от пола и до потолка. Ни единого отблеска, никакого освещения – лишь чернота, холод каменной кладки, да тишина, нарушаемая эхом моих шагов. Первое время я двигался медленно, опасаясь угодить в какую-нибудь ловушку, шарил по полу руками, но вскоре это мне надоело – так путь затянется на целую вечность.

Будь что будет!

Разумней было бы идти вдоль стены, вдруг здесь есть какие-нибудь ответвления, но приближаться к кладке отчего-то не хотелось. Будь то интуиция или параноя – разницы нет, за время пребывания в лесу я умудрился выжить, а это недурственное доказательство действенности внутреннего чутья.

– Клёпа! – негромко позвал я собаку, которая с момента входа в туннель как сквозь землю провалилась. – Ко мне, девочка!

Ноль реакции. Не вовремя ты сбежала, ох, не вовремя.

Шло время. Более или менее стал различим пол, а сквозь лёгкий сквозняк пробились отголоски окружающих запахов. Гладкие булыжники под ногами не представляли никакого интереса, а вот с обонянием дело обстояло куда загадочней – откуда-то издалека доносился специфический аромат сгоревшего пороха и сырого мяса. Комбинация не самая безопасная, но деваться мне было некуда – остаётся лишь удвоить бдительность и постараться обнаружить возможного врага раньше, чем он заметит меня.

Брёл я долго, примерно, час или два, а туннелю всё не было конца. Ничего не происходило, ничего не менялось – затянувшаяся прогулка начинала нервировать, особенно беспокоило исчезновение собаки.

Порой мне казалось, что из темноты на меня смотрят чьи-то глаза. Воодушевлённый, я шептал имя Клёпы, но зов оставался без

ответа. Отшатнувшись от проступающих из мглы очертаний, меньше всего напоминающих собачьи, я устремлялся дальше. За спиной чудились чужие шаги, а затылок буравило постороннее внимание. То и дело я замирал, прислушиваясь, но слышал лишь биение собственного сердца.

Во время очередной задержки издалека донёлся посторонний шум. Сперва я обрадовался, приняв его за цоканье собачьих когтей, однако тут же отбросил эту гипотезу. Нет, звук совсем не походил на шаги животного.

Тук, тук, тук... Тук-тук, тук-тук, тук-тук... Тук, тук, тук...

Три одиночных удара сменялись серией быстрых двойных, после чего вновь шли короткие. Выждав короткую паузу, неизвестный повторял процедуру, вновь и вновь повторяя одну последовательность.

Тук, тук, тук... Тук-тук, тук-тук, тук-тук... Тук, тук, тук...

Возможно, это вовсе и не человек, а какая-нибудь заклинившая машина? Рано или поздно увидим – туннель не настолько широкий, чтобы пройти мимо источника шума.

Тук, тук, тук... Тук-тук, тук-тук, тук-тук... Тук, тук, тук...

Чем ближе я становился, тем отчётливей звучали удары, но, одновременно с этим, увеличивались паузы между сериями. Наконец, сквозь плотную завесу мрака проступил какой-то огонёк. Красная точка, едва пробивающаяся из черноты коридора, и, насколько я мог судить, стук доносился прямо оттуда.

На всякий случай я остановился и присел на корточки...

Тук, тук, тук... Тук-тук, тук-тук, тук-тук... Тук, тук, тук...

Кажется, в секунды тишины слышалось чьё-то неровное дыхание и приглушённое шипение, напоминающее радиопомехи. Запах сгоревшего пороха стал ещё более отчётливым, а сладковатый аромат свежей падали усилился.

Позвать или попробовать подкрасться незаметно? Пожалуй, второе...

Встав на четвереньки, я сноровисто пополз вперёд, прямо на красный огонёк, в котором вскоре узнал доживающий последние секунды фальшфейер⁹⁰.

Тук, тук, тук... Тук-тук, тук-тук, тук-тук... Тук, тук, тук...

Так и есть, если напрячь зрение, то можно различить жёлтый корпус с красными поперечными полосами. В скупом круге освещения валяется какая-то сумка... Западня?

Ладони коснулось что-то маленькое и холодное. Гильза. Вытянутая, кажется, винтовочная. Поднеся находку к носу, я втянул запах пороха. Всё ещё сильный, не успевший выветриться. Стреляли примерно час или два назад. Странно, что я не слышал грохота – в каменной кишке звуки пальбы должны разноситься на огромные расстояния.

Тук, тук, тук... Тук-тук, тук-тук, тук-тук... Тук, тук, тук...

Рядом валялось ещё несколько латунных цилиндров, абсолютно идентичных первому. Стараясь не задевать их, я продолжил двигаться дальше. Взгляд вгрызался во тьму, пытаюсь отыскать источник стука.

Тук, тук, тук... Тук-тук, тук-тук, тук-тук... Тук, тук, тук...

Вспышка плюнула напоследок ещё несколькими искрами, после чего погасла. Я подполз ближе и оцупал горячий корпус пашки. Стук доносился слева, у самой стены, но я не спешил к его источнику. Вместо этого осторожно обнюхал сумку и откинул скрывающий её содержимое клапан: несколько пиропатронов, аналогичных сгоревшему, разорванная упаковка бинта, пара пустых автоматных магазинов и смятая пивная банка. Куда больший интерес представлял обнаруженный на дне пистолет.

Тук, тук, тук... Тук-тук, тук-тук, тук-тук... Тук, тук, тук...

Хотелось крикнуть во тьму, чтобы надоедливый «дядел» наконец уgomонился, но, как говорится, добрым словом и пистолетом можно добиться куда больших успехов. Оружие абсолютно незнакомое: на рифлёной рукоятке прощупывалась звёздочка, рядом, судя по всему, кнопка для извлечения магазина.

⁹⁰ Фальшфейер (фаер) – пиротехническое сигнальное устройство в виде картонной или эбонитовой гильзы, наполненной горючим составом.

Ещё бы предохранитель найти... Чёрт, либо у этой штуки его совсем нет, либо он надёжно спрятан. Положив ладонь на затвор, плавно потянул его назад. Раздался лязг металла, чересчур громкий, не смотря на все мои старания. Стук у стены резко умолк, а на его смену пришло неразборчивое мычание. Поднявшись, я направился туда. Палец юркнул в спусковую скобу, в душе царило какое-то противоестественное спокойствие и, видит бог, я впервые держал оружие в сухих ладонях.

В левой руке гладкий корпус вспышки, колпачок скручен – осталось лишь дёрнуть за чеку. Я уже намеревался вырвать его зубами, но вовремя сообразил, что химический состав моментально вспыхнет и, скорее всего, обожжёт лицо. Подцепил кольцо большим пальцем правой руки, рванул в сторону...

Ярко-алый свет взорвал тьму, разогнал её, быстро расчистив вокруг меня ровный круг. Рвущаяся из корпуса фаера струя огня плевалась искрами и нещадно дымила, благо, едкий смог тут же подхватывал сквозняк и уносил куда-то вглубь туннеля. После длительного пребывания в темноте и тишине, шипение огня казалось оглушительным, а свет так глубоко впечатывался в сетчатку, что перед глазами всё плыло и двоилось.

Щурясь и кашляя, я поднял факел над головой и, наконец, увидел источник стука... По правде говоря, лучше бы вообще не видел...

Сквозь ослепительное сияния проступили очертания кого-то знакомого. Точно! Лис, тот странный человек из фургона, доставивший группе оружие, а потом вошедший в состав ударного отряда. Точнее, не весь Лис, а его фрагменты... Из каменной стены торчали лишь куски: часть головы, левая рука, левое колено и фрагмент торса, – всё прочее находилось глубоко в стене. Рта не видно, но зато наружу торчал нос, из которого стекали две струйки крови, перепачкавших всю видимую часть куртки. Распахнутые глаза неотрывно следили за искрящей вспышкой.

– Что... – выдохнул я, пытаясь переварить увиденное. – Что с тобой случилось?..

Глаза сфокусировались на мне, и от кипящей в них боли у меня внутри всё похолодело. Голова дёрнулась, заставляя сочащуюся из носа кровь усилить напор. Единственное, чем мог пошевелить несчастный – веками, ноздрями и левой рукой. Ладонь коснулась стены, тонкое кольцо на среднем пальце ударилось о камень...

Тук, тук, тук... Тук-тук, тук-тук, тук-тук... Тук, тук, тук...

Чёрт, да ведь это азбука Морзе! Сигнал SOS, как я раньше не догадался!

Сунув пистолет в карман, я стал внимательно осматривать торчащие куски плоти. Коснулся джинсовой ткани на колене, затем внимательно осмотрел ранее не замеченную винтовку: видны были лишь часть цевья и направленный в землю ствол. Никаких трещин или следов инструментов – Лис оказался в стене, словно телепортировавшись в неё из другого места... Или это стена телепортировалась в него?

Тук, тук, тук... Тук-тук, тук-тук, тук-тук... Тук, тук, тук...

– Извини приятель, но... – начал было я, но осёкся, заметив, с какой внимательностью и отчаянной надеждой смотрел Лис на карман, в котором я спрятал пистолет. – Тебе это нужно?

Достав оружие, я поднял его на уровень глаз. Рука парня вытянулась в мою сторону и ухватила за ствол... Потянула на себя, упёрла зрачок дула в лоб...

Я грязно выругался. Окутанные тенями, пляшущими в ярком ореоле фальшфейера, мы стояли друг напротив друга. Палец лёг на спусковой крючок, рука отпустила ствол и безвольно повисла. Лис красноречиво моргнул.

Нельзя оставлять человека в таком состоянии. Кто бы он ни был и чем бы ни занимался при жизни – такого никто не заслуживал, даже террорист-фанатик. Единственное, что я мог сделать – прервать его мучения. Многого не требовалось – всего одна пуля.

Палец выжал свободный ход спуска, но что-то отвлекло меня, заставив растерянно обернуться в ту сторону, откуда я пришёл.

Шум листвы. Монотонный звук, напоминающий рокот волн в бурю. За время моего пребывания в лесу он стал привычным, больше не раздражал, однако здесь взяться ему было неоткуда.

Ропот становился всё громче, пока не достиг обычного для чащи состояния. Бормотание листвы переливалось, закручивалось в спираль, а затем проигрывалось в обратном порядке, и так раз за разом, вновь и вновь повторяя один и тот же фоновый кусок чащи. Это было настолько странно, находиться в каменной кишке, в которой на сотни метров не было никакой растительности, но, при этом, слышать лес... По телу пробежали мурашки, мучимый самыми дурными предчувствиями, я задрал голову вверх, пытаюсь разглядеть источник шума, но там ничего не было, лишь тёмные своды прохода. Лис задёргался, с удвоенной силой заколотил кольцом о стену, то ли призывая завершить начатое, то ли предупреждая о чём-то. К сожалению, я совершенно не знал азбуку Морзе.

Красный свет вспышки пошёл на убыль, постепенно превращаясь из сверхновой в угасающий огонёк. Тени удлинились... Тени, которых не могло быть в туннеле, потому что их некому было отбрасывать. Скрюченные ветви, истошно напоминающие руки, побежали по булыжникам пола. Кажется, во тьме я заметил нечто белое, похожее на лицо. Спихватившись, выхватил из сумки новый фальшфейер и дёрнул за чеку. Алое сияние в мгновение ока разогнало тьму, но я успел рассмотреть поспешно втягивающиеся в неё ветви.

Шуршание листвы плавно трансформировалось в цифровое шипение, но теперь звук доносился не сверху. Рука чертила в воздухе нелепые линии, пистолетный ствол дрожал, то ли от страха, то ли от нетерпения. Я до боли в глазах всматривался в чёрно-красную границу освещённого круга, изо всех сил надеясь увидеть там лишь пустой коридор.

Но темнота меня разочаровала. Захрустели ветки, покров мглы прогнулся вперёд, а затем с треском разошёлся в стороны, оставив в месте разрыва несколько тёмных фигур. Попадая на их тела, свет превращался в ртуть. Облепившая тварей маслянистая плёнка безостановочно шевелилась, никак не решаясь

принять определённую форму. Несколько существ втянулись обратно во мглу, но вскоре появились вновь, на этот раз, в удвоенном количестве. Так продолжалось вновь и вновь, с каждым последующим появлением их становилось всё больше, пока сгустки черноты не перегородили весь проход.

Я сделал шаг вперёд и вытянул вперёд факел, пытаясь различить лица между складками тьмы, но всякий раз края «капюшонов» сжимались и проваливались внутрь. Однако одну деталь мне удалось разглядеть, и от увиденного я попятился назад.

Кажется, среди ожившей нефти блеснули короткие волосы...

Этого не может быть. Я же убил её!

Постепенно показались и другие детали, красноречиво подсказывающие имена стоящих передо мной: красный берет, два слипшихся вместе тела, сапёрные лопатки, всё ещё торчащие из искалеченных тел...

И она... Та самая девушка, ради которой я приехал сюда, и которую оставил здесь же...

Рука с пистолетом опустилась, я вглядывался в черную жижу, переплетающуюся с дрожащим красным светом. Густой алый воздух горчил, отдавая смолой и кровью.

Я должен был сказать что-то, задать важный вопрос или, быть может, раскаться в содеянном, но единственное, на что хватало смелости – не отводить глаза. Что заставляло дрожать мои руки? Страх или ярость? Вина ли за содеянное сковала тело, не давая пошевелиться, либо это сделало ожидание расплаты? Тени терпеливо ждали, не отдаляясь и не приближаясь, и от этого становилось ещё трудней выдерживать их взгляды.

Сзади слышался лай, с трудом пробивающийся сквозь заполнившее окрестности шипение, но я не обернулся.

Что-то шевелилось за спинами теней...

Тьма, булькая, расступилась. Разошлись в стороны фигуры покойников, и в свете фальшфейера показалась высокая тощая фигура, в которой я без труда узнал его... Того, кто нарисован углём и пропитан кровью. Того, чьё лицо намалёвано мелом поверх морщинистой коры. Новый бог из старой легенды, поведший деревенских жителей в чащу леса. Сейчас я уже не мог

вспомнить, кем она была рассказана – мною или кем-то другим, с таким же, как у меня лицом и абсолютно идентичным голосом? Возможно ли прожить всю жизнь, считая себя не тем, кто ты есть? Или же проще превратиться в нечто инородное?

Бог-из-Леса смотрел осуждающе, но глаз его я не видел, так же как не видел его пальцев, когда те сдёрнули капюшон с одной из теней.

Дрон... Нервный парень, скуривающий по несколько пачек в день. Безголовый, но всё ещё узнаваемый по сильному табачному запаху.

В отличие от других, ты всегда морщился, когда Крюгер начинал издеваться надо мной, а иногда даже вступался. Что привело тебя в секту? Верил ли ты словам нашего командира? Сомневаюсь... Ты ощутил смерть задолго до её наступления и погиб от шальной пули. Была ли моя вина в твоей кончине? Я мог настоять, что слышал шум винтов... Такая мелочь, но я прикоснулся к твоей смерти, навсегда оставив на ней отпечаток неопределённости.

И в этом была моя вина...

Мгла скользнула вниз, открывая на обозрение следующее лицо, на этот раз Клима. Серое и безжизненное, с налипшей на кожу хвоей и обрывками листвы.

В памяти всплыл грохот выстрелов. Красный берет на фоне алой крови, растекающейся под безжизненным телом. Кто он был до того, как мой страх вдавил спуск? Была ли у него семья, или же он нашёл её среди нас, Фениксов? Возможно, я выжил только благодаря его тренировкам. Возможно, за речами о возрождении из пепла и готовности к смерти скрывалось нечто куда более сложное, чем фанатизм и слепая вера. Например, стремление изменить этот мир, сделать что-то в тот момент, когда все остальные полны апатии и равнодушия. Быть может, мир заслуживает сгореть в пламени?

И в этом моя вина...

Один за другим проступали во тьме лица солдат из чащи... Чёрт, не могу вспомнить их имён... Парень с боксёрской кличкой,

его товарищ... сержант, готовый убить и меня, и Зою ради безопасности страны и вверенных ему подчинённых. Такая ли большая цена – смерть двух несговорчивых дураков, решивших продолжить дело Че Гевары? Почему я сам не подобрал оружие, почему безвольно смотрел на бойню? Почему позволил девушке открыть огонь по людям, вступившим в бой с кошмарами леса? Говорят, бездействие куда страшней любых проступков.

И это тоже была моя вина...

Едва уловимое движение, и из мглы проступили ещё два лица. Застывшие на них гримасы боли заставили содрогнуться, я не отвёл взгляда, вместо этого впиваясь в каждую мелочь: оплавленные куски кожи, безжизненные глаза и всколоченные обрывки волос. Братья Борисовы.

И это тоже моя вина...

Всегда нелюдимые и молчаливые, они держались в группе обособлено, словно преследуя только им понятную цель. Готовые умереть друг за друга, верные до конца, и обрётшие в Катаклизме истинное единство. Перерождение слило их в одно, совершенно нежизнеспособное существо, каждую секунду испытывающее одни лишь страдания, и ничего более... Так ли это? Быть может, именно к такому финалу они и шли, и в финале этом обрели счастье? Пытались ли они убить нас в том доме, или же ими двигал насильственный альтруизм, попытка изменить и нас?.. Это звучит дико и нелепо, но кто даст гарантию, что это я нормален, а не они? Кто проводит черту между уродством и красотой? Постой... Я совершенно не помню, почему убил их... Слепой страх или самооборона? Нет, я защищал Зою, ту самую девушку, которую убил собственными руками? Что за нелепость!

А вот и она. Зоя, собственной персоной.

Кажется, если напрячь зрение, то можно было разглядеть на её щеке синяки. Это моя жертва, принесённая на алтарь собственной жизни.

Любил ли я её или попросту ухватился за первую попавшуюся девушку, улыбнувшуюся мне? Если это были те самые чувства, о которых я написал стихотворение, то почему я так быстро

отвернулся от девушки, когда та стала обузой? Если объект желания теряет лоск и становится обычным человеком, кого стоит винить? Того, кто слишком много нафантазировал, или того, кто просто жил своей жизнью? Лишившись рук, грязная и ожесточённая, Зоя быстро стала для меня неинтересна, и я счёл нужным устранить её, прикрываясь стремлением к выживанию.

И в этом... тоже... моя вина...

Руку с пистолетом трясло. Взглянув на оружие, я невесело улыбнулся. Металл коснулся виска, такой холодный, какими бывают надгробные памятники. Это достойный выход. Никакой трусости, никакого бегства. Всего лишь приговор, вынесенный самому себе.

Всё это время я жил в крошечном мирке, в котором не было места трудностям и неудачам, хоть он, до последней частицы, и состоял из них. Каждое падение лишь глубже вгоняло меня в грунт, пока, наконец, наружу не осталась торчать одна лишь чёртова задница, да и та тощая.

Куда я бежал? Прочь из леса или вглубь него? Глупости, трус остаётся трусом до самого конца, и я полностью доверил свою жизнь собаке, но теперь у меня есть шанс сделать собственный выбор. Это моё право. Хватит суеты и бессмысленного существования, хватит... Простите меня, товарищи Фениксы. Может быть, вы и не были хорошими людьми, но вы хоть что-то делали, хоть к чему-то стремились, когда я смог решиться лишь на убийства.

Прости меня, мама, что так и не стал достойным человеком...

Фальшфейер уже почти прогорел до конца, но в новом уже не было нужды. Круг света сужался, тени становились всё ближе, но уловить момент перемещения никак не удавалось. Да я и не пытался, сейчас мой мир уместался внутри пистолетного ствола. Я зажмурил глаза, готовый спустить курок...

Шипение исказилось, сквозь монотонный шум прорезались какие-то помехи, напоминающие лай. Что-то больно вцепилось в бедро, прямо в рану. Затрещали раздираемые бинты, по ноге побежали липкие дорожки крови, а в воздухе

возник сладкий аромат. Я обернулся, ожидая увидеть Клёпу, но то, что стояло позади, уже не могло называться таким милым и дурашливым именем.

Тварь разогнулась, нависла надо мною, словно великан. На уродливо изогнутых клыках догорали последние остатки света, изумрудные глаза буравили меня, прожигали насквозь, забирались куда-то вглубь живота и сжимали внутренности тисками ужаса. Это не было человеком, как не было собакой или каким-то иным животным. Даже если вспомнить про мифических оборотней, казалось бы, самое уместное сравнение, то и на них оно ни капли не походило. Вместо бугрящихся мышц – иссохшие куриные культы, вместо величественной чёрной шерсти – куски серой проволоки с запутавшимися в ней кусками тряпья и каким-то мусором. Звериная морда деформирована и вогнута внутрь, кажется, она едва держалась на тонкой шее – ударь разок, и отвалится.

Существо зарычало, обдав меня жутким смрадом, вместившим в себя автомобильную копоть, ароматы догнивающих отбросов и едва уловимую бетонную пыль. Правое надплечье, вздувшееся от инфекции или каких-то паразитов, вздрогнуло. Рука чудовища прижалась к груди и вырвала из неё кусок плоти. Капли крови отчётливо заколотили о камни, чудовище запрокинуло пасть и, издав скрежещащее подобие рычания, с размаху бросило оторванный от себя кусок мяса в догорающий фальшфейер. Последовавшая за этим вспышка ослепила меня, уши заволокло бесконечным писком.

Заорав что-то неразборчивое, я рухнул на колени. Пистолет вывалился из рук, и, ударившись об пол, выстрелил. Грохот шибанул по ушам, подобно стенобитному оружию, мир из чёрного превратился в ярко-красный. Тени прыгнули вверх, заволакивая потолок древесной паутиной, но в то же мгновение ветви вспыхнули ярким огнём, чадящим зелёным дымом и источающим запах палёной плоти. Кто-то склонился надо мною. Подняв глаза, я увидел безголового Дрона, но не успел ничего сказать, как получил ногой в живот.

– Запомни, Гус. Единственная причина, почему я тебя не гнобил – руки не хотелось марать. Ты настолько жалкий и тщедушный, что тебя любой кретин нагнёт, понимаешь? Понимаешь, придурок? – грубый электронный голос переполняла брезгливость, каждое слово словно напоминало трение пенопласта о стену. – На тренировках – последний, в компании – нелюдямый. Даже приехав на место, тебя пришлось уговаривать вылезти из автобуса!

Сжавшись в комок, я закрывал голову руками, а сверху всё сыпались и сыпались новые удары. В какой-то момент я бросил взгляд на нападающего, но теперь это был Клим. Перекошенное яростью лицо буквально светилось мертвенной бледностью, после каждого выкрика изо рта вылетали капли крови:

– Ты ни на что не годен! Ты скот, от которого мы так стремились очистить мир! Мы, члены отряда Фениксов, сложили свои жизни на алтарь победы, а что сделал ты? Струсил в критический момент! Дрогнул! Убил меня! Ты убил меня, и даже не удосужился похоронить, бросив на растерзание местным тварям! Знаешь, а ведь я прекрасно знал о том, что Крюгер издевается над тобой. Более того, это я ему приказал так поступать. А знаешь, почему? Чтобы сделать тебя злым! Яростным! Уверенным в себе, способным дать отпор! Я пытался слепить бойца, но из поганой овцы даже клока шерсти не вышло! Ты растёкся по ладоням, как грязь!

С каждым последующим ударом берет всё сильнее и сильнее сползал с головы парня, а после и вовсе упал на пол. Командир наклонился, чтобы подобрать его, а когда поднял голову, то передо мной была уже Зоя. За её спиной возвышались мрачные фигуры искалеченных солдат, каждый из которых буравил меня пристальным взглядом:

– Гус, Гус... Густав... Интересно, в какой момент ты решил, что я могу полюбить такого, как ты? Неказистый, серый мальчишка, живущий в коконе из комплексов и страхов. Даже приди я к тебе голой – ты бы скорей упал в обморок, чем сделал что-то толковое. Все эти взгляды, сопливые стихи... Я слишком

поздно поняла, что ты из себя представляешь. Время поджигало... А когда ты остался в автобусе – мне и вовсе захотелось выстрелить тебе в лицо и самой потащить плиту и снаряды. Видит Господь, так было бы куда проще!

Я опустил руки, попытался сказать что-то в своё оправдание, но девушка, размахнувшись, отвесила мне звонкую пощёчину. Такую сильную, что я ударился головой о камни.

– И когда Катаклизм вложил в твои руки силу, избрал тебя своим наместником на землях проклятых – я едва не взорвалась от ярости! Бог не может так ошибаться, не может! Это бессмысленно – давать оружие тому, кто не умеет им пользоваться! И что ты сделал? Ты убил меня...

Девушка поднялась на ноги и кивнула молчаливым солдатам. На этот раз я успел сгруппироваться. Удар за ударом, подошвы ботинок вбивали меня в землю, ломали кости, превращали в безжизненный кусок мяса.

– Ты убил нас, Густав! – разносился по туннелю крик десятков глоток, среди которых были и совершенно незнакомые мне люди.

До боли сжав зубы, я впитывал пинки и толчки. Ничего не говорил и не пытался оправдываться...

– Последние секунды моей жизни были полны разочарования, потому что я не оставила этому миру ничего, кроме забитого, заикленного на самом себе слабака. Хорошо, что отец не увидел, кем вырос его сын! – мамины удары были самыми болезненными, но что было тому виной, острые туфли или обида – сказать тяжело.

Красный свет и алая кровь сплелись в языческую вязь, образуя подо мною огромное рубиновое пятно, в центре которого лежала отбивная, лишь издали напоминающая человеческое тело. Всё ещё мыслящая, но давным-давно мёртвая.

Впившаяся в мозг покорность с каждым новым ударом покрывалась трещинами, сквозь которые пробиралось нечто новое, ранее недоступное. Оно заставляло яростно скрипеть зубами и сжимать кулаки, толкало вверх, на этих тварей.

Всю свою жизнь я нёс на спине груз вины, тяготился каждым решением! Пытался стать кем-то другим, стремился понравиться кому-то, угодить!.. И что взамен? Удар за ударом, пощёчина за пощёчиной! Сперва школа, потом университет – везде общество меня отвергало, а когда врач, сжалившись над тщедушным пареньком, поставил отметку о негодности, я и вовсе заперся внутри себя. Попробовал выбраться, да, я попробовал ещё раз, но чего мне это стоило? Поганые Фениксы завели меня в самую задницу мира, а теперь смеют обвинять в слабости? Того, кто пережил каждого из них?!

Зарывав, я рванул вверх. Взгляд застилала кровавая пелена, но в данных условиях хорошая видимость была не нужна. Здесь нет своих – лишь омерзительные твари. И я схватил их, сжал черепа! Сломал всё ещё барабанившие по мне ноги и раздробил руки. Умирая, чудовища до последнего тянули ко мне конечно-сти, впивались зубами в кожу, но невероятная сила всякий раз толкала меня дальше, вглубь толпы... Туда, где возвышалась фигура в чёрных одеждах.

Когда я предстал перед Богом-из-Леса, все прочие уже сгнули. Шипя, растворялись солдаты, Фениксы развеялись по ветру, словно их никогда и не было. Древесная тварь не говорила ни слова, никак не реагировала на падение своей армии, словно это было частью её божественного промысла. Тяжело дыша, пропитавшийся насквозь своей и чужой кровью, я взидал на Лес, обернувшийся в форму человека.

– Ты доволен? – голос слабый, хриплый, но на большее у меня уже не было сил.

Только сейчас я понял, что шипение исчезло, и, наконец, в туннеле наступила блаженная тишина, ничем не нарушаемая и никем не тревожимая.

– Не молчи! – заорал я, делая шаг вперёд.

Наконец, Бог-из-Леса пошевелился, словно пробуждаясь ото сна. Из рукавов показались кисти рук, сплетённые их множества тонких веток. Ухватившись за края капюшона, существо потянуло ткань назад:

– В День Стра-а-ашного-о-о суда-а-а
Мы не-е-е умрё-о-ом.
Как фе-е-ениксы-ы-ы, сгорев дотла-а-а,
Из пепла во-о-осстаё-о-ом.
Из пепла во-о-осстаё-о-ом.

Голос улыбался, но не насмехался. Так, в шутливой форме, гордятся своими сыновьями отцы, слишком гордые, чтобы открыто продемонстрировать чувства:

– Из пепла во-о-осстаё-о-ом...

Неожиданно я осознал, что сейчас, прямо в это мгновение, произойдёт нечто ужасное. Настолько ужасное, что любые издевательства и страдания покажутся на его фоне детскими играми:

– Стой!

– *Один, девяносто восемь, один!*.. – ткань, казалось, опускается бесконечно долго, но лица всё ещё не было видно, один лишь мрак.

– Не делай этого, пожалуйста!.. – ноги словно вросли в землю, под действием противоестественного страха я быстро растерял все остатки ярости.

Из-под капюшона на меня смотрело существо новой формации, воплощённый в материи Катаклизм. Переплетения стволов и бетонные коробки, дым выхлопа и благоухание цветов, шум радиопомех и шелест листвы на ветру... Где-то далеко сливались в невероятном сплаве дерево и железо, образуя новый мир, полностью адаптировавшийся к новым условиям. Торчащие из земли здания прорастали вверх, но, достигнув облаков, лопались, подобно коконам, а на их месте оставались уродливые чёрные муравейники с горящими алым окнами. В тесных комнатах дожидались рассвета новые хозяева этого мира...

– *Город внутри и город снаружи, город внутри и город снаружи...*

Пистолет, где-то должен быть пистолет!

Взгляд заметался по полу, пытаясь среди теней отыскать оброненное оружие, но того нигде не было. Драгоценные секунды стремительно заканчивались, пока не подошли к финишной отметке.

– *Город внутри...* – вновь повторила тварь, готовая предстать передо мною во всей своей красе.

Но на сцене появилось ещё одно действующее лицо, о котором я успел уже забыть.

Грохнуло три выстрела, голова Бога-из-Леса задёргалась в такт попаданиям. Повернувшись в сторону угрозы, существо отпустило капюшон и попыталось вытянуть руки вперёд, но из темноты коридора вновь вспыхнули дульные вспышки. Каждая пуля попадала точно в центр головы, и вылетала сзади, оставляя в ткани дымящиеся дыры. Шаг за шагом, тварь отступала назад, а из тьмы на неё надвигался человек с длинной винтовкой. Поверх куртки – разгрузочный жилет, каждый шаг – новый выстрел. Изуродованное ожогами лицо напоминало демоническую маску.

– В сторону! – прокричал Крюгер, но сквозь грохот выстрелов я не сразу понял, что эти слова адресованы мне.

Спохватившись, прыгнул назад. Невесть откуда появившийся боец, подошедший к отвратительной твари на расстояние десяти шагов, отпустил винтовку и, сорвав с жилета какой-то шарик, метнул его в цель. До слуха долетел характерный звон взведённой гранаты.

Чёртов придурок, он решил похоронить всех в этом туннеле!..

Единственное, что я успел сделать – зажмуриться в ожидании взрыва, но вместо него по туннелю прокатился лишь негромкий хлопок. Закружилась голова, перед глазами всё поплыло. Я попытался подняться, но тут же рухнул обратно...

Оказавшийся рядом Крюгер ухватил меня за воротник и с силой потряс. Губы его шевелились, но я не слышал ни одного слова. Я замотал головой и оттолкнул бойца. Огляделся... Твари

нигде не было видно. Каменный проход опустел, если не считать Лиса и перекатывающихся под ногами гильз.

Тук, тук, тук! Тук-тук, тук-тук, тук-тук! Тук, тук, тук!..

Как странно... Почему я так отчётливо слышу бряцанье кольца о камни, а всё остальное – словно под толщей воды?..

В очередной раз отмахнувшись от беззвучно талдычащего мне что-то Крюгера, я доковылял до пистолета и, без лишних промедлений, приставил его к голове Лиса. В усталых глазах промелькнула благодарность, после чего я, наконец, завершил начатое. Беззвучный выстрел, отдача толкнула ладонь. Теперь точно всё...

Обессилев, я потерял сознание...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

СТАРИЙ ЛЕДИ

ёрные деревья на фоне беспросветной тьмы. Мрак покрывает моё тело ровным слоем чернил, затрудняет дыхание, разъедает слизистую, словно хозяйственное мыло. Я ощущаю тонкую плёнку на сетчатке, касаюсь руками того места, где должны быть глаза, но там ничего нет, только тёмные провалы безжизненного черепа. Мне хочется закричать от ужаса, но изо рта рвутся лишь невнятные хрипы.

Минута проходит за минутой, время убегает между пальцами, но для меня оно словно стоит на месте. Протяжная боль раз за разом сжимает и разжимает тело: нервные окончания тлеют, словно бумага, мышцы закручиваются в канаты, а кости трещат и лопаются. Движения – пронзительные вспышки, из пустых глазниц течёт едкая кислота, прожигающая на лице глубокие борозды.

У меня нет мыслей и нет мотивации к действиям. Всё моё существование – это страдание. Каждый миг своей жизни я борюсь с болью... Нет, слово «бороться» здесь неуместно, потому что никакого сопротивления с моей стороны нет... Я пытаюсь пережить боль, пытаюсь перебраться за гребень волны, но всякий раз опять оказываюсь у её основания... Либо тьма материальна и может причинять страдания на тактильном уровне, либо мои органы чувств спятили.

Это длится десятилетия. Кажется, что ничего не происходит, и я остаюсь на том же месте, но со временем из тьмы

приходит понимание: «Я меняюсь!» Действительно, как же я сразу не заметил этого? Пропитанная агонией кожа твердеет и покрывается слоем толстой шерсти. Мышцы закаляются, превращаются в высушенные жгуты, а раздробленные кости срастаются вновь, но на этот раз в нечто совершенно иное. Суставы выворачивает назад, и первое время новое строение конечностей кажется глупым, но после нескольких движений я отдаю им должное – удлинившиеся руки и ноги сильны и стремительны, выносливы и удобны. Осваивая новое тело, я с удовольствием отмечаю, как уходит боль.

Тьма медленно расступается, зрение возвращается ко мне. Во мраке не так много цветов, которые я мог бы различить, и в проступающих из него деталях леса я больше не вижу яркой зелени или непроглядной тьмы. Мир становится блеклым и невзрачным, но взамен этому приходят острота взгляда и яркое восприятие запахов. Нос жадно втягивает в себя воздух, анализирует его, разбирает на составляющие, и каждую из них я могу отследить, определить направление и расстояние до цели. Перебирая окружающие ароматы, я смакую свои новые возможности, играю в палой листве, гоняюсь за какой-то странной штукой, следующей за мной попятам, но сколько я ни кручусь – никак не могу ухватить её зубами. Внезапно всё моё внимание переключается на чужой след, он ведёт прямо к дереву и уходит вглубь, прямо в землю. Охваченный непонятным азартом, я принимаюсь за раскопки, сильные лапы откидывают дёрн и мелкий мусор, под которым обнаруживается гнездо. Белые в крапинку яйца, такие аппетитные, что рот наполняется слюной. Хрупкая скорлупа ломается, оглядываясь по сторонам, я уничтожаю находку, а когда пиршество заканчивается, в голове гуляет лишь одна мысль: «Неужели это всё?..» Нос вспахивает подстилку из листвы и мелких веток, пытаюсь найти ещё что-нибудь, но позади раздаётся едва уловимый хруст...

Молниеносно развернувшись, я обнаруживаю перед собой человека. От сутулящейся фигуры исходит запах пота, но

есть кое-что ещё... ощущение чужого страха, слишком сладкого, чтобы пройти мимо него. Шерсть на загривке встаёт дыбом, из пасти вырывается рычание. Я не ощущаю в этом существе угрозы и, уж тем более, достойного противника, поэтому не тороплюсь бросаться в атаку. Внимательно смотрю в глаза человека, ловлю каждое его движение, и, когда тот делает шаг назад – бросаюсь вперёд.

Задние лапы отталкиваются от земли. Пасть ощерилась клыками, нацеленными прямоком в глотку испуганной жертвы...

Когда мой рот наполняет упоительный аромат крови, я внезапно узнаю трепыхающееся подо мной тело... Худой невысокий парень со щенячьим взглядом, который так напоминает...

Меня?..

Сознание прояснилось. Рот в мгновение ока наполнился чем-то омерзительно горьким, и я, согнувшись пополам, опорожнил кишечник. Сидящий рядом Крюгер отпрыгнул в сторону, словно от близко упавшей гранаты, но я совершенно не обратил на него внимания. Мне всё ещё чудился вкус крови, но с каждым рвотным спазмом он лишь усиливался. Наконец, приступ прошёл, и узел в горле постепенно расправился.

– Ты в порядке? – настороженно спросил Антон.

Я ничего не ответил, пытаясь отплевать от едкого желудочного сока:

– Чёрт... Штаны уделал...

Переодеться тут, определённо, не во что.

– На, хлебни, – в протянутой руке Крюгера тёмно-зелёная фляга.

Прильнув к горлышку, я глотал солоноватую воду, но утолить бушующую жажду не успел – Феникс отобрал флягу и вернул её в чехол:

– Не пей много, а то опять вырвет.

– А тебе жалко, что ли?

– Жалко, не жалко, а воду надо экономить.

Насупившись, я какое-то время размышлял, а не попробовать ли отобрать остатки вожделенной влаги, однако взгляд вовремя зацепился за винтовку в руках бойца. Спohватившись, рука рванула в карман и с удивлением обнаружила пистолет.

– Погоди за оружие хвататься, Гус, – цепкий взгляд смотрел внимательно, но без какой-либо угрозы. – Успеешь ещё.

Взвесив все за и против, я мысленно согласился с этими словами и, наконец, огляделся по сторонам.

Кругом был уже знакомый до боли лес, но теперь он чем-то неуловимо отличался от тех дебрей, по которым я пробирался раньше. Те же самые деревья, облепленные белым сфагнумом⁹¹, тот же слой каши из листвы, хвои и шишек, неизменная полутьма и лёгкая завеса тумана, едва различимая в просветах между стволами... Но что-то изменилось, то ли воздух стал более тёплым, то ли ветки росли под иными углами...

Позади виднелась стена. Тёмный провал входа больше напоминал беззубую пасть мёртвой рыбы. В памяти вспыхнули недавние события, я содрогнулся и настороженно вгляделся во тьму туннеля, однако ни фигуры в плаще, ни искажённых не заметил... Чёрт, совсем вылетело из головы, как я вышел оттуда, наверное, потерял сознание...

– Где мы?

Крюгер уже мало походил на того бесшабашного шутника: одежда перепачкана грязью, лицо припухло, а глаза усеяли красные паутинки воспалённых сосудов. Резкий запах, на который все так ругались, удивительным образом исчез, оставив вместо себя лёгкий запах хлора. Это был совершенно другой человек, с иными повадками, с незнакомым взглядом и странными интонациями в речи.

– По ту сторону стены. Приближаемся к глазу бури, – невесело откликнулся Крюгер.

Глаз бури? На какое-то время я впал в ступор, пытаюсь вникнуть в эти слова:

⁹¹ Сфагнум – разновидность мха.

– К какому ещё глазу? Разве этот проход не ведёт наружу?
 – Шутишь? Наружу – совсем в другой стороне. Сейчас мы практически в центре Катаклизма.

– Что?! – я подпрыгнул на ноги, словно ужаленный. – Этого не может быть!

Какой-то бред! Глупость! Я ведь стремился покинуть лес, а не забраться в него глубже! Шёл следом за Клёпой! От воспоминаний о собаке разболелась голова, захрипев, я плюхнулся обратно на землю. В черепной коробке что-то скребло и стрекотало.

– Этого не может быть, – повторил я, но куда более спокойным голосом.

– Да ты, Гус, совсем тронулся, пока шарился по лесу, – задумчиво протянул Антон. – Как ты вообще выжил?

– Быстро бегал.

– Видел ещё кого?

– Если ты про других членов отряда, то они все покойники, – не задумываясь, ответил я.

Стоило бы вести себя осторожней, но какая теперь разница? Это конец, отсюда мне точно не выбраться, так к чему осторожничать?

– Это ты их... того?.. – прищурившись, спросил Крюгер, смотря мне прямо в глаза.

– А если и я, то что? Мстить будешь?

Антон громко хохотнул, да так неожиданно, что я вздрогнул. Отмахнувшись, словно от мухи, парень весело произнёс:

– Мстить? За кого? За кретинов этих? Делать мне нечего?

Поднявшись на ноги, Крюгер зашагал в противоположную от стены сторону. Я рефлекторно поднялся следом, никак не решаясь, что же делать... Идти назад? Самоубийство. Второй раз выбраться сухим из воды не выйдет:

– Куда ты идёшь? Да постой ты!..

– Что ещё? – раздражённо обернулся Антон, тем не менее, остановившись. – Если ты ждёшь извинений за издевательства, то вот они! Прости! Это было необходимо, чтобы не попасть под подозрения. Я никогда не питал к тебе ненависти или презрения, просто ты оказался не в том месте и не в то время.

– Чего?

Антон не ответил, вновь зашагав дальше. Матерясь сквозь зубы, я продолжал стоять на месте, никак не решаясь на дальнейшие действия. В очередной раз взглядываясь в нагромождение деревьев, уловил какое-то движение. Едва различимое во тьме существо двигалось на четырёх лапах, то исчезая за стволами, а то появляясь вновь. Пропав из виду, оно показалось из-за зарослей кустарника, но на этот раз двигалось на задних лапах. Замерло, повернув голову в мою сторону, после чего запрокинуло пасть вверх и зашло в пронзительном вое.

Крюгер, уже отошедший на приличное расстояние, замер, как вкопанный:

– Ты слышал?..

Подбежав к нему, я прошептал:

– Это Клёпа.

– Какая ещё Клёпа?

– Собака, она привела меня сюда...

Крюгер обернулся, и на его лице читался ужас, от которого и мне стало не по себе:

– Какая ещё собака?

– Овчарка, чёрно-коричневая. Глаза, как у человека...

Продолжить я не успел – удар прикладом сбил меня с ног, такой неожиданный, что я не успел даже подумать о сопротивлении. Крюгер прыгнул сверху и прижал к земле. Его лицо больше напоминало маску из фильмов про африканские племена людоедов:

– Скажи, что ты шутишь!

– Нет, я видел её!

– Чушь, этого не может быть!

– Я шёл за ней!

Постепенно дыхание Крюгера начало успокаиваться, лицо немного разгладилось. Антон отпустил меня и встал на ноги.

– Этого не может быть... – взгляд смотрел куда-то сквозь меня, в дебри тяжёлых воспоминаний. – Я ведь убил её! Своими руками убил!

Я поднялся следом, попутно нашарив в кармане рукоять пистолета. Ещё одно такое телодвижение, и на одного человека в этом лесу станет меньше. Тем не менее, спешить не стоит. Прошлые обиды можно и потом припомнить, сейчас есть дела важнее.

– Что в центре? – вкрадчиво спросил я. – Выход?

Крюгер встряхнул головой и посмотрел на меня таким взглядом, словно только что заметил постороннее присутствие:

– Там причина всех наших бед, Гус. Сердце Катаклизма...

– Да плевать мне на Катаклизм, – перебив, закричал я. – Хоть женитесь на нём, мне всё равно! Как отсюда выбраться?

Крюгер какое-то время молча смотрел на меня, словно прикидывая, стоит делиться со мной информацией или нет:

– Глаз бури. Там мы сможем всё изменить.

Изменить всё...

От этой фразы я моментально забыл о зудящей коже, ломоте в зубах, потревоженной ноге и окончательно развалившихся сандалиях, причиняющих больше неудобств, чем пользы. Готовый рассыпаться на кусочки организм встрепнулся в едином порыве надежды. Пусть смутной, не до конца понятой и, скорее всего, обманчивой, но...

Чёрт возьми, изменить всё!

Может быть, Крюгер имел ввиду нечто другое, вкладывал противоположный смысл, например, прекратить всё или поменять всё? Глаз бури, центр Катаклизма... Что же там скрыто? Удивительно, но в моей уставшей, едва ворочающей мыслями голове неожиданно появился дух авантюризма, любопытство и острое желание увидеть, где сходятся воедино тропинки этого леса. По привычке, я попробовал воззвать к фантазии, которая всегда в достатке снабжала меня возможными вариациями будущего, порой, даже чересчур невероятными, но в голову ничего не шло... То есть, я представлял себе некое абстрактное место, серую безликую массу и не более того! Пару раз ударившись об неё, я попробовал вникнуть в суть аморфной конструкции, облепить её деталями, но опять потерпел неудачу. Серое оставалось серым, а неопределённое – неопределённым.

– Антон! – негромко позвал я шагающего в нескольких метрах впереди Крюгера.

Мне остро захотелось спросить его, что значит «изменить всё»? Есть ли какие-то ограничения по сферам или привязка к времени и месту? Вдруг, это аналог золотой рыбки, готовой исполнить любое желание? Почему бы и нет, появление такой возможности точно изменило бы мою жизнь.

Крюгер сбавил шаг и, обернувшись, приложил палец к губам.

– Только один вопрос! – затараторил я громким шёпотом, стараясь как можно скорее получить ответы на мучающие меня вопросы, но единственным ответом стало демонстративное перечёркивание горла ребром ладонью.

– Ещё одно слово, и я тебя ушатаю! – пусть Антон и повернулся ко мне на полкорпуса, глаза его продолжали ощупывать полумрак леса. – Ты слышишь?

– Что? – насторожился я, всецело обращаясь в слух. – Да вроде тихо...

– В том-то и дело, ни единого звука, осёл! Даже листва не шуршит!

А ведь он прав, вот что меня насторожило после пробуждения, но за круговоротом собственных мыслей я как-то упустил это из виду. Молчание леса не нарушало ни единого шелеста, ни единого скрипа, и на фоне этой зловещей тишины даже осторожные шаги Антона казались неприлично громкими. По коже пробежали мурашки от нахлынувшего ощущения опасности, я закрутил головой, пытаясь определить её источник, но ничего не увидел. Неподвижные ветви замерли в безветрии...

Крюгер отвернулся и продолжил движение, я больше не докучал ему вопросами. Приметив, что боец с определённой периодичностью поглядывает то направо, то налево, я счёл уместным контролировать тыл. Мысли ушли из головы, сгинув в том же костре, где умерло воображение. Остались лишь деловитость, сосредоточенность и тяга к выживанию.

Изменить всё...

Ну надо же...

Краем глаза я заметил следовавшую параллельно нам Клёпу, как и прежде,двигающуюся то на двух, то на четырёх лапах. Стоило взглядеться в её силуэт, как собака тут же исчезла за одним из деревьев. Потянув носом воздух, я рассчитывал унюхать вонь псины... Но с запахами ситуация обстояла такая же, как и со звуками. В лесу ничем не пахло. В обычной жизни это тяжело понять, даже в самой стерильной комнате легко учуять след медикаментов или ультрафиолетовой лампы, собственных газов или пота, но здесь все запахи словно вязли в густом воздухе. Ни холодном, ни тёплом – обычном воздухе, лишённом отличительных черт или особенностей.

*Но мы в кромешной тьме
Увидим новый свет.*

До боли знакомый женский голос прошептал эти строчки прямо за спиной. Я замер на месте, толком даже не успев понять, в какой момент вытащил пистолет. Любой человек в этот момент обернулся бы, как оборачивается, когда слышит оклик на улице, но я даже не скосил взгляда назад. Обострившиеся рефлексy, больше напоминающие звериные, настойчиво твердили, что кто-то стоит позади...Кто-то, кого лучше не видеть.

– Ты слышал?..

Совершенно неуместный вопрос, потому что Крюгер тоже застыл, как вкопанный.

– Не смотри назад... Давай ко мне, медленно...

Я нервно кивнул и аккуратно пошёл в его сторону.

В день Страшного суда

Под шалью тьмы...

Как люди прогорев дотла –

Восстаём зверьми...

Да какого чёрта? Неужели все призраки явились в этот мир из Шекспировских пьес, что за мода такая говорить стихами? Горите в аду, поэты хреновы, вся эта бестолковая романтика

должна была окончиться ещё во времена Данте Алигьери вместе с окончанием работы над «Божественной комедией»⁹².

– Оно прямо позади меня... – нервно взглотив, пробормотал я.

– Не дёргайся, двигаемся дальше и не оборачиваемся.

Я не был мертв, и жив я не был тоже;

А рассудить ты можешь и один;

Ни тем, ни этим быть – с чем это схоже.

– Это Божественная комедия! Я только что подумал о ней!

– Постарайся выкинуть всё из головы. Я уже встречался с подобными тварями.

– *Густав!*

– Мама?! – признаюсь, я едва не посмотрел назад, настолько неожиданным было услышать родной голос, однако Крюгер вовремя толкнул локтем мне в бок.

– Даже не вздумай, здесь нет твоей мамы, нет папы, нет братьев и сестёр, друзей и подруг – никого здесь нет, кроме нас двоих и твари за спиной! Понял?

– Понял... Может стрельнуть? Не глядя...

Антон на мгновение задумался, но вскоре отрицательно покачал головой:

– Побереги патроны, они ещё пригодятся.

– Что же тогда делать?

– *Густав, мне так понравилось твоё стихотворение... Прочитай его ещё разок?*

– Ничего, само должно отстать. Радуйся, что нас двое – по одиночке куда сложнее слушать голоса знакомых людей...

– *Грач... Грач, ты слышишь?.. Приём...* – на этот раз голос сопровождался фоновыми помехами, словно исходил из радиостанции. – *Я ничего не вижу, Грач! Где ты?..*

Грач? Это что-то новенькое...

⁹² Божественная комедия – поэма, написанная Данте Алигьери в период приблизительно с 1308 по 1321 г. и дающая наиболее широкий синтез средневековой культуры и онтологию мира. Настоящая средневековая энциклопедия научных, политических, философских, моральных, богословских знаний. Признётся величайшим памятником итальянской и мировой культуры.

– Я слышу финнов где-то поблизости... Чёрт, где мы оказались?

– Не обращай внимания, смотри вперёд! Не обращай внимания, смотри вперёд! – новоявленный Грач, он же Крюгер, он же бог знает кто ещё, повторял одну и ту же фразу, адресованную скорее самому себе.

– Давай дадим ему пистолет и пустим вперёд, авось выберемся... Молодой человек, вы сами-то в армию хотите?.. Послушай ещё одну историю, её ты точно не слышал... Серёга! Серёга, стой!.. Мы готовы дать вам второй шанс, капитан. Вам требуется внедриться в группу...

Тварь за нашими спинами постоянно изменяла голос, превращаясь то в надрывные мужские крики, то во вкрадчивый голос моей матери. Услышав до боли знакомые интонации, я невольно вернулся в прошлое: врач в призывной комиссии, Зоя, несколько задиравших меня одноклассников.

Взведённые до пружинного скрежета нервы вот-вот сорвались, когда из серой пелены впереди проступили силуэты каких-то построек: приземистая избушка, что-то вроде вышки и караульная будка под ней.

– Впереди дома!

Антон ничего не ответил, и мне пришлось подёргать его за рукав куртки. Вздогнув, парень грязно выругался и переспросил:

– Что ты сказал?

– Дом, прямо по курсу.

– Ничего не вижу, – протянул Антон спустя несколько секунд. – Хотя... Ты прав, что-то там есть.

– Заметаем следы и уходим. Иди к гоблину, проводи инструктаж.

– Ускоримся, – голос у Крюгера дрожал.

По правде говоря, лепет неведомого существа больше раздражал, чем пугал. Первые впечатления быстро схлынули, а когда удивление ушло – в голове вспыхнуло осознание, что всё сказанное этим чудовищем не имеет никакого смысла. Как слова, так и люди, которые их произносят – не более чем пустота. Воспоминания похожи на детскую куртку, из которой я

умудрился вырасти – одного взгляда достаточно. От подобного тряпья больше толка на швабре, чем в шкафу. Судя по состоянию Антона, или как там его, ему с каждым мгновением всё тяжелей было справляться со своими демонами.

– Помоги мне, Грач!.. Помоги мне!..

– Не могу!.. Я не могу!.. – кажется, я заметил блеск на щеках старого вояки, и это меня совсем не порадовало. Быстро же он расклеился.

– Соберись! Крюгер, мать твою! Нам ещё в глаз бури идти, слышишь? – для верности я даже отвесил лёгкую пощёчину.

Антон в очередной раз вздрогнул, вынырнув из воспоминаний.

– Давай, не раскисай, уже немного осталось!

Не знаю, с чего я взял, что увиденные во мраке строения как-то помогут нам, но, тем не менее, до них было уже рукой подать. Проступили новые детали, такие как покосившийся шлагбаум и мотки колючей проволоки, перегородившие путь.

Я уже хотел свернуть, обходя препятствие, но Крюгер настойчиво потянул меня прямо в егозу. Проблем с её форсированием не возникло, а вот у лепечущей твари дела обстояли куда печальней. Очередные несвязные между собой фразы обрывались шипением, меньше всего похожим на человеческую речь. Мотки проволоки пошли ходуном, но, судя по всему, преодолеть преграду у твари не получалось.

– Тупая мразь, – сплюнув в сторону, зло процедил Антон.

– Может отойдём подальше и стрельнем?

– Угомонись, рано ещё стрелять... Иди лучше... осмотришься немного, а я дух переведу...

– Как в дешёвых ужастиках... – улыбнулся я, пытаюсь разрядить обстановку.

– Просто уйди от меня! – прорычал кто-то в ответ.

Кто-то совершенно не похожий на Крюгера... Парня трясло. Пытаясь подавить эмоции, он сжал кулаки. Затрещала ткань рукавов, словно они норовили разорваться. Послышался тихий скрежет зубов. Взгляд Антона упёрся мне в лицо, словно

пистолетный ствол, вот-вот готовый выстрелить. Я поспешно отвернулся, успев, тем не менее, заметить проступающие среди ожогов и шрамов очертания зверя.

Более не произнося ни слова, я чересчур поспешно направился в сторону покосившейся избы.

Строение выглядело абсолютно необитаемым. Полусгнившие брёвна обросли островками белёсого мха, ярко выделяющегося на фоне почерневшей от времени древесины. Пристройка, являющаяся чем-то вроде предбанника, накренилась под совершенно неестественным углом. Подойдя поближе к зияющей черноте дверного проёма, я заглянул внутрь, но разглядеть ничего не смог, зато обнаружилась россыпь мелких дырочек, усеивающих сами доски. Порядком отросший ноготь без труда выудил наружу маленький тёмный шарик. Дробь, «на утку», как говорится...

Обернувшись, я посмотрел туда, где оставался Крюгер, но тот куда-то исчез. Ну и хорошо, пусть справляется со своими душевными терзаниями подальше от меня.

Взгляд тоскливо скользнул по лесу. Мрачные стволы обступали заброшенный островок цивилизации, словно море, необъятное и безмолвное, отталкивающее своими тёмными глубинами. Только сейчас я обратил внимание, насколько лес стал гуще. Прежде деревья всегда росли на расстоянии друг от друга, теперь же в их рядах яблоку негде было упасть. Мощные стволы давили соседей, корни переплетались в невероятные узлы, некоторые же и вовсе срослись вместе... Кто по двое, а кто и по трое... Хотя, это могло быть лишь обманом зрения – в темноте все кошки серые.

От напряжения заболели глаза, и я, часто заморгав, двинулся в обход приземистой избы. Не то чтобы из предосторожности или интереса... Дом казался жутким и посещать его совершенно не хотелось. От него буквально веяло холодом, словно от вырытой поутру могилы. Одно «но» – внутри может обнаружиться что-нибудь полезное: еда, спички или оружие. В данной ситуации пригодится любая, даже самая незначительная, помощь.

Позади обнаружилась вытянувшаяся во всю длину здания поленница, прикрытая сверху листами шифера. С одной стороны она упиралась в пристройку, а с другой – в нечто вроде деревенского туалета. Тут же находилась выдавшая виды колода, и стоящий на некотором отдалении колодец. Интересно, кто здесь жил? Судя по количеству дров, хозяева не планировали покидать жилище – поленница едва начата. Кто-то ведь готовил их впрок, аккуратно укладывал, чтобы уместилось как можно больше.

Стараясь особо не шуметь, я двинулся вдоль здания. Туалет оказался в куда лучшем состоянии, чем всё прочее, и, вопреки ожиданиям, не источал характерных ароматов. Не без опаски открыв дверь, я увидел растущее из отхожей дыры деревце. Судя по зелёным плодам – яблоня. Ну надо же... Вкусные, наверное. На натур-сырье вскормленные. Взять одно, Крюгера угостить? Может, оттаит суровое сердце? Хохотнув, я закрыл дверь туалета и направился к колодцу. Проходя мимо колоды, нога запнулась обо что-то... Колун! Однако радость оказалась мимолётной – топориче развалилось в щепки, оставив вместо себя рассыпающуюся от малейшего прикосновения труху.

Когда до колодца оставалось несколько шагов, послышался слабый плеск, звучащий особенно жутко на фоне гробовой тиши окружающей чащи. Я замер в нерешительности... Вода шумит, когда в неё что-то кидают или же, когда в ней кто-то сидит. Сквозь разбитые сандалии ощущалась влага, проступающая из земли. Чавкая грязью и, на всякий случай, взяв оружие наизготовку, я осторожно приблизился и заглянул внутрь. Не видно ни зги, да и звуков никаких не слышно, одно лишь позвякивание размотанной цепи. Неизвестно даже, есть ли на том конце ведро или нет, однако я, движимый любопытством, спрятал пистолет в карман и взялся за ручку ворота. По округе пронёсся оглушительный скрип, заставивший меня от души выругаться. Металл насквозь проржавел и поддавался с великим трудом, но вероятность напиться свежей чистой воды перевешивала как осторожность, так и усталость.

Наконец, из колодца показалось ведро, но, едва завидев его содержимое, я тут же отшатнулся. Дико вращая ручкой, ворот размотал цепь, унося обратно во тьму то, что теперь заменяло воду – шевелящийся клубок, более всего напоминающий запутавшуюся в водорослях медузу.

Скорым шагом я направился обратно к дому, отмечая про себя тот факт, что так и не услышал плеска упавшего ведра.

Крюгера всё еще не было. Будь он проклят...

Я мялся у входа так долго, сколько мог, однако всё же собрался с духом и переступил порог корявой пристройки. Не знаю, что стало тому причиной, игра света и тени или же обострённое зрение, но внутри оказалось не так темно, как мне представлялось. Мало того, кажущиеся снаружи кособокими стены удивительным образом распрямились, а доски с этого ракурса выглядели не такими уж и древними.

Взгляд моментально зацепился за белый выключатель возле самого входа. Не питая особых иллюзий, щелкнул тумблером – ничего. Забавно, я не видел снаружи линий электропередач. Да уж, забавно... Забавно, что я вообще чему-то удивляюсь.

Слева виднелся контур плотно прикрытой двери, ведущей в саму избу. Опустив взгляд, я едва удержался от победного возгласа – у самого порога аккуратным рядком стояла разномастная обувь. Быстро окинув взглядом помещение, я уселся на пол и принялся перебирать башмаки в поисках подходящего размера. Удача не отвернулась от меня и среди полусгнивших валенок, женских туфель и слишком больших галош обнаружилась пара вполне добротных кирзовых сапог. Самое то!

Отбросив собственную обувь, я устоял на ноги. Радость от находки тут же поубавилась: сквозь корку грязи проступала воспалённая кожа, местами покрытая белёсой сыпью. Ногти приобрели тёмно-коричневый цвет, и стоило подцепить один из них пальцем, как тот отвалился. Меня взяла оторопь... Уставившись на валяющуюся чешуйку, я дотронулся до аналогичного

пальца другой ноги, как и в случае с первым, ноготь без труда отпал, оставив на своём месте потемневшую кожу. Так-то лучше, пусть хотя бы симметрично будет... Какое-то время я еще тыкал пальцами в разные участки ступни, но вскоре понял, что не испытываю никакого дискомфорта: ни боли, ни жжения, ни чего-либо ещё. Ну и хрен с ним, вырвусь отсюда – всё вылечу... Словхватившись, пощупал рану на ноге. Обрывки бинта насквозь пропитались грязью и скорее приносили вред, чем пользу. Под тряпкой обнаружилось большое тёмное пятно, покрытое небольшими серыми наростами. Отковырнув один из них, я растёр вещество пальцами и понюхал. Ничем не пахнет, напоминает пепел или соль... Опять же, не болит... Наверное, что-нибудь типа жировых выделений или просто грязь налипла. Если не болит, значит всё в порядке, так ведь?

Я всеми силами ухватился за эту мысль, и, кажется, даже поверил в неё. Стараясь больше не рассматривать ноги, натянул «кирзачи», тут же переключив внимание на прочее убранство комнаты. А смотреть здесь было на что, один лишь застеклённый стеллаж с книгами чего стоил. Полки так плотно забиты различной литературой, что даже доставать что-либо не хочется – назад, наверное, уже не удастся впахнуть. Мельком пробежав по корешкам, отметил пару учебников по естественным наукам, что-то про СВЧ- и КВЧ-диапазоны⁹³, книги «Тёмная половина»⁹⁴, «Глазами Вольного и «Повелители мечей»⁹⁵.

Угловую со стеллажом стену занимал старомодный ковёр, изображающий ночной лес со стоящим среди деревьев оленем, чьи лапы скрывала спинка светло-розовой софы. Наклонившись, я с силой надавил на одеревеневшую поверхность диванчика, та тут же выстрелила пружиной, лишь чудом не проткнув

⁹³ СВЧ – сверхвысокие частоты электромагнитного излучения (300 Мгц – 300 Ггц). КВЧ – крайне высокие частоты электромагнитного излучения (30 – 300 ГГц). Электромагнитное излучение – распространяющееся в пространстве возмущение (изменение состояния) электромагнитного поля.

⁹⁴ «Тёмная половина» (1989) – роман американского писателя Стивена Кинга.

⁹⁵ «Повелители мечей» (1971) – книга английского писателя Майкла Муркока.

мне руку. В воздух взметнулось облако пыли, я поспешно отшатнулся, заходясь кашлем и зорекаясь касаться чего-либо в этом музее старины.

Хотя... Кое-что еще... Я уже собирался зайти внутрь избы, когда заметил висящую на крючках верхнюю одежду. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять – носить это не стоит, а вот обшарить карманы не будет лишним. В ярко-жёлтом дождевике обнаружилась пачка сигарет «Пегас» и почти полный коробок спичек, а в рваном ватнике – скомканные бумаги с набранным на печатной машинке текстом. Какие-то служебные записки, что-то про исследования... Ничего полезного, хотя выбирать не приходится, глядишь – приспичит покурить перед смертью, а бумажки сойдут на розжиг.

Улыбнувшись, я потянул ручку двери...

Яркий, ослепляющий свет ударил по глазам, заставив меня вскрикнуть от неожиданности. Рука вскидывается вверх, прикрывая лицо, губы сами по себе шепчут проклятия, но я не отступаю назад. Ослеплённый, шарю рукой впереди, цепляюсь за дверной косяк и неимоверным усилием преодолеваю давление белого марева. Тело обволакивает липкий и густой холод, я ощущаю его кожей, слышу волнительную дрожь... Растерянность и непонимание пробегают по телу вместе с неуклюжими прикосновениями света, сгустившегося до молока... Я растворяюсь в его страхе ровно настолько, насколько сам испытываю ужас. В голове что-то щелкает, мысли срываются вниз, в район сапог, и более не подают признаков жизни... Теперь я мыслю иными понятиями: спектрами и частотами. Теперь я и есть свет.

Сквозь растекающуюся по ушам субстанцию долетает шипение, с каждой секундой становясь всё сильнее и настойчивее, словно слышимый сквозь сон будильник. Я делаю несколько шагов вглубь, одновременно двигаясь во всех плоскостях и направлениях... Как странно ощущать себя в нескольких местах, с каждым движением отдаваясь и размножаясь на великое число собственных копий. Молочный вакуум заполняется мной, и я более не могу локализовать собственное местонахождение, пока...

Пока шипение не смолкает. Реальность захлопывается, и я обнаруживаю себя посреди просторной полутёмной комнаты, со стоящим в центре массивным столом. Среди тарелок с едой и поблёскивающих боками бутылок лежит мёртвая старуха. Руки связаны чёрными нитками, ярко выделяющимися на фоне чистого белого платья. Из-под полы прощального одеяния выглядывают две культы, некогда бывшие ногами.

Чиркает спичка, и из-за потрескавшейся печи выходит девочка. Варя. Та, что несла провизию для своей бабушки... Видимо, не донесла.

У самого лица девочка держит зажжённую керосиновую лампу. Сведённые вместе брови напряжены, под глазами тёмные пятна. От прежних улыбок и подколок не осталось и следа, теперь это была не девочка, а взрослая девушка, только что убедившаяся в жестокости мира. Смерив меня тяжёлым взглядом, Варя вскарабкалась на угол стола и повесила лампу на едва заметный крюк. По комнате закружили тени, когда керосинка, более не удерживаемая, принялась раскачиваться из стороны в сторону.

– Это ты? – голос прозвучит хрипло, мигом потонул в скрипе стола.

Девочка спускается и молча уходит за печь, вскоре вернувшись с берестяной корзинкой в одной руке и прижimaемым культей к груди горшочком. Поставив сосуд на пол, она достаёт проволочку, один конец обматывает вокруг кисти покойницы, а другой – засовывает в горшок. Не смотря на отсутствие одной руки, действует она сноровисто, видимо, привыкла уже управляться пятью пальцами вместо десяти.

На меня накатывает ощущение неуместности, хочется бесшумно выскользнуть из избы и подождать окончания странного ритуала снаружи. Я подаюсь в сторону выхода, но Варя резко вскидывается, оборачиваясь в мою сторону. Натолкнувшись на выгоревшие зрачки, я замираю без движения, словно мышонок, встретивший кота. Варя дёргает головой в сторону стола, приоткрывает рот, собираясь что-то

сказать, но передумывает. Я же, повинуюсь, тихонько подхожу ближе и сажусь прямо напротив ног старухи. Окружённое пищей хладное тело выглядит нелепо: мертвенная кожа спорит белизной с молоком, аромат свежееиспечённого хлеба смешивается с пряным запахом старости, а ослепшие глаза напоминают мутную кутью, стоящую у самой головы.

Варя разгибается и прикрывает веки старухе, после чего кладёт поверх них две увесистые монеты. Рука чертит знак на лбу мёртвой, губы беззвучно зашевеливаются. Я так внимательно вслушиваюсь в тишину, что сам того не заметив, перестаю дышать. Закончив, Варя наклоняется и целует щёку старухи, после чего усаживается по правую руку покойной. Маленькая, совсем ещё юная, она выглядит комично на фоне массивного стола и лежащего на нём грузного тела, и я бы обязательно улыбнулся, если бы не пугающая тишина.

Ничего не происходит, мы молча сидим. Девочка неотрывно смотрит в угол избы, а я, хоть и испытываю голод, не спешу притрагиваться к еде, опасаясь нарушить ритуал. Время медленно перекидывает страницы пугающей истории, разжёвывая каждый предлог и растягивая гласные, пока у окна не заходится скрипом половица. Голова рефлексивно оборачивается на звук – в темноте оконного проёма возникают кисти рук. Ухватившись за раму, они выталкивают из мрака фигуру в чёрных одеждах. В избу входит Бог-из-Леса...

На мгновение он замирает у распахнутого окна, словно беззвучно спрашивая разрешения разделить трапезу, после чего проходит к столу и садится напротив девочки, по левую руку от мёртвой старухи. Нас разделяет метра два, не больше, я отчетливо слышу древесный скрип, сопровождающий каждое движение существа, и вздрагиваю, когда оно кладёт на стол ладони, более всего напоминающие ветки иссохшего дуба.

Нестерпимо хочется вскочить и ринуться прочь от этой твари, однако ещё страшнее нарушить проводы с покойной. Я почти решаюсь на бегство, когда Бог-из-Леса и Варя одновременно разворачиваются в мою сторону, мигом выбив из оцепеневшего тела остатки решимости.

– Мы не будем сжигать её, – скрипит тварь в тёмном капюшоне.

– Нет, не будем, – качает головой девочка.

– Мы не будем отдавать тело её земле.

– Нет, не будем.

– Мы не будем славить её жизнь и не будем сожалеть о её смерти.

– Нет... – голос Вари вздрагивает от подступившей к горлу тоски, но, тем не менее, она продолжает. – Не будем!

– Вкопай ноги её в почву, словно корни, а руки разведи, словно ветви... – Бог-из-Леса выдерживает театральную паузу, всё так же неподвижно глядя на меня. – Возроди то, что погибло, и убей то, что выжило.

– Возроди то, что погибло, и убей то, что выжило, – словно заклинание повторяет за тварью Варя.

Где-то высоко в небе ухает раскат грома, и все присутствующие, включая меня резко поднимаются. Бог-из-Леса устремляется вверх, тело его удлиняется, вскинутые руки упираются в потолок и швыряют его в искрящееся изумрудом небо, что водоворотом кружится прямо над нами. Стены лопаются, разлетаясь в щепки, сквозь зеленую круговерть проступают извивающиеся стволы деревьев. Переплетаясь ветвями, они нависают над нами, ползут со всех сторон, пока не образуют плотный купол. Звонит падающая посуда. Вздвигавшаяся земля опрокидывает стол, но сама старуха остаётся висеть в воздухе. Двигаясь, словно марионетка, она принимает вертикальное положение. Рвутся нитки, культя ног погружаются в землю, а пальцы удлиняются, превращаясь в корни. Разведя руки в стороны, безжизненное тело запрокидывает голову...

– Возроди то, что погибло! – визгливо орёт девочка, падая на колени.

– Убей то, что выжило! – вторит ей Бог-из-Леса, подпирающий древесный купол.

Гул закручивающегося неба всё нарастает, я хватаюсь за голову и пытаюсь закричать, но на волю вырывается лишь рычание. Скрежещут когти, оцарапав кожу головы, я ощущаю сбегающие по лицу струйки крови, и, миг распрямившись, бросаюсь вперёд. Звякнув, отлетают монеты, распахиваются глаза... Сквозь стук сердца я отдалённо слышу шипение радиопомех...

Гремит взрыв! Далёкий и, вместе с тем, близкий! Ревёт мотор невидимого из-за купола транспорта, я прыгаю на переплетение ветвей и принимаюсь рвать их в клочья. Острые когти вспарывают древесину, оставляют на преграде глубокие шрамы, из которых фонтаном бьёт алое сияние. Тысячи окон, сияющих кровавым светом, вот что я вижу сквозь бреши ветвей! Бесконечно широкие здания и перевернутые улицы! Пульсирующие фонари и яростный ливень! С каждым ударом купол прогибается всё сильнее, даже когда я, ужаснувшись, подаюсь назад.

Старуха разевает рот и выкрикивает какое-то нагромождение гласных. Прокатившись эхом, оно поглощает все остальные звуки, после чего мир опрокидывается куда-то глубоко вниз, завалив тёплой землёй погибающий лес и чуждый мир, пытающийся прорваться сквозь него...

– Три... Два... Один... Установка включена!.. – рокошет наверху кто-то, возможно сам Бог.

Или же его заместитель...

– Очнись! – кто-то с силой тряс меня за плечи.

Землю сотрясала крупная дрожь. Щёку обожгла хлёсткая пощёчина, такая сильная, что голова безвольно дёрнулась вправо, ударившись обо что-то твёрдое.

По телу разлилась боль. С трудом разлепив глаза я кое-как отмахнулся от раскрасневшегося Крюгера.

– Поднимайся, живо! – несколько капелек слюны долетели до щеки, и я брезгливо стёр их рукавом.

Тело ломило, словно я только что финишировал после многокилометрового марафона. Сказать «поднимайся» – куда сложнее, чем сделать, особенно когда земля под твоими ногами раскачивается из стороны в сторону.

– Что это, землетрясение?

Антон, скривившись, схватил меня под руку и потащил на улицу. Оказывается, я лежал посреди пристройки, а сам вход в избу, как и прежде, был закрыт... Хотя я точно помню, как тянул ручку на себя... Чёрт, как же болит голова! Стоило лишь выбраться наружу, и мысли об очередном видении растворились.

Изумрудное небо полыхало, словно керосин. Исчерченный белыми прожилками купол облаков пульсировал жаром, от которого густые кроны деревьев плавились, стекая вниз янтарными каплями. Была ли то смола или же мне довелось увидеть процесс плавления материала, абсолютно неспособного на это – неизвестно, но губительные зелёные лучи ощущались и здесь, внизу. Заворожённый, я пялился вверх, впрочем, как и Крюгер, вмиг забывший про спешку.

Что-то сверкнуло за плотной завесой облаков, изумрудная вата пришла в движение. Двигаясь против часовой стрелки, она медленно закручивалась, образуя колоссальную воронку, занимающую весь небосвод. Поверхность клубилась и переливалась разными оттенками, вспыхивала молниями и рычала громом. Мир покрылся мельтешащей плёнкой помех, за спиной дребезжал шифер.

Надвигалось что-то невероятное...

Рука Антона поднялась, указывая подрагивающим пальцем в направлении центра бури. Вершина конуса воронки становилась всё глубже, вытягивалась вверх, и в получившейся геометрической фигуре что-то двигалось. Оно имело... неизвестный мне цвет... Никаких ассоциаций или сравнений, никаких аналогий. Такого цвета не существовало в человеческом мире. Пульсируя, он становился всё ярче, спицей прокалывая высоту облачного конуса и медленно продвигаясь вниз, к земле.

– Что это такое?!

– Оно там! Белое сияние! Я!.. – у Антона перехватило дыхание. – Никогда не видел такого чистого света!

– Белого? Но ведь!..

Совсем близко вспыхнула молния, озарив темноту леса невероятными цветами. Глаза обожгло болью, а мир подёрнулся

пятнами. От неожиданности я вскрикнул и упал на землю, инстинктивно прикрывая глаза. Справа рухнул Крюгер, кажется, я слышал, как его пальцы вгрызаются в землю, пытаясь удерживать тело на раскачивающейся из стороны в сторону Земле.

– Что происходит? – выкрикнул я, но слова тут же утонули в новом раскате.

Полыхнуло вновь. Боковым зрением я заметил, как нечто с фантастической скоростью появилось среди деревьев, а затем вновь исчезло. По округе прокатился нечеловеческий крик, переходящий в металлический скрежет. Сбитый толку, я вжимался в землю, в голове закручивались маховики ужаса, настолько сильного, что и тело, и разум с минуты на минуту могли перейти под его контроль.

Ещё одна вспышка, ещё одно молниеносное движение в чаще, но, на этот раз, я успел рассмотреть детали... Человек в зелёном камуфляже, ломаная поза, не шее висел автомат. Ярко полыхнул свет, военный растворился в раскатах грома, перемежающихся новым воплем.

– Они пошли на штурм! Не дождались сигнала! – сквозь какофонию шумов я едва расслышал крик Крюгера. – Вперёд!

Уродливое лицо перекошило то ли от ужаса, то ли от ярости. Подпрыгнув, Антон рывком поднял меня на ноги. Содрогнулась земля, и мы лишь чудом не попадали обратно. Горячее дыхание обожгло ухо:

– Надо спешить! Туда!..

С этими словами парень толкнул меня в сторону центра воронки. В иное время, находясь в более адекватном состоянии, я послал бы всё к чёрту и устремился в противоположном направлении, сейчас же ноги сами пришли в движение.

Мы побежали вперёд, держа курс на неземное мерцание, струящееся с неба. Под подошвами сапог, словно живые, извивались корни, выдавливаемые из земли неизвестной силой. Воздух накалился, словно в печи, каждая вспышка наждаком проходила по оголённым участкам кожи, ослепляла, швыряя на трещащие стволы деревьев.

Что-то с силой ударило меня в пятки. Отлетев в сторону, я увидел, как земля раскрывается, и наружу выползает верхушка многоквартирного здания. Цепляющиеся за бетонные грани корни лопались, словно струны, не в силах остановить многоэтажного исполина. Одновременно полыхнуло еще несколько вспышек, показавшиеся на секунду солдаты сжимали лица и бессильно вопили. Справа от меня ухнула туша какой-то бронемшины. Приземлившись на «задницу», камуфлированный монстр мгновение стоял вертикально, после чего рухнул колёсами вверх.

Более сноровистый Крюгер, видимо, решил не дожидаться меня. Я только начал приходить в себя, а его спина с раскачивающимся из стороны в сторону автоматом уже мелькала среди деревьев.

– Подожди меня!

Где-то в глубине леса из земли выбралось ещё несколько зданий. Некоторые росли под прямым углом, прочие – кто на что горазд. Вырываемые с корнем деревья раскидывали комья грязи, дёрн облазил, словно кожа с обгоревшего мяса. Набегу задрал голову, я увидел дико вращающийся вертолёт, пикирующий вниз. Не долетая до крон, машина растворилась во вспышке и вновь появилась на точке старта, раз за разом повторяя один и тот же путь.

Каким-то чудом я нагнал Антона. Огибая поваленные стволы и угловатые крыши выползающих многоэтажек, мы неслись вперёд. Прямо по курсу появился очередной военный: правая рука сжимала что-то круглое, лицо стекало вниз, покрывая камуфляжный воротник омерзительными пятнами. Ухнул взрыв, совсем слабый на фоне рёва стихии, и верхняя половина человека покрыла всё в округе алыми росчерками.

Крюгер резко остановился, и я врезался ему в спину. С тем же успехом можно было протаранить танк на мопеде – Антон даже не шелохнулся, вглядываясь куда-то в сторону.

Он что-то сказал, но я не разобрал ни слова. Разливающиеся в воздухе шипение, крики военных и удары грома, – за этой канонадой можно было и залп артиллерийской батареи проморгать, не говоря уже про полушёпот.

Сместившись, мы взяли небольшой угол, и вскоре вылетели на узкоколейную дорогу, прорезающую лесной монолит. Крюгер отпрыгнул обратно в лес, прихватив заодно и меня. Как оказалось, вовремя – мимо на полной скорости пронеслась угловатая бронемашина. Единственное, что удалось рассмотреть – открытая сверху башенка и запасное колесо поверх выкрашенной в белый цвет брони.

Метрах в пятидесяти впереди материализовалось нечто вроде автомобильного прицепа, едва не похоронив под собой юркий автомобиль, однако водитель ловко выкрутил руль и сумел объехать препятствие.

– Давай за ним!

Марафон продолжился. Каждый толчок норовил сбить с ног, и поднять высоко в небо, вслед за вырывающимися на волю крышами зданий. Прямо на моих глазах очередной возникший из воздуха солдат материализовался прямоком в дереве, наружу торчала половина туловища, перекошенное лицо проводило меня обезумевшим взглядом. Что-то взорвалось, окатив стволы горячей смесью, возможно бензином, и иссушенные горячим воздухом стволы вспыхнули, словно бумажные.

Силы подходили к концу. Тело не справлялось с нагрузками – слишком уж высокий темп задал Крюгер. Ноги с каждым движением становились всё тяжелее, а дыхание – всё прерывистей. В тот момент, когда я уже готов был обессиленно рухнуть в пыль узкоколейной дороги – впереди показалась белая бронемашина.

Антон победно вскрикнул:

– Давай, Гус, давай!

Удивительно, но я умудрился ускориться.

На дороге лежали какие-то обломки, отдалённо напоминающие экскаватор. Водитель броневики всё-таки не справился с управлением и, пытаясь избежать столкновения, на полном ходу влетел в дерево. Понятия не имею, что это за модель, но, очевидно, старая, не раз мелькавшая в фильмах про Великую Отечественную: скошенные углы брони, вытянутая вперёд

морда с одной единственной фарой, позади закреплена запаска⁹⁶. В высоту транспортное средство едва достигало моего роста. Растерянно осматривая белое чудовище, я даже не понял, где у него вход, однако Крюгер, видимо, лучше меня разбирающийся в военной технике, сорвал со спины автомат и несколько раз с силой ударил по неприметному люку.

Безрезультатно. Выругавшись, Антон забрался на броню и исчез в открытой башенке, оставив меня один на один с рёвом бури. Что-то скрежетнуло, и люк, наконец, распахнулся:

– Лезь через башню, живо!

Забравшись на носовую часть машины, я спрыгнул в люк, больно приложившись локтем о какой-то выступ. Оказавшись в тесном нутре бронемашины, ощутил что-то мягкое под собой. Опустив взгляд, увидел человека в странной маске, представляющей из себя широкий овал фильтрующего элемента и нечто вроде сварочных очков. Плотнo прилегающий к голове капюшон и лицевую маску местами забрызгало кровью, но самой раны видно не было. Кое-как отодвинув неизвестного, я попытался принять более-менее удобное положение.

Крюгер колдовал над управлением, сидя в нелепой позе: колени высоко задраны, спина согнута в три погибели. Взревел двигатель, содрогнувшись, машина подалась назад.

– Давай, родная, давай! – истерически хохоча, парень выехал обратно на дорогу и устремился по дороге, в сторону центра воронки. – Прорвёмся, Гус!

⁹⁶ Имеется ввиду БА-64, советский лёгкий броневладелец периода Второй мировой войны.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ПЯТАЯ ЗАЖИЗНЬ

рясло в машине невероятно, однако жаловаться на неосторожность водителя было глупо. Несколько раз Крюгер лишь чудом не врезался в возникающую на дороге технику, успевая в последний момент вывернуть руль.

Понятия не имею, сколько продолжалась эта гонка, но в какой-то момент рёв бури резко оборвался, оставив на сцене лишь хриплое дыхание и рёв двигателя. Бронеавтомобиль сбавил темп, а после и вовсе остановился.

– Что там? – шёпотом спросил я у Антона, внимательно всматривающегося в смотровое окошко.

– Не знаю... – ответил тот и, после долгой паузы, добавил. – Выгляни из башенки.

Я кивнул и запрокинул голову. Небо всё ещё полыхало изумрудными сиянием, закручиваясь в немыслимом водовороте, но вспышек молний заметно не было. Пошарив по карманам, чертыхнулся. Пистолета исчез, где-то выронил. Ну и хрен с ним.

Я медленно распрямился, высовываясь наружу.

Вокруг был всё тот же лес, но на этот раз порядком прорежённый: часть деревьев валялось на земле, какие-то прогорели, словно спички, другие – всё ещё слабо тлели. То тут, то там торчали здания, отличающиеся лишь количеством этажей. Приглядевшись внимательней, удалось разглядеть тела в камуфляже, щедро разбросанные по всей окрестности. В томном сиянии неба они казались частью лесной подстилки, мелким сором, который вскоре перегниёт, давая дорогу новой жизни.

– Всё спокойно...

Скрипнул люк, наружу выбрался Антон. Осмотревшись по сторонам, он поморщился и принялся разминать конечности – видимо, пилотирование белого броневика ему не особо понравилось.

– Что это было?

– Трындец... – прокряхтел в ответ Крюгер. – Это был трындец...

– Совсем?.. – в голове вспыхнула мысль, что всё закончилось, и человечество только что накрылось медным тазом, но особой грусти на этот счёт я не испытал.

– Я думаю, что нет... Ещё есть время.

Где-то далеко впереди продолжал ползти к земле луч незнакомо цвета. Сколько до него? Десять километров? Пятьдесят? Или все сто? Не знаю, мир вокруг казался неправильным, словно утратил одну из плоскостей координат. Слишком ровный, лишённый линии горизонта, окрашенный в странные оттенки, казалось бы, привычных цветов. Приглядевшись, я не без удивления заметил, что выжившие деревья испускали лёгкое зеленоватое свечение, мёртвые тела – бледно-розовое, тогда как Крюгер, да и я сам, были окутаны красноватым ореолом. Каждый предмет, каждая деталь, начиная от палой хвои, и заканчивая серыми коробками странных зданий – всё сияло своим, особым светом.

– Мы внутри бури, Гус. Дальше – хуже, – ухмыльнулся Крюгер, внимательно смотря на собственные ладони.

Быстрый взмах рукой, сияющий контур, не успевая за движениями человека, завис в воздухе, после чего плавно перетёк к руке. Антон сделал несколько шагов в сторону, и я, затаив дыхание, увидел, как его красноватый ореол, подобно заторможенной тени, с небольшой задержкой двинулся следом.

– Только не спрашивай... Я знаю о причинах, а не о следствиях, – предугадывая мой вопрос, сказал парень.

– И какая причина?

– ГКВЧ.

– Это многое объяснило, – прыснул я, даже приблизительно не понимая значения этой неуклюжей аббревиатуры.

– Тебе и не надо понимать, – отмахнулся Крюгер указывая раскрытой ладонью на луч. – Раньше я думал, что причина в чём-то другом... В придурочном Селезнёве, в собаке... Чёрт, в какой-то момент я даже ловил себя на мысли, что Фениксы правы, и всё это испытание Господа, но теперь вещи встали на свои места. Ваня, Город, сотни беженцев, – всё это лишь передатчики, принимающие сигнал!

– Какой сигнал? – я ни слова не понимал из сказанного, но изо всех сил пытался разобраться в туманных объяснениях товарища.

– Сигнал ГКВЧ. Установка где-то там, всё ещё работоспособная. Перебирает частоты, посылает сообщение за сообщением.

Я помотал головой. Что за бред... Либо Антон окончательно спятил, либо я чересчур тупой.

– ...Если бы эти сволочи сразу пришли сюда, прошерстили лес, взорвали его бетонобойными снарядами! Линь был бы жив, как были бы живы тысячи других людей! Тогда я допустил ошибку, идя на поводу у командования, но сейчас, Гус!.. Сейчас судьба мира в наших руках!..

Точно спятил.

– ...Ты и я! Плевать, плевать! К чёрту! В жопу Фениксов и их безумные догмы, в жопу руководство, лишь в последний момент решившееся пойти на крайние меры! Нельзя нам это изучать, понимаешь? Нельзя идти на компромисс, нельзя наблюдать и конспектировать! – с этими словами парень ударил кулаком по раскрытой ладони. – Хрясь! И проблема решена! Взорвать установку и дело с концом! Выключить, разобрать на части, сжечь чертежи и расстрелять всех причастных к её сознанию!

– Чтобы не повторилось? – кажется, я начал понимать ход его мыслей.

– Да! Чтобы ни одна собака не попыталась повторить старые ошибки!

Я тяжело вздохнул и с силой потёр ладонями лицо. В голове не было ни единой мысли, кроме одной. Её я и озвучил:

– Ну а выбраться отсюда как?

Плевать я хотел на судьбы мира. Я хочу жить трусом, а не умирать героем. Хочу быть собой прежним, недалёким заикленным на себе дураком, а не переродившимся в пекле чудовищем.

– Бог не выдаст – свинья не съест!

– Мне надоели твои загадки в стиле «никто не уйдёт обиженным»! – вспыхив, выкрикнул я.

– Да что же ты за человек такой?! У нас есть уникальный шанс! Ты и я – особенные!

– Надоело мне быть особенным! – ещё громче заорал я. – Выбраться из этой задницы, вот что я хочу!

– А на кой чёрт ты тогда вообще пошёл за мной? – ухмыльнулся Крюгер.

Я открыл было рот, чтобы разразиться руганью, но так и замер.

А ведь и правда, никто же меня не тянул сюда. Сам пришёл, следом за... Собакой?

В круговерти последних событий я успел позабыть о животном, как, впрочем, выветрилось из памяти, откуда она вообще взялась. Сжав голову, я заскулил, пытаюсь понять, что происходит, но на поверхность тёмного месива, имя которому Лес, выплывали лишь разрозненные, несвязанные между собой обрывки воспоминаний. Какая-то девочка, частокол деревьев с бредущей между ними фигурой в тёмных одеждах. Я заряжаю миномёт осколочными снарядами, посылая их куда-то за горизонт. Обрабатываю рану на ноге, хоть и не помню, где и как получил её. Зоя. Внутри всё сжалось, кажется... Почему пальцы холодеют, когда я пытаюсь вызвать в памяти её облик? И почему у неё нет рук?

Бог-из-Леса, персонаж детской сказки, неизвестно зачем рассказанной мне матерью. Вспышки сцен, в которых я превращаюсь в странное существо, похожее на...

По телу пробежала волна дрожи. Внутри черепа что-то заскрежетало, а потом в мозг словно вонзился кусок стекла. От острой боли меня сложило пополам, тело едва не вывалилось из башенки бронеавтомобиля.

– Эй, Гус!.. – где-то далеко раздался голос совершенно незнакомого мне человека. – Что с тобой?

Раскрыв глаза, я увидел парня в кустарной разгрузке, всего перепачканного грязью и кровью. В руках – длинная винтовка. Несуществующий кусок стекла глубже погрузился в голову, я вскрикнул. Лицо человека покрывали многочисленные шрамы и ожоги, без особого труда заметные даже под густой щетиной. Из-под козырька бейсболки настороженно смотрели покрасневшие глаза.

Лицо незнакомца исказилось, как будто он собирался выкрикнуть что-то, оружие приподнялось, левая нога пошла вперёд, а потом всё замерло... Время остановилось, словно фильм, поставленный на паузу. По округе прокатился густой шелест листвы, такой плотный, что в нём можно было утонуть.

Едва оставаясь в сознании от одуряющей боли, растекающейся от головы по всем нервным окончаниям, я обернулся. По дороге шло нечто высокое, тёмное и, в отличие от всего прочего, не испускающее никакого сияния. Каждый шаг существа сопровождался скрипом скручивающихся в канаты ветвей, каждый выдох гнал перед собой волну шелеста.

Что-то посмотрело на меня из глубины капюшона, и я тут же всё вспомнил. До мельчайших деталей. Вспомнил, как задушил Зою и мутировавших братьев Борисовых... Вспомнил расстрелянного Климана и искажённых Катаклизмом солдат... Вспомнил звероподобную тварь, с которой шёл рука об руку всё это время...

Опустив взгляд, посмотрел на ногти, под которыми запеклась кровь.

Катаклизм внутри. Катаклизм снаружи.

Из-за спины Крюгера вышла овчарка. Двигаясь, она менялась в форме, бугрились мощные мышцы, удлинялись конечности. Животное встало на задние лапы, вытянутая морда оскалилась хищной улыбкой. Клёпа. Слишком милое имя для этого существа.

Остановившись шагах в пяти от меня, Бог-из-Леса и Бог-из-Города замерли. Фигура в балахоне поскрипывала суставами, собака – тихонько рычала, буравя меня человеческими

глазами. Заглянуть под капюшон или коснуться шерсти? Отступить назад, попытаться выбраться тем путём, которым я пришёл? Или устремиться вперёд, рассчитывая на удачу? Убить то, что выжило? Или воскресить то, что умерло?

Переродиться из пепла, сгорев дотла?

– Крюгер! – выкрикнул я.

Реальность взорвалась, словно стекло под ударом молота, шелест листвы затерялся в звоне осколков, перемежаемых победным рычанием. Время вышло из оцепенения, а вслед за ним пришли движение и разбросанные кругом солдаты. Антон дёрнулся, случайно задев плечом «Клёпу», и та обернулась невесомой дымкой, тут же унесённой в сторону воздушной воронки.

– Млин! – вскинув оружие, Крюгер сделал несколько выстрелов по поднимающимся с земли фигурам.

Бледные лица, все, как один, повернулись в мою сторону. Лишённые зрачков глаза смотрели так пристально, словно стремились вскрыть живот и забраться поглубже во внутренние органы. Обожжённые, искалеченные существа, возвращённые к жизни лишь для того, чтобы убить выживших. Искажённые Катаклизмом, порождённые Катаклизмом, обращённые против Катаклизма.

Бог-из-Леса исчез вслед за «собакой», оставив меня наедине с поспешным, необдуманном выбором. Узнай сектанты – загордились бы...

Грохнуло еще несколько выстрелов, Крюгер подбежал к бронев автомобилю и быстро забрался внутрь:

– Держись!

Не успел я ничего сообразить, как машина рванула с места и понеслась по дороге, быстро набирая скорость. Искажённые бросились следом, уверенно сокращая дистанцию.

– Стреляй по ним!

– Из чего? – я едва не прикусил язык, когда машина подпрыгнула на колдобине.

– Поищи что-нибудь!

Чертыхнувшись, я нырнул вниз, судорожно осматривая внутренности машины:

– Тут ничего нет!

– Лучше смотри!

Взгляд упал на бездыханное тело прежнего водителя. Кое-как перевернув его, я радостно вскрикнул:

– Есть!

Пулемёт. Чёрный металлический уродец с плоским дисковым магазином, закреплённым поверх ствольной коробки. Конеч ствольной оканчивался широким раструбом, готовым разразиться огнём в любую удобную для стрелка секунду⁹⁷. Здесь же обнаружилось две запасных «тарелки», набитые патронами. Вернувшись в башенку, я пристроил оружие в паз и прижал деревянный приклад к плечу. Отовсюду поднимались изувеченные трупы и устремлялись след за машиной. Двигались они с такой скоростью, что разрывались мышцы, дробились непригодные для такой нагрузки кости, но, каким-то непостижимым образом, существа продолжали преследование. Прицелившись в ближайшего, я нажал на спусковой крючок, но ничего не произошло. Спихватившись, дёрнул затвор. Изумрудное свечение разрежала короткая очередь, фигура споткнулась, тут же исчезая далеко позади. Зажав гашетку, я перечеркнул целую группу врагов.

– Короткими бей! – выкрикнул Крюгер.

Приклад вновь и вновь сотрясался отдачей. Вращая башенку, я срезал ближайших монстров. Громыхание выстрелов оглушало, но сквозь писк я всё ещё слышал назойливое шуршание листов.

Боёк клацнул, не обнаружив очередного патрона.

– Перезарядка! – неизвестно зачем крикнул я.

Спустившись, с горем пополам отсоединил опустевший магазин и отшвырнул его. Попробовал прицепить новый, но Крюгер резко крутнул руль, и меня бросило в сторону. О правый борт что-то ударило:

– Быстрее!

⁹⁷ Имеется ввиду ДП (Дегтярёв пехотный), советский ручной пулемёт времён Второй мировой войны.

Подобрав выроненный диск, я всё же умудрился справиться с дрожью в руках. Передёрнул затвор и вернулся на позицию. Искажённые сократили дистанцию: стоило мне лишь показаться из башенки, как один из них прыгнул вперёд и зацепился за запасное колесо. Закричав, я повёл стволом, пули разорвали протянутую ладонь, вспыхнули алыми брызгами поперёк груди – тело отвалилось от машины и упало на дорогу.

Вновь и вновь я давил на спуск, в лучшем случае попадая в цель лишь половиной выстрелов. Опустошив второй магазин, я собирался уже вернуться внутрь броневика, когда из ближайших кустов метнулась тень. Рука атакующего схватилась за ствол, послышалось шипение и запах палёной плоти, а потом оружие исчезло, вырванное из моих рук.

– Вниз! – крикнул Антон.

Обернувшись, я увидел... людей! Прямо впереди, перегораживая дорогу, виднелась баррикада из поваленных деревьев, за которой укрылось около десятка стрелков, одетых в точно такие защитные костюмы, какой был на водителе броневомобиля. Один из них выскочил вперёд и замахал, указывая куда-то вправо.

Юркнув внутрь, я почувствовал, как Крюгер резко вывернул руль. По машине застучали ветки, тряска стала невыносимой. Видимо, мы съехали с дороги и неслись сквозь лес. Я быстро сообразил, чем это грозит и попытался ухватиться за что-нибудь.

– Держись!

Машина ухнула вниз, всецело отдавая себя свободном падению, но полёт продлился недолго. Крюгер истошно заорал, а потом мир утонул в грохоте. Меня швырнуло вперёд, голова звонко стукнулась о металл...

– Эй, Густав...

Я открываю глаза, спросонья не понимая, где нахожусь. Перед взором всё ещё мелькают морды чудовищ, в унисон сердцу содрогается пулёмёт, поливая преследующие машину фигуры. Тяжело дыша, вскакиваю с кровати, но кто-то придерживает меня за плечи и укладывает обратно:

– Всё хорошо, это я. Прости, что разбудила.

– Мама? Это был сон?

– Всего лишь плохой сон, солнышко. Ложись.

Голова касается мягкой подушки. Заботливо укрыв меня одеялом, мама присаживается на краю постели.

– Всё хорошо, Густав, – повторяет она раз за разом, поглаживая всколоченные волосы. – Всё хорошо...

Только сейчас обращаю внимание, что на маме надето её любимое красное платье. Я никогда не видел отца, но не единожды слышал от её, каким добрым и замечательным человеком он был. У матери была тысяча смешных историй про него, и все они, непременно, оканчивались долгим мечтательным взглядом, словно смотрящим сквозь года. В отличие от одной... Той, в которой отец дарил маме это платье.

Мама всегда избегала точных дат, то ли по рассеянности забывая их, то ли из страха, что отпущенный ей срок убегает всё быстрее. Единственное, что я точно знаю – она только-только забеременела мной, когда одним солнечным днём папа вернулся с работы со свёртком.

– Что это? – улыбаясь, спросила она, разворачивая упаковочную бумагу.

Улыбка сменяется удивлением, а удивление – шоком. Внутри обнаруживается то самое платье, прямиком из Испании. Пальцы касаются ярко-красной ткани.

– Как?.. – она лишается дара речи, но тут же спохватывается и бросается на шею мужу.

Настоящий артефакт, реликвия из иной вселенной, бесконечно далёкой от Советского союза. Чёрт, я никогда не видел отца вживую, но именно эта сцена выстраивалась в воображении особенно чётко... Он смотрит. Бесконечно долго, молчаливо... Улыбается, но улыбка выглядит странно и неестественно...

– Разве это так важно?

Слышится треск выбиваемой двери, лицо мамы искажается тревогой, рука отдёргивается от платья, словно у вора,

почуявшего на себе пристальный взгляд стражника. В комнату врываются люди в форме. Моих родителей сбивают с ног, свёрток падает на пол, а потом... Потом отца увозят.

Мама говорила, что он был расстрелян, но на вопрос, почему и за что, всегда грустно опускала глаза. Она знала, почему, за что, как и где, но мне никогда не говорила...

– Всё будет хорошо, Густав. Засыпай и ни о чём не беспокойся, – продолжая гладить меня по голове, мурлычет мама. – Рассказать тебе что-нибудь?

– Расскажи про деревню!

– Но ведь ты тысячу раз её слышал? – улыбается она в ответ. – Не надоело?

– Ты никогда не рассказывала, что же случилось с жителями, которые ушли в лес!

– Рассказывала, просто ты каждый раз засыпал, когда я доходила до этого момента.

– Пожалуйста! – протянул я.

– Ну хорошо, слушай...

Люди покинули свои дома и пошли за своим провозжатым. Долго брели они по ночному лесу, не решаясь спросить у Бога-из-Леса, долго ли идти до земли обетованной, и что она из себя представляет. Но ни один из крестьян не обернулся назад. Правильным будет сказать, что они убежали от своих проблем, и причиной были не только грабительские налоги. Воображение рисовало новый мир, рай, в котором каждый обретёт счастье, забудет о заготовке дров, сборе урожая и прочих повседневных делах.

– Лес даст вам всё, что вы попросите, – скрипел из-под капюшона высокий человек. – Если вы захотите пить – он качнёт кронами, осыпая землю каплями дождя. Если вы захотите есть – удобрит почву. Когда вам захочется тепла – солнце выглянет из-за стволов деревьев и озарит вас своим светом... Но взамен вы должны отдаться ему без остатка.

И люди были согласны на это, люди бежали от прежней жизни, готовые на всё, лишь бы не ощущать на затылке её тяжёлое дыхание. Слишком слабые, чтобы противостоять жестокой реальности, и слишком подавленные, чтобы мириться с ней.

Прошла ночь, а за ней последовала ещё одна. Казалось, поход продолжался целую вечность, и вскоре люди начали испытывать голод. Они обратились к Богу-из-Леса:

– Накорми нас.

И Бог указал им на мёртвого оленя, лежащего среди деревьев. Насытившись, люди сказали:

– Напои нас.

И Бог вывел их к звонкому ручью.

– Дай нам отдыха, – вновь взмолились люди, утолив жажду.

И Бог указал им на широкую поляну, среди зимней стужи поросшую такой мягкой травой, что она могла поспорить с перинами из королевских дворцов. Крестьяне легли спать, и впервые за долгие годы сон их был крепким и беззаботным. Но когда люди пробудились и приготовились продолжить путь, Бог-из-Леса остановил их:

– То, что вы взяли, придётся вернуть. Один из вас останется на этой поляне, и вы вольны выбрать, кто это будет.

Крестьяне возмущались, сотрясали воздух громкими словами, но были вынуждены подчиниться. Уговор – есть уговор, и ничего с этим не поделать. Такова цена.

Когда они выбрали самого слабого члена группы, мрачная фигура велела вырыть яму. Никто не додумался захватить с собой инструменты, поэтому копать пришлось руками, а когда работа была окончена – Бог-из-Леса велел жертве встать в неё и закопать ноги.

– Лес, возьми кровь эту и напитай ей почву свою, – громко зывало существо в балахоне. – Убей то, что выживет, и перероди то, что погибнет!

Тогда из земли выбрались корни и обвилились вокруг ног несчастного.

Уходя, крестьяне делали вид, что не слышат крики, доносящиеся с поляны. Впереди их ждал рай, и одна жизнь – приемлемая цена для спасения многих иных.

Поднялся сильный ветер, и, не смотря на густой купол леса, крестьяне быстро продрогли под его порывами. Некоторые из них тяжело заболели.

– Вылечи нас, – взмолились люди.

Бог-из-Леса указал им на целебный мох и странные, никем невиданные грибы. Смешав их, люди накормили полученным лекарством умирающих, и вскоре те излечились.

– Обогрей нас, защити от холода!

Бог-из-Леса привёл их к широкому мощному дубу, чей ствол был таким огромным, что крестьяне переждали под ним непогоду. Сбившись, как можно ближе друг к другу, люди согрелись и скоро были готовы продолжить путь, но вновь фигура в тёмных одеждах потребовала платы, но на этот раз она должна была быть втрое большей, чем прежде.

Ритуал повторился. Как и в прошлый раз, были вырыты ямы, а вставших в них людей опутали корни. Вопли оставленных соплеменников ещё многие километры преследовали крестьян, но Бог-из-Леса так настойчиво и ярко описывал им будущий рай, что никто не вернулся назад.

– Убейте в себе всё от вас прежних, – говорил он. – И переродитесь из пепла совершенно другими, так говорю вам я, ваш Бог!

Сами того не замечая, люди стали меняться. Страх, что они станут следующей платой за пищу и тепло, сделал их подозрительными, разбил семьи и поссорил лучших друзей. Общине на всех желания стали разниться: одни хотели больше еды, другие – больше воды.

– Ваш век и так короток, – говорили они, выбирая в жертву стариков. – Дайте пожить молодым!

И Лес принимал в свои объятия новую партию отверженных.

– Нарождаем ещё, какие наши годы, – фальшиво улыбаясь, говорили они, вкапывая в землю плачущих мальчиков и девочек.

И Лес с удовольствием поглощал молодую кровь детей, ставших обузой для своих родителей.

– Ты мне никогда не нравился, – злобно шипели сквозь зубы ещё вчера дружные соседи.

Припоминались старые обиды, придумывались новые, – всё, лишь бы отдать долг Лесу и продолжить путь вперёд. Туда, где их ожидала новая жизнь.

И вот, наступил момент, когда остался всего один. Как мог он терпеть голод и холод, никак не решаясь попросить Бога-из-Леса о милости, но бесконечная чаща всё не заканчивалась, путь продолжался, и вскоре последний из деревенских жителей упал без сил.

– Где же та жизнь, которую ты обещал нам? – едва шелея губами, спросил он у божества.

– Это она и есть. Вы просили справедливости, и познали её. Вы просили перемен – разве я не дал их вам?

– Мы же просили самую малость!..

– То, что я давал вам, и так валялось у самых ног.

– Ты просил слишком большую плату!..

– Вы платили её безропотно, хотя могли отказаться и вернуть назад.

– И что теперь стало с нами?..

– Вы удобрили почву и проросли молодыми деревьями. Иного способа переродиться нет, и никогда не было. Иные способы – это всего лишь искажение старого.

– За что ты так с нами?

– Вы сами обрекли себя на гибель, предпочтя покинуть родные дома, предпочтя поверить в нового Бога, и с лёгкостью отвернувшись от всего, что было таким важным раньше.

Голос стих. Мама неподвижно сидела на прежнем месте, а я, сжавшись от страха, невольно дождался продолжения этой жуткой истории.

– Что было дальше? – наконец, не выдержал я.

– Ничего, – послышался из темноты шелест листвы. – Возлагая на алтарь жертву, будь готов умереть в одиночестве.

Фигура наклонилась ближе, из мглы проступили очертания бледного, словно мел, лица:

– Нет никакого Бога-из-Леса, так же, как нет Бога-из-Города. Есть нежелание человека самому справляться со своими проблемами... Есть тёмная половина его души, готовая отдать всё и ничего не получить взамен.

Гладкое, словно гипсовая маска, лицо пошло рябью. До боли знакомые и не единожды виданные в зеркалах черты лица покрылись паутиной трещин. Лопнула скорлупа, расчерк чересчур широкой улыбки разделил лицо на две половины. Нижняя – свитая из корней и веток, усеянная пожухлыми листьями и палой хвоей. Верхняя – покрытая шерстью и пахнущая бетонной пылью. А посередине – два ряда хищных зубов, на которых всё ещё угадывались следы запёкшейся крови принесённых жертв.

Я закричал, заслоняясь руками от смотрящей из темноты твари, в которой без труда различал собственные черты.

– Нет вещи, равной по значению чужой жизни, Густав! И нет жизни, более значимой, чем другая жизнь!..

– Живой!.. – донёсся гундосый голос. – В рубашке родился!

Я резко распахнул глаза, и попытался вскочить на ноги, но тут же упал обратно, судорожно вдыхая воздух. Голова закружилась, и, если бы не жгучая боль, прострелившая рёбра – я непременно потерял бы сознание.

– Лежи, не вставай! – кто-то надавил на плечо, но кто именно – я никак не мог рассмотреть.

Голову словно запихнули в мешок, глаза закрыли мутные кругляши стекла, запотевающего от каждого выдоха. Руки в неуклюжих жёстких перчатках потянулись к неудобной маске, пытаюсь стащить её с головы, но неизвестный тут же оттолкнул их.

– Даже не думай! Слышишь?

Мне ничего не оставалось, кроме как покорно кивнуть. Оглядевшись по сторонам, различил лежащую на боку бронемашину. Люк, ведущий в кабину, распахнут, трава вокруг примята. Смутное понимание происходящего коснулось сознания, но этого лёгкого прикосновения хватило, чтобы меня

бросило в холодный пот. Я резко повернулся в сторону гундосого...

Это не Крюгер... Скорее, похож на мёртвого водителя, найденного в машине. Такой же нелепый защитный костюм серого цвета, сварочные очки, странный фильтр маски, больше напоминающий обрезанный под корень хобот. Осторожно ощупав тело, я понял, что и на мне надето то же самое... Что происходит?

– Закончили? Тащите их сюда!

– Даю ракету! – крикнул кто-то совсем рядом.

Раздался хлопок, и в небо ослепительной вспышкой унесся зелёный огонёк.

В поле зрения появилась ещё парочка людей, практически точных копий первого. Положив на землю самодельные носилки, они бесцеремонно погрузили меня и скорым шагом направились прочь от места аварии.

Напуганный и сбитый толку, я молчал, стараясь ненароком не выдать, кто я такой. Собственно, догадаться, что произошло, не составило труда. Крюгер успел переодеть меня в водителя, а сам ушёл. Другой вопрос – для чего? Ещё один – что делать дальше?

Кто эти люди и что делают в эпицентре Катаклизма? И почему они все облачены в эти дурацкие костюмы, больше напоминающие инвентарь со съёмок старого научно-фантастического фильма?

После короткой пробежки по лесу меня, наконец, вынесли на дорогу, к уже знакомой баррикаде. Вокруг валялись тела искажённых, тут и там сустились люди в защитной одежде. Носилки поднесли к тентованному грузовику.

– Принимай!

Из тёмного нутра показался ещё один человек. Приняв передние ручки, он затащил меня внутрь. Спустя пару минут в грузовик загрузилось ещё человек восемь. Не произнося ни слова, они расселись по лавкам вдоль бортов, кто-то постучал по стенке кабины и крикнул:

– Трогай!

Машина зарычала и, плавно набирая скорость, понесла меня в сторону центра бури, туда, где с неба спускался странный луч. Трясаясь и ударяясь о жёсткий пол, я мог думать лишь об одном – что произойдёт, когда незнакомцы догадаются заглянуть под маску?

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЕТ

рузовик мчался вперёд, но, то ли благодаря стараниям водителя, то ли из-за относительной ровности самой дороги, кузов не трясло. На поворотах носилки норовили соскользнуть в сторону, но всякий раз их поправляли люди в масках, сидящие по обе стороны от меня.

– Как малышка?

– Вроде в порядке. Потрёпана сильно, но на ходу. Пулемёта нет нифига, и на бок завалилась.

– Товарищ политрук, а где вы пулемёт-то умудрились профукать?

Воцарилась тишина, до меня не сразу дошло, что «политрук» – это я.

– Вырвало из рук, когда отстреливался.

От защитных костюмов исходило лёгкое синеватое сияние. Слабое, но достаточное, чтобы разглядеть детали в полумраке кузова. Абсолютно одинаковые, больше напоминающие космонавтов, мои попутчики отличались разве что намалёванными на куртках цифрами. Под относительно свежей краской угадывались очертания более длинных слов, видимо, фамилий, но они давным-давно обсыпались и стали неразборчивыми. Двое, сидящие у самого выхода, сжимали между коленями винтовки, у одного поперёк груди висела кобура с каким-то массивным пистолетом, возможно, ракетницей.

– А Лазарев где? – спросил кто-то со стороны кабины.

Я замешкался, проклиная любопытство этих ослов, но всё же переборол страх и, как можно гнусавее, ответил:

– Погиб.

Воцарилась тишина, нарушаемая лишь далёкими раскатами грома.

– А тоннель... – начал было другой, но его тут же прервали.

– Хватит к человеку приставать, он едва лапы не склеил, а вы «что», «почему», «как»!

Покивав, «космонавты» замолчали.

– Как думаете... – неуверенно начал некто с номером тридцать один на груди. – У нас всё получится?

– Конечно получится, – без задержки ответил ему другой, с номером четырнадцать.

– А если нет? Мы же не выполнили норму, даже половины деревьев не вырубил. Начнётся сезон дождей – собранных запасов не хватит надолго.

– Больше каркай.

– Стоило бы быть осмотрительней, – судя по раздосадованному голосу, у тридцать первого порядком наболело. – Когда вырубленного места не хватит, Директор...

– Делай своё дело, а Директор будет делать своё, – недовольно перебил его человек с пистолетом на груди.

– Да я ведь и пытаюсь! Зачем свернули лесоповал, мы бы ещё кольца два спилили! А поисковиков почему отозвали всех?

– Потому что домой уходим! Что тут непонятного?

– Это ещё не факт...

– Слушай, как мне тебя так заткнуть, что бы ты не обиделся? А?

Тридцать первый обиженно засопел, но замолчал. Компания разбилась на несколько групп, тихонько переговаривающихся каждая о своём, но вскоре по тенту кузова забарабанил дождь, и все разговоры смолкли. Приподняв голову, я посмотрел в сторону заднего борта. Сквозь раскачивающиеся края брезента, прикрывающие вход, виднелось широкое поле, усеянное выкорчеванными пнями и сложенными в аккуратные пачки

брёвнами. Далеко позади мелькала кромка леса, практически сливающаяся с зеленоватым небом. Стук дождя усилился, и вскоре стена ливня скрыла дорогу.

– Жрать хочу... – ни к кому толком не обращаясь, пробормотал «космонавт», вооружённый винтовкой.

– Ага-а-а... – задумчиво протянул второй. – Может, успеем к обеду.

– Чего там успевать? Приехали почти.

Пялился по сторонам я недолго – вскоре от неудобной позы устала шея, да и очки порядком ухудшали обзор. Воздух внутри маски пах потом и сыростью, но, кое-какие плюсы в костюме всё-таки были: он хорошо сохранял тепло, и не пропускал влагу. От чего именно он защищал, я категорически не понимал – жил всё это время без него, не загнулся от газа или радиации. Хотя, может быть, дело и не в них.

Пошарив по карманам, нащупал под ватником какой-то прямоугольник. На секунду задумался, пытаясь понять, что это, но вскоре вспомнил по сигаретную пачку, найденную в странной избе. Возникла безумная идея угостить своих попутчиков, но я вовремя сообразил, что для этого придётся расстёгивать ватник, да и покурить никто из-за масок не сможет.

Взгляд упал на сапоги. Ладные, крепкие, разве что порядком испачканные грязью... Дыхание перехватило, я, наконец, заметил, что все прочие вокруг обуты в совершенно иную обувь – нечто напоминающее высокие бахилы с надетыми поверх галошами.

Успокоиться, немедленно!

Либо по невнимательности, либо нарочно – никто не замечал этого отклонения от канонов местной моды. Сомневаюсь, что политический руководитель имел поблажки в этой сфере, хотя... Кто его знает... Важно другое – стоит выбраться под дождь, и налипшую грязь моментально смоем, делая сапоги ещё более заметными. Чёртов Крюгер...

Пока я мысленно метался, пытаюсь придумать выход из сложившейся ситуации – машина начала замедляться, пока совсем не остановилась. В кузов заглянула голова в маске. Быстро пробежав взглядом по пассажирам, она спросила:

– Сколько?

– Десять с водителем.

– Это кто?

– Политрук.

– Что с ним?

– Ездил тоннель взрывать, в дерево врезался, когда от абасы⁹⁸ тикал.

– Понятно, – кивнув, голова исчезла. – Открывай!

Сквозь шум мотора слышался скрип петель и скрежет деревянных створок. Грузовик тронулся, но вскоре вновь замер.

– К машине!

Лязгнули задвижки, откинув задний борт, «космонавты» один за другим выбрались наружу, последним вытащив меня. По правде говоря, оказавшись снаружи, я тут же пожалел, что меня никто не забыл в кузове – плотный прямой дождь лил с такой неистовой яростью, словно планировал за пару часов утопить всю планету.

– Где Лазарев? – сверху нависла ещё одна неотличимая от прочих морда.

– Погиб.

Человек тут же утратил ко мне интерес. Пересчитав прибывших, он махнул в сторону:

– Политрука в госпиталь, потом в столовую. Дальше по распорядку!

Фигура исчезла за пеленой дождя, а люди, заметно приободрившиеся после упоминания столовой, построились и пошли в обход машины. Меня же понесли в противоположном направлении. Пожалуй, не будь на мне маски – непременно захлебнулся бы. Хорошо, что ткань действительно оказалась водонепроницаемой, и даже обычный с виду ватник не спешил намокать.

⁹⁸ Абасы – злые духи в якутской мифологии, в некоторых легендах предстают в облике одноногих, одноруких и одноглазых чудовищ. Абасы подбивают на плохие поступки, в том числе преступления, посылают на них беды и болезни. Питаются душами людей и животных.

Из бурлящего занавеса вынырнуло одноэтажное здание с красноречивой табличкой «Лазарет». Прошлёпав по ступенькам, несущие меня парни распахнули дверь и зашли в едва освещённую прихожую.

– Кто? – из полумрака проступила худощавая фигура. Голос хриплый, едва слышимый сквозь дробь дождя.

– Политрук, в дерево врезался.

– Третий кабинет, – судя по белому фартуку и нарукавной повязке с изображением красного креста, нас встретил местный доктор.

Проводив процессию до нужного помещения, он помог переложить меня на стол, после чего жестом велел принёсшим меня парням убираться. Парочка исчезла так быстро, насколько это вообще было возможно, видимо, спешили на обед.

– На что жалуемся?

Несмотря на то, что всё это время я активно выстраивал в голове разговор с медперсоналом здешнего госпиталя, полутёмное помещение с единственным врачом выветрили из головы все планы. Словно замороженный, я пялился на склонившегося надо мною человека, не в силах выдать из себя ни слова.

– Контузия... – задумчиво пробормотал тот и чеканящим шагом прошествовал к столам, на которых в беспорядке валялись различные медикаменты.

– Нет, я в порядке! – поспешно выкрикнул я, приподнявшись.

По крайней мере, подумал, что выкрикнул. На самом деле едва слышно проблеял – лёгкое движение тут же отозвалось острой болью в боку. Застонав, я опустился обратно.

Плохо дело...

– Так! – голос врача приобрёл угрожающие нотки. – Если Вы, товарищ, считаете, что у меня много свободного времени и его не на что больше потратить, кроме как допытываться, от чего лечить неразговорчивого пациента!..

– Рёбра болят...

– Слева? Справа?

– Кажется, слева.

Я с ужасом замер, ожидая команды раздаться, но доктор лишь кивнул, вновь возвращаясь к столу. Какое-то время он шуршал чем-то, послышался звук разрываемого целлофана. Вернувшись, врач держал в руке одноразовый шприц, больше напоминающий тюбик краски. Рука в массивной перчатке легла на большой бок.

– Скажи, когда станет больно, – пальцы поочерёдно надавливали на разные участки кожи, пока не наткнулись на искомое.

Я вскрикнул, рефлекторно сжимаясь и пытаюсь оттолкнуть раздражитель, но врач даже не думал убирать руку. Продолжая надавливать на рану, он воткнул иглу в собственный бок, прямо сквозь одежду.

– Хорошо, теперь давай к камере.

Доктор кое-как дотащил меня до жуткого вида агрегата, вызывающего ассоциации с камерами криогенного сна из фантастических фильмов. В отличие от последних, устройство не было усеяно бурлящими трубками, из боков не торчали провода, а внутри не помигивала красивая подсветка – никакой футуристичной мишуры, просто большой гладкий цилиндр, выкрашенный белой краской. Врач распахнул дверцу и помог мне забраться в тёмное нутро камеры-гильзы. Шаркнул резиновый уплотнитель, люк закрылся, оставив меня в крошечной тьме.

Я абсолютно не понимал, что происходит, и какого лешего делает со мной этот идиот. Разве опытный врач не должен воочию посмотреть на повреждённое место? И зачем он сделал укол себе? Беспокойство усиливала теснота камеры и абсолютная тишина – не было слышно ни шума дождя, ни раскатов грома. Однако какой-то шум всё же появился... Едва заметный писк, такой невесомый, что в иных условиях заметить его было практически невозможно. Я внутренне напрягся, но минуты сменяли друг друга, а угроза всё не появлялась. Более того, вскоре писк исчез, а следом за этим распахнулась дверца.

– На выход.

Передо мною стоял всё тот же врач, всё в том же фартуке, но теперь он казался... подавленным, что ли... Спина сгорблена,

руки заметно подрагивают, а в голосе уже не слышно властных ноток, сменившихся смертельной усталостью и безразличием.

– Давай... иди...

Я сделал несколько шагов, ожидая новую вспышку боли, но ничего не ощутил. Ощупал повреждённое место, пытаюсь отыскать под ватником рану, но её там не было. Так, спокойно... Нельзя показывать удивление, нельзя!

– Спасибо.

– Иди уже! – отмахнулся доктор.

Сквозь какофонию ливня донеслись какие-то звуки. Со всем близко, буквально за самым окном кто-то играл на гармонии до боли знакомую мелодию.

Привалившись к столу, доктор перебирал медикаменты.

– Утомлённое со-о-олнце, нежно с морем проща-а-алось... В этот час... – едва слышно замурлыкал мужчина, но, словно спохватившись, тут же заорал во всю глотку. – Альберт!

Музыка моментально стихла.

– Проваливай! И без тебя тошно!

Дёрнувшись от выкрика, я вылетел из здания. Оказавшись под дождём, перевёл дыхание... Вот чёрт, везёт так везёт! Мало, что вылечил, можно сказать, бесконтактно, так ещё и сапоги не приметил! Теперь бы ещё понять, что делать дальше.

Боковое зрение выцепило какое-то движение. В сплошной стене ливня кто-то двигался, видимо, тот самый Альберт. Стараясь не упустить его из виду, я двинулся следом, в тайне надеясь, что тот выведет меня к здешней столовой – давным-давно опустевший живот начинал потихоньку ныть.

Посёлок оказался куда больше, чем мне представлялось. Вдоль улицы тянулись приземистые длинные здания с узкими окнами-бойницами, то и дело мимо пробегали люди в защитных костюмах, а один раз, грохоча по брусчатке нагруженным кузовом, проехал грузовик. Вдалеке различались очертания широкого шестиэтажного здания, вокруг которого царила особо оживлённая суета, а чуть правее виднелось нечто, напоминающее вездесущий памятник Ленину. Доковыляв до высокой каменной фигуры, Альберт вскарабкался на

постамент и, не обращая внимания на ливень, продолжил играть на гармонии. По улице потекла грустная мелодия Утёсова.

Некоторое время я в нерешительности наблюдал за чудакватым музыкантом. Морщинистые пальцы, больше напоминающие высушенные куриные лапки, ловко перебирали кнопки, а вот растягивать меха у человека получалось куда хуже. В отличие от всех прочих встреченных здесь людей, Альберт не носил ни шлема, ни бахил, предпочтя нелепого вида панаму и резиновые тапочки, из которых выглядывали голые ноги. Лицо наполовину закрывали бинты, уже изрядно промокшие, как и все прочие элементы его одежды.

Знакомая с детства мелодия, услышанная в этом странном и чуждом месте, подействовала самым неожиданным образом. Внезапно осмелев, я подошёл ближе.

– Привет, Альберт! – как можно более дружелюбно поздоровался я. – Ты чего мокнешь?

На секунду меха замерли, музыка оборвалась. Подняв на меня выцветшие от старости глаза, музыкант коротко хихикнул.

– Пошли? Перекусим? Не ровен час, заболеешь ещё, ливень-то какой!

При слове «перекусим» Альберт заметно оживился. Соскочив с постамента, он зашлёпал дальше по улице. Я хотел было поспешить за ним, но ненароком глянул вверх, на мужчину, увековеченного в камне. Вопреки ожиданиям, это был не Владимир Ильич, хотя поза – один в один. Капли дождя стекали с растрёпанных волос на плечи свитера, из горла которого выглядывал воротник рубашки. Брови приподняты, над скромной улыбкой нависает щёточка неухоженных усов, вокруг глаз кожу испещрили глубокие морщины. Словно извиняясь за свой неопрятный вид, человек улыбался, хотя это выражение лица легко можно было перепутать со снисходительностью, на которую, к слову, у старика были все основания. Это был Эйнштейн, собственной персоной...

– Ну надо же... – пробормотал я.

Не скажу, что любил физику в школе, но вот теориями этого научного гения какое-то время увлекался. По крайней мере, пытался увлекаться – из прочитанного на тот момент я понял разве что предлоги и нумерацию глав.

Спохватившись, бросился вдогонку отдаляющемуся музыканту, который весело топал по лужам в направлении высокого здания.

Полубезумный Альберт привёл меня на центральную площадь. Вокруг сновали «космонавты»: одни забегали в вытянутые бараки, другие, вооружённые винтовками, строились небольшими группами и устремлялись выше по улице. Особое столпотворение царило у трибуны, расположенной недалеко от входа в многоэтажку. Собравшиеся там люди что-то громко обсуждали, то и дело переходя на крики.

Окинув взглядом здание, я восторженно присвистнул. Больше всего оно напоминало крепость: усиленное каменной кладкой основание, монолитные стены с узкими окнами, зубчатая крыша, на которой угадывались очертания высокой башенки. Не хватало только рва с крокодилами и подвесного моста. Сама столовая располагалась на первом этаже этого колосса, и я, стараясь выглядеть как можно более уверенно, направился в его сторону.

Не успел... По площади прокатился металлический звон, усиленный громкоговорителем.

– Общее построение! – пророкотал голос. – Внимание, всем свободным от смен, общее построение!

Снующие туда-сюда «космонавты» засуетились ещё больше, но бестолковость их движений оказалась обманчивой. Спустя пару мгновений на площади уже стояли две аккуратно построившиеся роты, остальные продолжали стекаться с прилегающих улиц.

– Семёныч!.. – позвал кто-то, но во всеобщей суматохе я не придал выкрику никакого внимания. – Политрук, твою мать!

Развернувшись на голос, увидел призывно машущего с трибуны человека с цифрой один на груди. Видимо, перекусить не выйдет. Может быть, оно и к лучшему. Фиг его знает, как они едят, наверняка же снимают маски, а мне сейчас это противопоказано. Но попытаться следовало.

– Как? Живой? – строго спросил полноватый мужчина, видимо, местная шишка.

Я кивнул.

– А с голосом что?

– Простыл, ничего серьёзного.

– Ну вот и славно, сейчас будем с тобой воспитательную работу проводить... Эй, Манчжурин, как у вас там? По плану?

– Так точно, сигнал устойчивый! Настраиваем оборудование, мощности недостаточно!

– А шлюз как, работает?

– Энергии мало, не проверяли.

Голову наполнили самые нехорошие предчувствия. За всей этой кутерьмой я умудрился позабыть о главном – надвигающемся с неба луче. Задрав голову вверх, без труда различил сияние незнакомого цвета, казалось, до него осталось всего ничего, рукой подать.

Так... Стоп!.. Что значит, «будем с тобой воспитательную работу проводить»?!

Мысль ретироваться куда-нибудь пришла слишком поздно. Как выяснилось, трибуна оказалась не совсем трибуной, а гигантских размеров устройством, усиливающим голос – никаких микрофонов или рупоров видно не было, однако толстоватый мужчина взревел на весь городок:

– Становись!

Оказавшись прямо перед динамиком, я содрогнулся от звуковой волны. Голова моментально закружилась, я поспешил убратъся в сторону. Благо, рядом стояло ещё несколько «космонавтов», и у меня была возможность повторять все движения за ними.

– Становись! Равняйся! – голос заметно искажался устройством, терял в качестве, хотя, виной тому мог быть ливень. – Смирно!

Быть может, я что-то не понимаю, но зачем включать электрическую аппаратуру во время дождя, да ещё и держать под ним подчинённых?

– Товарищи!.. – толстяк замолчал, растеряно глядя на промокшие бумажки, лежащие перед ним. Секунда тянулась за секундой, сопровождаемые тщетными попытками разобрать что-либо в растёкшихся по листкам чернилам, но затем, словно опомнившись, он скомкал их и отшвырнул в сторону. – Товарищи! Мне не нужны эти треклятые писульки, чтобы разговаривать с вами! Я знаю каждого! Каждого, кто стоит сейчас на этой площади! Каждого, кто всё ещё находится в лесу! Каждого солдата на стене, каждого повара в столовой, каждого лесоруба и поисковика! Я был... Нет!.. Вы были со мной все эти годы! Со дня, когда совхоз имени Ленина оказался в этом месте, и поныне, когда мы, наконец-то, уходим домой! Я помню ужас первых дней, потому что я боялся вместе с вами! Я помню каждого, кто не дожил до сегодняшнего дня! Леонтьев, Петров, Малин!..

Чёрт, он действительно их помнил. Над толпой проносилась фамилия за фамилией, список смертей был настолько большим, что мне стало не по себе.

– Трубников!.. Кто-то погиб в лесу, от рук абасы, кто-то на вырубке под падающими деревьями, а кто-то – в этих стенах, во время неудавшегося бунта Шмидта. Я скорблю по каждому павшему товарищу, и я благодарен им, ведь мы стоим здесь не только из-за собственного упорства, но и благодаря их самоотверженности! – мужчина громко выдохнул, словно набирая воздух перед нырком. – Это были долгие двадцать лет... Страх, отчаяние, голод, изматывающее ощущение опасности, наблюдающей из-за деревьев. Каждый из нас видел ТАМ столько, что впору сойти с ума! НО МЫ ВЫСТОЯЛИ! Двадцать лет ужаса? Ерунда, мы соблюдали дисциплину и учились оставаться твёрдыми, чтобы ни происходило! Двадцать лет отчаяния? Чушь, мы продолжили завещанные нам исследования, проторили дорожку в будущее, изучили ЭМИ лучше, чем кто бы то ни был! Двадцать лет голода? К чёрту! Мы использовали лес против самого себя,

добывали в нём пропитание, ели опилки, изучали флору и фауну, культивировали новые, более выносливые сорта! Двадцать лет опасности! День за днём мы совершали подвиги!

Громыкнуло так, что собравшиеся рефлекторно пригнулись, однако сам оратор даже не дёрнулся. Последовавшая за ударом молнии серия далёких взрывов сотрясла землю, и дождь, словно подстёгнутый ей, усилил натиск.

– Но сегодня настал день, когда мы вернёмся домой! Двадцать лет подошли к концу, остался один единственный рывок. Самый сложный и самый долгий, и я прошу вас, не как директор, а как друг и соратник! Прошу выстоять перед тем, что нас ждёт за этим дождём! Политрук! Подойди!

Неуклюжая, но пылкая речь директора произвела на меня завораживающее впечатление. Несмотря на то, что я был здесь чужим, откуда-то из глубины накатило ощущение единения с этими людьми. Двадцать лет... Подумать только... Сколько я здесь? День? Два? Не знаю, время смешалось в кашу, и не всегда понятно, что из происходящего было реально, а что – нет. А эти люди выдержали, мать его, двадцать лет? Откуда, из какого времени? Из какой эпохи? Как оказались здесь? Всё это неважно, главное – они выстояли перед всеми трудностями... Подхватив эту мысль, я шагнул к трибуне и продолжил уже вслух:

– Двадцать лет подошли к концу, и вы выжили. Грань безумия была настолько близка, что вы заглянули в её бездонную пропасть и увидели там то, чего никто и никогда не видел. Заглянули... и удержались! Посмотрите вокруг, на стоящих рядом с вами... Видите? Это ваши боевые братья, самые близкие друзья и единственные родные люди в лесу. Возможно, двадцать лет назад вы ненавидели кого-то из них, кому-то завидовали... Но теперь всё это неважно! – на душе стало так тоскливо, что я едва сдержал рвущийся из глотки стон. – Беда сплотила вас! Закалила! Превратила вашу плоть в сталь! СТАЛЬ!

Неожиданно для меня, толпа подхватила крик и в едином порыве закричала:

– СТАЛЬ!

– Кто-то убивает, чтобы выжить. Перерождается в чудовище, добровольно сгорев дотла! Вы же сплотились ради общего блага! Встали плотными рядами на пути опасности и выстояли, защищая друг друга! Вы не перерождались и не сгорали в огне, потому что рядом были те, кто вовремя сбивал пламя! Пусть вы и превратились, но далеко не в чудовищ! Вы превратились... В СТАЛЬ!

– СТАЛЬ! – сжатые кулаки взметнулись вверх, единым порывом нанося ужасающий апперкот ливню.

Небо покачнулось, загромыхало молниями. Где-то в лесу послышались новые серии взрывов.

– Абасы идут! – по городу прокатилось оглушительное металлическое бречение, отдалённо напоминающее звон тругольника, каким в мультиках созывают на обед.

Никто не шелохнулся с места, продолжая пожирать меня глазами, не видимыми, но ощущаемыми за тёмными стёклами очков. Молчавший до этого директор сделал шаг вперёд и положил руку мне на плечо:

– Я не вправе обещать, что до конца дойдут все. Нет. Сегодня мы будем драться, как никогда раньше! Сегодня мы покажем лесу, чему научились за долгие двадцать лет изгнания! Сегодня совхоз имени Ленина окропит... Нет, не кровь! А расплавленная!..

– СТАЛЬ! – это была уже не толпа, а один монолитный организм.

– СТАЛЬ! – десятки коротких выкриков, соединяющихся в голос единственно верного бога.

Не Бога-из-Леса и не Бога-из-Города, а Бога-из-Человека, потому что единственный, кто властен над судьбой людей – это сами люди, а всё прочее – лишь отголоски неконтролируемого страха. В поисках покоя я сунулся туда, куда лезть не стоило. Сам себя загнал в ловушку, сам себя ожесточил... С одной стороны – рыщущий среди деревьев зверь, а с другой – боящийся заглянуть вглубь самого себя человек... Но я больше не собирался быть передатчиком.

Над площадью продолжало нестись одно и то же слово:

– СТАЛЬ! СТАЛЬ! СТАЛЬ!

Но сам я уже не испытывал воодушевления, потому что единственное, что осталось у меня в душе – это чувство стыда. Я скорбел по погибшим в лесу: по Зое, по Дрону, по Борисовым, по военным, – по всем тем, кого воспринимал врагами. Наконец-то, я осознал, что настоящее уединение и покой скрываются не в одиночестве, к которому так тяготел всё это время, а в компании друзей. Именно за ними я пошёл «перерождаться». Пусть и не нашёл рай, но зато соединил пазл собственной души, всё это время разбитой на море предрассудков и страхов.

– СТАЛЬ! СТАЛЬ! СТАЛЬ!

Я не заслуживал быть среди этих людей. Я не в праве вдохновлять их на подвиги, но именно здесь я и хочу быть. Пусть же всё произошедшее не будет напрасным, таково моё последнее желание.

– СТАЛЬ! – закричал я во всю глотку.

– НА СТЕНЫ, ТОВАРИЩИ! СТОЯТЬ НАМЕРТВО!

И мы бросились вперёд, сквозь ливень и растворяющуюся в нём индивидуальность. Единый монолит, состоящий из десятков горящих сердец, и, впервые в жизни, я не ощущал себя одиноким.

По периметру совхоза высилась защитная стена, и мне хватило одного лишь взгляда, чтобы оценить весь фронт проделанных работ. Времени у здешних жителей, видимо, было в избытке, как, впрочем, и желания жить. Мощная, толстая, возведённая по всем правилам фортификации: бетон, камни, дерево, колючая проволока, куски автомобилей и ещё чёрт знает чего, – она защищала людей многие годы и готова была проделать это ещё раз. Хотя, перед разгорающимся в небе шквалом она была бессильна. Изумрудное сияние облаков сменилось алым. Прожилки, закрученные воронкой, пульсировали, словно наэлектризованные, а в центре разверзшегося над нами неба полыхал спасительный луч, нацеленный на многоэтажное здание.

Интуитивно я понимал, что обязан дожить до того момента, когда он достигнет земли.

Толпа разделилась на группы, разбегаясь по секторам линии обороны. У подъёмных лестниц стояли обычные школьные парты, подходя к ним, защитники получали винтовки и горсть патронов:

– Стрелять наверняка, беречь патроны! Стрелять наверняка, беречь...

Толпа вынесла меня прямо к столам. Солдат на выдаче тут же вручил неуклюжее, чересчур длинное оружие. Стоящий рядом с ним товарищ протянул руку, высыпая мне в ладонь боеприпасы.

– Стрелять наверняка!

Стараясь не проткнуть никого иглообразным штыком, прошлёпал по ступенькам, и вскоре передо мною предстали окрестности города. На километр, а может и больше, совхоз окружали торчащие из земли пеньки, когда-то бывшие частью леса. Со стороны чащи, едва угадываемой сквозь ливень, по земле полз багровый туман. Ровная дымка стелилась у самой земли, цеплялась лапами за вспученный дёрн, всё ближе и ближе подтягивая свою тушу к городу.

– Абасы! – истошно закричали на караульной башне центрального здания.

Лицо под маской сопрело и нестерпимо чесалось, то и дело я подносил руку к голове, но каждый раз лишь натыкался на плотную защитную ткань. Скинута бы этот мешок, вместе с неудобными очками, да нельзя. Сощурившись сквозь запотевшие стёкла, я вгляделся вдаль, и, наконец, различил их силуэты, прячущие за водяной пылью: много, несколько сотен, может даже тысяч! Стоят у самой кромки леса и пялятся на стены поблёскивающими глазами. Ущербные, искалеченные тела раскачиваются из стороны в сторону, словно в трансе.

Рука невольно сдвигала ложе винтовки, да так сильно, что заломило пальцы. Укрывшись за зубчатым мерлоном, я изготавился к стрельбе, но на спуск нажимать не спешил. Главная задача сейчас – выиграть время.

Слева и справа, последовав моему примеру, пристроились два «космонавта»: номер семьдесят восемь и уже знакомый четырнадцать, приехавший вместе со мной на грузовике.

– Здравия желаю, товарищ политрук, – усмехнулся он, передёргивая затвор. – Повоюем?

Я неожиданно обрадовался этому человеку, чьё лицо никогда не видел и с которым даже толком не разговаривал. Кивнул, принимая истинный смысл сказанного: «Вы не один, товарищ политрук».

Семьдесят восьмого колотило, и сперва я принял эту дрожь за страх, но вскоре разобрал шёпот бойца.

– Я вас всех перебью, сволочи. Всех до единого. Сожгу этот поганый лес и то, что в нём прячется, – каждое слово шипело кислотой ненависти, способной прожечь танковую броню.

Приподнявшись, я оглядел занимающих позиции солдат. Никто не суетился, не толкался и, уж тем более, не пытался дезертировать. Видимо, дезертиры перевелись за двадцать лет.

– Не стрелять, подготовиться к бою, не высовываться! – нёсся издали мощный бас Директора.

– Так и не успел поест, – неожиданно для самого себя сказал я.

Четырнадцатый глухо засмеялся:

– Ничего, на том свете куча жратвы! Мне сержант в учебке рассказывал!

– Настоящий коммунист не верит в загробный мир, – поддел его семьдесят восьмой, но тот лишь отмахнулся рукой.

– Да брось. Вспомни лучше про Кондрата, что с нами на БАМе⁹⁹ был!

Семьдесят восьмой на мгновение замер, после чего взорвался диким хохотом, граничащим с истерией.

– Млин... Я уже и забыл про него!..

По полю прокатился грохот, словно от близкого взрыва. Лес дёрнуло, как на зажёванной плёнке, и сквозь помехи проступили очертания облака пламени. Несколько деревьев разорвало в клочья, вместе со стоящими рядом с ними чудовищами. За первым

⁹⁹ БАМ – Байкало-Амурская железная дорога имени Ленинского комсомола – железная дорога в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, одна из крупнейших железнодорожных магистралей в мире.

взрывом последовали новые, реальность прогибалась под ними, натягивалась до состояния струны, но каждый раз вновь захлопывалась, пропустив в этот мир лишь часть пламени и осколков. Больше всего это напоминало наложенные друг на друга фильмы: один, например, Тарковского, с его долгими неподвижными панорамами природы, а другой – военный, предположим, Озёрова. Проступающие на плёнке кадры с масштабными боевыми действиями давили на природную меланхолию, прожигали в ней дыры, вот-вот норовя выйти на первый план.

– Что происходит? – не без ужаса прошептал я.

– Кто-то вспахивает наш лесочек на той стороне! – заулыбался семьдесят восьмой, с явным удовольствием глядя на разлетающихся искажённых.

– Видят, наверное, толпу в приборчики.

– Как бы они нас в эти приборчики не увидели, – ничего толком не поняв, отозвался я.

– Главное маску не снимай, они и не увидят.

Лес вспучился от колоссального огненного облака. Промокшие деревья заволокло пламенем, и казалось, что горел сам воздух, просачивающийся откуда-то из другой реальности. Небо озарила яркая вспышка молнии, от которой задрожали стены. Абасы, как по команде, двинулись вперёд.

– Приготовиться!.. – закричал Директор.

Разношёрстная толпа пестрела всеми цветами одежды: от камуфляжа, до модной кислоты. Некоторые монстры продолжали гореть, опалённые бушующим пламенем, затопившим чащу. С каждым шагом они ускорялись, всё вытекая и вытекая из потаённых пустот страшной чащи, и вот уже вырубка наполовину потонула под слоем абасы. Деревья за их спинами кричали человеческим голосом, когда из земли вырывались серые блоки зданий, а те, в свою очередь, стонали от взрывов.

Люди на стенах дрогнули, я почувствовал это физически, ощутил отголоски их растерянности и страха. Нас слишком мало, чтобы выстоять... Вместе со вспышками пламени, внутри меня зарождался пожар ненависти. Лютой, словно бешенный пёс, заходящийся лаем.

Здравствуй, Клёпа, ты вовремя...

Жар расползся по желудку, острыми иглами впился в глотку и пополз вверх. Оскаленная морда показалась из рта, опаяла воздух и в мгновение ока испаряя капли дождя:

– СТАЛЬ!

Ряды защитников покачнулись, вспыхнули обожжёнными сердцами и в ту же секунду подхватили крик:

– СТА-А-АЛЬ!

Искажённые, успевшие уже перейти на бег, преодолели половину пути, разделяющего их от оборонительных рубежей. Ковыляя, прихрамывая и толкаясь, они вгрызались взглядами в людей наверху.

– ОТКРЫТЬ ОГОНЬ!

Рывкнуло оружие, перекрывая топот тысяч ног. Я передёрнул затвор, прицелился в голову какого-то солдата, выстрелил. Тело опрокинуло на спину, но на место погибшего тут же встал другой монстр. Справа и слева хлётко били винтовки четырнадцатого и семьдесят восьмого. Сзади, с наблюдательной вышки, ударило нечто крупнокалиберное, разметавшее сразу нескольких врагов.

– МЫ СТАЛЬ! – заорал я, выцеливая новую жертву.

Палец подался назад, приклад впечатало в плечо.

Каждый выстрел находил цель, ни одна пуля не пролетала мимо, но живой прилив даже не думал редеть. В самом центре толпы, уже подобравшейся к основанию стены, что-то хлопнуло. Воздух подёрнуло, как во время жары, а потом вспыхнуло ослепительное пламя, за секунду выжигающее сотню квадратных метров живой силы. Тела чудовищ деформировало, ломало, выжигало изнутри, дождь окрасился красным акрилом. Искажённые падали замертво, но пустоты в их рядах тут же заполнялись новыми безумцами.

Семьдесят восьмой рычал, как оголодавший тигр. Четырнадцатый отчётливо скрипел зубами. Люди вокруг лязгали затворами, матерились, на чём свет стоит, но никто больше не замечал бесполезности сопротивления.

Первые ряды абасы уже начали подъём. Пальцы ловко цеплялись за малейшие неровности стены. Встав в полный рост, обороняющиеся вели огонь вертикально вниз.

– ЛЕЙ!

У невидимых с этой позиции ворот вниз полилось что-то чёрное, пенящееся от жара, видимо, смола. Попад под бурлящий поток, чудовища падали, бились в агонии, а по их телам ползли следующие. Тут и там чиркнуло несколько зажигалок. Плюющиеся каплями огня, занялись тряпки коктейлей Молотова. Бутылки улетали вниз маленькими звёздочками, а возвращались жаром огненных озёр, пожирающих свои жертвы.

Гарнизон совхоза имени Ленина решил пустить в ход все козыри.

Орудие на вышке ещё разок сотрясло воздух и замолкло. Видимо, подошли к концу боеприпасы, как, собственно, и у нас. Выстрелив в очередной раз, я дёрнул затвор, прицелился... Щелчок. Рука зашарила в кармане, но там было пусто. Чёрт...

– Патроны кончились!

Между зубцами-мерлонами показалась голова в обожжённой ушанке. Зверь внутри меня зарычал от бешенства, руки сами по себе ударили штыком винтовки. Гранёное лезвие вошло в кость, практически не встретив сопротивления, тело полетело вниз, но рядом уже забирались следующие отродья. Семьдесят восьмой бил прикладом, трескали кости, сминаемые мощными ударами. Один из падающих абасы выбросил вперёд руку и ухватил парня за ствол винтовки. Запоздало метнувшись к товарищу, я лишь зачерпнул руками воздух – не желая расставаться с оружием, боец полетел вниз, увлекаемый в бурлящую живую массу. На его место тут же встал другой, с номером пятьдесят на груди. Из висящих на поясе ножен с шелестом выбралась сабля. Острый клинок играючи перерубил горло ближайшего искажённого.

Мы не справлялись...

Дальше по стене оборону уже прорвали. Чудовищные создания сбрасывали обороняющихся, вгрызались в глотки, срывали защитные маски, продолжая один за другим переваливаться через

зубцы. Выстрелы отгremели, уступив сцену холодному оружию и штыковым ударам, но какими смелыми и отчаянными мы бы ни были – тягаться с чудовищами на равных не могли. Где-то неподалёку заиграла знакомая мелодия... Оттолкнув очередного противника, я обернулся на звук. Полубезумный Альберт стоял в самом центре сражения, руки растягивали меха гармони.

Утомлённое солнце

Нежно с морем прощалось,

В этот час ты призналась,

Что нет любви...

– Чётные номера, отступить к администрации, занять оборону! Нечётные, прикрывайте! – пронеслось по рядам, но командовал уже не Директор.

– Отходим, – дублировав команду, я нанёс ещё несколько колотых ударов по нападающим, но один, извернувшись, всё же умудрился вцепиться зубами в рукав.

Ткань не выдержала, вскрикнув, я выронил оружие. Подскочивший на помощь четырнадцатый одним чётким ударом раскроил череп обезумевшему искажённому.

– Давай, я прикрою! – крикнул он.

Сбегая по ступенькам, я обернулся, но четырнадцатого уже не было. Боец с саблей, нанеся несколько ударов, яростно заорал, но прыгнувший ему на спину абасы одним движением разорвал воину шею. Из артерии брызнула кровь, окропляя камни и без того покрасневшей стены. Приливная масса перевалила через стену, грозя затопить город.

– Отходим!..

Мимо пробегали люди, спешно отступая к следующему рубежу. Светящиеся ореолы блекли и угасали, а вслед за ними угасали и их обладатели, разрываемые на куски бесчисленными чудовищами. Помотав головой, я устремился за уцелевшими, буквально затылком ощущая несущихся сзади вал неприятелей. Послышался громкий скрежет, часть стены дрогнула, а потом обвалилась внутрь. В город хлынул поток монстров.

Администрация держалась. Тут и там из узких окон торчали винтовочные стволы, а с первого этажа короткими очередями бил пулемёт. До дверей оставалось метров пятьдесят, когда бегущий справа от меня человек поскользнулся на мокрой брусчатке.

Не раздумывая, я бросился назад и помог бедолаге подняться:

– Беги!

Посмотрел назад и тут же пожалел об этом. Тысячи искажённых уже прорвались внутрь и сейчас неслись вперёд, сметая препятствия, проламывая стены и разрывая на части настигнутых людей. Рывок!.. Пожалуй, быстрее я в своей жизни не бежал. Следом заскочило ещё несколько людей, после чего массивные двери захлопнулись, а в скобы опустились засовы.

Мне нужно оружие, срочно...

Немногочисленные выжившие вели огонь из бойниц, в центре помещения сидел знакомый уже врач, оказывающий первую помощь пострадавшим.

– Где Директор? – выкрикнул я. – Кто командует?

Никто не ответил, быть может, они даже не услышали меня из-за стучащей в ушах крови. Судорога сдавила пальцы на гашетках, короткие пулемётные очереди сменились захлёбывающимся лаем, расплавляющим стволы.

– Чёрт! – здание трянуло, словно от удара тараном.

Один из ближайших бойцов вскрикнул, опрокидываясь назад. К нему метнулся врач, но тут же замер: вместо лица у парня зияло кровавое месиво, из которого торчало несколько металлических осколков.

– В укрытие!

Неизвестные продолжали осыпая искажённых бомбами, но теперь мы находились чересчур близко к ним. Я подбежал к покойнику и с трудом вырвал у него из рук револьвер. Хотел было занять опустевшую позицию, но наверху что-то взорвалось, и часть потолка рухнула внутрь.

Помещение заволокло бетонной пылью. Оторвавшись от пола, я невидящим взглядом окинул столовую. В мутном мареве копошилось несколько уцелевших, с трудом поднимающихся на ноги.

– Вниз, все вниз. Шлюз заработал! – кашляя, один из них похромал к неприметному спуску, лишь чудом не оказавшемуся под завалом.

В разломе потолка блеснули белые глаза абасы. Подхватив одного из бесчувственных обороняющихся, я поковылял вслед за отступающими бойцами.

Пролёт за пролётом, мы углублялись в недра здания. Вокруг царил тьма, в которой тяжело дышали контуженные и раненные. Позади продолжала полыхать гроза. Громохвая тяжёлыми подошвами, по нашим следам неслись чудовища, и я, не оборачиваясь, два раза выстрелил на звук. Вспышки на долю секунды осветили узкий пролёт, уши заложило от грохота.

Вниз, вниз, вниз... Ещё глубже...

Наконец, лестница кончилась, и я вывалился на более-менее освещённую площадку. Над входом висела табличка с аббревиатурой «КПП», слева виднелось застеклённое окошко с узкой щелью для приёма пропусков. Спины выживших мелькали в полумраке коридора, уходящего вперёд. Я поковылял дальше, вдоль тускло помаргивающих ламп и переплетений кабелей. Под сапогами звякали стреляные гильзы и мелкий металлический сор.

Так продолжалось целую вечность, и когда я уже готов был сдаться и упасть, обрекая и себя, и контуженого парня на смерть, коридор упёрся в новую дверь. Даже не дверь, а массивные механические ворота, из-за которых махали руками прочие беглецы:

– Быстрее! Давай сюда!

Стоило перешагнуть через порог, как силы покинули меня. Тело начало падать, раненый товарищ выскользнул из рук, но и меня, и его тут же подхватили и повели дальше. Скрежеща шестернями, переборка за нашими спинами медленно затворилась.

– Всё будет хорошо, – успокаивающе бормотали рядом. – Мы возвращаемся домой.

Впереди маячило что-то яркое и тёплое. Белые лучи вспарывали воздух, стелились вдоль стен, и, касаясь бредущих по

коридору людей, переливались всеми цветами радуги. Щелчок, меня втащили в белоснежное помещение... Лаборатория?

– Идём домой, парни! – рассмеялся один из «космонавтов».

Посреди просторного помещения, заставленного разной аппаратурой, возвышалась огромная камера, чем-то напоминающая ту, в которой меня лечил здешний врач. С той разницей, что эта была наполовину прозрачной, позволяя наблюдать за происходящим внутри. Сквозь потолок в неё упирался луч неземного света, образуя внутри бурлящий и переливающийся клубок. Люди улыбались, я ощущал это даже сквозь маски. Стёкла очков поблёскивали в лучах надежды, которая была уже готова затухнуть, но теперь вспыхнула вновь. Я тоже улыбался, но ровно до тех пор, пока не опустил взгляд вниз...

Среди оборудования лежали тела в окровавленных халатах. Руки всё ещё сжимали какие-то приборы, тетради и ручки. Лица под респираторами удивлённые, глаза, не моргая, смотрели куда-то в сторону.

Я только начал открывать рот в попытке предупредить об опасности, когда в помещении прогрехотала автоматная очередь. Часть выживших тут же попадала, скошенная огнём, кое-кто бросился назад, но меткие выстрелы настигли и их.

Растерянно озираясь, я смотрел на покойников, устлавших пол вокруг, и ожидал собственного конца...

– Привет, Гус. Вот и встретились вновь.

Из-за какого-то массивного короба показался Крюгер, как и я, облачённый в защитный костюм работников совхоза. Маска отлетела в сторону, показавшееся из-под неё лицо улыбнулось мне, как старому другу.

– Это я ловко с сапогами придумал, да? Чтобы не шлёпнуть тебя случайно... Блин, по правде говоря, я ожидал худшего, а тут всего десяток тормозов, – с этими словами Антон подошёл ближе.

Ствол автомата приподнялся, ухнуло несколько выстрелов, каждый из которых пробивал голову лежащих. Отсоединив опустевший магазин, Крюгер заглянул в горловину и отшвырнул разряженное оружие:

– Ну что? Закончим начатое?

Он проковылял к широкой приборной панели и задумчиво посмотрел на неё.

Стянув с лица маску, я вдохнул стылый воздух подземной лаборатории. Пахло кровью, аммиаком и сгоревшим порохом. Нагнувшись, положил руку на грудь того парня, которого тащил по лестнице. Бедняга так и не успел прийти в себя.

– Зачем? – голос прозвучал тихо и хрипло, однако сама интонация была способна расплавить металл.

– Что зачем? – недоумённо обернулся Крюгер, с непониманием глядя на меня.

– Зачем ты убил их? – с каждым словом зверь внутри меня распрямлялся, вставая на задние лапы. – Они хотели вернуться домой.

– Исключено! Война всё спишет! – выкрикнул Антон, с силой ударяя по панели.

– Тварь! – сжимая кулаки, заорал я в ответ.

– Прямо сейчас мы решаем судьбу целого мира! Обесточить Катаклизм, перерезать все провода, взорвать адские установки, искалечившие миллионы жизней? Или войти в камеру, надеясь, что придут другие и разгребут дерьмо за тебя? Не знаю, как ты, но я свой выбор сделал. ГКВЧ должен быть уничтожен! Если для этого потребуется убить сотню, я сделаю это, потому что на кону куда больше, чем горстка полоумных отшельников! Либо помоги мне, либо не путайся...

Рывнул револьвер, обрывая слова Крюгера. Отшатнувшись, он схватился за живот, в глазах читались растерянность и удивление:

– Ты?..

Я выстрелил ещё раз. На этот раз пуля угодила в правое плечо. Тело кругнуло вокруг своей оси, Антон наконец-то рухнул на пол. Сквозь стоны прорывались гневные проклятия:

– Чёртов кретин... какого хрена ты вытворяешь?..

– Я возвращаюсь домой.

Подожёл ближе, револьверный ствол уставился в голову извивающемуся Крюгеру. Палец надавил на спуск, но оружие лишь беспомощно щёлкнуло. Впрочем, это было уже лишним, парень и без того умирал.

– Установка ещё активна?

– Пошёл ты!..

Значит активна. Хотя, оно и так видно по клубку света в камере. Вот оно, спасение! В паре шагов, стоит лишь протянуть руку! Разве что настораживает надпись: «Осторожно, электромагнитное излучение! Вход только в спецодежде!».

Оглядев помещение, я обнаружил у дальней стены нечто, вроде стеклянной колбы, с заключённым внутри массивным костюмом. Подойдя ближе, внимательно осмотрел находку: плотная оранжевая ткань поблёскивала металлом, плотно подогнанные пластины брони соединялись гофрированными перемычками. Рядом, в специальных крепежах покоились кислородные баллоны, глухой шлем с узкой смотровой щелью и футуристично выглядящее оружие.

Пискнула кнопка, стекло отошло в сторону. Сняв потрёпанный защитный костюм, я неожиданно нащупал в кармане пачку сигарет. Ухмыльнулся, закурил одну... Чёрт, то ещё сено! Горло зашлось кашлем.

Усталость последних дней накатила так неожиданно, что я чуть не взвыл. Саднили ладони, покрытые многочисленными ранами; спину то и дело простреливала боль; голова гудела от напряжения... Хотелось лечь на пол и перевести дух, но на это не было времени.

Пора...

Окурок полетел в сторону. Не без труда я облачился в скафандр, особенно намучавшись с креплениями шлема. Закончив, достал оружие: короткое, чересчур тяжёлое «нечто» с массивным аккумулятором, встроенным в приклад. Затвора видно не было, зато обнаружилась закрытая защитным колпачком кнопка. Стоило её нажать, как винтовка загудела, загорелся зелёный индикатор. Странно, что защитники не использовали её при обороне.

Громяхая подошвами, вернулся к камере. Луч света, кажется, стал ещё ярче. Динамик, встроенный в шлем, прохрипел голосом Крюгера:

– Ты обрёк мир на смерть!..

Я ничего не ответил. В голове не было ни одной мысли, ни одного слова, лишь невыносимая усталость. Дверь отошла в сторону, взревела сирена, моментально потерявшаяся в оглушительном писке, вырвавшемся из камеры.

Шаг, ещё один... Комок света распадается на части и обволакивает костюм, всё вокруг покрывается рябью помех, в которых исчезают шарящий по карманам Крюгер, лаборатория и трупы работников совхоза.

– В День Страшного суда мы не умрём, – шептал я расступившейся передо мною белой бездне. – Как фениксы, сгорев дотла, из пепла восстаём...

ЭПИЛОГ

пространство озарила ослепительно белая вспышка. Я рефлекторно попытался закрыть лицо ладонью, отстранился назад, но шлем отреагировал куда быстрее. Смотровая щель забрала затемнила бьющий со всех сторон свет. Настолько, что из белоснежного марева проступили детали: алые червеобразные росчерки, пересечения длинных лучей цвета янтаря и расплывающиеся медузообразные пятна. Мир непрерывно двигался, танцевал неподвластный человеческому разуму танец, сквозь мотивы которого то и дело проступали черты эталонного хаоса.

Вихрь прибавил обороты. С увеличением скорости оттенки темнели, пока не превращались в глубокий чёрный. Наступил момент, когда последние просветы исчезли, и пространство превратилось в непроглядную тьму. Ожил динамик, разражаясь какофонией скрежета и пронзительного писка. Я вскрикнул от пронзившей голову боли, но шлем опять не подвёл – устройство, издав щелчок, отключилось. Чернота приобрела классическое звуковое сопровождение – абсолютную тишину.

Стена мрака подёрнулась рябью и прогнулась внутрь. Чёрная плёнка лопнула, тело в считанные мгновения стало неподъёмным.

Из провала ко мне устремилось *нечто*. Чёрное на чёрном – я не видел и не слышал его, но ощущал скрежет армированной ткани защитного костюма. Незримые щупальца обвили тело, подобно удаву. Кожа онемела, я видел вырывающиеся изо рта клубы пара, и каждый новый вдох давался всё труднее.

Испугаться я не успел. *Нечто* рывком втянуло меня в своё чрево.

Рывком? Пожалуй, нет...

Скорость такая, что на короткий миг сознание покинуло меня, но в тот же момент я ударился головой обо что-то твёрдое. Ногу в месте ранения прострелила боль, а когда она прошла, я обнаружил себя лежащим на земле, более всего напоминающей лунный грунт. С той лишь разницей, что у поверхности спутника нет стольких углов и острых граней.

Где я?

Тяжело двигаться, то ли гравитация усилилась, то ли воздух приобрёл концентрацию киселя. Пошарив вокруг, я обнаружил чудом не потерявшееся оружие, и, опёршись на него, поднялся на ноги. Сознание повело в сторону, во рту появился металлический привкус, но я усилием воли остался стоять. Хватит беспамятства – судя по индикатору кислорода, размещённому в шлеме, времени у меня мало.

Лаборатория исчезла, на её место пришло что-то вроде пещеры. Подземелье? Если и так, то не самая худшая его часть – тёмно-серые стены мерцали гроздьями фосфоресцирующих кристаллов уже знакомого «незнакомого» цвета.

По гулкому помещению прокатился странный звук, заставивший винтовку принять позицию для стрельбы. Асинхронная вибрация, прерывающая сама себя. В поисках источника я озираясь по сторонам и, наконец, нашёл его. Одно из скоплений кристаллических наростов задрожало, грани расплылись, умножая свои копии, словно я принял на грудь изрядную порцию алкоголя. Вновь послышалась вибрация, въедливая и зудящая, вызывающая приступы чесотки.

Поющие камни, не иначе.

Не самый опасный враг из возможных.

В одной из стен обнаружился провал выхода, и я без лишних размышлений направился туда. Узкий проход убегал куда-то вверх под крутым углом. Благо, подошвы ботинок усеяны мелкими шипами.

То и дело из стен торчали кристаллы. Некоторые совсем маленькие, одиночные, другие же – массивные, занимающие почти всё пространство коридора. Пробираясь мимо одного такого скопления, я неосторожно задел острые грани. Камень издал пронзительный звук, так напоминающий человеческий выкрик, и тут же рассыпался в пыль, осевшую на рукав костюма. Чертыхнувшись, я попытался стряхнуть фосфоресцирующие пятнышки, усеявшие оранжевую ткань, но ничего не вышло.

Стоит быть осторожней.

Наконец, подземелье кончилось. Сломав по пути ещё парочку поющих камней, я выбрался на возвышенность. Вокруг были всё те же угловатые тёмно-серые камни, вот только теперь над ними нависало мрачное небо. Сквозь просветы чего-то, отдалённо напоминающего облака, проступали радужные пятна и чёрный круг местного солнца, опоясанный сиреневым кольцом. Затмение солнца, отражённое в плёнке бензина на воде.

Изредка в небе вспыхивали зелёные вспышки, в их свете то появлялись, то исчезали острые серые иглы, пронзающие небеса под всеми возможными углами.

Когда каменные монументы приходили в движение, я принимал это за оптическую иллюзию, вызванную мерцающим освещением...

Нет... Не может быть...

Может. Теперь-то я знаю, что возможно если не всё, то почти всё.

Колоссальные иглы двигались. Меняли углы и местоположение, рассыпались и соединялись вместе, уходили под землю, чтобы выбраться в совершенно другом месте. Чудовищное нагромождение ни на секунду не останавливалось, но испугало меня не это.

Грани колоссов усеивали маленькие жёлтые пятна, так напоминающие окна многоэтажных домов. Они то гасли, то загорались вновь... Блуждали по каменной поверхности, словно светлячки.

С каждой секундой кислорода в баллонах становилось всё меньше. Изю всех сил вглядываясь сквозь смотровую щель шлема, я пытался выцепить в этом хаосе малейший просвет! Что-нибудь, напоминающее безопасный проход, но ничего не находил...

Что же, придётся действовать по старинке.

Перекинув через шею винтовочный ремень, я трусцой побежал в сторону чёрного солнца... К бурлящим иглам сюрреалистичных зданий и, наверняка, затаившимся в их глубине жителям.

Весна 2018 – зима 2019

СОВ. СЕКРЕТНО

СССР
МИНИСТЕРСТВО
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ

СПЕЦОБЪЕКТ
НИЛ СН – 1

ТОВ. [REDACTED]

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

Исследования по направлению «Горизонт» проходят в соответствии с установленным планом работ. Согласно полученным результатам данное направление является приоритетным и, в случае успеха, откроет большие перспективы во многих военных и гражданских отраслях.

Согласно программе «Горизонт», ведутся исследования в области применения крайне высоких частот электромагнитного излучения (КВЧ ЭМИ):

- влияние частот различного диапазона на сельскохозяйственные растения и скот (Г-СХ);
- влияние частот различного диапазона на человека (Г-Ч);
- влияние частот различного диапазона на небиологические объекты различного состава и назначения (Г-НБО);
- совершенствование методов беспроводной передачи информации с целью повышения надёжности, защищённости и дальности действия (Г-С).

По программе Г-СХ были получены следующие результаты.

Испытания по применению КВЧ ЭМИ на базе [REDACTED] показали значительный прирост массы СХС (19-31% в зависимости от вида), а также увеличение массы (200-250%) и интенсивность фотосинтеза у СХР. Испытания на базе других объектов

██████████ продемонстрировали куда более низкие результаты: прирост массы СХС – 4-8%, увеличение массы СХР – 50-75%. Исследования не выявили возможных причин повышения эффективности КВЧ ЭМИ в ██████████, данный феномен не может быть объяснён в рамках существующих научных знаний и, с высокой степенью вероятности, носит природный характер. Данный вопрос продолжает активно разрабатываться, так же идёт поиск иных геопатогенных зон.

По программе Г-Ч были получены следующие результаты.

Испытания подтвердили, что многоаспектное воздействие КВЧ ЭМИ способно оказывать лечебное воздействие на ряд заболеваний различного происхождения, а также оказывать профилактический и иммунорезистентный эффект на организм человека. Улучшается микроциркуляция в тканях и репопуляционный потенциал стволовых клеток.

Испытания проводились на больных со следующими заболеваниями:

- грипп и ОРЗ (положительно);
- сердечно-сосудистые заболевания (положительно);
- нарушения гемоиммунопозза (положительно);
- психические патологии (отрицательно, резкое ухудшение состояния испытуемых).

Помимо этого, были обнаружены противовоспалительное и противоболевое воздействие КВЧ ЭМИ.

В настоящий момент идёт изучение возможности оказания терапевтической помощи на расстоянии, что ещё больше расширит область применения КВЧ ЭМИ. Основным направлением разработки выступает дистанционная медицинская помощь во время военно-полевых и спасательных операций.

По программе Г-НБО на сегодняшний день значимых результатов не получено. Ряд старших научных руководителей ██████████ считает, что для увеличения темпов производимых работ целесообразно соединить Г-НБО с Г-С.

По программе Г-С были получены следующие результаты.

После проведения ряда исследований и присоединения к программе [REDACTED], рассматривается возможность создания установки, использующей КВЧ ЭМИ для беспроводной передачи информации. Для создания установки планируется использовать усовершенствованные магнетроны ГСВ-2ЭМ и ещё не прибывший в НИЛ СН – 1 «Объект-А». Учитывая прошлый опыт его применения, а также произведённые расчёты, предполагающие его использование для преобразования КВЧ ЭМИ, невозможно объяснить принципы работы и происхождения «Объекта-А». На данном этапе технологического развития также полностью исключается возможность создания его аналогов.

Уже сейчас можно прогнозировать большую эффективность данной установки по сравнению с имеющимися средствами связи:

- расстояние прямой передачи не менее 300 км;
- увеличение энергопотребления, массы и габаритов устройства передачи и значительное уменьшение аналогичных параметров устройства в точке приема;
- увеличение стабильности и защищённости сигнала;
- функциональная независимость установки от высоты подвеса антенн.

Все результаты исследований по направлению «Горизонт» представлены на момент [REDACTED]. Личный состав испытывает воодушевление, трудится добросовестно, в связи с чем предлагаю поощрить ряд военнослужащих и научных сотрудников, список которых представлен в отдельном письме.

Командир 39-й
отдельной роты МГБ особого назначения
майор [REDACTED]

СОВ. СЕКРЕТНО

СССР
МИНИСТЕРСТВО
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ

СПЕЦОБЪЕКТ
НИЛ СН – 1

ТОВ. [REDACTED]

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

Исследования по направлению «Горизонт» проходят в соответствии с установленным планом работ.

В рамках программы Г-Ч проведён ряд исследований гипервысоких частот ИК-излучения, целью которых являлось эффективное оказание дистанционной медицинской помощи. По результатам испытаний [REDACTED] старшим научным сотрудником [REDACTED], руководящим программой Г-Ч, был спроектирован и изготовлен прибор С-1. Используя данный прибор удалось достигнуть следующих результатов:

- 15-23% увеличение регенерирующих способностей кожных покровов у испытуемых с ожогами различной степени тяжести;
- 53-78% ускорение свёртываемости крови у испытуемых с пулевыми и осколочными ранениями различной степени тяжести;
- 22-31% ускорение заживления открытых переломов и 16-18% – закрытых;
- эффективное противодействие боевым отравляющим веществам общедовитого, кожно-нарывного и удушающего действия. Нервнопаралитические ОВ полностью нивелируют применение КВЧ ЭМИ. Противодействие психохимическим ОВ признано неудовлетворительным.
- снижение болевой чувствительности на 40-50% у всех испытуемых.

Отдел Г-НБО, согласно приказу [REDACTED], упразднён. Личный состав и оборудование переданы в отдел Г-С. В связи с этим удалось раньше срока изготовить экспериментальную установку ГКВЧ-1Э конструкции [REDACTED].

В период с [REDACTED] по [REDACTED] был проведён ряд испытаний, признанных неудачными:

- минимально стабильный сигнал получен на расстоянии 120 км;

- при увеличении расстояния передачи КВЧ ЭМИ энергопотребление превышает возможности НИЛ СН-1;

- мобильность принимающего оборудования признана неудовлетворительной для эффективного полевого применения;

- ГКВЧ-1Э испускает излучение, оказывающее негативное влияние на работоспособность обслуживающего персонала. Обнаружены следующие симптомы: обострение хронических заболеваний, угнетение нервной системы, образование злокачественных опухолей, резкое ухудшение психического состояния. У [REDACTED] и [REDACTED], не имевших непосредственного контакта с установкой, начались преждевременные роды, дети оказались нежизнеспособными. Костюмы РХБ-защиты признаны неэффективными. Разработан опытный образец защитного костюма ПЧЗК, способный обеспечить 60-75% защиту от негативного воздействия КВЧ ЭМИ.

- защищённость передаваемой информации признана неудовлетворительной. При передаче обнаружено критическое искажение сигнала. При декодировании наблюдается полное изменение текстовых сообщений. Часть сигналов не поддаются дешифровке из-за неизвестного способа кодирования. При передаче голосовых сообщений обнаружено искажение голоса оператора и длительная задержка в получении сигнала (до 2 часов);

- удалось достичь прогнозируемых результатов независимо от стабильности сигнала и дальности передачи от высоты подвеса антенн. При нахождении ГКВЧ-1Э ниже уровня земной поверхности и изменения частоты на Р-диапазон наблюдается незначительное улучшение сигнала.

С [] и [] была произведена модернизация ГКВЧ-1Э в версию 2Э с интеграцией прибора С-1 в «Объект-А».

В результате контрольного испытания открыта ранее неизвестная область применения установки. После включения ГКВЧ-2Э передающий оператор [] в течение 3 минут 25 секунд отсутствовал в «Камере А», после чего был обнаружен в «Камере Б». Местонахождение принимающего оператора [] не установлено, поисковые мероприятия не дали результата. Оператор «Камеры А» имеет 35% повреждения ЦНС и 24% повреждения ВНС, 22% исчезновение различных элементов организма без повреждения кожных покровов, ряд психических отклонений. По результатам обследования признан частично жизнеспособным.

Согласно новым данным в ГКВЧ-2Э и уже имеющийся опытный образец защитного костюма рекомендуется внести ряд конструктивных изменений. Повторное испытание установки назначено на [].

Все результаты исследований по направлению «Горизонт» представлены на момент []. С целью повышения эффективности работы, а также сокращения сроков исполнения, предлагаю заменить часть личного состава: панически настроенных и распространяющих непроверенные слухи, получивших критические повреждения во время исследований, а также лиц с неудовлетворительным психическим здоровьем. Список данных лиц ([] военнослужащих и [] научных сотрудников) представлен в отдельном письме. Оператора «Камеры А» [] предлагаю наградить Орденом Трудового Красного Знамени и отправить на реабилитацию.

Командир 39-й
отдельной роты МГБ особого назначения
майор []

СОВ. СЕКРЕТНО

СССР
МИНИСТЕРСТВО
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ

СПЕЦОБЪЕКТ
НИЛ СН – 1

ТОВ. [REDACTED]

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

Исследования по программе Г-С, согласно приказу [REDACTED], принято считать приоритетными. Исследования Г-СХ и Г-Ч приостановлены, освободившееся оборудование и персонал направлены на работы в Г-С.

ГКВЧ-3Э успешно модифицирован, результаты проведённых тестов признаны удачными. Благодаря слаженному труду старших научных сотрудников [REDACTED] и [REDACTED] работы завершены раньше запланированных сроков.

Защитный костюм ПЧЗК-2 успешно модифицирован, результаты тестов продемонстрировали удовлетворительные результаты (78% экранирование КВЧ ЭМИ). По указанию [REDACTED] ПЧЗК-2 снабжён аппаратом с замкнутым циклом дыхания и армированными элементами, обеспечивающими дополнительную защиту от возможных физических повреждений. Внесённые изменения на 40% снизили подвижность носителя. ПЧЗК-2 обеспечивает 2 часа непрерывной работы с установкой ГКВЧ-3Э, превышение этого показателя приводит к аккумуляции излучения и ухудшению состояния испытуемого. Был обнаружен ранее неизвестный эффект – по мере разрушения нервной системы испытуемого уменьшается негативное воздействие КВЧ ЭМИ.

██████████ проведены испытания ГКВЧ-ЗЭ. Через 7 минут после начала эксперимента в зоне приёма началось непредвиденное атмосферное явление (гроза), вызвавшее перебои в работе. Из-за невозможности установить связь не удалось вовремя прекратить эксперимент. В момент перемещения испытуемого из «Камеры А» в «Камеру Б» произошёл критический сбой. По прошествии 4 часов испытуемый так и не появился в «Камере Б». Поисковые мероприятия в радиусе 10 км от точки приёма не дали никаких результатов.

Ещё через полтора часа в ██████████ сотрудниками программы Г-СХ был обнаружен не поддающийся идентификации человек, назвавшийся ██████████. Согласно проведённому анализу крови удалось выяснить, что субъект состоит в родстве с исчезнувшим испытуемым. Никаких иных данных по его личности не установлено.

После осмотра у человека выявлены многочисленные ранения:

- повреждения ЦНС;
- неровно сросшиеся переломы правых восьмого и седьмого рёбер;
- не поддающаяся идентификации рана на бедре, возможно химический ожог, поверхность покрыта кристаллическим налётом, удаление кристаллов вызывает сильную боль, но не вызывает повреждений организма (поправка, визуально не вызывает повреждений организма);
- ступни, ногти и пальцы покрыты грибком, классификации не поддаётся, ногти отсутствуют;
- на руках многочисленные следы порезов и ссадин, кожа воспалена и покрыта кристаллическим налётом меньшего, по сравнению с раной на бедре, размера;
- нос сломан, лицо частично обожжено;
- организм истощён, нервный срыв и длительный психоз.

При нём обнаружены следующие предметы:

- защитный костюм, являющийся усовершенствованным ПЧЗК-2;

– пачка сигарет «Пегас» с десятью сигаретами внутри, дата изготовления, указанная на упаковке, не поддаётся объяснению, возможна фальсификация;

– элемент питания неизвестного предназначения;

– служебные записки НИЛ СН – 1, адресованные тов. [REDACTED] (неизвестно, оригиналы или искусные копии).

После ряда допросов было признано, что [REDACTED] страдает рядом психических отклонений. Полученная от него информация признана ненадёжной и не будет учитываться в дальнейших исследованиях. [REDACTED] обвинён в шпионаже и попытке саботировать работу [REDACTED], что подтверждают обнаруженные при нём копии служебных записок по направлению «Горизонт». [REDACTED] приговорён к высшей мере наказания – смертной казни через расстрел. Приговор приведён в исполнение [REDACTED].

Испытания по перемещению признаны неудачными.

В связи со всем вышеперечисленным было принято провести контрольное испытание с размещением «Камеры Б» в [REDACTED]. [REDACTED], научный персонал и необходимое оборудование придут в [REDACTED]. Провести эксперимент планируется [REDACTED].

Командир 39-й
отдельной роты МГБ особого назначения
майор [REDACTED]

СОВ. СЕКРЕТНО

СССР
МИНИСТЕРСТВО
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ

СПЕЦОБЪЕКТ
НИЛ СН – 1

ТОВ. [REDACTED]

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

[REDACTED] «Камера Б», необходимое оборудование и персонал прибыли в [REDACTED]. [REDACTED] был проведён контрольный эксперимент.

Через 20 минут после начала эксперимента была потеряна связь с [REDACTED]. Через два часа в точку приёма прибыла спецгруппа под командованием ст. л-та [REDACTED]. На месте расположения [REDACTED] обнаружена воронка диаметром 2 км. Поисковые мероприятия не дали никаких результатов.

Последствия контрольного эксперимента не могут быть объяснены в рамках существующих научных знаний. КВЧ ЭМИ принято считать неподдающимися контролю и критически опасными для исследовательского персонала. Во избежание дальнейших непредвиденных ситуаций все программы направления «Горизонт» приказано заморозить, а имеющиеся опытные образцы, включая ГКВЧ-3Э, переправить в [REDACTED].

Исчезнувший во время контрольного эксперимента персонал принято считать погибшим.

ВрИО Командира 39-й
отдельной роты МГБ особого назначения
капитан [REDACTED]

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДРУГОЙ ГОРОД	5
Пролог	7
Глава первая. Возвращение домой	13
Глава вторая. Встреча	33
Глава третья. «Внимание, внимание!..»	55
Глава четвёртая. Долгая снежная ночь	83
Глава пятая. Зимняя война	113
Глава шестая. Уцелевшие	167
Глава седьмая. Ведомый	193
Спустя 13 часов... ..	207
Эпилог	210
 ДРУГОЙ ЛЕС	 215
Пролог	217
Глава первая. Фениксы	221
Глава вторая. Ливень	241
Глава третья. Молодая кровь	261
Глава четвёртая. Искажённые	275
Глава пятая. Зверь	303
Глава шестая. Точка невозврата	335
Глава седьмая. Старый друг	357
Глава восьмая. Плата за жизнь	385
Глава девятая. Двадцать лет	401
Эпилог	428
 Служебная записка #1	 432
Служебная записка #2	435
Служебная записка #3	438
Служебная записка #4	441

Литературно-художественное издание

18+

Андрей Викторович Ташендаль

КАТАКЛИЗМ

Часть I

Редактор: Александр Ухин
Технический редактор: Андрей Трудников
Дизайнер: Андрей Трудников

*Огромная благодарность всем,
кто помогал при написании данной книги, бы лучшие:*

Ольга Шебанова – консультант в области КВЧ ЭМИ.

Анна Клещ – автор стихотворения Густава, адресованного Зое, и перевода песни Dan Romer – We Will Rise Again.

Руслан Ерофеев – консультант в области журналистики.

Анатолий Темников – консультант в области пилотирования вертолѐта.

Светлана Николаева – перевод фраз финских военных на финский язык.

Олег Войнов – консультант в области военной топографии.

Моральная поддержка и вычитка:

Александр Ухин, Ольга Шебанова, Александр Селиванов, Алексей Лепихин.

**Данная книга ищет издателя
и/или**

**чтеца для создания аудиокниги
(с непосредственным участием автора)**

по всем вопросам обращаться:

vk.com/tashendal

kommuniaka@mail.ru